ИНСТИТУТ КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ

ПРОТИВ МЕХАНИСТИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

1 р. 20 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1930

Н. А. РУБАКИН.
EX LIBRIS
ДА
КНИГА
ОРУДИЕ
ЗА
ИСТИНУ
И

ИНСТИТУТ КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ

ПРОТИВ МЕХАНИСТИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

ДИСКУССИЯ В ИНСТИТУТЕ КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1930 ★ ЛЕНИНГРАД

С. З. Гиз № 40361.
Ленинградский Областлит № 63041.
15 л. Тираж 7000.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Публикуемый Институтом красной профессуры сборник представляет собой стенограмму дискуссии, разгоревшейся вокруг книги С. Дубровского «К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала».

По существу под этим академическим названием скрывается вопрос о характере и движущих силах предстоящих революций в ряде стран. Уже одно это обстоятельство сделало дискуссию настолько актуальной, вызвало такой интерес среди широких научных кругов, что Институт решил опубликовать дискуссию, тем более что в свете оживления буржуазной идеологии борьба за чистоту маркс-ленинского метода против той разновидности ревизионизма, которая получила у нас название механистической, является особо важной задачей революционных марксистов-ленинцев.

ДОКЛАД

МИНЦ, И.

Продолжающаяся довольно давно дискуссия позволяла нам надеяться, что мы уже вышли из того периода, который очень напоминает нравы эпохи церковного раскола, когда дискуссия считалась оконченной лишь после того, как один из спорящих в полном физическом истощении падал под стол, а другой торжествующе заявлял: «Перепрехом».

К сожалению, статьи, в которых был мобилизован соответствующий конкретный материал, еще не увидели света, к тому же общество историков-марксистов не успело пока опубликовать дискуссии, которая велась в стенах Комакадемии, поэтому мне придется очень часто обращаться к цитатам, уже приведенным в соответствующих статьях или докладах, и в этом отношении поневоле напомнить вам фонвизинского Кутейкина, повторявшего все время «зады» с Митрофанушкой. Это усложняет задачу, но обойтись без такого частого цитирования не удастся.

Историю, как впрочем и все науки, не составляют факты. Только тот метод, с помощью которого интерпретируются факты, и делает историю наукой. Это однако отнюдь не значит, что всякий метод объяснения является научным. Единственно научный метод объяснения есть только марксистский метод, но объяснение именно исторических фактов, — не одно голое их собирание и нанизывание, — только и позволяет говорить об истории как науке.

Но не это отличает историю как науку от других общественных наук. Факты политической экономии или, скажем, естественных наук, собранные буржуазными учеными, мы можем применить в своей практической политической жизни, — эти факты имеют для нас известное прикладное, практическое значение. Отбросив чуждое нам мировоззрение, мы можем использовать того или иного буржуазного экономиста и т. п., как узкого специалиста в непосредственном смысле этого слова. Использовали же мы таких специалистов, как Кутлер, в деле восстановления нашей кредитной системы, конечно не как кадета, — его кадетские взгляды зарегистрированы были в соответствующем отделе ГПУ, — а как узкого специалиста банковика, кредитчика, хорошо знающего факты экономической жизни. Работал у нас и Громан, до тех пор пока не вздумал по-своему объяснять те факты, с которыми он оперировал. К чему привела его попытка, вы, вероятно, знаете из недавней переписки на страницах «Правды» между ним и Рыковым.

Исторические факты не имеют такого прикладного практического

значения. Отсюда вовсе не следует, что они не имеют познавательного научного значения, но прикладного значения, в роде фактов экономических, они не имеют. Не повторим же мы Варфоломеевскую ночь или Пугачевщину, хотя ряд выводов, ряд уроков несомненно использовываем в своей конкретной политике, — для чего тогда и изучать историю?

Оставляя какого-нибудь буржуазного историка у себя на работе, мы тем самым оставляем его не только как собирателя конкретных исторических фактов, а оставляем со всем его мировоззрением, ибо только в таком случае он в праве называться историком. Не может же он восстанавливать и собирать конкретные факты, не пытаясь их объяснить?

С этой стороны любопытно проанализировать ту литературу, которую за последние месяцы выпускают работающие с нами буржуазные историки. Мы знаем, что акад. Любавский очень много лет сидел над вопросом колонизации великорусского центра, тщательно собрав и отметив пути этой колонизации. Все эти детали, требующие огромной работы, он нанес на специальную очень интересную карту, но, к сожалению, этим не ограничился, а выпустил книжку, [1] которая интерпретировала весь собранный материал, и тот, кто знаком с этой книжкой, должен будет сказать, что акад. Любавский не только повторил старую буржуазную схему, но отступил назад по сравнению с теми новыми достижениями, которые дала даже буржуазная школа в лице Ключевского.

Возьмем дальше «Летопись занятий археографической комиссии» за 1927 — 1928 гг., [2] в которой помещен ряд статей и в частности статья проф. Грекова. Когда Греков писал статью о декабристах, т. е. о проблеме, по которой имеются труды марксистов, он дал вполне удовлетворительное объяснение социально-экономическим предпосылкам движения, но как только он коснулся эпохи, где марксистская нога еще не ступала, — проф. Греков попытался интерпретировать материал, собранный Академией наук при Екатерине Великой, — то сразу же сделал шаг назад.

Еще любопытнее книжка, которая носит название «Общественно-экономического сборника». Она издана Ярославским педагогическим ин-том под редакцией местных профессоров Бочкарева и Полосина. К книжке приложен целый ряд анкет и тезисов к докладам, зачитанных редакторами Полосиным и Бочкаревым, либо их слушателями. Я не буду говорить о тематике этих работ, хотя это чрезвычайно характерно: будущим советским историкам преподносят то же, что 15 — 20 лет тому назад преподносили в старых университетах; «годы прошли, лик изменился земли», а историческая наука осталась все той же, что и в дореволюционную эпоху. Но одна группа тезисов обращает на себя особое внимание. На 13-м году существования Советской власти, спустя больше чем полувековое существование марксизма, вы читаете:

[1] *М. К. Любавский*, Образование основной государственной территории великорусской народности, изд. Акад. наук, 1929 г.

[2] Вып. 35, изд. Акад. наук, 1929 г.

«1) Историческая наука, подобно другим гуманитарным дисциплинам, не имеет своей специальной научной терминологии.

2) *Терминология, выработанная практикой, страдает неясностью и пестротой.*

3) Задача рационализации научно-исторического языка неразрешима, но, несмотря на это, необходимо его историко-семасиологическое изучение.

4) *Работы* Centre International de Synthèse и его Section historique (Paris) *заслуживают глубокого внимания и деятельной поддержки*». [1]

Вы подумайте! Марксистская терминология, по поводу которой даже буржуазная наука говорит, что к ней не подходит тривиальное положение—всякая, мол, терминология условна,—объявляется «неясной и пестрой», а нас отсылают к работам исторической секции, во главе которой, кстати сказать, немало русских эмигрантов. Вот откуда, оказывается, мы должны ждать света, который поможет нам выбраться из неразберихи, созданной марксистской «практикой».

Оставить буржуазных историков в науке, дать им возможность выступать — это значит тем самым дать им возможность открыто противопоставлять чуждую нам классовую схему, ибо без объяснения конкретной истории буржуазный историк не является историком.

Этим в частности и объясняется, почему в современный этап оживления классовой борьбы оживление буржуазных и мелкобуржуазных теорий сказалось особенно остро в исторической среде: люди не только сохранили свои старые взгляды, но вполне легально и открыто их проповедывали.

Вот почему перед нами стоит задача продолжать разоблачение классовой сущности каждой книжки, выходящей из-под пера немарксистского историка, вскрывать классовый характер той или иной книжки. Мы должны — и довольно часто, по поводу отдельных историков и даже целых групп — спрашивать : диктатура, где твой хлыст? Ибо новый этап нашего экономического развития, новая фаза нашей политики — ликвидация кулака как класса на основе массовой коллективизации — внесет новый раскол в среду наших «попутчиков». Вспомните хотя бы недавнюю историю с Академией наук! Мы по-новому должны будем подойти ко всем этим историкам и снова поставить перед ними вопрос: «Како веруеши?»

Но этого мало, и я думаю, что нам пора, — мы это, правда, и раньше делали, но сейчас это имеет особенно большое значение,— разоблаченным точкам зрения противопоставлять свою положительную революционно-марксистскую интерпретацию.

Противопоставлять, но как?

Это противопоставление требует от нас особой осторожности, особой четкости в пользовании марксистско-ленинским оружием, в особенности в данный момент, потому что любая ошибка, любая недоговоренность для враждебных нам классовых теорий может стать исходным пунктом для новой атаки или оборонительным рубежом, чтобы задержаться от нашей атаки.

---

[1] *И. Полосин*, К вопросу об исторической терминологии. Неоговоренный курсив всюду принадлежит мне. — *И. М.*

Я мог бы указать несколько случаев такого использования. Некритическое отношение к терминам «торговый капитал» и «торговля» привело к тому, что такой представитель буржуазной науки, как проф. Допш на конгрессе историков в Осло выступил с следующей чрезвычайно любопытной концепцией. Он нашел в VII в. н. э. несколько конкретных примеров широко развитой торговли и торжествующе говорит: Как видите, торговый капитал существовал еще в ту эпоху, и марксистская теория с ее сменой натуральных форм хозяйства меновой не выдерживает никакой критики!

Не буду говорить, насколько прав проф. Допш, приписывая нам, марксистам, деление всего исторического процесса на периоды натурального и менового хозяйства, — это свидетельствует лишь о теоретической «глубине» наших противников, — но этот пример показывает, как мы должны быть осторожны в вопросах терминологии.

Либо уже упомянутый мной сборник. Он может служить примером, как те старые одежды, которые мы сбрасываем в порядке самоочистки, подхватываются буквально за порогом Москвы и выдаются за новейшую теорию.

Но это противопоставление, а значит и углубление в вопросы, разрабатываемые буржуазными историками, имеет для нас и другое значение. Все помнят программу Коминтерна, тот раздел, в котором программа делит все страны мира по характеру предстоящих революций на 4 группы. Одна группа стран, в которых мы стоим перед социалистической революцией, группа стран, где мы стоим перед социалистической революцией с очень большими, нерешенными буржуазно-демократическими задачами, группа стран, где мы стоим перед буржуазно-демократической революцией, с той или иной скоростью перерастающей в революцию социалистическую, и, наконец, страны, которые совершенно не переживали капиталистического развития.

Огромное большинство стран сейчас переживает или изживает тот период, который у нас завершился только в Октябре. В целом ряде стран мы имеем огромное количество остатков феодализма, и для того, чтобы понять характер предстоящей революции и движущие силы этой революции, надо чрезвычайно тщательно изучать остатки феодализма. И не случайно, что наша дискуссия возникла как раз среди товарищей, занимающихся вопросами Востока: для вас не секрет, что дискуссия началась в Ассоциации востоковедения. Это обстоятельство подчеркивает, какое актуальное политическое значение имеет изучение проблемы феодализма, или, пока буду говорить условно, проблемы крепостничества. Это не значит, конечно, что я предлагаю приковать все наше внимание к этому вопросу. Попрежнему вся армия марксистов должна быть направлена на изучение эпохи империализма и социалистической революции, но довольно большой отряд придется уделить, чтобы занять и эту крепость и вышибить оттуда буржуазных историков.

С этой точки зрения — с точки зрения чистоты марксо-ленинского метода — книжка Дубровского имеет значительный интерес. Дубровский поставил большую и правильную политическую за-

дачу: разоблачить неверную троцкистскую установку в вопросе изучения Китая и Востока, разоблачить тех, кто отрицает существование феодализма на Востоке, прикрываясь при этом «торговым капитализмом» или «азиатским способом производства» и т. п.

Дубровский в известной степени справился с этой задачей, и в этом смысле его книжка, и в особенности та дискуссия, которая имела место в целом ряде научных обществ, принесла большие плоды в борьбе со всякого рода теориями «водоснабжения», надклассовости восточного государства и т. п. схемами, отрицающими феодализм в Китае или вообще на Востоке. Эту задачу он, по-моему, поставил правильно, хотя и здесь имеется ряд недостатков: Дубровский недостаточно резко подчеркнул характер землевладения в Азии, несомненно, отличающегося большой особенностью, — не зря ведь Маркс писал, что ключ к пониманию Востока лежит в азиатском землевладении, — и недостаточно остановился на роли водоснабжения, играющего такую выдающуюся роль в истории Востока.

Дубровский попытался не только разоблачить классовую суть немарксистских теорий, но противопоставить разоблаченной теории свою положительную схему. Но здесь он допустил целый ряд ошибок, в сумме своей отводящих Дубровского от той концепции, которая является революционной марксистской концепцией.

Начну с вопроса об общественно-экономических формациях. Этот вопрос для марксистской науки имеет огромнейшее значение, и любопытно, что всякий марксист, уходящий от нас, пересматривает свои взгляды в этом вопросе. Недавно переведена на русский язык книжка Кунова «История народного хозяйства». На 600 страницах, где приводится колоссальный конкретный исторический материал, Кунов ни слова не говорит о социально-экономических формациях, как будто для него не существует даже такой проблемы. Вы читаете десятки страниц скучнейшего описания того, как отдельные племена собирают червей, в какой посуде хранят их, но с каким обществом вы имеете дело, каковы характерные признаки этого общества, какова движущая сила его, — все это не существует для бывшего марксиста Кунова.

Марксизм именно тем и отличается в вопросе изучения общества от социологии буржуазной и мелко-буржуазной, что он выдвинул теорию социально-экономической формации. Буржуазные социологи все говорят об обществе *вообще*, об обществе *в целом*. Отсюда не следует, что буржуазные историки не пытаются периодизировать историческое развитие общества или отрицают развитие. Но в основу своей периодизации они кладут случайные признаки, случайные факторы, как развитие культуры и т. п., короче, все то, что мы характеризуем теорией критически мыслящих личностей. Марксизм же в своем учении о социально-экономических формациях впервые нашел тот объективный критерий, с помощью которого мы имеем возможность из всей истории вообще выделить отдельные исторические эпохи, или, как Ленин говорил, отдельные социальные организмы. С другой стороны, марксизм впервые представил нам исто-

рические процессы не как игру критически-мыслящей личности, а как «естественно-исторический» процесс. Именно этим отличается марксизм от остальных социологов в вопросе изучения общества.

Маркс не дал специального определения того, что он понимает под отдельной экономической эпохой или формацией. У него имеется целый ряд отдельных замечаний и определений, которые все можно было бы свести к двум группам, из которых одни дают общие определения социально-экономической формации, хотя бы то, которое делается во II томе «Капитала».

«Каковы бы ни были общественные формы производства, рабочие и средства производства всегда остаются его факторами. Но, находясь в состоянии отделения одни от других, и те и другие являются его факторами лишь в возможности. Для того чтобы вообще производить, они должны соединиться. *Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, различает отдельные экономические эпохи социальной структуры*». [1]

Маркс здесь подчеркивает характерный признак экономической эпохи в особом способе, с помощью которого рабочие и средства производства соединяются и тем самым становятся реальным фактором. Короче — выделяет способ производства как основу каждой отдельной экономической формации.

Таково общее определение, остающееся верным для любой формации — классовой или бесклассовой.

Но Маркс не ограничивается таким общим определением, он дает определение более конкретное, которое позволяет нам ближе нащупать отличительные черты той или иной эпохи. Это опять-таки известное вам место из «Генезиса капиталистической ренты»:

«*Та специфическая экономическая форма, в которой неоплаченный прибавочный труд высасывается из непосредственных производителей*, определяет отношение господства и подчинения, каковым оно вырастает непосредственно из самого производства, и в свою очередь оказывает на последнее определяющее обратное действие... *А на этом основана вся структура экономического общества, вырастающего из самых отношений производства, и вместе с тем его специфическая экономическая структура. Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям* — отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего, — *вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, сокровенную основу всего общественного строя*, а следовательно и политической формы отношений суверенитета и зависимости, — короче, всякой данной специфической формы государства». [2]

Здесь Маркс берет уже классовое общество и для него подчеркивает более конкретно, какой характерный признак он кладет в основание той или иной формации. Форма эксплоатации — вот что отличает один социальный организм от другого в классовом антагонистическом обществе.

Подобно тому, как в вопросе о классах Маркс дал чрезвычайно много отдельных и очень ярких определений, но полную развер-

---

[1] Капитал, т. II, Гиз, 1926 г., стр. 13.
[2] Капитал, т. III, ч. 2, стр. 327.

нутую формулировку дал Ленин, при этом не только, как некоторые думают, в статье «Великий почин», но еще раньше в «Что делать?», Ленин подвел итоги высказываниям Маркса и дал развернутую формулировку того, что он понимает под социально-экономическими формациями в статье «Экономическое содержание народничества и критика его в книжке господина Струве», причем, критикуя не народничество, а Струве, Ленин подчеркивает, в каком отношении Струве не является революционным марксистом. Он говорит:

«Эта теория — т. е. марксова теория — выработала понятие общественно-экономической формации. Взявши за исходный пункт *основной* для всякого человеческого общежития факт — *способ добывания средств к жизни*, она поставила в связь с ним те отношения между людьми, которые складываются под влиянием *данных* способов добывания средств к жизни, и в системе этих отношений («производственных отношений» по терминологии Маркса) указала ту *основу* общества, которая облекается политико-юридическими формами и известными течениями общественной мысли. *Каждая такая система производственных отношений является по теории Маркса особым социальным организмом, имеющим особые законы своего зарождения, функционирования и перехода в высшую форму, превращения в другой социальный организм*». [1]

Как видите, Ленин вслед за Марксом подчеркивает, что нужно взять за исходный пункт анализа «способ добывания средств к жизни», определить, в какие отношения вступают люди под влиянием «*данного* способа добывания средств к жизни», форму эксплоатации данного общества, выяснить, какие классы характеризуют данное общество, какой класс, как выражается дальше Ленин, «заведует» экономическим развитием общества, каковы формы и характер классовой борьбы и т. д.

Как видите, изучая какую-нибудь формацию, мало определить «способ добывания средств к жизни». Надо взять всю сумму вопросов и в особенности *законы происхождения, развития и перехода одной формации в другую*.

Отметим здесь попутно, что по Ленину не всякий способ производства уже является формацией, он составляет только исходный пункт и должен обрасти целой системой общественных отношений.

А с другой стороны, если мы имеем какую-нибудь общественную формацию, то это вовсе не означает одноцветности или однотипности всей системы, отнюдь не означает, что данный способ производства переделал все старые общественные отношения. В той или иной формации могут быть элементы других формаций, остатки старых или зачатки новых, — о чем мы еще поговорим. Непонимание этого как раз и составило ошибку Бухарина, когда он спорил против Ленина по вопросу о программе: Ленин настаивал на сохранении в программе не только характеристики империализма, как того добивался Бухарин, но и капитализма, подчеркивая, что империализм отнюдь еще не переделал по своему образу и подобию всей страны.

Эта марксо-ленинская характеристика социально-экономической формации дает нам возможность подойти теперь и к книжке Дуб-

---

[1] *Ленин*, Соч., т. I, изд. 2, стр. 296.

ровского. Дубровский несомненно знаком со всеми этими цитатами из Маркса. Мало того, он приводит эти цитаты и в своей книжке в должном месте. Но не всегда очевидно приведение цитаты означает понимание всего того, что приводится, потому что буквально рядом с цитатами из Маркса и Ленина, находя, видно, их недостаточными, Дубровский приводит другие мысли, пытаясь подправить, дополнить кое-чем от себя Маркса и Ленина, и характерно, чем именно.

В одном месте, объясняя, что он понимает под способом производства, Дубровский пишет:

«Способ производства определяется порядком производства материальной жизни и расстановкой людей в процессе производства, т. е. производственными отношениями». [1]

К сожалению, когда я писал свои тезисы, я не имел поправок Дубровского. Если бы я считал, что Дубровский только оговорился, то такая поправка (вместо расстановки — отношение), конечно, в значительной степени сняла бы эту проблему, но в том-то и штука, что когда Дубровский от вопросов теоретически-принципиальных переходит к вопросам конкретной характеристики, то там никакие поправки делу помочь не могут.

Почему? Да потому, что в этом случае он целиком применяет в анализе не Ленина, а свою «поправку» к Ленину.

В самом деле, пытаясь разграничить феодализм и крепостничество как две совершенно самостоятельных формации, он пишет так:

«При феодализме как прибавочный, так и необходимый продукт создаются внутри общины, но прибавочный продукт в виде ренты продуктами отдается земельным собственникам. При крепостничестве же в пределах данной общины производится только необходимый продукт, тогда как прибавочный продукт создается в барском хозяйстве». [2]

Дубровский правильно подчеркивает, что при ренте отработочный крестьянин часть времени работает у себя на земле, часть на барской запашке. При ренте натуральной в его распоряжении находится все его время, весь его продукт, и он только часть этого продукта отдает барину.

Само собою разумеется, что это различие чрезвычайно важно, чтобы понять разницу в форме эксплоатации. Когда помещику в силу известных причин становится недостаточным получаемый оброк в натуре, он переводит часть крестьян на барскую запашку. Несомненно, что в этом случае мы имеем налицо увеличение эксплоатации. О таком усилении формы эксплоатации не раз говорил Маркс, подчеркивая, что

«несвобода... от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства».

Повторяю, само собой разумеется, что для объяснения степени этой несвободы имеет огромное значение отделение прибавочного труда от необходимого и *пространственно* и во *времени*. Но ме-

---

[1] *С. М. Дубровский*, К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала, М. 1929, стр. 19.
[2] Там же, стр. 82.

няет ли это что-нибудь в способе производств? Дает ли это право говорить о совершенно других формациях? В том-то и штука, что только с той точки зрения, которую Дубровский считает опиской, можно различать феодализм и крепостничество как два самостоятельных способа производства, соответствующие двум особым формациям.

В самом деле, если центром тяжести способа производства считать расстановку людей в процессе производства, то естественно, что между мужиком, работающим частью на барщине, частью в деревне (отработочная рента), и мужиком, который целиком работает у себя на земле, отдавая барину ренту в натуре, конечно, существует огромная разница. Расстановка людей тут, действительно, разная.

Я думаю, что вам не нужно рассказывать, под чьим влиянием введена Дубровским поправка к Ленину. Тут часто бывает — «что ему книжка последняя скажет, то ему на душу сверху и ляжет».

Не имея возможности диалектически освоить этот вопрос, не продумав его, Дубровский не ограничился теми высказываниями, которые ему известны, а попытался их дополнить и в данном случае встал на эклектическую точку зрения, взявшись дополнить Маркса самой последней, самой свежей точкой зрения. А самой последней точкой зрения в этом вопросе является точка зрения Бухарина, изложенная в его книжке «Исторический материализм» и в свою очередь являющаяся интерпретацией богдановской теории социально-экономических формаций. Что бухаринская «расстановка» людей — не марксистская постановка вопроса, для этого достаточно заглянуть в замечания Ленина на бухаринскую «Экономику переходного периода», напечатанные в XI Ленинском сборнике.

Таким образом в самой постановке вопроса Дубровский дал небольшой крен в теории. Но всякий крен есть начало скольжения, и мы сейчас увидим, что, дав крен, Дубровский начал скользить в сторону от марксизма, когда перешел от теории к попытке применить теорию к конкретному обществу.

Дубровский со своей точки зрения разделяет всю историю общества на следующие «десять основных способов производства и соответствующие хозяйственные уклады»:

1) хозяйство первобытного общества,
2) патриархальное,
3) рабовладельческое,
4) феодальное хозяйство,
5) крепостное хозяйство,
6) хозяйство мелких производителей,
7) капиталистическое,
8) хозяйство переходной эпохи от капитализма к социализму — эпохи диктатуры пролетариата,
9) социалистическое хозяйство и
10) хозяйство эпохи мирового коммунизма.

Дубровский пытался в последующих дискуссиях аргументировать, что у него в данном случае речь идет не о социальных организмах, не об отдельных обществах, а об отдельных экономических укладах, тем самым подчеркивая, что уклад и формация — две разные социальные категории.

Давайте сначала разберем вопрос об этих укладах. Самый термин «уклад» взят главным образом из работ Ленина. Ленин в своей

книжке, написанной в 1918 г., «О «левом» ребячестве и мелкой буржуазности», а затем в своей брошюре «О продналоге», говоря о советской экономике, называет 5 составных элементов этой экономики и употребляет здесь термин уклад. Но, прежде чем говорить об укладе как особой социальной категории, противостоящей формации, сначала восстановим истину, — что собственно написано у Ленина по этому вопросу.

Ленин об укладе говорил не только в этих брошюрах. В такой работе, как «Три источника и составные части марксизма», мы тоже встречаем тот же термин. Это не речь, а статья, — это обстоятельство я подчеркиваю, потому что в речах формулировки бывают недостаточно отчеканены, но в такой принципиальной статье Ленин несомненно очень четко изложил свои мысли.

«Величайшим завоеванием научной мысли, — пишет Ленин, — явился исторический материализм Маркса. Хаос и произвол, царившие до сих пор во взглядах на историю и на политику, сменились поразительно цельной и стройной научной теорией, показывающей, как из одного *уклада общественной жизни развивается, вследствие роста производительных сил, другой — более высокий*; *из крепостничества например вырастает капитализм*». [1]

Из этого места мы можем сделать вывод, что Ленин не противопоставляет уклада формации. Он называет капитализм, т. е. определенную социально-экономическую формацию, одновременно укладом общественной жизни. Крепостничество, которое Ленин, как мы увидим позже, не различал от феодализма, он называет укладом общественной жизни, а никто не возражал против того, что феодализм является целой общественной формацией.

В брошюре «О продналоге» Ленин пишет так:

«Не было еще, кажется, такого человека, который, задаваясь вопросом об экономике России, отрицал переходный характер этой экономики».

Кстати, теперь такой человек нашелся: мы далее увидим, что переходная эпоха диктатуры пролетариата у Дубровского выросла в самостоятельную общественно-экономическую формацию.

«Но что же значит слово переход? — продолжает дальше Ленин, — не означает ли оно, в применении к экономике, что в данном строе есть *элементы, частички, кусочки капитализма и социализма*. Всякий признает, что да. Но не всякий, признавая это, размышляет о том, каковы же именно *элементы различных общественно-экономических укладов*, имеющиеся налицо в России. А в этом весь гвоздь вопроса.

Перечислим эти *элементы*...»

Как видите, Ленин чрезвычайно ясно говорит о различных составных элементах нашей экономики, о кусочках, частичках капитализма, социализма и т. д., но отнюдь не считает каждый такой элемент особым укладом в противопоставлении его формации.

Читаем дальше:

«Россия так велика и так пестра, что все эти различные типы общественно-экономического уклада переплетаются в ней. Своеобразие положения именно в этом». [2]

---

[1] *Ленин*, Соч., т. XVI, изд. 2, стр. 350.
[2] *Ленин*, Соч., т. XVIII, ч. 1, изд. 1, стр. 203.

И тут Ленин говорит о различных типах социально-экономических укладов именно в том смысле, что и в статье «Три источника».

Пойдем однако дальше в восстановлении истинного смысла ленинского текста. Вот что Ленин пишет дальше:

«Взгляните на то, как я в мае 1918 г. определял наличные в нашей экономике *элементы (составные части)* разных общественно-экономических укладов».

Опять — элементы, составные части, но не уклады в том смысле, какой хочет придать им Дубровский, т. е. нечто особое от социально-экономической формации.

«Оспорить то, что налицо имеются все эти пять ступеней или составные части всех этих пяти укладов, от патриархального, т. е. полудикого, до социалистического, никому не удается. Что в мелкокрестьянской стране преобладает «уклад» мелкокрестьянский, т. е. частью патриархальный, частью мелкобуржуазный, это само собой очевидно». [1]

Есть еще ряд цитат, которые я не буду приводить, а подведу небольшой итог. По-моему, Ленин не различал «уклад общественной жизни» от общественно-экономической формации. Он понимал под этим одно и то же, в том случае, когда Ленин говорил об укладе как о социально-экономической категории. Само собой разумеется, что эти отдельные элементы, составные части можно назвать «укладами», — но тогда так и договоримся, но не будем противопоставлять их формации, не нужно прятаться за уклад, когда наговоришь чепуху о формациях.

У нас до сих пор пытаются так ставить вопрос. — Под укладом мы понимаем остатки старых формаций или зачатки новой формации. Но если вы с этой характеристикой подойдете к тем 5 элементам, которые имеются в России, то что получится? Госкапитализм? Это что? Остаток старой или зачаток новой формации? Капиталистической. Ладно. Почему же тогда Ленин ставит капитализм и госкапитализм как два уклада, т. е. два остатка разных формаций? Если принять эту точку зрения: уклад — остаток старой или зачаток новой формации, — и подойти с ней к ленинской схеме, то в этих 5 элементах не разберешься.

Я знаю еще одну попытку, — это было высказано тов. Зорким на дискуссии в Коммунистической академии, — понимать под формацией такой социальный организм, который развивается в другой в силу внутренних, ему особо свойственных противоречий, а под укладом — только такой социальный организм, который развивается под влиянием внешнего толчка. Но тут уже такая схоластика, что вы, я думаю, просто отмахнетесь от нее.

Поэтому, если уж употреблять слово «уклад», то давайте будем употреблять его в том смысле, в каком его большей частью употреблял Ленин, в смысле общественно-экономической формации, не противопоставляя его формации.

Так или иначе, если мы подойдем к 10 образованиям, названным Дубровским, даже с обеих указанных мною точек зрения, то все равно попытка спастись за этот терминологический спор не даст

---

[1] *Ленин*, Соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 215.

результатов. Тем более, что сам Дубровский, несмотря на попытку спрятаться за уклад, понимая под ним что-то особое по сравнению с формацией, в примечании продолжает:

«Господствующий уклад определяет собою всю данную общественную формацию в целом», [1]

т. е. приходит к выводу, что 10 названных им элементов, когда они господствуют, являются отдельными формациями. Как видите, если даже принять оговорку, то и тогда у Дубровского концы с концами не сведены.

Перейдем однако к существу периодизации Дубровского. Оставим в стороне то обстоятельство, что первые три формации Дубровским только «декретированы», а не доказаны, — мы так и не узнаем, какие особые способы производства лежат в основе первобытного общества и патриархального, а это имело бы известный смысл, если вспомнить, что такое деление не принято марксистами, но остановимся прежде всего на последних трех формациях — эпохе диктатуры пролетариата, социализме и коммунизме.

До сих пор, начиная с Маркса и кончая Лениным, никто не различал социализма и коммунизма, как две особые общественные формации. Напротив всячески подчеркивалось, что социализм и коммунизм только две фазы одной и той же общественной формации. Достаточно заглянуть в «Государство и революцию» Ленина, чтобы получить об этом самое ясное представление. С моей стороны было бы наивным полагать, что присутствующие здесь товарищи не знают знаменитых мест из ленинской работы, в которой он разъясняет марксову «Критику Готской программы». Но я приведу всё же одно место, чтобы подчеркнуть, что беда Дубровского отнюдь не в забвении того или иного места из Ленина и Маркса.

«Научная разница между социализмом и коммунизмом ясна, — писал Ленин. — То, что обычно называют социализмом, Маркс назвал «первой» или низшей фазой коммунистического общества. Поскольку общей собственностью становятся средства производства, постольку слово «коммунизм» и тут применимо, если не забывать, что это не полный коммунизм.

Великое значение разъяснений Маркса состоит в том, что он последовательно *применяет и здесь материалистическую диалектику, учение о развитии*, рассматривая коммунизм, как нечто развивающееся из капитализма. Вместо схоластически выдуманных «сочиненных» определений и бесплодных споров о словах (что социализм, что коммунизм), Маркс дает анализ того, что можно бы назвать ступенями экономической зрелости коммунизма». [2]

Как видите, Ленин уже давно указал, в чем ошибка Дубровского. Вместо применения материалистической диалектики, вместо применения учения о развитии, Дубровский занимается схоластическим выдумыванием новых формаций, разделяя социализм и коммунизм как два социальных организма. Дубровский забыл даже, что способ производства в обеих фазах одинаков — общая собственность на средства производства. Недиалектический, механистический подход,

---

[1] *С. Дубровский*, цит. брошюра, стр. 19.
[2] *Ленин*, Соч., т. XIV, ч. 2, стр. 377.

неуменье брать формацию в ее развитии, в ее происхождении из другой формации, — вот что лежит в основе ошибки Дубровского.

Но совсем большую ошибку делает Дубровский, — и на сей раз уже сугубо политическую, — когда выделяет нашу эпоху, эпоху нэпа, как особую общественную формацию. Тут Дубровский одним махом снял вопрос «кто кого?», вопрос, вокруг решения которого кипят такие ожесточенные бои.

Ленин десятки раз подчеркивал, что в эпоху диктатуры пролетариата идет борьба между социализмом и капитализмом, что наша эпоха именно потому и является переходной. А по Дубровскому мы имеем особый способ производства. Какой же? Капиталистический? Этого, надеюсь, Дубровский не скажет. Социалистический? Тоже нет, ибо социализм у Дубровского выделен в особую рубрику. Значит какой-то новый, не социалистический, не капиталистический. Какой же?

И в том и в другом случае Дубровский отходит от ленинской трактовки эпохи переходного периода и открывает дверь для оппортунистических выводов о снятии вопроса «кто кого?», о снятии классовой борьбы как основного метода решения вопроса, — короче, для тех политических выводов, борьба с которыми является до сих пор основной для партии.

Но ошибка Дубровского может стать исходным пунктом и для другого не менее ошибочного вывода. Это между прочим любопытный пример того, как одна и та же посылка может быть исходным пунктом для прямо противоположных выводов.

Для всякого грамотного марксиста понятно, что назвать нашу эпоху отдельной общественно-экономической формацией в том смысле, как это имеют в виду Маркс и Ленин, значит подчеркнуть тем самым, что переход от нашей эпохи к социализму требует революции, ибо переход от одной формаций к другой совершается через революцию. А это и значит принять ту точку зрения, с которой Дубровский борется, ибо только троцкисты считают, что наша эпоха есть керенщина наизнанку, есть блок реакционной части пролетариата и кулацкой части крестьянина и единственным выходом против этого блока является борьба при помощи революции.

Дубровским таким образом допущена большая ошибка, которую нельзя исправить только в порядке исправления опечаток. Надо коренным образом отказаться от этой совершенно неправильной точки зрения, ибо она является одним из идейных истоков, одним из элементов методологии правого уклона.

С какой бы точки зрения вы ни подошли, неправильная интерпретация общественно-экономической формации, неумение диалектически применить его к конкретной действительности, богдановская методология привела Дубровского к совершенно неправильной периодизации, к богдановской схеме. Чтобы особенно резко подчеркнуть и показать это, перейдем к той части работы Дубровского, в которой он свою схему применяет к конкретной жизни — именно к анализу феодализма и крепостничества, как двух самостоятельных формаций. Дубровский двояким образом доказывает свой тезис: при

помощи ссылок на Ленина и Маркса и при помощи собственной аргументации.

Разрешите сначала заняться восстановлением действительных высказываний Ленина и Маркса по этому вопросу. Работа несколько длинновата — именно ее имел я в виду в своем вступлении, — но что поделаешь? Раз клянутся Лениным, Марксом, то надо же пересмотреть их работы, надо собрать их высказывания.

Дубровский приводит только два места из Ленина, в которых якобы Ленин выделяет крепостничество как особую формацию.

Первое — из «Что такое друзья народа», направленное против народников:

«Крепостное право изображается (народниками. — *И. М.*) не как определенная форма хозяйственной организации, порождавшей такую-то эксплоатацию, такие-то антагонистические классы, такие-то политические, юридические и др. порядки, а просто как злоупотребления помещиков и несправедливость по отношению к крестьянам».

Второе — из «Развития капитализма»:

«Крепостное хозяйство было известной правильной и законченной системой, распорядителем которой был помещик, наделявший крестьян землею и назначавший их на те или другие работы».

И все.

При самом тонком умении читать между строками, при самом одностороннем подходе из этих мест никак не вычитаешь того, что хочет приписать Ленину Дубровский.

Ленин возражает народникам и подчеркивает, что крепостничество отнюдь не результат зловредной воли помещика, а целая хозяйственная система.

И верно, конечно. Но дело идет не о том, хозяйственная ли система крепостничество, — для марксиста этот вопрос даже и не существует, — а является ли крепостничество по сравнению с феодализмом *особой* системой; этого же как раз в обеих цитатах из Ленина нет.

Почему? Да потому что, — мы это сейчас покажем, — Ленин никогда не противопоставлял крепостничество и феодализм как особые системы производства.

В самом деле. Приведем соответствующие места, — и пусть слушатель не сетует, что их будет немало. Что делать? Перефразируя известное положение, можно было бы сказать: мне жалко твоего времени, но истина мне все же дороже.

В той же самой работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» Ленин пишет:

«Народники приветствуют «освободительную» реформу, не замечая, что... эта «эмансипация» состояла только в замене одной формы другой, в замене *феодального прибавочного продукта буржуазной прибавочной стоимостью*». [1]

Как видите, Ильич говорит о 61-м годе, об эпохе, которая у Дубровского называется крепостнической, и подчеркивает, что это был переход от феодального способа производства к капиталистическому

[1] *Ленин*, Соч., т. I, изд. 2-е, стр. 300.

способу производства. Ленин без обиняков определяет дореформенный способ производства как феодальный. Правда, стоя на точке зрения букв, можно поймать нас на том, что в этой цитате Ленин не употребляет слов — *способа производства.*

Но в той же самой статье Владимир Ильич дальше пишет:

> «Отработки крестьян за «отрезные» земли — прямое переживание феодального способа производства».

Тут самый строгий буквоед не сумеет придраться. Ленин прямо называет отработки, существовавшие еще в XX в., остатками феодального способа производства, т. е. опять-таки не различает феодализм и крепостничество как два способа производства.

Пойдем дальше.

> «Отработочная система хозяйства», — пишет Ленин (т. е. барщинная, характерная, по мнению Дубровского, лишь для крепостничества *И. М.*), безраздельно господствовала в нашем земледелии со времени «Русской Правды» и вплоть до современной обработки частновладельческих полей крестьянским инвентарем».[1]

По Ленину, отработочная система не только существовала, но и *господствовала* примерно с XII — XIV вв., когда, по определению Дубровского, должен был существовать феодализм, но никак не барщина, никак не крепостническая форма эксплоатации.

Чтобы не осталось никаких сомнений, что Ленин имеет в виду именно эпоху до XVI в., он в примечании к этому месту поясняет, что речь идет о периоде «удельных безурядиц» и «татарщины» включительно.

Насколько неслучайным было это заявление, можно судить по тому, что через несколько лет (1907 г.) Ленин снова повторил ту же мысль:

> «и «свободный» русский крестьянин в XX в. все еще вынужден итти в кабалу к соседнему помещику — *совершенно так же*, как в XI в. шли в «кабалу» смерды (так называет крестьян «Русская Правда») и «записывались» за помещиками». [2]

Мало этого. Ленин не только отрицал крепостничество как особую формацию, но уже однажды выступал против взглядов, развиваемых Дубровским.

Дубровский очевидно знает, что книга Ленина «Развитие капитализма» встретила недружелюбный прием со стороны марксиста Павла Скворцова. [3] Но Дубровский забыл одно: «критик» Ленина как раз упрекал Ленина в непонимании того, что крепостной способ производства «есть целая общественная формация».

> «Но далее оказывается, — писал П. Скворцов против Ленина, — что капитализм был не только предвестником распадения старого режима, а прямо-таки «превратил земледельца из «государя-вотчинника» (*«государь-вотчинник» — историческая категория из времени до образования крепостного права),* с одной стороны, и патриархального, зависимого крестьянина, с другой стороны, в

[1] *Ленин*, Соч., т. III, изд. 1-е, стр. 272.
[2] *Ленин*, Соч., т. XI, изд. 2-е, стр. 98.
[3] См. статью его «Товарный фетишизм», «Научное обозрение», 1899 г., № 12.

такого же промышленника, как и всякий другой хозяин в современном обществе». [1]

При этом для доказательства подчеркнутой нами мысли о различии «вотчинника» как категории совершенно иной общественной формации нежели крепостничество, П. Скворцов ссылается... на Ключевского, лидера буржуазной школы русских историков.

Возражая Скворцову, Ленин особо отметил ошибочность подчеркнутой нами мысли:

«Господин П. Скворцов, — писал Ленин, — напрасно думает, что эта категория («государя-вотчинника».—*И. М.*) применима только к эпохе «до образования крепостного права»; *она применима и к эпохе крепостного права*».[2]

Как видим, Дубровский уже имел одного неудачного предшественника в своей попытке выделить крепостничество как особую формацию, и если он против Ленина не называет Ключевского, то, как увидим позже, аргументы ему приходится, как и П. Скворцову, черпать из Ключевского. История повторяется с тем лишь добавлением Маркса, что второй раз она выступает в виде фарса.

Пойдем однако дальше. Вопрос о противопоставлении феодализма крепостничеству не остался изолированным. В марксистской среде к нему то и дело возвращались. Вернулся к нему и Ленин.

В 1902 г. во время дебатов внутри редакции «Искры» по вопросу об аграрной программе русской социал-демократии Ленин писал:

«Их различие — рабочего и крестьянского отделов (программы) состоит в том, что рабочий отдел содержит требования, направленные против *буржуазии*, а крестьянский — требования, направленные против крепостников-помещиков (против феодалов, сказал бы я, если бы вопрос о применимости этого термина к нашему поместному дворянству не был бы таким спорным вопросом)». [3]

К этому месту Ленин сделал специальное примечание.

«*Я лично склонен решить этот вопрос в утвердительном смысле*, но в данном случае, разумеется, не место и не время обосновывать и даже выдвигать это решение, ибо речь идет теперь о защите коллективного, общередакционного проекта аграрной программы».

Дубровский, известный нам своими аграрными работами, должен был хорошо изучить работу Ильича, а изучив, он согласился бы с нами: Ленин категорически назвал крепостников-помещиков (класс совершенно иной формации, по Дубровскому) феодальным классом. Он не настоял на своем решении только во избежание раскола внутри «Искры», выступавшей против оппортунистов.

Когда же миновала необходимость скрывать свои разногласия, Ленин действительно четко заявил, но как раз прямо противоположное тому, что пишет Дубровский.

Вот что писал Ленин, характеризуя социальную суть «освобождения крестьян»:

---

[1] «Научное обозрение», 1899, № 12, стр. 293. Подчеркнуто мной.—*И. М.* Выдержки из статьи П. Скворцова приложены к III тому Сочинений Ленина во II и III изд.

[2] *Ленин*, Соч., т. III, стр. 519. Отмечаю, что редакция тома в первом издании допустила здесь ошибку, поставив вместо П. Скворцова — П. Струве.

[3] III Ленинский сборник, стр. 331. Подчеркнуто Лениным. — ***И. М.***

«В крестьянской реформе *оболочка феодализма*... очень сильна. Но экономическая эволюция оказалась сильнее и наполнила эту *феодальную оболочку* капиталистическим содержанием». [1]

Ленин говорит о реформе, т. е. о смене крепостничества капитализмом, и, вопреки Дубровскому, называет крепостничество феодализмом. Вовсе не потому, что, по мнению Дубровского, феодальные и крепостнические элементы перемешались в России, а именно потому, что Ленин не различал эти две категории как особые противоположные общественные формации.

В 1911 г. Ленин в статье «По поводу юбилея», возвращаясь к оценке реформы, снова писал:

«Положение 19 февраля есть один из эпизодов смены *крепостнического* (*или феодального*) *способа производства* буржуазным (капиталистическим)». [2]

Где же здесь смешение феодальных и крепостнических элементов, т. Дубровский? С такой ясностью и в детских прописях не выражаются.

Приведем еще одно место из Ленина, опять-таки идя дальше хронологически.

«В Восточной Европе (Австрия, Балканы, Россия), — писал Ленин в 1912 г., — до сих пор не устранены еще могучие остатки средневековья, страшно задерживающие общественное развитие и рост пролетариата. Эти остатки — абсолютизм (неограниченная самодержавная власть), *феодализм (землевладение и привилегии крепостников-помещиков)* и подавление национальностей». [3]

Опять крепостник-помещик, класс, по Дубровскому, иной производственной формации, помещается Лениным в феодализм.

Наш путеводитель по Ленину несколько затянулся, но ведь нами обещано было собрать высказывания Ленина по вопросу феодализм-крепостничество. Анализ этих высказываний показал, что Ленин самым недвусмысленным образом выступал против признания крепостничества *особой* производственной формацией. К сведению Дубровского подчеркиваю еще раз. Речь идет не о том, что крепостничество является производственной системой, — эту мысль Ленин вдалбливал народникам, считавшим крепостничество результатом злой воли барина, злоупотреблением и т. п., — а является ли крепостничество *самостоятельной* формацией, противоположной феодализму. Именно это последнее отрицает Ленин. Система производства и метод эксплоатации трудящихся масс оставался в основном неизменным и в XVI и в XVIII вв., давая, конечно, известные различия в связи с общим историческим развитием, о чем мы еще поговорим в свое время. Во всяком случае — опять к сведению Дубровского — ни один марксист не скажет, что крепостничество XV и XVIII вв. тождественны, но *способ производства* в основном один и тот же.

Дубровскому не удалось привести ни одного точного высказывания, там же, где он пытался интерпретировать по-своему мысль

[1] *Ленин*, Соч., т. XI, изд. 2-е, стр. 421.
[2] *Ленин*, Соч., т. XV, изд. 2-е, стр. 93.
[3] *Ленин*, Соч., т. XIX, стр. 17.

Ленина, там он попадал в положение одного из сейфуллинских героев: «Карл Марксов по-немецки писал, — говорил кулак-кержак в одном из рассказов, — а Ленин переводил. Должно, что от себя прибавил». Дубровский переводил Ленина на язык своей схемы и вынужден был, правда, не кое-что, а очень многое, если не все, «прибавить».

Перейдем теперь к Марксу. Если искренно считать, что ленинизм есть марксизм эпохи империализма, то можно было бы и не приводить новую кучу высказываний из Маркса: эпоха империализма вряд ли требует изменения в схеме Маркса по вопросу о феодализме. Мы с тем большим правом на Марксе остановимся бегло, что к нему будем прибегать еще не раз.

Итак к Марксу Дубровский оказался щедрее: он привел больше цитат, но с тем же результатом.

В самом деле, Дубровский приводит из письма Энгельса к Марксу то место, где Энгельс, говоря о почти полном исчезновении крепостничества в XIII и XIV вв. и всеобщем восстановлении крепостничества в Пруссии и других восточных областях в XIV в. и позже, пишет:

«Крепостное отношение не является специфической средневековой феодальной формой». «В данном случае Энгельс, — так объясняет Дубровский, — *явно* противопоставлял феодализм и крепостничество». (!) [1]

Помилуйте, т. Дубровский! Но именно здесь Энгельс говорит, что крепостные отношения, которые он раньше считал типичными только для средних веков (для феодализма), оказывается, не вновь создались, не вновь созрели в XVI в., как это думает по своей схеме Дубровский, — феодализм перерос в крепостничество, феодальные отношения сменились крепостническими, — а только вновь восстановились под влиянием известных причин. Не *сменились*, т. Дубровский, а *восстановились*: то, что существовало уже давно и стало исчезать, опять восстановилось в силу ряда исторических условий.

Как обращается Дубровский с цитатами из Маркса, можно судить по следующему факту. Он приводит цитату из примечания Энгельса к I тому «Капитала»:

«В XV в. немецкий крестьянин был почти повсюду обязан нести повинности частью натурой, в продуктах, частью работой; но... он все же оставался человеком свободным... Победа дворянства в крестьянской войне положила этому конец... С половины XVI в. свободные крестьяне... были низведены в крепостные».

«Итак, — опять «объясняет» Дубровский, — в этой цитате совершенно четко (опять «четко»!) Энгельсом написано, что до XVI в. господствовали феодальные отношения — «немецкий крестьянин был почти повсюду обязан нести повинность частью натурой, в продуктах, частью работой, но он все же являлся свободным», — но уже с половины XVI в. после крестьянской войны, которой крестьяне ответили на начавшееся их закрепощение, «крестьяне были низведены в крепостные». [2]

Наука знает много приемов цитирования и дальнейшего интерпретирования цитат. Некоторые из этих приемов запечатлел Черны-

---

[1] *С. Дубровский*, цит. брошюра, стр. 98.
[2] *Там же*, стр. 99.

шевский в едкой сатире на барона Брамбеуса в «Очерках Гоголевского периода русской литературы», но «прием» Дубровского вносит кое-что новое в науку «цитатологии».

Мы предлагаем читателям сравнить приведенное Дубровским место из примечания Энгельса,[1] эту же мысль из письма Энгельса к Марксу,[2] наконец эту же мысль, развернутую Энгельсом в статье «Марка».[3] Работа несколько сложна, но раз претендуешь на роль толкователя Маркса-Энгельса, надо их знать, — и читатель убедится, «четко» ли противопоставлял Энгельс крепостничество феодализму.

Что писал Энгельс? В X — XII вв. в Германии царил феодализм со всеми присущими ему отношениями производства и системой эксплоатации. Со второй половины XIII в. под влиянием ряда причин (крестовые походы, рост торговли, рост потребностей помещика и т. д.) «крепостное право стало постепенно ослабевать». Ослабление крепостничества и фактическое превращение крестьянина в свободного (к XV в.) оказалось недолгим. К XVI в. опять изменились условия (бурный рост торгового капитала), и помещики вновь ухватились за ослабевшее крепостное право, использовали все старые феодальные остатки и воссоздали старые отношения.

«К этому моменту, — писал Энгельс, — относится начало *возобновившегося всеобщего преобладания* крепостного состояния у германских крестьян».[4]

Что действительно четко подчеркнуто Энгельсом — крепостные отношения XVI — XVII вв. не новое качество, не отношения новой общественной формации, а старые отношения феодализма, приспособленные к новым условиям.

Могло ли быть иначе, если Маркс и Энгельс никогда не противопоставляли крепостничество и феодализм.

В той цитате, которую привел Дубровский из общей работы Маркса и Энгельса «Коммунистический Манифест», как доказательство против «азиатского» способа производства, он не сумеет указать особых классов для феодализма и крепостничества. Барон и крепостной, цеховой мастер и подмастерье — все, что сказано об интересующей нас эпохе. Можно говорить здесь о классах двух разных общественных формаций?

Каждый из обоих основоположников-марксистов порознь опять-таки не различали феодализм и крепостничество.

«В «азиатской» и классической древности, — писал Энгельс,[5] — преобладающей формой классового угнетения было рабство, т. е. не столько экспроприация земли у масс, сколько аппроприация личностей.

«... В средние века источником феодального гнета была не экспроприация земли у населения, наоборот, его прикрепление к земле. Крестьянин сохранял свою землю, но был прикреплен к ней, как серв или виллан, и был принужден нести в пользу господина повинность трудом или натурой...»

---

[1] Капитал, т. I, стр. 188, изд. 1921 г., стр. 215.
[2] *Письма*, изд. 1928 г., стр. 308 и 312.
[3] Приложена к «Развитию социализма от утопии к науке». Гиз, 1926 г.
[4] *Энгельс*, там же, стр. 93.
[5] *Энгельс*, предисловие к америк. изданию «Положение рабочего класса в Англии». Гиз, 1928 г., стр. 49.

И дальше Энгельс, ничего не говоря о крепостничестве с точки зрения особой формации или особой формы классового угнетения, прямо переходит к капитализму.

«Экономическая структура (хозяйственный строй) капиталистического общества, — писал Маркс, — *выросла из экономической структуры феодального общества*. Разложение последнего освободило элементы первого». [1]

И тут подчеркнуто, что капитализм вырастает из феодализма, что никакой особой формации между капитализмом и феодализмом нет.

Подобные мысли и из совместных работ Маркса и Энгельса и из отдельных работ можно было бы продолжить до бесконечности. Но и приведенного достаточно, чтобы сделать вывод, что ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин не стояли на точке зрения противоположности феодализма и крепостничества.

Перейдем к нашему учителю Покровскому. В самых свои ранних работах Покровский подчеркивает, что крепостничество XVII и XVIII вв. отнюдь не является новой социально-экономической формацией, что это — второе издание крепостного права, характерного для эпохи феодализма.

От этой точки зрения он не отказывается и в последних работах. Напротив, припомните его спор с Троцким, когда он еще раз, цитируя Маркса, подчеркивает, что речь идет отнюдь не о новом социальном организме, а о «втором» издании. Несомненно, что в старом курсе Покровского можно найти не совсем удачные формулировки, цепляясь за которые можно кое-что высосать из пальца, похожее на точку зрения Дубровского. Не надо забывать, что схема Покровского вырастала в борьбе, с одной стороны, со старой буржуазной теорией, с другой стороны, с различными уклонами внутри марксистов-историков. Боевой характер, полемическая заостренность приводила иногда к выпячиванию той или иной стороны. Но это-то и заставляет нас не брать отдельные места, не выхватывать кусочки, а брать всю схему в целом, а главное в ее развитии. Возьмем однако те места, на которые ссылаются сторонники Дубровского. Вот первое место:

«... окончательное образование московского государства в XVII в., — пишет Покровский, — было и окончательной ликвидацией русского феодализма в его древнейшей форме». [2]

Что хочет здесь сказать Михаил Николаевич? Что в XVII в. русский феодализм уже не тот, каким он был в более древние времена, т. е. в XIV в. и раньше. Но ведь только трехнедельные исторические удальцы, любящие в форме топить содержание, как блаженной памяти Акакий Акакиевич, не видевший за выводимыми им буквами содержания бумаги, могли считать, что крепостничество, каким оно сложилось в XVII — XVIII вв., то же самое, что в XIV и раньше веках. Такие схоласты совсем позабыли о развитии и по пословице «свою беду на тебя складу» приписывают недиалектиче-

[1] Капитал, т. I. Изд. 1925 г., стр. 708. См. также «Анти-Дюринг» в изд. 1928 г., стр. 94 и 191.

[2] *М. Покровский*, Русская история с древнейших времен, т. I, изд. 1928 г., стр. 56.

ские взгляды другим. Уж кому-кому, но Покровскому этот упрек совсем не подходит, особенно тем, которые на блестящих примерах применения диалектики Покровским получали свои первые уроки.

Или возьмем другое место:

«Переход феодального вотчинника к денежному хозяйству стал таким образом только внешним выражением гораздо более крупной перемены. Эта перемена состояла в *разрушении феодальной вотчины как самодовлеющего экономического целого и появлении землевладельца*, прежде гордого в своем экономическом уединении, *на рынке* как в качестве покупателя, так и в качестве продавца».[1]

О чем здесь говорит Михаил Николаевич? Под влиянием роста денежных отношений вотчина втягивается в рыночные связи и чем дальше, тем больше. А разве может кто отрицать этот процесс?

Повторяю, Покровский не противопоставляет феодализм и крепостничество как две самостоятельные формации, но он историк, т. е. изучает вопрос в его развитии и потому подчеркивает то новое, что внесло в феодальные отношения развитие торговли и торгового капитала и в чем разница между крепостничеством XVII и XIV вв. Разница не в способе производства, — хотя тут есть известные сдвиги, не в форме эксплоатации, — попрежнему феодальные отношения господства-подчинения характеризуют общество, — а в эпохе, в более широком и глубоком развитии товарно-денежных отношений и т.д.

Нам остается разобрать теперь аргументацию Дубровского.

В поисках производственных отношений, лежащих в основе феодализма, крепостничества и т. д., Дубровский наткнулся на учение Маркса о ренте. Анализируя происхождение капиталистической ренты, Маркс различает следующие исторические формы ренты: отработочная рента, рента продуктами, денежная рента, наконец капиталистическая.

Вот эти-то различные формы ренты Дубровский и сделал исходным пунктом своей схемы.

«*Феодальное хозяйство*, — пишет Дубровский, — при котором в с.-х. преобладает хозяйство непосредственных производителей у которых натуральное земледелие соединено с домашней промышленностью, причем в рамках этого хозяйства создается и необходимый и прибавочный продукт. Основой же эксплоатации является взимание землевладельцами ренты, главным образом ренты продуктами, частично денежной (которая заменяет ренту продуктами) и лишь частично отработочной. Города эпохи феодализма характеризуются ремесленным цеховым строем, основанным на мелком производстве.

Крепостное хозяйство, при котором основой производства является барщинное хозяйство, ведущееся трудом закрепощенных крестьян, хозяйство которых является лишь только придатком к помещичьему барщинному производству. Основой эксплоатации является отработочная рента и лишь частично рента продуктами и денежная.

Хозяйство мелких производителей, которое в области сельского хозяйства во всех странах, за исключением современного СССР, где земля национализирована, основано «на свободной парцеллярной собственности крестьян с собственным хозяйством».[2]

Прежде всего мимоходом отметим, что сам автор не особенно придерживается своей «стройной» схемы: указав для денежной ренты

---

[1] *М. Покровский*, Русская история с древнейших времен, т. I, стр. 28.
[2] *С. Дубровский*, цит. брошюра, стр. 17 и 18.

особую формацию — хозяйство мелких производителей, Дубровский на стр. 51 бросает беглое замечание, что «денежная рента соответствует переходным формам», но каким, об этом в книжке умалчивается. А между тем между денежной рентой и отработочной рентой гораздо более глубокое различие, чем между последней и натуральной. Фактический отказ денежной ренте в особой формации, конечно, мало свидетельствует о прочности схемы Дубровского.

Но вернемся к Марксу.

Маркс совершенно не отрицает, что переход от одной формы ренты к другой характеризует несомненное изменение в системе производства. Да и конкретное историческое развитие дает нам примеры этого изменения: только совершенно невинный по части истории человек может отрицать, что крестьянин, платящий денежный оброк, многим отличается от крестьянина, несущего под праздник барину ренту в натуре. Речь же идет о том, настолько ли сильно это изменение в способе производства, что заставляет нас говорить о новой общественной формации с особо ей свойственной классовой эксплоатацией.

А Маркс это и отрицает. В главе о «генезисе капиталистической земельной ренты», позволившей Дубровскому открыть свою Америку, Маркс писал:

«Превращение отработочной ренты в ренту продуктами, рассматривая дело с экономической точки зрения, *ничего не изменяет в существе земельной ренты*».

Дальше Маркс поясняет, что хотя

«рента продуктами предполагает более высокий культурный уровень непосредственного производителя, следовательно более высокую ступень развития его труда и общества вообще»,[1]

но при ней в основе сохраняются старые отношения производства и прежние отношения господства-подчинения.

Дальше Маркс определяет денежную ренту:

«Под денежной рентой мы разумеем здесь — в отличие от промышленной или коммерческой земельной ренты, покоящейся на капиталистическом способе производства и представляющей лишь избыток над средней прибылью, — земельную ренту, *возникающую из простого метаморфоза ренты в продуктах, которая в свою очередь была лишь превращенной отработочной рентой*».[2]

Как видим, Маркс резко подчеркивает, что переход от одной формы ренты к другой не ведет к полному изменению качества, к созданию новой формации, является «простым метаморфозом». Мало этого. Словно предчувствуя появление Дубровского, Маркс разъясняет это положение. Хотя характер всего способа производства при переходе к денежной ренте более или менее изменяется,

«тем не менее *базис этого рода ренты*, хотя он и приближается к *своему разложению, все еще остается тот же, как и при ренте продуктами, которая служит исходным пунктом*».

Попрежнему, — продолжает Маркс, — непосредственный производитель уплачивает господину, как собственнику земли,

---

[1] Капитал, т. III, ч. 2. Изд. 1925 г., стр. 330.
[2] Там же, стр. 333.

«неоплаченный, выполняемый без эквивалента труд, принимающий форму прибавочного продукта, превращенного в деньги». [1]

Можно ли после такого разъяснения Маркса утверждать, что различные формы ренты, являющиеся по Марксу «простым метаморфозом» одна другой, не считая конечно капиталистической, естественно характеризующим известное изменение способа производства, становятся базой различных способов производства?

Утверждать конечно можно, но предварительно расставшись с марксизмом: только против Маркса, не скрывая этого, можно принять схему Дубровского.

Дубровский обещал нам указать, какие способы производства лежат в основе той или иной формации, но в его книге вы не найдете ни одной конкретной характеристики способа производства, кроме с ударением сказанного утверждения, что способ производства для феодализма один, а для крепостничества другой. Какой другой? Абсолютно ни звука. Указано только то, о чем я говорил: разделение прибавочного и необходимого труда в пространстве и во времени, — разделение, имеющее большое значение, но не то, которое приписывает ему Дубровский.

А между тем у нас есть указание Маркса, как анализировать самый способ производства. В «Критике готской программы» Маркс говорит:

«Любое распределение средств потребления есть лишь производное следствие распределения самих средств производства. А распределение этих последних составляет характер самого способа производства».

Маркс таким образом разъясняет, что самым характерным моментом для определения способа производства является распределение средств производства. Какой класс владеет средствами производства и кого он при этом эксплоатирует, — вот основной вопрос. И сам Маркс дальше на конкретном примере поясняет свою мысль:

«Капиталистический способ производства например опирается на принадлежность всех вещественных условий производства — капиталов и земли — лицам неработающим, тогда как масса населения остается собственницей только личных условий производства, то-есть своей рабочей силы». [2]

Теперь с точки зрения распределения средств производства — есть ли разница между тем крестьянином, который в эпоху феодализма своим же скудным инвентарем обрабатывает землю и излишек отдает помещикам, и между тем же самым крестьянином с тем же инвентарем, обрабатывающим вдобавок к своей запашке барскую запашку. Никаких основных и решающих изменений в распределении средств производства не произошло, а раз так, то никаких изменений в способах производства нет. Конечно, налицо имеются большие изменения, но в основном распределение средств производства между классами остается без перемен. Этого не понял Дубровский, которому надо было поставить вопрос не о том, как расставлены люди в процессе производства, а о том, как распределены

[1] Капитал, т. III. ч. 2, стр. 334.
[2] *К. Маркс*, Критика готской программы. Изд. 1919 г., стр. 19.

средства производства, как и почему происходят изменения в форме экономического принуждения.

Слабость своей аргументации понимал однако и сам Дубровский. И вот для того, чтобы показать разницу между феодализмом и крепостничеством, он попытался подчеркнуть, что между ними есть разница и в системе эксплоатации: в эпоху феодализма крестьянин был свободен, в эпоху крепостничества — прикреплен к земле.

Аргументировать против этой попытки не приходится, тут остается только удивляться. Я предлагаю вам развернуть старую книгу Беляева «Крестьяне на Руси», которая написана 80 лет тому назад. Возьмите его периодизацию. Право же, Дубровский полностью повторил ее. В самом деле: Беляев считает крестьян до XVI в. включительно свободными, а после XVI в. — прикрепленными к земле. Обратимся, товарищи, к более близкому буржуазному историку — Ключевскому. Откройте его «Курс русской истории», часть 1-я, и вы найдете там следующее деление:

«Русь Днепровская, городовая, торговая»; затем: «Русь Верхне-волжская, удельно-княжеская, *вольноземледельческая*».

Обращаю ваше внимание: *вольное крестьянство*. Потом идет

«Русь Великая, Московская, царско-боярская, военноземледельческая», *при которой крестьянская* «воля начинает уже стесняться по мере сосредоточения землевладения в руках служилого сословия, военного класса, вербуемого государством для внешней обороны».

Возьмите наконец совсем уже свежую работу Веселовского.

«Закуп во многих отношениях, — пишет Веселовский, — близок к полному холопу, но он все-таки свободный человек». [1]

Над ним так довлеют старые буржуазные схемы, что он вынужден заявить вопреки им же собранным фактам — тем не менее закуп человек свободный.

Как мог «свободный» крестьянин в эпоху феодализма отдавать весь прибавочный продукт (или труд) феодалу — не могли объяснить буржуазные историки, идеализировавшие положение докрепостнического крестьянина, не может, думаем, объяснить и Дубровский.

Но для буржуазных историков это понятно. Им такое деление понадобилось для своей схемы закрепощения и раскрепощения сословий, схемы, разоблаченной настолько, что любой рабфаковец узнает ее под любым прикрытием. Правда, у рабфаковцев есть «сжатый очерк» Покровского, а мы знаем весьма почтенных авторов книги «История русской критики», которые после 10 лет Советской власти повторили буржуазную теорию. Но все же Дубровский ведь историк и притом ученик Покровского, как он мог очутиться в буржуазных объятиях, — понять это можно только в том случае, если вспомнить исходный неверный пункт рассуждений Дубровского.

Я хотел бы отметить еще один вывод, к которому ведет схема Дубровского. Наша задача при характеристике той или иной фор-

---

[1] *С. Веселовский*, К вопросу о происхождении вотчинного режима, стр. 11.

мации, того или иного способа производства вскрыть классовые противоречия, показать, какой класс, как выражался Ленин, «заведует» данным экономическим порядком, создавая определенные формы противодействия другим классам, показать переход от одной формации к другой. При разделении феодализма и крепостничества, как это предлагает Дубровский, мы, отвечая на этот вопрос, должны будем притти к точке зрения Рожкова о дворянской революции. Рожков старался доказать, что во всех обществах — и в России, и в Европе, и в древней Азии — есть эпоха так называемой дворянской революции, когда новый прогрессивный класс дворянства под влиянием конкретной обстановки свергает старый вотчинный порядок и устанавливает свое господство.

Для Дубровского не секрет, что только переход политической власти в руки нового класса окончательно разрешает вопрос о противоречии между производственными отношениями и производительными силами. Мы и спрашиваем Дубровского: переход власти в руки какого класса разрешает противоречие между крепостническими производительными силами и феодальными производственными отношениями? Очевидно в руки крепостников? А это ведь и есть точка зрения дворянской революции.

Мы живем в эпоху, когда десятки стран переживают буржуазную революцию, сметающую остатки феодализма, тесно переплетенные с империализмом, когда империалисты стараются использовать феодальные остатки, чтобы выжимать из колоний сверхприбыли. Сейчас, анализируя конкретную обстановку в этих странах, мы приходим к оценке движущих сил данной революции и подчеркиваем, что в Индии, скажем, движущими силами буржуазно-демократической революции являются революционное крестьянство и руководящий им пролетариат. Мы понимаем, что перед ними стоит задача антиимпериалистической борьбы и ликвидации феодальных остатков, чтобы открыть возможность для перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. С точки зрения же схемы дворянской революции, на которую напрашивается постановка вопроса Дубровского, мы приходим благополучно к тому, что дворянству там можно доверить прогрессивную роль в борьбе против старой вотчинной власти и т. д. Конечно я не навязываю этой точки зрения Дубровскому, тем более, что он сам выступает против этого. Но его протест формальный, а попробуйте развернуть его схему, по которой феодализм и крепостничество две разных формации, и вы вынуждены будете сделать рожковский вывод. Говорят, факты упрямая вещь, но логика еще более упряма: то, чего не договаривает Дубровский, скажут за него те, кто схему его примет на веру.

Можно ли удивляться этому? Конечно нет. Если исходный пункт и основные посылки рожковские, если методология в значительной степени, несмотря на все оговорки, рожковская, то естественно, что и выводы носят тот же характер.

Итак ни высказывания Маркса — Ленина, ни собственная аргументация Дубровского не доказали, что феодализм и крепостничество две различные формации.

Но мы с вами историки, а для нас, историков, вопрос о фактах играет наиболее важную роль. В конце концов именно факты, конкретная действительность должны решить окончательно спор. Обратимся теперь к фактам.

Говорят, Магомет был неграмотным, когда писал Коран, — это наивное предание поневоле приходит мне на память, когда перелистываешь Дубровского. Умудриться написать целую книгу, не попробовав привести хоть немного фактов, было невозможно даже в эпоху Магомета. А между тем первое же соприкосновение с фактами показало бы Дубровскому, что его «коран» в лучшем случае сомнительная вещь.

Я возьму для начала книжку полупопулярную: «Памятники истории крестьян XIV — XIX вв.»,[1] составленную буржуазными историками, которые подбирали материал под определенным углом зрения, именно, что крепостничество — это одна эпоха, а феодализм — другая эпоха. И несмотря на односторонний подбор фактов я покажу, что здесь очень много конкретных данных, которые коренным образом меняют эту периодизацию и говорят против Дубровского. Так трудно оказывается подогнать факты под заранее надуманную схему.

Я читаю первую грамоту, относящуюся к 1381 г., т. е. к XIV в., когда по схеме Дубровского господствовал феодальный способ производства, а крестьянин был свободным:

«При моем игуменстве так было в святом Констянтине: болшим людем из монастырьских сел церковь наряжати, монастырь и двор тынити, хоромы ставить, игумнов жеребей весь рольи орать взгоном, и сеяти и пожати и свезти, сено косити десятинами и в двор ввезти, ез бити и вешней и зимней, сады оплетать, на невод ходити, пруды прудить, на бобры им в осенике поити, а истоки им забивати...»

Кто читал «Записки революционера» Кропоткина или «Былое и думы» Герцена, тот поразится совпадению характеристик обязанностей крестьянина: также огораживать двор, строить дом, возить дрова, обрабатывать землю, посеять, сжать и свезти, и т. п., но интересно другое. Дубровский отрицает, вслед за Рожковым, наличие барской запашки, а в грамоте она выпирает на первый план:

«игумнов жеребей весь рольи орать взгоном, и сеяти и пожати и свезти...»

Буквально то же самое, что у Кропоткина в XIX в. Изменился только язык, но суть взаимоотношений между крестьянином и барином та же. Попробуйте вы здесь найти разные способы производства или разную систему эксплоатации.

Возьмем другую грамоту 1410 г. — XV в. Жалованная грамота нижегородского князя Александра Ивановича Благовещенскому монастырю об освобождении монастырских городских и сельских людей от пошлин, о непоселении на монастырских землях тутошних становых людей и проч. (годы 1410 — 1417).

«А опричь того ненадобе им ни мыт, ни тамга, ни побережное, ни костки, ни осминичее, ни становщики, ни езовники не ездят нипочто, ни езу им не бити,

[1] Под ред. А. Э. Вормса, Ю. В. Готье, А. А. Кизеветтера, А. И. Яковлева, стр. 10 и др.

ни лугу им не косити, ни наместницы мои к тем людем не всылают, ни судят, ни доводщики к ним не везжают нипочто, опричь душегубства и розбоя».

Здесь в отрицательной форме, в форме чего не делать, изложены те повинности, которые нес крестьянин. Перечисляя их, вспоминаешь, как Ленин писал: «отработки» безраздельно господствуют с XII в.

1430 г. — опять-таки эпоха феодализма, по поводу которой Дубровский, Беляев и Ключевский в один голос говорят, что крестьянин был свободным.

Жалованная грамота углицкого князя Димитрия Юрьевича Троицкому Сергиеву монастырю о даче в княжескую казну оброка с углицких деревень по три рубля на год, об освобождении от даней и повинностей пришлых людей и проч. (годы 1434 — 1447):

«... а опроче того оброку ненадобе им моя дань никоторая, ни писчая белка, ни ям, ни подвода, ни мыт, ни тамга, ни восминичье, ни кости, ни иная никоторая пошлина, опричь того дела, коли учнут город рубити, и им делати их; ни двора моего, не ставити, ни коня моего не кормити, ни закос им ненадобе, ни к дворскому, ни к сотскому ненадобе им тянути нивочто».

О чем говорят все эти факты?

Все это показывает, насколько даже буржуазные историки, которые подбирали материалы под определенным углом зрения, не могли доказать то, что с таким жаром остаивает Дубровский. Я взял, повторяю, полупопулярный материал, откуда можно почерпнуть такое неисчислимое количество фактов против схемы Дубровского, что остается только развести руками — как можно было пройти мимо всего этого.

Возьмем более тяжелый материал, например, «Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией, т. I, 1334 — 1548 гг.» Имеется ряд изданий. Там мы читаем:

Жалованая грамота звенигородского князя Юрия Димитриевича Савва-Сторожевскому монастырю, 1404 г. 10 мая:

«... и которые люди имуть жити на тех землях монастырских, и тем людем ненадобе моя дань, ни ям, ни подводы, ни мыт, ни тамга, ни писчая белка, ни осьминичие, ни костки, ни явна, ни иная которая пошлина, ни города не делают, ни двора моего не ставят, ни коня моего не кормят, ни сен моих не косят, також ни к сотцкому, ни к дворскому, ни десятскому, с тяглыми людьми не тянуть ни в которые проторы и в размер, ни в иные в которыи пошлины».

Та же картина. Отработки характерны для XIV — начала XV вв., когда, по мнению Дубровского, должна царить натуральная рента.

Возьмем еще один документ, где особенно ярко проявляется ошибка Дубровского.

Данная грамота княгине Марии, супруги нижегородского князя Даниила Борисовича, Спасо-Евфимиеву монастырю на село Омуцкое, с судом, поличным и всеми пошлинами, кроме душегубства (после 1425 г.):

«... на поминок своему роду, со всем, что к тому иму потягло из старины, куды плуг ходил, куды соха, куды коса ходила, куды топор ходил; а дала есми свое село Омуцкое Святому Спасу в дом, так как было при моем князи и при мне, и с судом, и с татьбою, и с поличным, и с тамгою и со всеми пошлинами...»

Что может быть ярче? Тут даже людям, не читавшим старых документов, переводить и разъяснять нечего — и так все ясно.

Итак основного экзамена, — а для историка суд конкретного материала основной, — схема Дубровского не выдержала, как не выдержали его схемы идейных предшественников Дубровского — Богданов и Рожков.

Прежде чем переходить к итогам, скажу еще несколько слов о торговом капитале.

Дубровский правильно заострил наше внимание против понимания торгового капитализма, как особой социально-экономической формации.

Вот уже несколько лет группа товарищей совершенно открыто проповедует ту мысль, по которой торговый капитализм является особой формацией, с ему особо свойственными классовыми отношениями и соответствующей политической надстройкой.

«Торговым капитализмом, — писал, например, Н. Н. Розенталь, — называется такой общественный строй, при котором экономическое и политическое господство в обществе принадлежит классу торговых капиталистов... Общество эпохи торгового капитализма, при всей пестроте его форм, сложившихся в отдельных странах (от голландской федеративной республики до самодержавной Российской империи), — *образует вполне определенную систему производственных отношений, отличаясь как от предыдущего феодального общества, так и от более позднего промышленного*».[1]

Как видим, для Розенталя, — и это он пытается показать на целом ряде конкретных примеров, — торговый капитализм — особый социальный организм, особая формация, лежащая между феодализмом и собственно капитализмом.

Эту теорию восторженно встретил Кунисский,[2] положив ее в основу своей работы об английской революции. Эта же теория, некритически усвоенная рядом коммунистов, проникла и в весьма распространенные учебники по истории Западной Европы.

А между тем эта теория легла в основу троцкистской борьбы против партии. К. Радек, выступая против партии в оценке китайской революции, как раз доказывал, что в Китае никакого феодализма нет, что Китай — страна торгового капитализма, а отсюда делал свои антимарксистские выводы по вопросу о характере и движущих силах китайской революции.

Мы еще вернемся в особой дискуссии к этой ошибке, — мне это дает право только бегло коснуться этого вопроса, — сейчас же отметим, что Дубровский правильно выступил против этой троцкистской теории, но и тут допустил целый ряд ошибок. Дело не в том только, что, разрушив торгово-капиталистическую формацию, он создал на ее развалинах крепостническую формацию. Нет, Дубровский допустил ряд ошибок и по вопросу о торговом капитале. Он цитировал Маркса, но вся беда в том, что его неверная установка не дала ему понять то, что Маркс по данному поводу пишет. Прежде

---

[1] *Н. Розенталь*, История Европы в эпоху торгового капитализма, изд. «Прибой», 1927 г.

[2] См. рецензию в жур. «Историк-Марксист», № 7.

всего нельзя ограничиться только главой «Из истории купеческого капитала», надо проанализировать второй том, там, где Маркс анализирует кругооборот капитала. Надо проанализировать третий том, где он специально говорит о торговом капитале. Только тогда можно представить в целом всю картину.

В чем ошибки Дубровского? У него собственно две ошибки.

Первая ошибка — как это ни странно, но он смешивает торговлю и торговый капитал. Дубровский не сумел уяснить, что торговля, т. е. процесс, обслуживающий общественный обмен при помощи куплипродажи, может быть, во-первых, непосредственной, без помощи купцов и, во-вторых, если уже появляется посредник-купец, торговый капитал может появиться только на определенной ступени развития торговли. Совсем не обязательно, чтобы везде, где мы имеем торговлю, мы имели торговый капитал.

И второе, еще более важная ошибка по вопросу о сущности торгового капитала. Если брать процесс капиталистического производства в целом, то тогда в каждый отдельный момент определенная часть капитала находится в товарной форме и ждет своего превращения в деньги, чтобы продолжить процесс капиталистического производства.

Эту товарную часть капитала, если брать весь капиталистический процесс в целом, мы найдем всегда, но для того, чтобы эта товарная часть стала торговым капиталом, нужен целый ряд дополнительных условий, из которых самое основное — это появление нового класса. Только в том случае, когда функция обращения становится функцией совершенно самостоятельного класса капиталистов, особого подразделения класса капиталистов — купцов, только тогда товарный капитал становится торговым капиталом. Такова в основном сущность торгового капитала, которую надо прежде всего уяснить, а не уяснив этой сущности, Дубровский неверно осветил роль торгового капитала.

В самом деле. Торговый капитал, — именно капитал, а не торговля, — несомненно разлагает старые общественные отношения. Но не всегда, разлагая старые общественные отношения, вы приходите к одному и тому же концу.

Возьмите хотя бы эпоху Рима. Там торговый капитал несомненно разлагал старые отношения, но он не создавал ничего нового, а только создавал на новой базе старое рабовладельческое хозяйство. Наоборот в Англии, в Нидерландах, торговый капитал, разлагая феодальные отношения, подготовлял капиталистический способ производства, потому что налицо были эти капиталистические элементы.

Но там, где имеются эти капиталистические элементы в зародыше, торговый капитал всегда приводит к разложению старых способов производства, там же, где эти элементы слабы, там роль торгового капитала другая, он не разлагает старые отношения, а цементирует их, подчиняет их себе для того, чтобы при помощи их высасывать прибавочный продукт из мелких производителей.

Этой двойственной роли торгового капитала, разлагающей и кон-

сервирующей, не понял Дубровский и тем связал себе руки для правильной и плодотворной борьбы с троцкистами.

Подведем итоги.

Основная ошибка Дубровского состоит в том, что он не сумел применить учения Маркса об общественных формациях к конкретной истории и не понял марксистской теории о переходе одной формации в другую.

Маркс учил, что переход от феодального способа производства к капиталистическому совершается двояким путем, точнее трояким. Либо непосредственный производитель-промышленник мало-по-малу становится купцом и капиталистом. Этот путь — путь революционный, путь постоянного изменения технической базы, путь подчинения производству торгового капитала, совершающего только процесс обращения. В этом случае изменение старого способа производства является неизбежным. Либо купец подчиняет себе производство путем ли прямого превращения купца в промышленника, путем ли более частого превращения мелких мастеров в своих посредников или покупки товаров непосредственно у самих производителей. В этом последнем случае торговый капитал сохраняет видимую самостоятельность производителя и тот старый способ производства, на основе которого производится товар. Напротив, торговый капитал заинтересован здесь в сохранении старых отношений производства, облегчающих ему эксплоатацию мелкого производителя, и стремится лишь ко все большему расширению сферы применения своих методов эксплоатации. Второй путь — путь не революционный, не ведущий к технической революции, препятствующий развитию действительного капиталистического способа производства.

«Не совершая переворота в способе производства, — характеризует Маркс этот случай, — они только ухудшают положение непосредственных производителей, превращают их в простых наемных рабочих и пролетариев при худших условиях, чем для рабочих, непосредственно подчиненных капиталу, и присвоение их прибавочного труда совершается здесь на основе старого способа производства». [1]

Оба эти пути несомненно встречаются, переплетаются и идут рядом в истории.

В Западной Европе, главным образом в Англии, частью во Франции разложение феодализма шло с XIII — XIV вв., постепенно отрывая производителя от его средств производства и превращая первого в пролетария, а последнее, как говорил Маркс, в капитал. Феодальное земледелие разлагалось под влиянием роста денежных отношений и проникновения торгового капитала, вызывавших постепенный метаморфоз отработочной ренты в ренту продуктами, затем в денежную ренту, подготовляя тем самым господство капиталистического способа производства в деревне.

Товарные отношения и торговый капитал в промышленности разлагали цеховое ремесло, размывали цеховый строй, вынуждая к постепенному изменению способа производства, к высвобождению элементов капиталистического способа производства.

---

[1] Капитал, т. III, ч. 1, изд. 1926 г., стр. 319.

«Суконщик — мастер, — приводит Маркс конкретный пример такого пути развития, — вместо того, чтобы получать шерсть от купца понемногу, небольшими долями и обрабатывать для него с помощью своих подмастерьев, сам покупает шерсть или пряжу и продает свое сукно купцу. Элементы производства входят в процесс производства, как и сами купленные товары. И вместо того чтобы производить на отдельного купца или на определенных покупателей, суконщик производит теперь для всего торгового мира. Сам производитель — купец». [1]

Таким образом там, где в недрах феодального общества уже появились элементы капитализма, там развитие торгового капитала, ускоряя разложение феодализма, высвобождает элементы капиталистического способа производства.

Но в ряде стран, в частности в Восточной Европе, развитие шло иным путем. В таких странах, где торговый капитал застает слабые элементы будущего экономического строя, где в хозяйственном быту преобладают старые отношения господства-подчинения, торговый капитал использовывает эти отношения, с их помощью заставляет работать на себя мелкого производителя. Старые отношения развиваются в целую систему, воссоздаются крепостные отношения эпохи феодализма на новой основе, в несравненно более концентрированном виде.

Рассказывая, как со второй половины XIII в. в Пруссии в положении крестьян наступило улучшение, как постепенно стало ослабевать крепостное право, Энгельс продолжает:

«Однако это длилось недолго. ***В XIV — XV столетиях быстро развились и разбогатели города.*** Роскошная жизнь городских патрициев не давала покоя поместному дворянству, питавшемуся грубой пищей, одетому в грубую одежду, обставленному неуклюжей мебелью. Но откуда взять эти прекрасные вещи?.. ***Для покупки нужны деньги. А этого можно было добиться только через крестьян. Отсюда новый нажим на крестьян, увеличение оброков и барщины;*** возобновляются старания и все быстрее растут усилия превратить свободных крестьян в зависимых, зависимых в крепостных... Крестьяне были побеждены после ожесточенной борьбы. К этому моменту относится начало возобновившегося всеобщего преобладания крепостного состояния у германских крестьян». [2]

Вот как объясняет Энгельс происхождение крепостничества XVI в., крепостничества «2-го издания» и роль в этом процессе торгового капитала.

В России торговый капитал появился, когда феодальные отношения господства-подчинения еще целиком преобладали и в экономическом и в политическом строе страны. Эти отношения, кое-где уже выветривавшиеся, но в общем еще господствовавшие, торговый капитал использовал применительно к своим нуждам, развернул в систему, имевшую одну основную цель: заставить мелкого производителя выбрасывать на рынок свой прибавочный продукт. Крепостничество XVII и XVIII вв., каким мы знаем его в истории, и есть эта система. Весь этот процесс консервирования старых отношений, их модификации использования феодальных отношения торговым капиталом описан с такой яркостью М. Н. Покровским во всех его работах, что не нуждается в примерах.

---

[1] Капитал, т. III, ч. 1, стр. 320.
[2] Из цит. выше статьи «Марка», стр. 93.

Но если Россия и шла по второму пути, по пути, который

«сам по себе не ведет к перевороту в старом способе производства, который скорее консервируется и удерживается при этом как необходимое для него самого предварительное условие»,

то это не означало полной задержки капиталистического развития. Являясь препятствием капиталистическому развитию, отношения, сложившиеся под влиянием развития торгового капитала, составляют место и для собственно капиталистического развития. Последнее однако нуждается в сломе старой системы. В этом *условном* смысле М. Н. Покровский и говорит о борьбе торгового и промышленного капиталов.

Понятно, что, опровергнув Маркса и Ленина, Дубровский вынужден был поставить под сомнение и схему Покровского, построенную на основных идеях Маркса — Ленина.

Отсюда его попытка показать, что термин борьбы торгового капитала с промышленным неверен и затушевывает истинную суть классовой борьбы. А между тем Маркс не раз говорил об этой борьбе в указанном нами смысле.

«Когда капиталистическое производство, — писал например Маркс в «Теориях прибавочной ценности», — развито во всех своих формах и является господствующим способом производства, то капитал, приносящий проценты, подчинен промышленному капиталу, и коммерческий капитал представляет лишь вытекающую из процесса обращения производную форму самого промышленного капитала. *Но как самостоятельные формы оба они должны сначала быть сломаны и подчинены промышленному капиталу*». [1]

Значит ли это, что машины и фабрики лезут в драку с купеческими конторами и меняльными лавками? Конечно нет. Борьбу ведут классы, и задача историка-марксиста выяснить, какие именно классы, где и как борются.

Поэтому упрек М. Н. Покровскому, своей формулой торгового капитала смазывающего классовую суть борьбы, ни на чем не основан. Именно М. Н. Покровский с такой резкостью и яркостью писал о классах, что даже буржуазные историки, преломив конечно сквозь призму своих интересов, поняли это. Писал же как-то А. Кизеветтер по этому поводу:

«С нашей точки зрения» это не что иное, как возвращение к мелодраматическому толкованию исторических сюжетов в стиле Карамзина. Карамзин мелодраматизировал отдельных «героев», «мужей» нашей истории; *современный историк* (т. е. Покровский) *мелодраматизирует целые общественные классы*». [2]

Что бросилось в глаза чужому по классу историку, осталось незамеченным Дубровским. Воистину слона-то и не заметил...

Повторяем. Дубровский приковал наше внимание к актуальному политическому вопросу — борьбе с троцкистской установкой в вопросах изучения Востока. Он сам не мало сделал в разоблачении этой установки. Но пути и метод исследования, которые Дубровский применил в борьбе, не наши, не марксистские, а богдановско-рожковские.

---

[1] Том III, изд. «Прибой», 1924 г., стр. 367.
[2] «Русская мысль», № I, 1908 г.

Подчеркиваю; пути и метод. Напрасно Дубровский ежеминутно требует показать, где у Рожкова или Богданова сказано буквально то же, что у Дубровского. Не в этом дело. Не в дословном повторении Рожкова мы обвиняем Дубровского, а в рожковской методологии, в том же недиалектическом подходе, в неуменьи применить к сложной конкретной действительности учения Маркса и Энгельса о диалектическом развитии.

Рожковские методы исследования, рожковская методология уводят Дубровского в сторону от марксизма, образуя тем самым щель, куда может устремиться буржуазная и мелкобуржуазная идеология, использовывающая каждую нашу ошибку.

Нет спора, что марксизм не догма, не застывшее учение, что его нужно развивать и углублять, но никогда не нужно забывать, что развивать его, как подчеркивал Ленин, могут в разных направлениях. Приемлемым для нас может быть лишь одно направление, именно то, которое указал Ленин в споре против П. Скворцова:

«Оставаться последовательными марксистами, развивая основные положения марксизма сообразно с изменяющимися условиями и с местными особенностями разных стран и разрабатывая дальше теорию диалектического материализма и политико-экономического учения Маркса»...

Я считаю, что тот период, в который мы вступили, требует от нас особо внимательного отношения к вопросам теории. Мы вступили в период, который означает коренную ликвидацию всех остатков капитализма, точнее ликвидацию самой почвы, рождающей капитализм, и естественно, что в области теории мы должны не только ликвидировать буржуазные теории, но и устранить самую возможность буржуазных отрыжек, а почвой, на которой возможно появление остатков чуждых теорий, является эклектизм, богдановски-рожковская интерпретация Маркса и Ленина, механистический, не диалектический подход к конкретной действительности.

Ошибки Дубровского — непонимание марксовой теории социально-экономических формаций, статическое изображение отдельных формаций, вместо того, чтобы проанализировать закон зарождения этих формаций, закон функционирования формаций, особенно перехода одной формации в другую, — все это как раз и характеризует ту тенденцию, которая правильно названа нами механистической тенденцией в области истории. Если мы хотим выполнить задачи, которые поставлены перед нами партией в эпоху реконструкции, то мы прежде всего и раньше всего должны разделаться с этой почвой, рождающей возможность реставрации буржуазных теорий не только в области философии, но и в области истории.

СОДОКЛАД

ДУБРОВСКИЙ, С.

I. К вопросу о ревизионистских и механистических тенденциях в исторической литературе.

Очень хорошо, что Минц поставил вопрос о механистических тенденциях в исторической литературе. Действительно, борьба с механизмом и вообще со всякого рода ревизионизмом в наших условиях является исключительно важной.

В истории мы имеем примеры борьбы, когда выступают подлинные ревизионисты и при этом больше всего кричат о ревизии и непонимании Маркса революционными марксистами.

Более того, например ревизионисты и реформисты прекрасно пользовались Марксом для того, чтобы доказать, что Маркс является дюжинным оппортунистом.

Так что с этой точки зрения мне представляется, что всякий, выступающий с защитой революционной марксистско-ленинской теории, не должен страшиться того, что в определенный момент те, которые находятся во власти чуждых и враждебных нам мелкобуржуазных теорий, будут кричать о ревизионизме, механизме и т. п. *Я сегодня докажу, что Минц меня критиковал не с марксистско-ленинских, а с богдановско-рожковских позиций* — подчеркиваю это тремя чертами. Минц настолько плохо знает Богданова и Рожкова, что, говоря их прозой, не подозревает, что это богдановщина и рожковщина.

Что сейчас является для нас наиболее опасным? Проникновение буржуазных и мелкобуржуазных идей в нашу среду. Из истории полемики с Плехановым и с Троцким вы знаете, что идеи Чичерина, Соловьева, идеи кадетских историков проникали в меньшевистскую среду через Плеханова, Мартова, Аксельрода, Дана, Троцкого и других.

В наших условиях буржуазная и мелкобуржуазная струя проникает через Богданова и Рожкова, через этих наиболее тонких фальсификаторов марксизма по определению Ленина.

Почему я выступил со своей брошюрой. Эта брошюра является стенограммой моего доклада. Я выступил по вопросу об «азиатском способе» производства против исторической схемы троцкистов, которая была ими использована для отрицания нашего понимания задач революции на Востоке. Мне бывшие и настоящие троцкисты давали бои и еще будут давать бои по этой линии, потому что они

не сразу откажутся от своей точки зрения. Борьба еще не кончена, остатки троцкизма еще не выкорчеваны.

В связи с пониманием вопросов революции на Востоке мне пришлось поставить вопрос об «азиатском» способе производства. Мне нужно было доказать наличие феодальных отношений в ряде восточных стран в тех случаях, когда там не было частных земельных собственников и не было барщины. Мадьяр — мой вечный спутник, который следует за мной как луна, фактически отрицающий феодализм на Востоке и доказывающий существование там особого «азиатского» способа производства, — всегда ставит вопрос: а где на Востоке частные земельные собственники? Вода там есть, по которой ему можно плавать, национализация земли есть, а вот он — Мадьяр — не находит там частных собственников, не находит, понятно, там барщины и потому не находит там феодализма. Вот почему пришлось поставить вопрос о том, что же такое феодализм; обязательны ли для него частные земельные собственники, обязательна ли для него барщина и т. д., т. е. пришлось поставить вопрос о различии между феодализмом и крепостничеством. Именно в этом помимо прочего заключается политическое значение споров о феодализме и крепостничестве. Между тем схоластическими спорами о феодализме и крепостничестве стараются затушевать эту политическую сторону вопроса, именно борьбу с остатками троцкизма и проч. ошибочными теориями, о чем я скажу еще далее. Затем в моей брошюре пришлось также поставить вопрос и о торговом капитале. Нужно сказать, что в области истории троцкизм совсем не представляет собою какой-либо цельной концепции. В частности некоторые троцкисты, отрицая и «азиатский» и феодальный способ производства, стали на богдановско-рожковскую точку зрения «торгового капитализма», доказывая, что именно торговый и ростовщический капитал определял собою положение на Востоке. Однако когда я писал о торговом капитале, то тут оказывается я попал не в бровь, а в глаз кое-кому из русских историков. Минц говорит, что вопрос о торговом капитале — это этап пройденный, говорить о нем не к чему, — вопрос ясен. Я с места ходатайствовал перед собранием, чтобы прибавить Минцу время на высказывание по вопросу о торговом капитале. Вы, т. Минц, в понимании торгового капитала стоите на богдановско-рожковских позициях. Поэтому-то вы умолчали об имеющихся ошибках в понимании торгового капитала. Вот где зарыта собака. Вы не можете откровенно защищать свои ошибочные взгляды. Поэтому вы предпочли умолчать по ряду вопросов, связанных с пониманием роли торгового капитала.

Далее в своей брошюре я дал критику ошибок троцкистов в понимании восточной деспотии. Попутно я все время подчеркиваю ленинское определение русского самодержавия, как диктатуры крепостников. И этот вопрос вы, т. Минц, также постарались обойти.

Я усиленно ходатайствовал перед собранием продлить вам время специально для того, чтобы вы сказали о самодержавии. Вы опять-таки уклонились от ответа и на этот вопрос. Вы предпочли сказать

несколько слов о Риме и об Италии, но о самодержавии не сказали ни слова.

Минц. — Я об этом уже говорил в прошлом году.

Дубровский. — Я не знаю, что вы в прошлом году говорили — все течет, все изменяется. Я бы хотел, чтобы в нынешний день *вы четко заявили о вашем отношении к ленинскому пониманию самодержавия, как диктатуры крепостников.* Еще сейчас очень многие открыто ревизуют это ленинское понимание самодержавия. Во время дискуссии по моему докладу в Комакадемии, в мае 1929 г., Малышев воевал насчет феодализма и крепостничества. Я его упорно просил определить отношение к ленинскому пониманию самодержавия. Он сознательно уклонился от ответа на прямо поставленный ему вопрос.

Вам известно, что в междуреволюционный период по вопросу о самодержавии партия (тогда фракция) большевиков вела бои с ликвидаторами справа и слева. В частности шли бои по вопросу об эволюции самодержавия. Вам известно, что декабрьская конференция 1908 г. в своей резолюции совершенно четко поставила вопрос о самодержавии как диктатуре крепостников, делающей шаги в сторону буржуазной монархии, но только делающей шаги, и это решение декабрьской конференции 1908 г. никем не отменено и для вас является обязательным. Вы же, т. Минц, про этот вопрос умолчали, тогда как в этом вопросе нам нужна абсолютная ясность.

II. Правая методология и ее сущность.

Итак Минц сознательно умолчал об основных вопросах, поставленных в моей брошюре. Более того, Минц создает дымовую завесу для того, чтобы покрыть мраком неизвестности все эти вопросы. Дубровский мол механист, — у него встречается слово «расстановка». Да, я писал слово «расстановка» и сделал ошибку. Но эту ошибку я немедленно же выправил в приложенном к книге списке поправок. Минц в своем докладе неоднократно подчеркивал различие — это Ленин писал, а это он говорил. Данная брошюра — стенограмма моего доклада. Возможно, что в моей речи я не так четко отдельные слова отчеканил. Я признаю ошибку. Но вы-то из всей бухаринской схемы запомнили только самое слово «расстановка». Ведь мы весьма часто употребляем это слово: расстановка сил, расстановка людей в аппарате, ваша расстановка цитат и т. д.

В чем сущность бухаринской правой теоретической концепции. Не в том, что он употребляет термин «расстановка», а в том, что он не понимает классового момента в производственных отношениях. Он рассматривает их как механистическую «расстановку» в производстве людей, как живых машин. Он не понимает общественно-экономических формаций, как и вы, т. Минц, их не понимаете. Он не понимает феодализма и крепостничества и смешивает их так же, как и вы, т. Минц. У него нет диалектического понимания общественного развития, хотя он часто говорит о диалектике, чаще, чем вы, т. Минц. На самом деле Бухарин является механистом, и

вы, т. Минц, до мозга костей являетесь механистом. Я лично смею думать, что вы по диалектике даже основных работ просто не читали, так мало у вас чувствуется даже знания диалектики.

Следовательно бухаринская правая методология заключается в механистическом понимании общества вообще, в определении его по «трудной координации» людей. У Бухарина в понимании производственных отношений классовый момент выпадает. Бухарин не ставит даже вопроса об общественно-экономических формациях. И отчасти потому, что он не ставил этого вопроса, он пришел к ошибочному пониманию феодализма и крепостничества по существу, именно к их смешению, как одной и той же формации. Поэтому тот, кто сводит всю правую методологию Бухарина лишь к термину «расстановка», тот объективно затушевывает, замазывает действительную сущность правой методологии.

III. Вопрос об общественно-экономических укладах и формациях.

Теперь перейдем к тому, как ставит Минц вопрос об общественно-экономических формациях. Что же нам дал Минц по этому вопросу? Он совершенно не понял марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях и укладах.

«Марксистская терминология, — пишет Минц, — меньше всего подходит под буржуазное определение... всякая терминология вещь условная, отличаясь (?!) резкой определенностью» (!).

Это действительно «резко определенная формулировка». Это вроде того, что «проходя по улице в пальто, пошел дождь». И Минц нам рекомендует точность формулировок. Как пишет Минц тут же вслед за своим рассуждением о пользе точной «терминологии», Ленин не различал понятия «уклад общественной жизни» и «общественно-экономическая формация», в одном только случае дав повод говорить о таком различии. Дело однако, пишет Минц, не решается количеством цитат из Ленина, а по существу.

Минц все же очевидно думает, что количество цитат дало новое качество его построениям, но, увы, этого не случилось.

«Противопоставляя же уклад формации, — пишет Минц, — трудно разобраться в тех 5 элементах хозяйства, которыми Ленин характеризовал экономику переходного периода. Во всяком случае, Ленин подчеркивал, что каждая общественная формация имеет определенные элементы или составные части».

Эта формулировка говорит, что Минц не понял вопроса о формациях и укладах. Поэтому я сейчас на этом остановлюсь. Если вы отождествляете уклад и формацию, то что у вас получится. Я вам напомню хотя бы основные уклады в СССР по Ленину. В СССР Ленин насчитывал «по меньшей мере пять различных систем или укладов, или экономических порядков»: 1) патриархальное, т. е. в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство; 2) мелкотоварное производство (сюда относится большинство крестьян из тех, кто продает хлеб); 3) частнохозяйственный капитализм; 4) государственный капитализм; 5) социализм.

«Россия так велика и так пестра, что все эти различные типы, — пишет Ленин, — общественно-экономического уклада переплетаются в ней. Своеобразие положения именно в этом». [1]

Если бы считать понятие «уклад» и «формация» тождеством, то пришлось бы говорить о формации госкапитализма и формации частнохозяйственного капитализма. Ясно, что такой ошибочный вывод из положений Минца неизбежен. [2] Почему? Потому что он механически отождествляет понятие «уклад» и «формация».

А на самом деле как надо ставить вопрос? Как ставить вопрос о тождестве и о различии между «формацией» и «укладом»? Я определяю уклад, как совокупность производственных отношений, соответствующих определенному уровню развития материальных производственных сил. Уклад соответствует определенному способу производства, материальной жизни, определенным отношениям людей, которые складываются в процессе этого производства.

К этому приходится присоединить и вопрос о надстройках. Ленин писал о том, что Маркс дал учение о капиталистическом обществе как особой общественно-экономической формации. Маркс дал не только анализ капиталистического способа производства, но и облек его в плоть и кровь, т. е. Маркс дал не только характеристику базиса, но дал характеристику и базиса, и надстройки, т. е. дал учение о формации, как единстве базиса и надстройки. Если вы поставите вопрос об «укладе» и «формации», то в определенных условиях «уклад» и «формация» оказываются тождественными. В каком случае я беру например капиталистическое общество абстрактно, как это делает Маркс в «Капитале» при анализе основных законов его развития, т. е. беру общество, где имеются наемные рабочие, капиталисты и землевладельцы, где нет капиталистической среды. Понятно, в этом обществе «уклад» и «формация» целиком совпадут, и таким образом в данном случае будет тождество этих понятий.

Теперь возьмем конкретное историческое общество, скажем, наше современное общество. В СССР имеем 5 укладов. Какой уклад является здесь ведущим? Развивающийся социалистический уклад. Борьба за этот уклад определяет собою всю государственную надстройку.

Итак в СССР ведущим укладом является развивающийся социалистический уклад, развивающийся в условиях ожесточенной классовой борьбы при сопротивлении капиталистических элементов. С победой социализма и уничтожением классов отомрет государство. Но пока социалистический уклад еще только развивается в ожесточенной классовой борьбе, переходному периоду соответствует и определенная надстройка — именно диктатура пролетариата.

На ряду с укладом развивающегося социализма в СССР имеются еще уклады — уклад патриархального хозяйства, простого товар-

---

[1] *Ленин*, Соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 197 и 203.

[2] Именно потому, что многие путают понятие «формация» и «уклад». Мне приписывают десять «формаций» там, где я пишу *только* об укладах. Именно поэтому мне приписывают противопоставление социализма и коммунизма, как разных формаций (?!).

ного хозяйства и т. п. Каждый из этих укладов представляет собой не только определенный способ производства, но и соответствующие ему идеологические надстройки. Скажем, мы имеем не только мелкобуржуазный производственный костяк, но имеем и мелкобуржуазную идеологию и т. д. Однако можно ли сказать, что наличие мелкобуржуазного массива изменяет характер советского государства, превращает его, скажем, в рабоче-крестьянское государство? Ни в коем случае. Государство остается рабочим — диктатурой пролетариата.

Итак на только что взятом примере советской экономики вы видите, что может быть уклад, который не имеет соответствующей ему государственной надстройки.

Возьмем второй пример. Возьмем царскую Россию XVIII в. Какой был здесь ведущий уклад? Ясно, что уклад крепостного, барщинного хозяйства. Этот уклад как ведущий определял собою всю политическую надстройку, определял диктатуру крепостников. Но одновременно с этим имелись уклады патриархального хозяйства, далее уклад еще сохраняющегося феодального хозяйства, затем уклад развивающегося капиталистического хозяйства (развивающиеся мануфактуры) и т. д. Значит ли это, что тогдашний капиталистический сектор должен был быть представленным в государственной власти? С точки зрения например Рожкова он должен быть представлен (отсюда у него самодержавие — власть помещиков и купцов). С нашей же точки зрения это совсем необязательно. По нашему господствует тот класс, который командует в производстве. Именно этот класс создает свою форму власти, свою диктатуру.

В XVIII в. такой диктатурой являлась диктатура помещиков крепостников. Следовательно, в XVIII в. ведущим, господствующим укладом был крепостной. Этот ведущий уклад, определяющий собою государственную надстройку, тем самым был укладом, определяющим собою всю формацию.

У нас есть ведущий уклад — социалистический, есть и государство, и отсюда механисты делают вывод — следовательно у нас формация. А диалектики говорят: нет — это будет формальная логика. Почему? Потому что наше государство есть диктатура пролетариата, т. е. классовое государство для уничтожения классов. Именно у нас государственная власть является той формой господства пролетариата, которая создает условия для отрицания классового общества.

Следовательно в данном случае ваша, т. Зоркий, формальная логика вас подвела. Именно у нас социалистический уклад, который существует реально, не создает своей собственной социалистической формации. Почему? Потому что у нас социалистический уклад является лишь первым этапом развития коммунистического общества, т. е. формации без классов и без государства. Таким образом в наших условиях социалистический уклад является только укладом, но не формацией. Проиллюстрирую вопрос о «формации» и «укладе» наконец на вопросе о госкапитализме и частнохозяйственном капитализме. В отношении СССР Ленин их выделил как разные уклады. Но можно ли, скажем, в отношении современной Германии разли-

чать как особые уклады госкапитализм при диктатуре буржуазии и частнохозяйственный капитализм? У Марецкого я встретил формулировку, что существует особый «империалистический уклад». Мои противники выставляют крепостничество как последний этап в развитии феодализма, сравнивая его с империалистической стадией в развитии капитализма. Между тем, понятно, не может быть и речи о выделении в Германии госкапитализма в особый уклад, отличный от частнохозяйственного капитализма. Уклад является совокупностью определенных производственных отношений. Он характеризуется определенным строем производства.

Что характеризует капиталистические производственные отношения? Отношения наемных рабочих, лишенных средств производства, и капиталистов, владеющих средствами производства? Совершенно ясно, что в Германии, где государство является диктатурой капитала, в госкапиталистическом предприятии имеет место то же основное отношение между наемными рабочими и капиталистами, что и в частнохозяйственном предприятии. Следовательно в Германии частнохозяйственный капитализм и госкапитализм нельзя выделять как разные уклады.

Я беру теперь арендные или концессионные предприятия в СССР, которые находятся в определенных отношениях к пролетарскому государству. Какие здесь производственные отношения? Будут ли здесь только отношения между наемными рабочими и капиталистами? Нет, здесь при том же капиталистическом способе производства появляется новое качество, которого вы не имеете в Германии.

В СССР в концессионном или в арендном предприятии имеет место отношение капиталиста не просто с наемными рабочими, а с рабочими, выступающими в качестве представителей господствующего класса, которому принадлежит диктатура и определенные отношения с пролетарским государством. В условиях СССР госкапитализм, например концессионно-арендные предприятия, Ленин выделял как определенный уклад. Ошибался ли Ленин? Я думаю, что нет.

Вы видите, насколько недопустимо механически подходить к пониманию «уклада» и «формации». Нельзя отождествлять «уклад» и «формацию» и нельзя противопоставлять—«формацию» и «уклад». Они являются и тождеством и нетождеством. К сожалению, у нас до сих пор даже само понимание «формации» и «уклада» еще не разработано, между тем вопрос о формациях и укладах является центральным вопросом для понимания всего исторического процесса и для понимания классовой борьбы.

Хорошо, что Минц не отмахнулся от самого вопроса об общественно-экономических формациях. Когда я выступил со своей книжкой, некоторые товарищи были искренно убеждены, что самый термин «формация» есть богдановский термин. Другие же, как например Мадьяр, все, что он не понимал, приписывал Богданову — у Богданова есть патриархальное хозяйство и у Дубровского есть патриархальное хозяйство — ясно, что Дубровский списал у Богданова.

Ломакин. — Насчет крепостничества и мелкой буржуазии списали у Богданова.

Дубровский. — Напрасно вы ленинское учение о системе крепостного хозяйства, а также и ленинский уклад простого товарного производства хотите незаслуженно приписать Богданову.

Итак центральный для историков вопрос об укладах и формациях, непосредственно связанный с вопросом о классовой борьбе, это вопрос не простой и, к сожалению, истматчики нам, историкам, в этом отношении пока мало помогают. Я считаю, что товарищи, работающие по вопросам диалектического и исторического материализма, должны были бы нам помочь и разработать теоретически вопрос об общественно-экономических формациях и укладах. Мы же сейчас даем только первые ориентировочные намеки.

Теперь я перехожу к вопросу о понимании основных общественно-экономических формаций и общественно-экономических укладов в конкретной истории.

Прежде всего остановимся на выяснении вопроса о том, что же понимать под господствующим и ведущим укладом. Я постараюсь проиллюстрировать понимание этого вопроса на конкретном историческом примере, скажем, на примере крепостничества. В XVI—XVII вв. утверждается диктатура крепостников. Крепостникам удалось задушить крестьянское движение, поднявшееся против старых феодалов и против новых крепостников. Совершенно ясно, что революция XVII в. была крестьянской революцией, а не дворянской, как это считает Рожков. (Крестьянство боролось за некрепостнический путь развития.)

Когда создалась в конце XVI и XVII вв. диктатура крепостников, можно ли было считать крепостничество, в частности барщинное хозяйство, уже господствующим укладом? Если брать со стороны количественной, конечно, нет. В конце XVI в. и в начале XVII в. еще весьма значительно были распространены феодальные отношения. Но крепостнический уклад как уклад развивающегося барщинного хозяйства является ведущим укладом. Именно он составлял экономическую базу укрепляющейся диктатуры крепостников.

Беру теперь XVIII в. Теперь крепостничество превращается уже в господствующий уклад и со стороны даже количественной. Создается барщинное сельское хозяйство и барщинная промышленность.

Некоторые товарищи думают, что при крепостничестве ремесло соединено с земледелием так же, как и при феодализме. Это ошибка. Ремесло не отделено от земледелия целиком, даже при парцеллярном хозяйстве.

Голос с места. — А барщинные фабрики отделены?

Дубровский. — Барщинных фабрик не было. Была барщинная мануфактура.

Как понимать отделение ремесла от земледелия? Пока существует мелкокрестьянское хозяйство, натуральное или полунатуральное, известное соединение земледелия с домашней промышленностью неизбежно. Поскольку и у нас существует мелкое крестьянское хозяйство, в последнем в известной мере еще сохраняется домашнее производство, но сказать, что у нас не отделена промышленность от земледелия, было бы смешно.

В эпоху крепостничества в крестьянском хозяйстве еще громадное значение имеет домашняя промышленность, непосредственно соединенная с натуральным земледелием, но если брать, скажем, XVIII в. — век расцвета крепостничества, то мы имеем не только громадный шаг вперед в выделении ремесла, но уже и выделение мануфактур, преобладающе крепостнических.

Например в XVIII в. довольно развитых форм достигла индустриальная «барщина». Как пример можно привести уральские горные заводы, полотняные и шерстяные мануфактуры в центре России и т. д.

Следовательно, крепостничество в XVIII в. представляет собою в известной мере единство барщинного земледелия и «барщинной» мануфактуры. Таким образом в XVIII в. барщинный крепостнический уклад был не только ведущим, но и количественно господствующим. Он составлял экономическую базу всего общества XVIII в., т. е. крепостнический уклад определял всю тогдашнюю конкретно-историческую формацию, т. е. мы имели тождество уклада и формации.

Беру другую крайность — начало XX в. В недрах крепостного общества создался новый капиталистический способ производства и новые капиталистические производственные отношения. Вы помните, что Ленин в «Письмах издалека» писал, что с Февральской революцией в России к власти пришел новый класс капиталистов и капиталистических помещиков. Накануне 1917 г. создался конфликт между развитием производительных сил и производственных отношений, причем конфликт двоякого порядка, который сказался в двоякого рода классовых противоречиях. К 1917 г. налицо было противоречие, с одной стороны, между крестьянством и крепостниками-помещиками и, с другой стороны, между пролетариатом и буржуазией. Таким образом, с одной стороны, налицо были противоречия, характерные для первого демократического этапа революции, и, с другой стороны, противоречия, характерные для второго социалистического ее этапа.

Следовательно под старой оболочкой полукрепостнического режима — диктатуры крепостников развились новые производительные силы, которые на первом этапе взрывали всю старую полукрепостную систему, а на втором — всю капиталистическую систему.

В начале XX в. крепостной уклад уже переставал быть и ведущим и господствующим. Однако сохранились его громадные остатки и прежде всего полукрепостное землевладение. Такое положение характерно для предреволюционных эпох, когда назревает противоречие между развитием производительных сил с производственными отношениями. Следовательно на взятом мною примере вы имеете возникновение крепостнического уклада в XVI в., который, являясь ведущим в конце XVI в., количественно еще не был господствующим. Это было характерно для возникновения формации. Накануне краха данной формации определяющий ее уклад перестает быть и господствующим и ведущим. Он ждет революционного толчка для своего уничтожения и уничтожения основанной на нем политической надстройки. Что касается собственно крепостничества, то его ликвидация должна итти двумя путями:

«Эти два пути объективно-возможного буржуазного развития мы назвали бы путем прусского и путем американского типа».[1]

Только таким образом можно ставить вопрос о диалектическом развитии формаций в конкретной истории и соответственно об отношении между базисом и надстройкой. Именно в таком смысле и можно говорить о ведущем господствующем укладе, который определяет собою всю конкретноисторическую формацию. В таком смысле можно говорить о ведущей роди социалистического уклада на первых этапах нашей революции.

Возьмем например 18 — 19 — 20-е годы. В эти годы количественно господствует мелкобуржуазная стихия, но, поскольку уже произошла социалистическая революция и утвердилась диктатура пролетариата, ведущую роль играла прежде всего национализированная промышленность, составлявшая основу развивающегося социалистического уклада. Только так можно понять не механический, а диалектический вопрос о соотношении между базисом и надстройкой, о соотношении между ведущим укладом и формой государственной власти, если речь идет о классовом обществе и т. д.

IV. Ленин о феодализме и крепостничестве.

Теперь вкратце остановлюсь на том, как подходил Ленин к пониманию феодализма и крепостничества.

Я не буду конкурировать с Минцем в умении толковать Ленина. Минц в одной из своих статей дал даже целое поучение «От отца к сыну», как надо толковать Ленина. Я сошлюсь на только что опубликованное письмо Ленина к М. И. Ульяновой, в котором он пишет против тех статистиков, которые, вместо того чтобы брать явление в целом, возьмут 1 — 2 факта, может быть даже 20 фактов и на основании этого делают свои выводы. Так и Минц и некоторые другие возьмут несколько вырванных цитат из Ленина, умолчат про другие и «докажут» то, что им нужно. Или же, если взять наш спор, приведут несколько отдельных случаев отработочной ренты, и вот у них уже получается, что в XV — XVI вв. существует барщина. Не об этом идет спор, спор идет не о том, встречалась ли вообще тогда барщина, а об ее мере в тогдашнее время, именно — в каком количестве и в каком качестве существовала барщина. Этого вы не поняли. Ясно, что мера, т. е. единица количества и качества барщины XVIII в., и мера барщины XIV — XV вв. совершенно разные. Если заниматься «цитатологией» так, как занимается Минц и некоторые другие, то можно доказать все, что угодно. Товарищи, пытающиеся цитатами из Ленина доказать тождество феодализма и крепостничества, обычно упускают из виду, в связи с какими конкретными фактами давал Ленин те или иные характеристики феодализму и крепостничеству. Как это я буду дальше указывать, в конкретной истории феодальные и крепостные отношения так тесно переплетались, что часто трудно даже определить между ними грань.

[1] *Ленин*, Соч., т. XI, стр. 348.

Сплошь и рядом феодал является крепостником и крепостник в тоже время феодалом, поэтому сплошь и рядом приходится говорить о крепостниках-феодалах.

Однако отсюда совершенно неправильно было бы делать вывод о тождестве феодализма и крепостничества. В конкретной истории мы имеем не только переплет феодальных и крепостных отношений, но например феодальных и капиталистических, крепостнических и капиталистических, рабских и феодальных, рабских и крепостных, рабских и капиталистических и т. д. Однако вряд ли кто-либо на основании этого сделал бы вывод о тождестве крепостничества и рабства, капитализма и феодализма. Для примера приведу несколько формулировок Ленина, относящихся к таким переходным, смешанным формам. Возьмем для примера вопрос о рабском хозяйстве. Например Ленин очень часто употребляет термин «рабы» в отношении крепостных крестьян, а «рабовладельцы» в отношении помещиков-крепостников. Например Ленин пишет, что выкуп являлся «не чем иным, как данью крепостникам за освобождение их рабов». [1] Ленин говорит о выколачивании царским правительством денег «для удовлстворения аппетитов рабовладельцев» [2] о «рабовладельческих доходах крепостников». [3]

Итак Ленин употребляет термины крепостник и рабовладелец и крепостной и раб как тождественные, но можно ли на основании этого сказать, что крепостничество и рабство это тождество? Разумеется нет. Возьмем теперь «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии», где Ленин пишет как бы о тождестве остатков феодализма и рабства. Критикуя Суханова, который не видел остатков феодальных отношений в Америке, Ленин пишет следующее:

«С. штаты Америки, — пишет г. Гиммер, — это — «страна, никогда не видевшая феодализма и чуждая его экономическим пережиткам». Это — утверждение прямо противоположное истине, ибо экономические пережитки рабства решительно ничем не отличаются от таковых же пережитков феодализма, а в бывшем рабовладельческом юге С. штатов эти пережитки очень сильны до сих пор». «Перед нами, вовсе не арендаторы в европейском, культурном, современнокапиталистическом смысле. Перед нами преимущественно полуфеодальные, или что то же в экономическом отношении — полурабские издольщики». [4]

Если бы кому-либо понадобилось доказать, что феодализм и рабство одно и то же, он вероятно взялся бы за эту цитату. Между тем для всякого ясно, что в данном случае речь идет об американском рабстве.

Зоркий. — Американское рабство — на основе капитализма.

Дубровский. — Если, т. Зоркий, рабы существуют в Московской Руси XV в., то это по-вашему рабство, а если рабы существуют в южных штатах Америки, когда сильнейшим образом развивается промышленный капитализм, то это перестает быть рабством. Какая же раз-

---

[1] *Ленин*, Соч., т. IX, стр. 280, а также стр. 321.
[2] Там же, стр. 280, а также 311, 318.
[3] *Ленин*, Соч., т. XI, ч. 2, стр. 264.
[4] *Ленин*, Соч., т. IX, ч. 1, стр. 203. и 204.

ница в смысле производственных отношений? Несмотря на всю разницу условий, вы в южных штатах Америки ищете рабство, как определенные производственные отношения между рабовладельцами и рабами.

Итак Ленин совершенно ясно пишет, что

«экономические пережитки рабства решительно ничем не отличаются от таковых же пережитков феодализма» (как, заметим от себя, пережитки крепостничества от пережитков феодализма) и что «полуфеодальные издольщики» в «экономическом отношении» то же, что и «полурабские издольщики».

Когда нам приходится заниматься крепостничеством, то мы очень часто употребляем термин «полуфеодальные отношения», «феодальные остатки» и т. д.

Я бы мог вам привести еще целый ряд цитат, где Ленин в том же духе говорит о феодализме и рабстве. Можно ли на основании приведенных цитат сделать вывод, что Ленин смешивал феодализм и рабство, считал их тождеством? Ни в коем случае. Приведу пример, когда Ленин употребляет термин «патриархальный» и «феодальный» как тождество.

Говоря о сдвигах столыпиновщины в сторону аграрного бонапартизма, он указывает, что

«бонапартизм есть лавирование монархии, потерявшей свою старую патриархальную, или феодальную, простую и сплошную опору...»[1]

Можно ли на основании этой цитаты сделать вывод, будто бы Ленин считал, что патриархальный и феодальный строй одно и то же? Конечно нет.

Далее Ленин вслед за Каутским говорит даже о «феодально-капиталистическом хозяйстве», которое ведет «поместное дворянство».[2] Значит ли это, что феодализм и капитализм есть одно и то же? Ни в коем случае.

Или например Ленин пишет о прусском пути развития капитализма «на землях феодалов-помещиков-юнкеров».[3]

Юнкер есть отрицание феодального помещика, и Ленин пишет о переходе от феодальной эксплоатации к капитализму.

Голос с места. — Феодальные привески.

Дубровский. — Совершенно правильно. Но можно ли отсюда сделать вывод, что капитализм и феодализм одно и то же? Конечно нет. Я привел все эти цитаты только потому, что на основании совершенно аналогичных цитат, которые приводит Минц и которые приводят многие другие в отношении феодализма и крепостничества, пытаются делать вывод о тождестве последних. Они пытаются выдать за отождествление Лениным феодализма и крепостничества те формулировки, которые только констатировали и подчеркивали тот исторический факт, что феодальные и крепостные отношения существовали одновременно. Например в России до самой Октябрьской революции в значительном количестве имелись остатки не только крепостных, но и феодальных отношений.

[1] *Ленин*, Соч., т. XI, ч. 1, стр. 156.
[2] *Ленин*, Соч., т. IX, стр. 11.
[3] *Там же*, стр. 460.

Поэтому совершенно правильно Ленин иногда говорил о крепостниках-феодалах. Возьмите вы например какую-нибудь латифундию Романовых. Это ведь типичнейшие крепостники-феодалы. Например во многих имениях Романовых барщины вовсе и не было, а были чисто феодальные способы эксплоатации крестьянства.

Так что ни в коем случае на основании тех цитат, которые вы привели и которые относятся к фактам конкретной истории, нельзя утверждать, что феодализм и крепостничество являются тождеством. Более того, пользуясь термином «феодалы» по отношению к русским помещикам-крепостникам, Ленин оговаривает даже неточность в данном случае этого общеевропейского выражения.

Вот что пишет Ленин против Ларина, который русских помещиков называет феодалами. Ленин пишет, что условием проведения в жизнь столыпинской реформы был

«... союз центральной власти с феодальными (*употребим это не вполне точное, общеевропейское выражение*) помещиками и верхами торгово-промышленной буржуазии...» [1]

Как видим, эта оговорка совершенно четко говорит о том, что Ленин не считает точным термином феодальный в отношении русских помещиков. Он пользуется им лишь, как распространенным общеевропейским термином.

В отношении предреволюционной России Ленин совершенно определенно писал не о феодализме, а о крепостничестве. Ссылаясь на оценку Маркса французской революции 1848 г. и германской революции 1789 г., Ленин пишет, что с соответствующими изменениями *конкретных национальных особенностей, с постановкой крепостничества на место феодализма* все эти положения целиком применимы и к России 1905 г. Для каждого ясно, что если бы Ленин считал феодализм и крепостничество тождеством, то он не стал бы делать только что приведенной оговорки. Различие между феодализмом и крепостничеством Ленин подчеркивает и тем, что он ставит рядом феодализм и крепостничество. Если бы он считал их тождеством, то ставить их рядом было бы бессмысленно. Если бы он считал крепостничество лишь этапом в развитии феодализма, то опять-таки нельзя было бы поставить их рядом. Далее, говоря о классовых сословиях, Ленин опять делает оговорку о крепостном обществе. Указывая, что

«против *крепостничества*, против *крепостников-помещиков* и служащего им государства крестьянство продолжает еще оставаться классом, именно классом не капиталистического, а *крепостного общества*, т. е. классом-сословием»,

Ленин тут же замечает, что

«классы рабского и *феодального* (а также и крепостного) общества были также и особыми сословиями». [2]

Итак, говоря о классовых сословиях, Ленин подчеркивает, что это свойство было присуще и рабскому феодальному, а также и крепостному обществу. Если я скажу, что Минц и Ванаг стоят на одной точке

---

[1] *Ленин*, Соч., т. XI, ч. II, стр. 240. Курсив мой. — *С. Д.*
[2] *Ленин*, Соч., т. IX, стр. 289. Курсив мой. — *С. Д.*

зрения или что им присуще одно и то же качество, будет ли это означать полное тождество? Нет, здесь будет «единство противоположностей».

Так что в данном случае, если Ленин, говоря о классе — сословии рабского и феодального общества, при этом оговаривает, что это относится и к крепостному обществу, то это указывает на такое отличие феодального общества от крепостного, что в отношении последнего потребовалась специальная оговорка. Ясно, если бы крепостничество являлось лишь частью феодализма или же просто этапом в его развитии, то такой оговорки не потребовалось бы.

Итак в приведенных выдержках Ленин рядом ставит феодализм и крепостничество. Потому что здесь есть тождество? Нет, потому что у рабского, феодального и крепостного общества есть не только сходство в определенных свойствах, но и различие.

Чрезвычайно показательно, что когда Ленин говорит о землевладении, то опять-таки он приводит различие между феодальным землевладением и крепостническим надельно-крестьянским землевладением. Вот что пишет об этом Ленин:

> «Капитализм в земледелии не зависит от *формы* землевладения и землепользования. Капитал застает средневековое и патриархальное землевладение самых различных видов: и феодальное, и *«надельно-крестьянское»* (т. е. зависимо крестьянское), и классовое, и общинное, и государственное и т. д. Вот эти виды землевладения капитал подчиняет себе, но в различной форме, различными способами». [1]

Ясно, если бы крепостничество и феодализм Ленин считал тождеством, то он не поставил бы рядом с феодальным землевладением крепостническое «надельно-крестьянское» (т. е. зависимо-крестьянское»).

Зоркий и Минц неоднократно цитировали ответ Ленина Скворцову по вопросу о «государе-вотчиннике». Но удивительная вещь — цитата находится на двух страницах — одну читают, а на другую не смотрят. Не нравится им эта страница. В чем дело? Оказывается Скворцов считал крепостничество особой формацией, а Ленин не считал — так заявил Минц. Прочитаем это письмо.

> «Из моих слов: «До капитализма земледелие было в России господским делом, барской затеей для одних, обязанностью, тяглом для других», по мнению г. Скворцова, — «оказывается, что целая общественная формация, крепостной способ производства, была только барской затеей». [2]

Если бы Ленин не считал крепостничество особой формацией, то он должен был возмутиться — буржуазный ученый ревизионист, немарксист утверждает такую вещь, что крепостничество является особым способом производства, особой формацией. Ленин был достаточно чуткий в этом отношении человек. Но вот что он пишет:

> «Нет, г. Скворцов, это еще вовсе не «оказывается», ибо я в своем месте указал на то, что «крепостное хозяйство было известной правильной и законченной системой», и здесь охарактеризовал лишь один из признаков этой системы. Что в помещичьем хозяйстве был элемент «барской затеи», это легко увидит всякий, кто вспомнит известные типы «Обломовых крепостной или кабальной деревни». [3]

---

[1] *Ленин*, Соч., т. IX, стр. 201.
[2] *Ленин*, Соч., т. III, стр. 518.
[3] *Там же.*

Как видим, Ленин не только не протестует против утверждения Скворцова, что крепостничество было «целой общественной формацией», но указывает, что он в своей работе написал, что «крепостное хозяйство было известной правильной и законченной системой», т. е. что то же — формацией.

Я мог бы привести вам целый ряд новых цитат, но дело не в них. Надо понять основные мысли Маркса, Энгельса и Ленина об общественно-экономических формациях. Вы помните, что Ленин, комментируя одно письмо Маркса в «Отечественные записки», указывал, что Маркс объяснил только одну общественно-экономическую формацию, именно капиталистическую. Маркс занялся изучением ренты в России с тем, чтобы вопрос о докапиталистической ренте поставить на материале России как страны, которая дает для этого богатейшие данные благодаря разнообразию видов и форм докапиталистических отношений. Эта работа и была выполнена Лениным, который в своих работах, в частности о развитии капитализма, с чрезвычайной ясностью и четкостью охарактеризовал крепостнический способ производства, основные черты которого были установлены Марксом на примере румынского крепостничества.

Еще одно замечание по вопросу о том, что будто бы согласно Марксу и Ленину всегда капитализм вырастает на основе разложения феодализма, что будто бы капитализм не может вырастать на основе разложения крепостничества, что между феодализмом и капитализмом не может быть никакой иной формации, в частности не может быть крепостнической формации. В этом духе неоднократно выступал Зоркий, в частности об этом он говорил в своем докладе о Зомбарте — докладе «замечательном» в своем роде тем, что у Зоркого в анализе перехода от феодализма к капитализму получилось по существу механическое мирное врастание феодализма в капитализм. О том, что капитализм может возникать на основе разложения *различных* докапиталистических отношений, вы можете найти целый ряд указаний у Маркса, в частности в главе о генезисе капиталистической ренты. Вот что по поводу этих указаний Маркса писал Ленин:

> «Вы найдете далее у Маркса анализ происхождения поземельной ренты капиталистического типа и ее отношения к исторически предшествующим формам ренты, например натуральной отработочной (барщины и ее пережитков), денежной (оброка и т. п.). А кто из буржуазных или мелко-буржуазных, народнических экономистов или статистиков подумал сколько-нибудь серьезно над *применением этих теоретических указаний Маркса к изучению возникновения капитализма из рабовладельческого хозяйства на юге Америки или из барщинного в центре России*». [1]

Увы, это замечание Ленина относится не только к буржуазным и мелкобуржуазным экономистам и статистикам. Вы, т. Зоркий, и вы, т. Минц, на основании этого анализа происхождения капиталистической ренты подумали ли над применением этих теоретических указаний к изучению возникновения капитализма из рабовладельческого хозяйства на юге Америки и из барщинного в центре России? К сожалению, нет, иначе вы бы не говорили, что капитализм

[1] *Ленин*, Соч., т. IX, стр. 234 и 235. Курсив мой. — *С. Д.*

может развиваться только из феодализма, хотя в Западной Европе — Франции, Англии он и развился из феодализма.

V. Богдановщина и ее сущность.

Я перехожу к вопросу о богдановщине. В чем суть богдановщины? В непонимании общественно-экономических формаций, т. е. в механистическом подходе к пониманию общественного развития, непонимании классовой борьбы и т. д. Характерно, что в определении общества у Богданова, как затем и у Бухарина, совершенно выпадает классовый момент.

Богданов под обществом понимает

«совокупность людей, объединенных хозяйственной или, что то же, трудовой связью: тем, что они работают заодно с другими, или тем, что одни работают на других».[1]

Учение Богданова об общественно-экономическом развитии ничего общего не имеет с марксизмом. Богданов подразделяет

«процесс экономического развития на периоды, характеризующиеся различным строением общественных организаций».[2]

Каковы же по Богданову «основные типы строения общественных организаций»? Оказывается, эти типы взяты почти целиком из бюхеровской схемы. Именно Богданов устанавливает *три основных типа* (курсив мой — *С. Д.*): первобытное натуральное хозяйство, затем второе — меновое хозяйство и третье — объединенное натуральное хозяйство (коллективизм). Что же у Богданова относится к натуральному хозяйству?

«В этом периоде мы будем различать три эпохи, из которых каждая представляет крупные и важные особенности в социально-трудовых отношениях.

a) Первобытный родовой коммунизм. Мелкие родовые группы почти с полным отсутствием разделения труда.

b) Авторитарная родовая община. Размеры группы возрастают, имеются зачатки специализации, функция организаторская обособилась внутри общины в виде власти старейшего и опытнейшего.

c) Феодализм. Дальнейший рост организации, при котором кровные связи отступают на второй план перед связями собственно экономическими. Специализация идет дальше, захватывает также организаторскую функцию, так что создается более или менее сложная и диференцированная система власти — подчинения».[3]

К меновому хозяйству Богданов относит «мелкобуржуазный строй», «домашнекапиталистическую систему», «промышленный капитализм типа мануфактуры», «машинный капитализм». Рабство же и крепостничество Богданов не считает особыми формациями. Он их рассматривает, как переходные формы, но в основном крепостничество попало у него в денежное хозяйство так же, как и у Минца в эпоху «торгового капитализма».

Минц, обвиняя Дубровского в механизме, забыл, что его единомышленник Малышев, мой второй спутник, выдвинул в учебнике

---

[1] *А. Богданов*, Начальный курс полит. экономии, 1919 г., стр. 5.

[2] *А. Богданов* и *И. Степанов*, Курс полит. экономии, т. I, изд. 3, стр. 18.

[3] *Там же*, стр. 18.

Заочного коммунистического университета замечательное общество — «торгово-крепостническое». Это абсурд, это струвизм. Именно Ленин критиковал Струве за его непонимание крепостного хозяйства, как в основном натурального хозяйства. Малышев в конструировании особого общества — торгово-крепостнического — исходил из богдановского понимания «торгового капитализма», как особой общественной формации.

Итак достаточно просмотреть богдановский «каталог» основных типов общества, общественных форм, чтобы видеть, что он ничего общего не имеет с марксистским учением об общественно-экономических формациях. Таким образом слишком большую честь Богданову делают те, которые считают, что как бы Богданову принадлежит развитие марксистско-ленинского учения об общественных формациях и установление основных формаций. Как видим, Богданов распределяет общественные формы по совершенно случайным признакам, потому что он не понимает самого основного для определения общественно-экономических формаций — именно способов производства, производственных отношений.

Перейдем теперь к вопросу о том, как понимает Богданов феодализм и крепостничество.

VI. Феодализм в понимании Богданова.

В моей брошюре «К вопросу о сущности «азиатского» способа производства» и т. д., я уже приводил определение Богдановым феодализма. Богданов определял феодализм по организаторской деятельности феодалов в производстве и в распределении. Феодальную организацию он выводил «из потребности в единой организующей воле».[1] Вместо того чтобы определять феодализм по производственным отношениям между эксплоататорами-феодалами и эксплоатируемыми-крестьянами, Богданов все сводит к организаторской деятельности феодалов. Вот как он например определяет «организаторскую» роль в производстве феодалов.

«Главная их роль заключалась в том, что они были организаторами военной защиты (?!) подвластных им общин. Они присваивали себе прибавочный труд крестьянина *в виде барщины* (обязательная работа на феодала в течение известного числа дней в году) или оброка (уплата дани феодалу продуктами). Благодаря этому хозяйство феодала было экономически гораздо сильнее крестьянских хозяйств и могло брать на себя устройство предприятий, общественно необходимых, но непосильных даже более зажиточным крестьянам: мельниц, пекарен, особенно же дорог, мостов и пр. Во время голода, эпидемий и других бедствий феодал своими запасами и средствами поддерживал (?!) крестьян и помогал (?!) им пережить тяжелое время, заставляя их потом, разумеется, с избытком возвращать затраченное. На всем этом основывалась власть феодала: он считался «господином» (сеньером) земли и крестьян».[2]

Приведенное определение Богданова настолько неправильно, что

[1] См. *А. Богданов*, Краткий курс экономич. науки, изд. 1923, стр. 49, а также нашу брошюру «К вопросу о сущности «азиатского» способа производства феодализма, крепостничества и торгового капитала», стр. 56 и 57.

[2] *А. Богданов*, Начальный курс полит. экономии, 1919 г., стр. 48 и 49.

вряд ли на разъяснении этого стоит останавливаться. Но на что я сейчас обращаю внимание — это на то, что по Богданову при феодализме существует и барщина, более того, подобно всем моим противникам Богданов именно для феодализма считает характерными барщину, распадение пахотной земли на две части — крестьянскую и господскую, обработку последней трудом зависимых крестьян, которые должны отбывать определенное количество дней в неделю. Именно все то, что по определению Ленина являлось характерным именно для крепостнической системы хозяйства. Богданов совершенно не различает ренты продуктами и ренты отработочной. Более того, взимание ренты Богданов связывает с «полезными» (?!) функциями, которые выполняет феодал.

«Величина ренты при собственно феодальных отношениях стоит в непосредственной связи с теми полезными функциями, которые выполняются феодалом. Необходимость усиленной внешней защиты ведет к увеличению оброков, взимаемых на военные цели. Постройка печи, мельницы или укрепления временно увеличивает число дней барщины». [1]

Богданов связывает ренту лишь с организаторской, а отнюдь не с эксплоататорской деятельностью феодала. [2] Как видим, Богданов не понимал ни способа производства, ни специфических производственных отношений, свойственных феодализму. Богданов совершенно смешал разные способы эксплоатации, свойственные феодализму и крепостничеству. В результате, как мы увидим далее, он не только не понял феодализма, но совершенно отрезал себе этим путь к пониманию крепостничества как особой хозяйственной системы, как особой общественной формации, он смешал феодализм с крепостничеством и, как мы увидим далее, ничего не понял в государственном строе эпохи крепостничества, именно в диктатуре крепостников.

VII. Богданов о крепостном хозяйстве.

Богданов, а вслед за ним и Степанов рассматривали крепостничество, как переходную форму от натурального хозяйства к денежному капиталистическому хозяйству. Они рассматривали крепостничество лишь как этап в развитии феодализма, лишь как утверждение феодализма, лишь как особую форму приспособления феодалов к новым экономическим отношениям, именно к развитию торговли и торгового капитала.

«Крепостное право было не только отрицанием, но и утверждением феодализма: утверждением постольку, поскольку оно было особой формой приспособления феодалов к новым экономическим отношениям». [3]

Как видим, и Богданов и Степанов тут с абсолютной ясностью ставят вопрос о том, что крепостное право и соответственно крепостное хозяйство отнюдь не были чем-то отличными от феодализма, они

---

[1] *А. Богданов* и *И. Степанов*, Курс полит. экономии, т. I, изд. 3, стр. 125.
[2] *Там же*, стр. 126.
[3] *Там же*. стр. 294.

были утверждением феодализма, они были особой формой приспособления феодалов к новым экономическим отношениям. Я особо обращаю внимание на эту формулировку, так как впоследствии неоднократно ее встретим у целого ряда историков, которые совершенно не понимают ни сущности феодализма, ни сущности крепостничества и соответственно не понимают крепостнических производственных отношений и крепостнической системы хозяйства как барщинной системы хозяйства, о которой писали Маркс и Ленин.

Как мы уже указывали выше, смешав феодальную систему эксплоатации главным образом через взыскание ренты продуктами с барщинной системой эксплоатации, свойственной крепостничеству, Богданов, а также Степанов совершенно отрезали себе путь к пониманию крепостничества, как особой хозяйственной системы.

Особенности крепостничества как этапа в развитии феодализма им пришлось искать главным образом в количественных изменениях, именно в росте эксплоатации, а качественное изменение они сводили только к изменениям роли феодалов, именно к превращению их из организаторов в паразитов (как будто бы при феодализме они не были паразитами).

«Крепостнические отношения даже в своей развитой форме по внешности очень близко напоминают феодальные отношения: те же внешние соотношения крестьянского и господского производства и хозяйства, те же повинности, обычно те же наименования этих повинностей и номинальная связь их с определенными функциями сеньера. Но глубокое отличие крепостнических отношений от феодальных заключаются в том, что эти функции частью отошли от сеньера, например функции военной защиты, частью же превратились просто в предлог для поборов и в средство для более прочного подчинения крестьян, например судебные функции. Сеньер-организатор сменился помещиком-потребителем, который, ничего не давая для производства, развивает свою деятельность, если можно говорить о таковой, в исключительно эксплоататорском направлении, или же напротив помещиком-предпринимателем, который отличается от капиталистического предпринимателя только открытым применением прямого принуждения к эксплоатируемым». [1]

Итак, как мы видим, глубокое (?!) отличие крепостнических отношений от феодальных заключается в том, что сеньер перестал быть военным защитником (?!) крестьян, что сеньер-организатор сменился помещиком-потребителем или же помещиком-предпринимателем. Как видим, характеристика крепостничества, крепостнической системы хозяйства, данная Лениным, ничего общего не имеет с этой богдановской характеристикой крепостничества лишь по «роли» организаторов хозяйств. Что же касается положения самих крестьян, то дело здесь сводится по существу не к изменению в производстве способа производственных отношений, а лишь только к изменению правового положения крестьян. Именно переход их от полусвободного состояния при феодализме к крепостному при крепостничестве.

Все дело ими сводится к юридическому положению крестьян. [2] Заметим, что Богданов и Степанов довольно много внимания уделяют противопоставлению крепостничества рабству, но они совершенно

---

[1] *А. Богданов* и *И. Степанов*, Курс полит. экономии, т. I, изд. 3, стр. 200 и 201.
[2] *А. Богданов*, Начальный курс полит. экономии, стр. 62.

не ставят вопроса о различии между феодализмом и крепостничеством.

При феодализме у Богданова, а также и Степанова формой эксплоатации является барщина и оброк и при крепостничестве та же форма эксплоатации, т. е. барщина и тот же оброк. Для Богданова здесь прежде всего количественная разница, но не качественная разница. Поэтому например он смешивает феодализм и крепостничество даже в отношении конкретной истории.[1]

Ясно, что такая трактовка крепостничества ничего не имеет общего с трактовкой крепостничества Марксом и Лениным, как особой хозяйственной системы, основанной на барщинном труде.

VIII. Богданов о торговом капитале и торговом капитализме.

У Маркса мы читаем:

«Торговый и ростовщический капитал обладает способом эксплоатации, характерным для капитала без характерного для него способа производства».[2]

Более того, самостоятельное существование ростовщического и купеческого капитала не только не создает своего способа производства, но наоборот оно само создается на основе чуждой ему независимой от него общественной формы производства.[3] В противоположность этому Богданов пишет «об особом торговом капиталистическом способе производства», почти в смысле особого способа производства, «об особой эпохе торгового капитала», которой как политическая организация соответствует абсолютная монархия. Вот как Богданов определяет торговый капитал, который он рассматривает не только как капитал, но и как определенный строй, строй торгового капитализма:

«Что такое торговый капитал, — спрашиваст Богданов и отвечает: — Это такой строй экономических отношений, при котором торговый капитал господствует над производством, является его руководителем».[4]

По Минцу торговый капитал через помещиков-крепостников подчиняет себе мелких производителей. Это богдановская схема.

Богданов рассматривает торговый капитализм гораздо шире, чем только ту область отношений, которая возникает в домашней системе производства. Он говорит об особом «торгово-капиталистическом обществе».[5] Именно он относит к нему общество, основанное на ремесленно-городском и крепостном строе.

«Торговый капитализм представляет из себя вторую стадию развития менового общества, — стадию, тесно переплетающуюся с ремесленно-городским крепостным строем».[6]

Несомненно своими ошибочными формулировками Богданов дал

[1] См. *А. Богданов*, Краткий курс экономич. науки, изд. 1906 г. стр. 161.
[2] Капитал, т. III, ч. 2, стр. 138.
[3] *Там же*, ч. 1, стр. 312.
[4] *А. Богданов*, Начальный курс полит. экономии, стр. 74.
[5] *А. Богданов*, Краткий курс экономич. науки, стр. 113.
[6] *Там же*, стр. 111.

толчок совершенно ошибочным теориям, которые рассматривали крепостное хозяйство как хозяйство, типичное для «торгово-крепостнического» производства, как характерное для эпохи «торгового капитализма». Богданов говорит не только о роде помещичьей эксплоатации на основе развития торгового капитала, но и о подчинении производства торговому капиталу, именно он говорит «об организаторской роли торгового капитала в области производства».[1] Именно он говорит о подчинении торгово-ростовщическому капиталу крестьян и феодалов, а вслед за ними и ремесленников.[2]

Богданов говорит не только об экономическом, но и о политическом господстве торгового капитала.

IX. Богданов об абсолютизме как власти торгового капитала.

Абсолютную монархию Богданов рассматривает как надклассовую бюрократическую монархию, осуществляющую господство «торгового капитализма». Он пишет о гегемонии торгового капитала, именно в непосредственном смысле господства торгового капитала, т. е. купечества.

«Торговый класс, — пишет он, — идет во главе развития и ведет за собой другие общественные силы и прежде всего правительство».[3]

Формой господства торгового капитала Богданов считает абсолютную монархию.

«Что касается до организаций собственно политических, то эпоха торгового капитала была временем расцвета абсолютной монархии. Прочная экономическая связь между различными частями государства, которую создавало развитие сношений, являлась основой прочного объединения страны. В то же время абсолютной монархии пришлось выполнить весьма важные и широкие исторические задачи, выполнить в тяжелой борьбе, которая укрепила силу абсолютной монархии и завоевала ей сочувствие и доверие развивавшихся торгово-промышленных классов общества».[4]

Когда Богданов говорит про эпоху «торгового капитализма», он связывает с ней и определенную политическую надстройку, именно власть «торгового капитала», которая выполняет общественно полезные функции по утверждению нового «торгово-капиталистического порядка».

В заключение заметим, что Богданов и крестьянские движения рассматривает лишь как движение против торгового капитализма. Вам вероятно припоминаются некоторые схемы и нашего крестьянского движения, например определение пугачевщины как борьбы не-монополистического торгового капитализма «против монополистического».

На конференции историков-марксистов М. Н. Покровский повидимому признал ленинское учение о самодержавии как диктатуре крепостников: он несколько раз об этом говорил. Он признал ленинские

[1] *А. Богданов*, Краткий курс экономич. науки, стр. 114.
[2] *Там же*, стр. 115.
[3] *Там же*, стр. 113.
[4] *Там же*, стр. 108.

формулировки и о наличии в дореволюционной России крепостного хозяйства. Вы, т. Минц, об этом ничего не сказали. Вы на конференции историков-марксистов говорили

о «монопольном торговом капитале, остатки которого сохранились до эпохи империализма». [1]

М. Н. Покровский пришел повидимому к признанию ленинского понимания самодержавия, как диктатуры крепостников, а вы, т. Минц, идете к богдановской схеме.

X. Историческая схема Рожкова.

Теперь кратко о схеме Рожкова.

Как известно, Рожков не был диалектическим материалистом. Он был типичным представителем механического «экономического материализма». Рожкову совершенно чуждо было марксистское понимание общественно-экономических формаций, так же, как ему чуждо марксистское понимание способа производства и сущности производственных отношений.

Насколько чуждо Рожкову самое понятие общественно-экономических формаций, дает хотя бы перечень установленных им основных исторических периодов. Так мы читаем в томе I его «Русской истории в сравнительном историческом освещении»:

«Девять основных периодов можно различить в истории каждого общества, каждой культуры. Периоды эти следующие: 1) первобытное общество; 2) общество дикарей; 3) дофеодальное общество, или общество варваров; 4) феодальная революция; 5) феодализм; 6) дворянская революция; 7) господство дворянства; 8) буржуазная революция; 9) капитализм».

Данная Рожковым периодизация совершенно не выдерживает критики. Эта периодизация несостоятельна прежде всего потому, что она в основу деления кладет совершенно различные признаки, вместо того чтобы класть в основу деления общества способ производства, производственные отношения. Далее, вместо того чтобы брать каждую формацию в возникновении, развитии и уничтожении, он отрывает из этой диалектической цепи возникновение формации и уничтожение формации. В приведенной схеме Рожкова совершенно нет тех формаций и тех укладов, которые были установлены Марксом и Энгельсом.

Например у Рожкова совершенно не было рабского хозяйства, пропуск рабского хозяйства у Рожкова является не случайным. По мнению Рожкова, рабовладельческие системы не составляют особого типа, а относятся либо к крепостной организации, либо к капитализму в стадии первоначального накопления. [2] Например даже в отношении античного мира, именно в отношении Греции и Рима, он смешивает крепостнические и рабские порядки. Благодаря такому

[1] См. «Труды конференции», т. I, стр. 355, выступление Минца по докладу Ванага.

[2] *Н. Рожков*, Русская история в сравнительном историческом освещении, т. VII, стр. 272.

курьезному смешению вполне понятно, что у него в категорию старого порядка попадает и Франция и древневосточный Египет, и Римская империя первых трех веков после начала нашей эры.

XI. Рожков о феодализме.

Как же определяет Рожков феодализм? Я в своей брошюре написал об этом.

Так же как и Богданов, Рожков (а вслед за ним и Минц) считает, что феодализму свойственна барщинная эксплоатация. И при муниципальном феодализме и при «обычном» феодализме у него существует прикрепление крестьян к земле». [1]

При муниципальном феодализме у него существует *крепостное крестьянство*. [2] Вот как Рожков определяет муниципальный феодализм:

> «В хозяйственном отношении муниципальный феодализм характеризуется преобладанием транзитной, передаточной внешней торговли, которой подчиняются и ремесло и земледелие или другие отрасли сельского хозяйства. В социальном строе первенство при муниципальном феодализме принадлежит аристократии, соединяющей в своих руках крупное землевладение, крупную торговлю и кредит (ростовщичество); *торговый и ростовщический капитал организует* корпоративно купцов и ремесленников и *подчиняет* себе тех и других, будучи приложен отчасти к земле, *подчиняет и крепостное крестьянство*». [3]

Следовательно совершенно ясно написано, что даже при муниципальном феодализме существует крепостничество. Пожалуйста проверьте.

Настолько Рожков не понимает способа эксплоатации, свойственного феодализму, что он всюду в отношении феодализма говорит о крепостничестве. Вот что пишет например он про особенности английского феодализма: «Английский тип феодализма имеет следующие отличия от французского: узкий местный рынок держится недолго и скоро сменяется более или менее обширным рынком; вследствие этого крепостничество слабо и сближается со свободным держанием, специальный и политический (?!) феодализм не силен и продолжение его достигается сравнительно скоро и легко, откуда происходит и ограничение королевской власти совокупным действием феодальной знати, рыцарства и горожан. [4] Как видим, здесь Рожков смешивает феодализм и крепостничество.

Английский феодализм он даже характеризует как крепостничество. В этом определении у него полнейшая каша, неспособность различать разные вещи. М. Н. Покровский в своем конкретном описании XVI и последующих веков фактически показал различие между феодализмом и крепостничеством. Он не ставит вопроса о формациях, но весь приведенный им фактический материал показывает, что в России имел место феодализм в течение XIII, XIV, XV и первой

---

[1] *Н. Рожков*, Русская история в сравнительном историческом освещении. т. II, стр. 415.

[2] *Там же*.

[3] *Там же*, стр. 417. Курсив мой. — *С. Д.*

[4] *Там же*, стр. 416 и 417.

половины XVI вв. На смену же феодалам пришел новый класс — помещиков и торговой буржуазии. Феодализм по Покровскому разложился в XVI в.

Зоркий. — А что он сказал о вашей теории?

Дубровский. — Я не претендую на то, чтобы М. Н. Покровский согласился со всем тем, что я говорю. Если вы претендуете на это, то честь вам и слава, но вы ведь еще только этой весной заявили, что схему Покровского надо сломать до конца.

Весьма характерно, что когда потребовалось доказать тождество феодализма и крепостничества, то пошли за цитатами к Петрушевскому, потому что именно он их не различал.

Возвращаюсь к Рожкову. Что же по Рожкову представляет собой «старый порядок?»

XII. Рожков о крепостном хозяйстве.

Когда читаешь у Рожкова соответствующие разделы о «старом порядке», о господстве дворянства и т. д., то с первого взгляда может показаться, что Рожков как будто бы выделяет крепостное хозяйство из феодального. Однако это только с первого взгляда. Рожков, так же как и Богданов, отрезал себе путь к пониманию крепостного хозяйства как особой хозяйственной системы тем, что основу крепостничества — барщину он приписал и феодальному хозяйству. Поэтому крепостное хозяйство он рассматривает как этап в развитии феодализма под влиянием торгового капитала, именно как приспособление дворян к торговому капиталу, который становится господствующим. Насколько Рожков не понимает крепостное хозяйство, показывают следующие его тезисы:

«Хозяйство старого порядка характеризуется, вообще говоря, *органическим развитием торгового капитализма*, *преобладанием сельского хозяйства*, *заметными успехами индустрии* в формах мануфактуры и кустарно-ремесленного производства, эксплоатируемого путем домашней индустрии скупщиками, техникой трехполья и ручного труда, господством привилегированного землевладения, сохранением по крайней мере *в остатках* (?!) *крепостных форм хозяйства и обнищанием крестьянской массы* с выделением в ней зажиточного меньшинства, сосредоточивающего в своих руках некоторую часть земли».[1]

Как видим, Рожков пишет, что старый порядок есть господство торгово-капиталистических отношений при сохранении лишь остатков (?!) крепостных отношений.

«Россия осуществила старый порядок полностью в XVIII в. Но в силу ее исторического прошлого ей пришлось напрячь до крайности организационную энергию и с этой целью *до последних пределов развить крепостное право*, что поставило ее позади всех стран старого порядка в смысле возможной быстроты дальнейшего развития и создало ряд особенностей ее государственного и культурного развития в XVIII в., в значительной степени даже позднее».[2]

Рожков чисто механически рассматривает крепостное право, как результат закрепощения государством сословий — как господствую-

[1] *Н. Рожков*, Русская история и т. д., т. VII, стр. 27. Курсив мой. — *С. Д.*
[2] *Там же*, стр. 273.

щего дворянства, так и угнетенного сословия крестьянства в интересах приспособления к развитию торговли и торгового капитала. И само дворянство это считает торгово-капиталистическим классом.

Для меня важно, что ни Богданов, ни Рожков не понимали крепостничества как особой хозяйственной системы. Они говорили о переходной эпохе «торгового капитализма», который подчиняет себе и мелкое городское производство, и сельское хозяйство, главным образом крестьянское.

Не приходится много говорить о рожковской схеме дворянских революций, этой нелепейшей схеме. Основной движущей силой феодализма является противоречие между крестьянами и феодалами. Как раз характерно, что почти всюду разложение феодализма сопровождалось крестьянскими войнами. Что же пишет про дворянские революции Рожков? Вот как Рожков изображает переход к старому порядку, именно переход от феодализма через дворянскую революцию к старому порядку, к господству дворянства.

«Основная черта сходства между всеми странами, переживавшими период *дворянской революции*, в хозяйственном отношении заключается в том, что все они в это время *испытали переход* к товарному или денежному хозяйству или *торговому капитализму*, т. е. к тому строю хозяйственных отношений, когда крупный капитал в разных видах начинает играть главную, определенную роль по преимуществу, если не исключительно, в обмене, лишь отчасти прямо захватывая область производства, но в большинстве случаев лишь косвенно на нее воздействуя». [1]

Как видим, Рожков, так же как и Струве, рассматривает переход к старому порядку, т. е. по существу переход к крепостничеству как переход к денежному хозяйству или к «торговому капитализму» как к специальному строю хозяйственных отношений.

Итак приведенные основные положения Рожкова о «старом порядке» не оставляют ни малейшего сомнения в том, что совершенно не понимают крепостничества как определенной хозяйственной системы. Как видим, для «старого порядка» у него отнюдь не является характерным крепостничество. Он крепостничество объясняет лишь особыми трудностями перехода от феодализма к строю «торгового капитализма». Таким образом, так же как и у Богданова, у Рожкова крепостничество лишь переходная форма, лишь определенный этап в развитии феодализма, именно приспособление феодальных отношений к потребности нового «торгово-капиталистического строя».

XIII. Рожков о „торговом капитализме“.

Как мы видели выше, торговым капиталом Рожков называет такой строй хозяйственных отношений,

«когда крупный капитал в разных видах начинает играть главную определяющую роль по преимуществу, если не исключительно, в обмене, лишь отчасти прямо захватывая область производства, но в большинстве случаев лишь косвенно на нее воздействуя». [2]

---

[1] *Н. Рожков*, Русская история и т. д., т. VII, стр. 273. Курсив мой. — *С. Д.*
[2] *Там же*, т. VI, стр. 277.

Всю эпоху, начиная с конца XVI в. по XIX в., Рожков рассматривал как эпоху «торгового капитализма». Рожков считает, что

«русский старый порядок должен был справиться с грандиозной хозяйственной задачей — приспособить массу населения, привыкшую к отсталому, недоделанному натуральному хозяйственному русскому феодализму, к производственным условиям торгового капитализма, обширного национального и международного рынка». [1]

По словам Рожкова,

«отсюда вышли и все оригинальные черты русского старого порядка XVIII в.: и *крайнее закрепощение* крестьянства и крайнее развитие русского самодержавия, и образование высших и центральных учреждений». [2]

Как видим, Рожков рассматривает «старый порядок» как приспособление к «торговому капитализму».

XIV. Рожков о царском самодержавии.

Не понимая ни крепостничества, ни торгового капитала, Рожков дает совершенно неправильное понимание царского самодержавия.

Рожков совершенно не понимает классового характера царского самодержавия. Оно для него прежде всего, также как и для Струве, организатор порядка.

Говоря про социальные отношения и устройство общества при господстве старого порядка, Рожков пишет, что это общество было господством классов, «организаторов торгового капитализма», которые пришли на смену старым феодалам.

« Такая организация общества наилучшим образом приспособлена была к торжествовавшим над преданиями старины *торгово-капиталистическим потребностям; классы-организаторы торгового капитализма* должны были выдвинуться на первый план, старые господа положения, которые теперь являлись уже объективно задержкой, препятствием развитию производственных сил, осуждены были на гибель и действительно погибали». [3]

Рожков не понимает царского самодержавия как диктатуры крепостников, он говорит о господстве дворян и торговой буржуазии.

«В области устройства общества дворянская революция вообще, во всех странах характеризуется господством сословности и преобладанием земледельческого дворянства и *крупной торговой и ростовщической*, отчасти промышленной буржуазии. [4]

Именно, по словам Рожкова, этому господству землевладельческого дворянства и крупной торгово-ростовщической, отчасти также промышленной буржуазии, соответствует царское самодержавие. Хотя Рожков и неоднократно указывает сословно-дворянскую окраску самодержавия, однако само дворянство он рассматривает как организатора торгово-капиталистического производства.

Из этого непонимания Рожковым царского самодержавия помимо прочего и вытекали его ликвидаторские взгляды на эволюцию самодержавия после 1905 г.

---

[1] *Н. Рожков*, Русская история и т. д., т. VII, стр. 270. Курсив мой. —*С. Д.*
[2] *Там же*, стр. 270. Курсив мой. — *С. Д.*
[3] *Там же*, т. VI, стр. 280. Курсив мой. — *С. Д.*
[4] *Там же*, стр. 283. Курсив мой. — *С. Д.*

Итак для вас должно быть совершенно ясно, что Богданов и Рожков не понимали ни феодализма, ни крепостничества, смазывали между ними различие. Как это я буду писать специально, в корне ошибочные их положения в этой области составляли лишь часть их общей антимарксистской концепции, из которой вытекало их непонимание нашей революции, гегемонии пролетариата и его задач по руководству крестьянством (разными его слоями) на разных этапах революции. К сожалению, многие из антимарксистских положений Богданова и Рожкова имеют распространение среди историков. Несомненно выступление Минца в части торгового капитала, в части феодализма и крепостничества на деле является защитой ошибочных богдановско-рожковских позиций.

XV. К вопросу о разнице между феодализмом и крепостничеством.

Минц иронизировал надо мною, что будто бы я иду к Беляеву в понимании феодального крестьянства. Когда я в своей брошюре в одном месте пишу о превращении раньше свободных крестьян в крепостных, то я лишь повторяю соответствующие положения Маркса и Энгельса. Та формулировка, которую я привел о «свободном» крестьянстве, есть формулировка Маркса и Энгельса, и напрасно ее Минц приписал Беляеву. Вот формулировка Энгельса о германских крестьянах XV в. когда, как известно, в Германии еще господствовал феодализм.

В примечании к I т. «Капитала», к тому месту, где Маркс на примере румынского крепостничества показывает, как оно развивалось из барщинного труда, Энгельс указывает, что это относится не только к Румынии, но и к Германии.

«Это относится равным образом и к Германии, в особенности же к части Пруссии, лежащей к востоку от Эльбы. В XV столетии немецкий крестьянин был почти повсюду обязан нести повинности частью натурой, в продуктах, частью работою; но по крайней мере фактически он все же оставался человеком *свободным*. Немецкие поселяне в Бранденбурге, Померании, Силезии и в восточной Пруссии признавались *свободными* даже по праву. Победа дворянства в крестьянской войне положила этому конец. Не только были снова прикрепощены побежденные южнонемецкие крестьяне, но уже с половины XVI столетия свободные крестьяне восточной Пруссии, Бранденбурга, Силезии, Померании и вскоре затем также Шлезвиг-Гольштейна были низведены в крепостные». [1]

Товарищи возражают против употребляемого Энгельсом в отношении феодального крестьянина термина «свободный», потому что они подобно Богданову и Рожкову считают и для феодализма характерной барщину и закрепощение крестьян. Поэтому они феодализму приписывают то закрепощение крестьян, которое своих развитых форм достигает лишь при барщинном крепостническом способе производства. Что же касается феодального крестьянина, то, разумеется, не может быть и речи об его полной свободе. Термин «свободный» к нему приложим лишь в противопоставление термину «крепостной». До закрепощения крестьянства феодального крестьянина помещики

[1] Капитал, т. I, стр. 188. Курсив мой. — *С. Д.*

не могли ни продавать, ни покупать; формально он считался свободным, но находился в экономической и внеэкономической зависимости от феодалов, именно он обязан был отбывать ряд повинностей — вносить ренту, главным образом ренту продуктами, отбывать ряд натуральных повинностей — военную повинность, дорожную повинность и т. д.

Минц выдвинул далее против меня обвинение, будто бы я все строю на ренте, именно каждую из форм ренты делаю основой отдельной общественно-экономической формации. Но, по мнению Минца, я будто бы до конца свою схему не выдерживаю, она будто бы срывается на денежной ренте, которая, по словам Минца, не получила у меня своей особой формации. Здесь он допускает грубейшую и безобразнейшую передержку. Уже один факт, что, по словам Минца, «денежная рента так и не получила своей особой формации», доказывает, что *я различие докапиталистических общественных формаций отнюдь не строю на ренте*. Я должен заявить, что *я ни одной минуты даже различия феодализма и крепостничества не строю на ренте*, *а строю на разнице в производственных*, *классовых отношениях*. Более того, я специально подчеркиваю, что сама по себе рента продуктами отнюдь не определяет феодального строя. Она определяет его лишь при сочетании ее с определенным способом производства, с определенными производственными отношениями.

Для того чтобы опровергнуть мое утверждение о различии феодализма и крепостничества, Минц в своих тезисах пытается опереться на Маркса.

«Маркс не отрицает, что переход от одной формы ренты к другой характеризует несомненное изменение в способе производства, но категорически подчеркивает, что «превращение отработочной ренты в ренту продуктами, рассматривая дело с экономической точки зрения, ничего не меняет в существе земельной ренты».

В этом возражении Минц несомненно допускает передержку. Я говорю о различии в *строе производства* феодального и крепостного, он же пытается подменить этот вопрос вопросом о *существе земельной ренты с экономической точки зрения*. Один и тот же вид ренты может соответствовать различным способам производства и обратно — при одном и том же способе производства могут быть различные виды ренты. Например рента продуктами может быть при различных способах производства. Например ренту продуктами может выплачивать, скажем, государственный или удельный крестьянин в дореформенной России. (При наличии определенного способа производства, о котором я пишу в своей брошюре, уплата ренты этим крестьянином казне или удельному ведомству по существу будет связана с феодальными отношениями.) Далее, после реформы 1861 г. ренту продуктами мог платить и зажиточный крестьянин, имеющий наемных рабочих. Ясно, что в данном случае рента продуктами могла быть связана с нарождающимся капиталистическим способом производства. Можно привести и такой пример, когда рабочий, особенно зарождающейся капиталистической мануфактуры, живет на земле, принадлежащей государству или частному земельному собственнику. Он выплачивает земельному собственнику ренту продуктами. Что

это будет — феодальный способ производства? Нет, это уже будет отрицание феодального или крепостного способа производства.

При известных обстоятельствах рента продуктами может выплачиваться, скажем, и мелким торговцем, и мелким предпринимателем. Далее, например в Германии во время инфляции арендаторы выплачивали землевладельцам ренту в ржаных единицах. Могло это служить каким-либо намеком на феодальный способ производства? Ясно, что никаким. Мы привели примеры, которые показывают, что при одном и том же виде ренты могут быть разные способы производства и разные производственные отношения, более того, даже разные формы земельной собственности.

Но важно привести примеры, когда одному и тому же способу производства могут соответствовать различные формы ренты. Например в своей брошюре я подчеркивал, что

«при феодальном способе производства основой эксплоатации является взимание землевладельцами ренты, главным образом ренты продуктами, частично денежной (которая заменяет ренту продуктами) и лишь частично отработочной».

Достаточно прочесть хотя бы это определение мною эксплоатации при феодализме, чтобы увидеть, насколько неосновательно мне делать упрек, что каждую из форм ренты я считаю *основой* отдельной общественно-экономической формации.

Таким образом совершенно напрасно там, где я говорю о разнице *в способах производства*, Минц пытается мне возражать по вопросу о разнице в формах ренты, именно по вопросу «о существе земельной ренты с экономической точки зрения».

Между прочим в приведенной Минцем цитате сам Маркс говорит лишь только о *«существе земельной ренты с экономической точки зрения»*, именно только о том, что превращение отработочной ренты в ренту продуктами с этой точки зрения ничего не меняет в существе земельной ренты. Минц же это суждение Маркса пытается выдать за суждение — о способе производства, «об «экономическом базисе», которому соответствует та или иная форма ренты».

Что в данном случае Маркс говорит не о неизменности существа базиса, а лишь о неизменности в существе земельной ренты, может убедиться всякий, кто целиком прочтет ту цитату из Маркса, обрывок из которой привел Минц.

«Превращение отработочной ренты в ренту продуктами, рассматривая дело с экономической точки зрения, ничего не изменяет в существе земельной ренты. Последнее при тех формах, которые мы рассматриваем здесь, заключается в том, что земельная рента есть единственная господствующая и нормальная форма прибавочной стоимости или прибавочного труда; а это в свою очередь выражается в том, что она представляет единственный прибавочный труд или единственный прибавочный продукт, какой непосредственный производитель, у которого во владении находятся условия труда, необходимые для собственного воспроизводства этого производителя, может доставить собственнику такого условия труда, которое в этом состоянии охватывает все, т. е. собственнику земли; и что, с другой стороны, только земля и противостоит ему как находящееся в чужой собственности условие труда, обособившееся по отношению к нему и олицетворенное в земельной собственности». [1]

---

[1] Капитал, т. III, ч. 2, стр. 269 и 270.

Достаточно внимательно прочесть целиком написанную цитату, чтобы убедиться, что здесь речь идет не о неизменности *способа производства* при превращении отработочной ренты в ренту продуктами, а лишь о неизменности в существе *земельной ренты*, неизменности ее с экономической точки зрения. Маркс разъясняет, в чем заключается в данном случае неизменность существа земельной ренты с экономической точки зрения. Именно он пишет, что земельная рента есть при этих формах

«единственная господствующая и нормальная форма прибавочной стоимости, прибавочного труда».

Ясно, что рента продуктами при феодализме и рента отработочная при крепостничестве являются

«единственной господствующей и нормальной формой прибавочной стоимости, прибавочного продукта».

Ясно, что с этой экономической точки зрения существо земельной ренты не меняется при превращении отработочной ренты в ренту продуктами, так же как и ренты продуктами в отработочную ренту. Итак цитата совершенно ясно говорит *только об экономической сущности ренты*. Минц ее приводит при споре о разнице в *способах производства*. Вопросом о разнице *в экономической сущности ренты вы хотите подменить вопрос о разнице в способах производства*. Это вам не удастся. Итак сама по себе рента отнюдь не определяет собою способа производства. Только если вы имеете определенный способ производства и при нем в определенном количестве и в определенном качестве определенную форму ренты, только тогда вы можете говорить, что именно данный вид ренты наиболее характерен для данного способа производства, например рента продуктами для феодализма, а отработочная — для крепостничества. Более того, я не считаю, чтобы при феодализме была *только* рента продуктами, а при крепостничестве *только* рента отработочная. Я пишу, что например при феодализме землевладельцы взимают главным образом ренту продуктами, частично денежную (которая заменяет ренту продуктами) и лишь частично отработочную. При крепостничестве же «основой эксплоатации является отработочная рента и лишь частично рента продуктами и денежная». [1]

Я вас прошу посмотреть хотя бы по работам М. Н. Покровского материал, относящийся к сельскому хозяйству XV и XVI вв. В этот период барщина и соответственно отработочная рента имели незначительное распространение, в XVIII же в. — это господствующая форма. Таким образом вопрос здесь не в *наличии той или иной формы ренты, а вопрос в разных количествах и в разных качествах*, т. е. в разных мерах как определенного способа производства, так и определенной формы ренты.

Теперь перехожу к вопросу о разнице между феодалами и крепостниками и между крестьянами при феодализме и крепостничестве.

Считая тождественным и феодального крестьянина и крепостного

---

[1] См. мою брошюру, стр. 17 и 18. — *С. Д.*

крестьянина, вы забыли самое основное и центральное положение, которое сформулировал Маркс, а затем и Ленин, при характеристике «крестьянства». В частности в полемике с Сухановым Ленин указал на недопустимость смешивать мелких земледельцев при всех и всяческих укладах хозяйства. Критикуя Суханова, а вместе с тем и народников, которые всюду видят «трудовое земледелие», «трудовое крестьянство», Ленин пишет следующее:

«Слово «трудовой» не имеет никакого политико-экономического смысла и косвенно вводит в заблуждение. Оно лишено смысла, ибо при всех и всяких общественных укладах хозяйства мелкий земледелец — «трудится», и при рабстве, и при крепостничестве, и при капитализме. Слово «трудовой» есть пустая фраза, бессодержательная декламация, прикрывающая выгодное для одной только буржуазии смешение самых различных общественных укладов хозяйства».

Несомненно и самый термин «крестьянин», применяемый к мелкому земледельцу при всех и всяких общественных укладах хозяйства, прикрывает выгодное для одной только буржуазии смешение самых различных общественных укладов хозяйства. В частности и мои противники пользуются этим термином «крестьянин» для того, чтобы смешать разницу между феодализмом и крепостничеством. Многие забывают, что и при феодализме есть крестьянство, и при крепостничестве есть крестьянство и, скажем, при парцеллярной собственности есть крестьянство. Более того, крестьянином называется даже немецкий гроссбауер. Но, разумеется, все это совершенно различные категории. Здесь совершенно различные и количества и качества. В то время как для механистов при всех и всяких укладах хозяйства социальная сущность мелкого землевладельца одинакова, для диалектиков здесь есть большая разница. При феодализме крестьянин имеет в пользовании основные средства производства, основной инвентарь. В своем хозяйстве он создает и необходимый и прибавочный продукт. Последний он отдает главным образом в виде ренты продуктами феодалу, собственнику основного условия производства— земли. При крепостничестве же в основе лежит барщинное производство, при котором крестьянин является только ее придатком. Ленин в одном месте пишет, что при барщине наделение крестьян землею являлось своего рода натуральной заработной платой. Сам крестьянин являлся полурабом, которого продавали и покупали. При феодализме и при крепостничестве имеют место совершенно разные способы производства и производственные отношения. Вы думаете, что здесь «расстановка» людей разная, на самом деле здесь не «расстановка» людей, но классовые отношения совершенно разные. Конечно между феодализмом и крепостничеством гораздо больше общего, чем, скажем, между крепостничеством и капитализмом или рабством и капитализмом. И понятно что крепостничество всего ближе по своему типу к рабству, но имеет от последнего свои резкие отличия.

Для того чтобы смазать разницу между феодализмом и крепостничеством, некоторые из товарищей апеллируют к конкретному материалу и этим путем стараются доказать, что, скажем, в эпоху феодализма в Московской Руси в XIV — XVI вв. были элементы барщины и вообще отработочной ренты, а что в эпоху крепостничества

в XVII — XIX вв. имели место отношения, характерные и для феодализма (рента продуктами и т. п.). Однако эти товарищи упускают из виду, что *в конкретной истории вообще вы никогда не найдете в чистом виде ни одной общественно-экономической формации*. Если вы возьмете например в конкретной истории капитализм например в России в конце XIX в., то вы будете иметь самое причудливое сочетание разных общественно-экономических укладов. Здесь будут и патриархальный, и феодальный, и крепостной уклады и развивающийся капиталистический. Можно например привести данные о многих помещичьих хозяйствах со смешанной полукрепостной и полукапиталистической системой эксплоатации. Можно привести много таких имений, в которых часть земли отдается за отработку в кабальную аренду, другая же часть ведется с помощью машин наемными рабочими, т. е. капиталистически. В то же время хозяйство может иметь, скажем, типично-капиталистический сахарный завод. Таким образом в *конкретной истории* самые различные способы производства и общественно-экономические уклады весьма причудливо переплетаются между собой. Для того чтобы разобраться в этой сложной *конкретной обстановке*, нужно уяснить сущность различных общественно-экономических укладов и формаций. Для более же ранних эпох несомненно необходимо уяснить разницу в способе производства, производственных отношений, свойственных феодализму и крепостничеству. Теперь несколько слов о классовой борьбе в эпоху феодализма и крепостничества. Минц упрекает меня в том, что будто бы я снимаю

«проблему революционного разрешения противоречия между производительными силами и производственными отношениями, становясь на точку зрения буржуазных эволюционистов».

Это утверждение в корне противоположно тому, что я пишу в своей брошюре.

Я утверждаю, что переход одной классовой формации в другую

«развивается диалектически, идет скачками *в условиях ожесточенной классовой борьбы, сопровождаясь революционными взрывами*».[1]

Также при конкретном рассмотрении перехода от феодализма к крепостничеству и от крепостничества к феодализму даже прусским путем я делаю основное ударение на «ожесточенную классовую борьбу», на «вооруженную борьбу крестьянства» и т. д.

Несмотря на все это, Минц упрекает меня в том, что я эволюционист, что у меня якобы классовая борьба исчезает. А вот, оказывается, у Минца есть классовая борьба. Это, оказывается, борьба между торговым и промышленным капиталом. Это действительно «решающая» важнейшая для России XIX и XX вв. классовая борьба.

Действительно в отношении определенной эпохи Маркс пишет о борьбе между торговым и промышленным капиталом, например при подчинении вольных торговых городов промышленному капиталу. Примеры борьбы промышленного и торгового капитала можно было бы привести и из истории Ост-индской торговой кампании. Бесспо-

[1] См. мою брошюру, стр. 71.

рен также факт, что при превращении капиталистического способа производства в господствующий, торговый и ростовщический капитал как самостоятельные формы должны сначала быть сломаны и подчинены промышленному капиталу.

Но Минц своими рассуждениями пытается защитить критикуемые мною ошибочные положения о борьбе торгового и промышленного капитала как основной движущей силе и реформы 1861 г., и революции 1905 г., и столыпинской реформы, и борьбы накануне февральской революции и т. д. А вы, т. Минц, упрекающий меня ни много, ни мало в защите (!?) точки зрения буржуазных эволюционистов (!), сказали ли про основную для первого демократического этапа революции борьбу, именно борьбу крестьянства против крепостников под гегемонией пролетариата? Сказали вы четко о том, что именно в этом заключается суть основных предреволюционных классовых противоречий? Нет, вы об этом не сказали. Между тем, именно при правильном понимании крепостничества как особой системы хозяйства можно понять и крестьянские войны, крестьянское движение эпохи крепостничества. Товарищи, исходящие из ошибочной богдановско-рожковской концепции «торгового капитализма», пишут о борьбе «торгующего крестьянства» против «торгующего дворянства». Я считаю эту точку зрения враждебной марксизму, неправильной, ошибочной точкой зрения. Это есть не что иное, как перенесение меньшевистской концепции на эпоху крепостничества. Меньшевики не понимали гегемонии пролетариата в русской революции, задач пролетариата по руководству крестьянством в борьбе против царского самодержавия, против диктатуры крепостников. Гегемоном они считали буржуазию, которую пролетариат должен был подталкивать. Согласно этой меньшевистской концепции в XVIII в. замазывается основное противоречие эпохи крепостничества, именно противоречие между всем крестьянством и крепостниками, и в качестве основной движущей силы выставляется буржуазия — именно выдвигается борьба «торгующего крестьянства» против «торгующего дворянства». Ясно, что в основе всего этого лежит неправильное богдановско-рожковское понимание торгового капитала, непонимание крепостничества и пр.

Правильное понимание феодализма и крепостничества позволяет нам правильно понять и события XVI — XIX вв., в частности ту крестьянскую революцию, которую помещичье-буржуазные историки называют «смутным временем» (позорное название, которое, к сожалению, до сих пор сохранилось). Этой революцией крестьяне пытались свергнуть и феодализм и крепостничество и пойти по некрепостническому пути развития. Однако, поскольку крестьянское движение было подавлено, победившие крепостники повели развитие хозяйства по крепостническому пути. Крестьянство же восстанием Разина, восстанием под руководством Пугачева и др. делало новые попытки свергнуть крепостничество, но опять-таки неудачные.

Только на основе понимания крепостничества как особой системы хозяйства можно понять его возникновение, развитие и уничтоже-

ние (уничтожение на основе развития его внутренних противоречий, противоречий между развитием производительных сил и крепостными и производственными отношениями, которые дают предпосылки для уничтожения крепостничества), можно понять все события в русской истории с XVI по XX в. Так что совершенно напрасно Минц меня упрекает в том, что я будто бы строю какую-то абстрактную систему, а потом под эту схему подгоняю конкретную действительность. Между тем при установлении разницы между феодализмом и крепостничеством я исходил как раз из конкретного материала. Не случайно например, что М. Н. Покровский, работая над конкретным материалом, дал картину возникновения развития, и уничтожения феодализма в России в XIV — XV вв.

Чрезвычайно показательно, что и у некоторых других товарищей в работах по конкретной истории Московской Руси феодализм в конце XVI в. благополучно ликвидировался. Правда, эти историки ликвидировали феодализм с тем, чтобы создать с XVI в. строй «торгового капитализма». Как пример этого можно указать уже цитированную мною статью Малышева в Заочном коммуниверситете. Малышев благополучно доказал разложение и ликвидацию феодализма в XVI в., чтобы затем создать строй «торгового капитализма» или, как он назвал, «торгового-крепостнический» способ производства. А когда Малышеву разъяснили, что торговый капитал не создает своего способа производства, он стал усиленно «реставрировать» феодализм в XVII — XIX вв., доказывая, что крепостничество является лишь этапом в развитии феодализма под влиянием торгового капитала, т. е. по существу Малышев лишь в видоизмененном виде начал отстаивать богдановско-рожковскую концепцию.

Итак подвожу итоги. Почему мне приходится приводить разницу между феодализмом и крепостничеством? Для меня этот вопрос является чрезвычайно важным прежде всего с точки зрения борьбы против ошибочной троцкистской концепции об «азиатском» способе производства, суть которой заключается в отрицании феодализма в восточном обществе.

Уяснив, что такое феодализм, я постараюсь показать, что на Востоке может быть феодализм и там, где нет барщины, где нет частных земельных собственников, нет феодальных замков и т. п., где имеется государственная собственность на землю, на орошение и т. д. Не приходится доказывать, что признание остатков феодализма на Востоке имело большое значение для правильного понимания и крестьянского движения и задач пролетариата как гегемона и первого демократического этапа революции в колониальных и полуколониальных странах.

Почему мне важно крепостничество? Выяснить действительную сущность крепостничества как особой системы хозяйства необходимо прежде всего, чтобы покончить с струвистской схемой об особом «торгово-крепостническом» производстве, чтобы покончить с богдановско-рожковской схемой «торгового капитализма». Вы знаете, что у нас чрезвычайно много пишут об эпохе крепостничества как «монополистическом торговом капитализме», путаются в опре-

делении самодержавия, тогда как Ленин дал совершенно четкое понимание самодержавия, именно то понимание самодержавия, по которому он давал бой всем антибольшевистским историческим концепциям. Правильное понимание крепостничества важно для понимания крестьянских движений, для понимания первого демократического этапа революции, для понимания задач пролетариата как гегемона революции, задач по руководству крестьянским движением. Следовательно вы видите, что с вопросом о сущности феодализма и крепостничества непосредственно связаны более чем важные политические вопросы.

Следовательно вопрос о феодализме и крепостничестве не такой простой вопрос. Вы хотите сейчас барабанным боем и шумом замазать все политические вопросы, которые вытекают из правильного понимания феодализма и крепостничества. В частности вы хотите замазать правильное понимание крепостничества с тем, чтобы таким образом протащить ошибочное понимание царского самодержавия, как власти «торгового капитала», а не как «диктатуры крепостников». Вы, т. Минц, не имеете мужества порвать с старой схемой «торгового капитализма». Вы сделали достаточно большой доклад и могли на этом вопросе остановиться. Вы написали, правда, маленькие тезисы, но вы и в тезисах имели также возможность более спокойно сформулировать критику ошибочного понимания торгового капитала. Поставили ли вы четко вопрос о том, что торговый капитал не создает своего способа производства? Нет, вы этого вопроса не поставили. Поставили ли вы вопрос о том, что торговый капитал не создает своего государства? Нет, вы этого вопроса не поставили. Наоборот, фактически всеми разделами, которые в ваших тезисах посвящены вопросу о торговом капитале, вы показали всю вашу непоследовательность. Вы показали, что вы не можете оторваться от старой схемы. В этом одна из ваших центральных ошибок. Между тем сейчас необходимо поднять бунт против ошибочного понимания роли торгового капитала, потому что это дает неправильное понимание всего исторического процесса, дает совершенно неправильную схему всего исторического развития дореволюционной России. В этом заключается суть вопроса. Я призываю вас к отказу от схематизма, от тех механических точек зрения, которые приводят к замазыванию разницы между различными способами производства, между различными общественно-экономическими укладами и формациями, которые приводят к непониманию сложности общественных отношений, которые приводят к эволюционистскому механистическому пониманию перехода от одной общественной формации к другой. Я считаю, что все эти вопросы требуют самого тщательного научного изучения на конкретном материале. Мы начинаем дискуссию по вопросам очень важным и политически и научно. И я надеюсь, что в результате споров мы их разрешим.

ПРЕНИЯ

ГУЛЯЕВ, В.

Дубровский, определяя феодализм и крепостничество как две разные формации, во-первых, не понимает основных черт феодального способа производства, во-вторых, совершенно упускает из виду, что феодализм нужно рассматривать в его возникновении, развитии и уничтожении. Маркс в «Нищете философии» указывает, что о феодальном производстве надо судить как о таком способе производства, в основе которого заложен антагонизм классов. Вот главное, что надо всегда выделять при анализе феодального способа производства и при изучении истории феодализма.

В одной из глав своего труда, где Дубровский пытается определить, как он понимает феодальный способ производства, он говорит: «Феодальный способ производства предполагает», дальше идет цитата:

«соединение сельского хозяйства и домашней промышленности, причем крестьянская семья приобретает почти самодовлеющий характер, вследствие своей независимости от рынка, от изменений производства и от исторического движения стоящей вне ее части общества».

Вот и все. И дальше он несколько раз возвращается к высказанному здесь положению. Правда, об этом говорил и Маркс, но Маркс не ограничивал характеристику феодального способа производства только этим, он показал и основу антагонизма, которую он видел во внеэкономическом принуждении.

У Дубровского же нет основы, из которой вытекает антагонистический характер феодального способа производства.

Говоря о способах производства, Дубровский упустил момент классовых отношений, у него остается натуральный характер хозяйства и самодовлеющий характер крестьянской семьи. Где здесь противоречия, где здесь антагонизм? В этом основная ошибка теории Дубровского.

Ошибка его построений заложена и в том, что методологически он исходит из совершенно неверных положений, причем эти методологические ошибки имеются и в его ранних работах, в которых он обосновывал причину крестьянского движения в революции 1905 г. Я имею в виду его статью, помещенную в т. I «Трудов ИКП», где он пытается определить, что было главной движущей силой в эволюции аграрных отношений в России. В этой статье он пишет:

«В русских аграрных отношениях помещичья эксплуатация при всей своей важности все же была *вторичным фактором сельскохозяйственной эволюции*, тогда как первооснову составляли состояние производительных сил и в частности состояние техники».

Итак, классовые отношения в аграрной эволюции не важны. Что же важно? Важна «трехполка», а классовые отношения, классовая эксплоатация никакой роли в эволюции аграрных отношений в России не играли или играли второстепенную роль.

Есть ли что-нибудь сходное между положением, выставленным Дубровским в 1923 г., и тем положением, которое он выставляет в 1930 г., говоря, что феодальный способ производства характерен самодовлеющим характером крестьянской семьи? Несомненно, есть. И в том и в другом случае выпадают классовые отношения, и в этом корень всех ошибок в теоретических построениях Дубровского.

А между прочим, Маркс в главе о докапиталистических формах ренты, в III томе Капитала, указывает на *внеэкономическое принуждение* как основной источник ренты и в этом видит основу антагонизма классовых отношений, которые складываются в феодальной формации. Дубровский, не поняв этого, скатывается на точку зрения буржуазных теорий о свободном крестьянине в эпоху феодализма и становится в противоречие с конкретной исторической действительностью и с марксистским пониманием феодализма. Все мы знаем, что в России XII — XIV вв. были такие категории крестьян, как холопы, закупы, челядь и смерды. Всем известно также, что холопами называлось несвободное население. Закупы это такая категория крестьян, которые получали не только надел земли, но и орудия производства и тоже являлись несвободными. *Челядь* также не свободна. Наконец, смерды, особая категория; ее-то и можно было бы принять за тех свободных крестьян, которых так хочется найти Дубровскому при феодализме. Основанием для заключения, что это были более или менее свободные крестьяне, может служить лишь то, что они имели собственные средства производства, и что после смерти смерда наследство переходило к оставшимся после него членам семьи. Об этом мы узнаем из писанного закона XII в. «Русской правды». Но вместе с тем мы оттуда же узнаем и следующее обстоятельство, из которого вы увидите, что *смерд эксплоатируется путем внеэкономического принуждения.* Я приведу один пункт из «Русской правды». В разделе о смердах мы имеем такое указание:

> «Аще умреть смерд, то задница (имущество, наследство) князю; аще боудут дчери од него дома, то дати часть на не; аще боудут за мужем, то не дати им не части».

Говорит ли это о наличии внеэкономического принуждения и о личной зависимости крестьянина на самой ранней ступени русского феодализма? По-моему, да.

Если говорить о свободном населении, то можно говорить только о среднем и мелком вассалитете и то в условном смысле слова, ибо в эпоху феодализма все основано на прямом и грубом насилии.

А теперь, разрешите поставить такой вопрос — как понимать крепостничество XVII — XVIII вв.? Здесь Минц уже привел факты, указывавшие на наличие барщины в XIV в. Дубровский требует, чтобы ему показали степень ее распространения в этот период, но ведь это чисто количественный подход; надо понять, каким образом барщина развиваясь достигает таких размеров, как в XVII — XVIII вв.,

и составляет основу личной зависимости крестьянина, существовавшей еще в XII в., а в XVII в. принявшей форму крепостного права. Ведь крепостничество XVI — XVIII вв. не было простым юридическим закрепощением, крепостничество надо рассматривать как экономическую категорию эпохи феодализма, которая в условиях развивавшейся и внутренней и мировой торговли приобрела огромное значение.

Дубровский, пытаясь объяснить отличие крепостничества от феодализма, вольно или невольно, в вопросе о происхождении крепостничества, скатывается на теорию происхождения крепостного права, развитую Ключевским. Дубровский не понимает, каким образом торговый капитал приводит к развитию барщины и крепостничества. Он пишет:

«Только на основе развития торгового и ростовщического капитала можно понять переход от феодализма к крепостничеству».

Но как это можно понять? Оказывается:

«Ростовщические сделки закабаляли крестьян, постепенно превращали их в крепостных».

Верно это или нет? Абсолютно неверно. Не ростовщические сделки закрепощают мужика, помещик-феодал закрепощает, а этого у Дубровского как раз нет. Классовые отношения опять выпали. Выступает только «торговый и ростовщический капитал». Здесь чуть не дословное повторение Ключевского, который писал об этом следующее:

«Барщина имела долговое происхождение, была накладной повинностью за беспроцентную ссуду, составляющую прибавку к оброку за снятую землю».

Так что нового здесь ничего нет, а между тем надо было показать, *каким образом* и *при каких условиях торговый и ростовщический капитал влияют на эволюцию классовых отношений*, на то, что личная зависимость усиливается на определенной исторической ступени развития. Вот в чем центр проблемы. Ведь торговый и ростовщический капитал были в XII в. и даже раньше, а крепостничество, выходит по Дубровскому, они создали в XVII в. Мы имеем феодализм в России в XII — XIII — XIV вв. и имеем барщину, об этом свидетельствуют факты, почерпнутые из той же «Русской правды»:

« Аще ратай не до орав до року (до сроку), а идет прочь: да есть лишен орания».

Что значит быть лишенным орания в то время? Может быть речь идет о вольнонаемных, которых хозяин всякий раз мог уволить с работы? Нет, здесь речь идет о том, что если ратай-пахарь до срока не будет пахать, то он лишится пахоты вообще, значит и своей пашни. Здесь исключительно действует внеэкономическое принуждение, и барщина является его экономической основой.

Вот второй документ, так сказать, резолюция «по текущему моменту». В 70-х годах XIII в. созывался церковный Собор митрополитом Кириллом, где занимались, к слову сказать, русские клирики «самокритикой» в больших размерах, говорили о том, какие правила поведения должны быть у попа и у архимандрита, и кроме того о недопустимости брать взятки с попов и диаконов при назначении их

на определенные должности. И здесь же говорится, что церковь не должна злоупотреблять барщиной.

«Аще ли кто по оуставе нашем боле сего иемея от дьякона ли от попа, или от игумена, или от просфорницы и от нищих насилие делающе, *или на жатву, или сенасячи, или провоздеянии, или иная некая сборное иемлюще, или наместнину поставляющие на мозде...* или негде божественные сборы собирая тогда некако сбирание сбирают от властель церковных, или скоредного деля прибытки отлучают некыя от церкви».

Этот документ говорит, что в XIII в. барщина была не случайным, а довольно распространенным явлением. Эта сторона дела весьма важна, ибо из этого вырастают крепостнические отношения XVII — XVIII вв. В основе их лежит барщинная повинность, которая существовала в России со времен «Русской правды» и проделала длинный путь эволюции.

Я здесь ставлю вопрос таким образом: как же торговый капитал влияет на отношения между феодалами и крестьянами? Мы знаем, что торговый капитал не создает никакого способа производства, но он не только разлагает, а и подчиняет себе тот способ производства, который находит уже готовым, он эксплоатирует теми путями, какие создались до него и независимо от него. Мне кажется, что здесь надо было бы обратить внимание на указание Маркса, данное им в главе о купеческом капитале. Торговля и торговый капитал способствуют увеличению производства меновых стоимостей уж одним тем, что торговый капитал в первую очередь подчиняет себе жажду наслаждения господствующих классов, и за это звено цепляется торговый капитал и усиливает эксплоатацию крестьян господствующими классами.

Я могу вам привести документы, говорящие о том, что основными потребителями всех заморских вин, легких тканей, пряностей и т. п. выступают, с развитием торговли, помещики дворяне, например, в Англии в XIII — XIV вв. А в России разве мы не имеем то же самое в XVI — XVIII вв.?

Несомненно, что эту сторону дела эксплоатирует прежде всего торговый капитал, чтобы улавливать прибавочную стоимость, которую выколачивает помещик из крестьянского хозяйства. Торговый капитал расставляет сети в первую очередь помещику, обслуживает его жажду наслаждений и приводит к тому, что *не торговый капитал закрепощает, а помещик, под влиянием развития рынка, переходит к усилению барщинной системы эксплоатации.* В XVI — XVII вв. развивается та самая барщина, которая имелась в России еще в XII в.

Не поняв этого, Дубровский и упускает как раз то, что каждая общественная формация развиваясь проходит различные ступени развития. Чем определяются эти стадии развития? По-моему, общественным разделением труда. Если вы возьмете Англию XI в., то разве там такое же общественное разделение труда, как в Англии XIII — XIV вв.? Конечно, степень разделения труда в XI в. ниже, чем в XIV в.

И все же в XIV в. в Англии еще пышно процветает барщина с кре-

постным состоянием непосредственных производителей. По материалам, охватывающим 81 английское поместье, изученным проф. Савиным, последний обнаружил в 75 поместьях наличие барщины и лишь в 6 она отсутствовала и была заменена оброком. Другой подсчет, охватывающий 305 светских и 47 церковных поместий за эти же годы, дает следующую картину: в церковных поместьях повсюду преобладала барщина, а в светских: в 79 поместьях барщина, преобладает, в 115 оброк и барщина распределялись поровну, в 62 преобладал уже оброк, но была налицо еще и барщина и лишь в 49 поместьях барщина целиком была заменена оброком. [1] Эти цифры говорят о том, что барщина являлась основным видом эксплоатации в эпоху английского феодализма. То же самое, как мы видели выше, было характерно и для России, именно, со времен «Русской правды», как говорил Ленин, в России господствовала отработочная система.

Есть ли что-нибудь новое в русском крепостничестве XVII — XVIII вв. по сравнению с XIII в.? С точки зрения производственных отношений, отношений между помещиком и крестьянином, в отработочной системе нового нет ничего.

Но это совсем не означает, что Россия и в XIII, и в XVII, и в XVIII вв. представляется нам тождеством. Я вижу новое как раз не в барщине и не в крепостной системе, которую не создавал ни торговый ни ростовщический капитал, а которая существовала с момента возникновения феодализма. Новое я вижу в разделении труда, в развитии внутреннего и мирового рынка.

Если мы возьмем только внутренний рынок России XVII в., то он нисколько не уступит по своим размерам рынку английскому в XIII или XIV вв. И соответственно этому как здесь, так и там имелись налицо во всей своей силе основные черты феодальной эпохи, с наличием крепостных крестьян, выполнявших барщину. Однако, в одном случае феодальные отношения разлагались, на смену им выступали денежные, и развивалась таким образом буржуазная система отношений, а в другом случае мы имеем на первый взгляд парадоксальное явление, которое выразилось в усилении феодальных черт эксплоатации. В чем здесь секрет? Мне кажется, что без включения России XVII в. в международное разделение труда понять это невозможно. На самом деле ведь международное разделение труда в XVII и особенно в XVIII вв., по сравнению с XIII или XIV вв., поднялось на новую ступень. XVIII в. — это век торгового переворота, говорит Маркс, а у нас это обстоятельство, несмотря на то, что Покровский все время указывает на него, часто игнорируется при объяснении русского исторического процесса. Ведь в XIV в. не было такой мировой торговли, как в XVII — XVIII вв., а потому и не было столь суровой формы крепостничества, а в XVII в. в Англии и в XVIII в. во Франции уже созрели предпосылки для коренного переворота в способе производства. Эти предпосылки освобождены были великими революциями; в России же они в XVII в.

[1] Социальная история средневековья, сборн. докум. под ред. Косминского, т. II, стр. 109.

еще не созрели, и торговый капитал использовал ту форму эксплоатации, какая существовала независимо от него. Посмотрите, какое большое значение придавал Маркс общественному разделению труда. Критикуя Прудона, он писал:

«Для г-на Прудона разделение труда — совсем простая вещь». «В своих рассуждениях о разделении труда он даже не испытывает надобности касаться мирового *рынка*. А между тем, разве разделение труда в XIV и XV вв., когда еще не было колоний, когда Америка еще не существовала для Европы, когда с Восточной Азией сносились лишь через посредство Константинополя, не должно было решительно во всех отношениях отличаться от разделения труда в XVII в., когда существовали уже обширные колонии?» [1]

Учтите вопрос, который поставил Маркс, и вы вынуждены будете рассматривать русское крепостничество так же, как рассматривал в свое время Энгельс прусское или как рассматривал Маркс категорию рабства в Северной Америке.

«Прямое рабство, — писал Маркс, — является основой современного нашего индустриализма в такой же мере, как машины, кредит и т. п. Без рабства — нет хлопка, без хлопка — нет современной индустрии. Рабство сделало колонии ценными, колонии вызвали мировую торговлю, а мировая торговля является необходимым условием крупной машинной индустрии. Поэтому до установления торговли неграми колонии давали Старому Свету весьма мало продуктов и оказывали очень слабое влияние на общее положение мира. Таким образом, рабство является чрезвычайно важной экономической категорией. Без рабства Северная Америка, самая прогрессивная страна, превратилась бы в страну патриархальную. Вычеркните только Северную Америку из карты народов и вы получите анархию, полное падение современной торговли и современной цивилизации. А уничтожить рабство значило бы вычеркнуть Америку из карты народов И так как рабство есть экономическая категория, то она именно поэтому встречается с начала мира у всех народов». [2]

Эту сторону дела Дубровский совершенно упустил, конструируя свою новую социально-экономическую формацию. А если бы он показал, как конкретно, на новой ступени общественного разделения труда, развития мирового рынка торговый капитал влияет на производство, указав хотя бы на обслуживание потребительских нужд господствующего класса (что отнюдь не означает отсутствия накопления в его рядах), то гораздо проще было бы объяснить, почему произошло усиление барщины в России и каким образом складывается абсолютистское дворянское самодержавие. В условиях развивающейся внутренней и мировой торговли феодальным помещикам противостоит уже не только крестьянство, но и нарождающаяся крупная, средняя и мелкая буржуазия. В этих условиях самодержавие, несомненно, остается диктатурой феодалов, но только на новой ступени разделения труда, т. е. в условиях зарождающихся буржуазных отношений. Следовательно, нужно учитывать сложный классовый переплет, создавшийся в России, начиная с XVI в., однако не следует считать, что и барщина с крепостничеством как способ производства тотчас изменится, способ производства именно остается тождественным с феодализмом XII в.; новое нужно видеть

[1] *Маркс-Энгельс*, Собр. соч., т. V, стр. 286.
[2] Там же, стр. 290.

в общественном разделении труда, которое, начиная с XVI в., приводит в конечном счете к разложению старого способа производства. Как быстро будет развиваться это новое явление, зависит теперь не только от торгового капитала, который в одинаковой степени может подчинить себе и старый и новый способ производства и даже задерживать развитие последнего, а от состояния мировой торговли и промышленности.

Дубровский, много говоря о феодальном способе производства, абсолютно не понял его и все по сути дела свел к разнице между рентой продуктовой и отработочной рентой. Это лежит в основе его теории крепостнической формации. А что такое рента? Это форма, в которой прибавочный продукт вступает в распределение в эпоху феодализма, так же как прибыль, дивиденд на акции и т. п. в эпоху феодализма.

Следовательно, Дубровский на самом деле исходит не из способа производства, а из способа распределения, как раз из того, против чего Маркс больше всего возражал в «Введении к критике политической экономии», критикуя Рикардо и других экономистов, не понимавших диалектического единства способа производства и распределения. Благодаря этому у Дубровского получается некоторое сходство с буржуазными теориями феодализма, с такими теориями феодализма, как теория Петрушевского. Конечно, субъективно Дубровский не хочет понимать так же феодализм, как его понимает Петрушевский. Петрушевский ставит вопрос, что феодализм есть только политическая форма, но дело в том, что, отрицая это, Дубровский все же объективно скатывается к Петрушевскому. Петрушевский говорит о феодализме, что «феодальной является лишь та связь хозяйственная и фискальная, которая возникает между этими организмами», т. е. между поместьем и общиной.

Дубровский же говорит:

> «*Первой* и отличительной чертой феодального строя является та специфическая экономическая форма, в какой неоплаченный продукт непосредственного производителя присваивается феодалом, земельным собственником, именно форма ренты продуктами».

И все. Никаких второго, третьего и т. д. признаков нет.

В чем тут дело: у Петрушевского феодальной является связь фискальная и хозяйственная, у Дубровского по существу то же. И не случайно, между прочим, получается, что некоторые ретивые защитники теории Дубровского вынуждены бывают аргументировать теорию Дубровского такими доводами, каких сам автор никогда бы себе не позволил; они признают, что «если вчитаться как следует, то и у Петрушевского есть производственные отношения». После этого должен быть понятен вред теории Дубровского. Вред этой теории в том и заключается, что методологические установки ее неправильны и поэтому менее искушенные сторонники Дубровского вынуждены теперь говорить, что нам надо учиться у Петрушевского пониманию производственных отношений эпохи феодализма.

ЗОРКИЙ, М.

Нынешний спор имеет некоторую предисторию, которая развернулась, главным образом, в Обществе историков-марксистов. В ходе этой дискуссии был выдвинут против Дубровского — в связи с его теорией крепостнической «формации» — ряд обвинений, которые он до сих пор парировать не смог и которые он в силу особенностей своей методологии не сможет парировать и впредь. Эти обвинения я и хотел бы здесь суммировать. Вкратце они сводятся к следующему. Дубровский попытался свою «теорию» приписать Марксу, Энгельсу и Ленину. На деле же эклектическая «теория» Дубровского имеет мало общего с марксизмом; она исходит напротив не из марксистско-ленинской трактовки общества, а из *богдановско-бухаринской*, и чревата ошибками правооппортунистического типа.

Прежде чем перейти к обоснованию этих утверждений, я хотел бы подчеркнуть значение дискутируемой проблемы. Речь идет не о чем ином, как о *переходе от феодализма к капитализму*. Эта проблема стала предметом оживленного обсуждения отнюдь не потому, что Дубровский соблаговолил выпустить в свет свою брошюру. Проблема перехода от феодальной формации к капиталистической привлекает наше внимание прежде всего в силу того, что именно *здесь* завязан целый узел вопросов, без правильного понимания которых не может быть правильного понимания ряда важнейших проблем новой и новейшей истории, а также и ряда проблем нашей революционной практики. 1) Капитализм может быть понят только «в его *возникновении*, развитии и упадке». Изучая капитализм в его генетической связи с феодализмом и в его противоположности к феодализму, Маркс и «открыл» капитализм как социально-экономическую формацию. 2) Значение проблемы буржуазной революции не требует доказательства; между тем буржуазная революция хотя и является важнейшим моментом, все же это лишь один из ряда моментов перехода от феодального общества к буржуазному. 3) Условия этого перехода в той или иной стране предопределили во многом существенном особенности и неравномерность капиталистического развития в данной стране; этим самым ряд характерных черт революционного и рабочего движения в отдельных странах; этим самым — и ряд особенностей стратегии и тактики пролетарских революций в данной стране. 4) Переход от феодализма к капитализму во многих странах, как известно, не довершен. 5) Наконец, мы сами переживаем период перехода — перехода от капитализма к социализму. Конечно, не может быть никакой «общей теории трансформационного процесса», общей теории перехода — «вообще, à la Спенсер». Но изучение смены феодального общества буржуазным может во многом облегчить понимание смены буржуазного общества социалистическим. И наоборот: неправильное, антимарксистское понимание перехода от феодализма к капитализму может оказаться самым непосредственным образом связано с неправильным, антимарксистским и антиленинским пониманием нашей переходной экономики, — о чем и свидетельствует пример Дубровского.

Как буржуазная наука ставит проблему перехода от феодализма к капитализму? Немало буржуазных ученых вообще отрицают этот переход. Для них капитализм был всегда и следовательно будет всегда. Антинаучность такого рода «историографии» не оставляет сомнений даже у сколько-нибудь притязательного буржуа. Отсюда возникает другая, более осложненная и утонченная постановка вопроса. Ряд буржуазных ученых не оспаривает того, что капитализм *возник*. Но самую проблему возникновения капитализма они ставят таким образом, что умерщвляют движение, *растворяют новое качество в ряду промежуточных форм*. Борьба социальных формаций подменяется их смесью. Социальная «наука» современной буржуазии не приемлет перерыва постепенности, скачка, не приемлет перехода от одной формы движения к другой. Она не допускает возникновения нового качества, потому что ничего для себя утешительного ни от каких новых качеств не ждет. Марксистская теория социально-экономических формаций для буржуазии совершенно неприемлема, потому что эта теория есть фундамент учения Маркса о социальной революции. Непонимание закономерности смены социальных формаций есть лишь *оборотная сторона отрицания неизбежности социальных революций*.

Вся пропасть, отделяющая марксистскую методологию от механистической, измеряется тем, что именно *в этом* пункте механисты смыкаются с буржуазной наукой. Если одни, боясь революции, отвергают диалектику, то другие, не понимая диалектики, выбрасывают за борт революцию. Вот почему механистическая «социология», особенно при постановке вопроса о смене формаций, легко оказывается источником реформистских, оппортунистических теорий.

По мнению Богданова, Маркс не располагал возможностью *объяснить* возникновение нового качества, «объяснить» переход. Но что значит, по Богданову, объяснить переход от феодализма к капитализму? Это значит раздробить этот переход, рассечь, растворить, возвести целую лестницу промежуточных форм. Переход растворяется в эволюционном ряду.

Дубровский в своем содокладе, как и в других своих речах, неправильно излагал взгляды Богданова на возникновение капитализма. На это уже приходилось указывать в других местах. Во время дискуссии в Свердловском университете нас по этому поводу пытались обвинить в противоречии: как это так, вы обвиняете Дубровского одновременно и в богдановщине и в незнании Богданова? Да, пример Дубровского показывает, что можно выступать с богдановской по сути дела точкой зрения, не зная толком работ Богданова; но тот же пример показывает, что выступать с марксистской точкой зрения, не зная, не понимая Маркса, никак нельзя.

Точка зрения Богданова выступает достаточно отчетливо в его работах. Между феодализмом и капитализмом он видит *три* основные промежуточные общественные формы:

> «ремесленно-цеховой строй в городах, *крепостное хозяйство в деревне*, а затем — господство торгового капитала».

В заголовке цитируемой главы он еще более четко перечисляет

«переходные формы: 1) крепостная система; 2) ремесленно-цеховой строй; 3) торговый капитализм». [1]

Речь идет не о чем ином, как о последовательно *сменяющих* друг друга социальных формах: «*Хронологическая последовательность*» типичных общественных форм в средневековой Европе была такова: феодализм, ремесло, торговый капитал, крепостное право» [2]. Для Богданова «объяснить» значит — расщепить. Имманентное движение феодализма, движение, в ходе которого возникает буржуазное общество, вытравляется, исчезает. То же самое мы видим и у многих буржуазных ученых. Вспомните хотя бы Зивекинга, который никак не мог примириться с тезисом Маркса о том, что феодализм сменяется капитализмом. Зивекинг, полемизируя с Марксом, заявляет, что между феодализмом и капитализмом существует особая промежуточная форма, которая не есть феодализм и не есть капитализм, и которую Зивекинг предлагает назвать «феодальным капитализмом» («Feudalkapitalismus»). Богданов в одной из своих работ тоже пустил в ход подобный термин: «*меновой* феодализм». Не напоминает ли это вам, т. Дубровский, вашу «крепостническую формацию»?

Для Зивекинга и Богданова «объяснить» значит вытравить противоречия и убить движение. Вот почему эта точка зрения глубоко *антиисторическая*.

Бухарин, — победоносно заявляет Дубровский, — нигде не говорил о крепостничестве, как особой формации. Из этого Дубровский, само собой, заключает, что все мы — бухаринцы. Стратегические приемы содокладчика так же убоги, как и его научная методология. Дубровский полагает, что крикнуть оппонентам: «сами вы механисты» — значит гарантировать себя от обвинения в богдановщине. К несчастью для Дубровского дело обстоит не так просто.

Бухарин, когда перечисляет социально-экономические формации, действительно, не говорит о крепостничестве. Бухарин *сам* не договаривается до такой глупости, как «крепостническая формация». Но из этого отнюдь не следует, что Бухарин в вопросе о формациях стоит на ортодоксально-марксистской позиции. Вся его механистическая социология влечет его к тем же выводам, которые вслед за буржуазными учеными сделал Богданов. Бухарин сам не «открывает» никаких промежуточных формаций. Но для каждого, кто пожелал бы заняться этим благим делом, к услугам весь бухаринский теоретический инвентарь. Бухаринская трактовка производственных отношений, как «трудовой координации людей, рассматриваемых как живые машины во времени и в пространстве», это клад для каждого изобретателя новых «формаций». И Дубровский не преминул попасться на удочку. Теперь, *после* того, как ему было предъявлено в Об-ве историков-марксистов упомянутое обвинение, Дубровский уверяет нас, что он «нечаянно» пустил в ход вульгарный бухаринский термин «расстановка». Но беда Дубровского не просто в неряшливой терминологии, а в том, что бухаринская трактовка производственных отношений лежит в *основе* его «теории». Попытка оправ-

[1] *А. Богданов*, Наука об общественном сознании, 2 изд., стр. 141.

[2] *А. Богданов и И. Степанов*, Курс полит. экономии, т. I, изд. 4, стр. 236.

даться тем, что тот или иной термин «вырвался» случайно, попросту смешна. Та же история была и с самим Бухариным, когда он, применив богдановскую терминологию, заверял, что речь идет *только* о терминах. Ленин тогда разъяснил Бухарину, что термины «вурцелируют в философии», что наивно полагать, будто *не* находится в теснейшей связи с этими терминами тот «ученый сор», которым засыпаны работы Бухарина.

Перейдем к основному пункту спора, к вопросу о крепостничестве. Минц прекрасно показал, что ни Марксу, ни Энгельсу, ни Ленину нельзя приписать взгляда на крепостничество, как на особую формацию. Минц показал это при помощи обильных цитат и в известном смысле выполнил за всех нас, выступающих в прениях, эту неизбежную черную работу. Было бы нецелесообразно двигаться дальше в том же направлении: продолжать эти цитаты можно было бы до бесконечности.

Но Минц за недостатком времени слабее осветил другую сторону дела, не менее важную. *Почему* Маркс, Энгельс и Ленин *не могли* стоять на той точке зрения, которую Дубровский, не брезгуя ни кривотолкованием, ни — в ряде случаев — прямой фальсификацией цитат, выдает за марксистскую? Речь идет не о вопросе, в котором классики марксизма почему-либо не удосужились разобраться. *Речь идет о взглядах, в корне враждебных марксизму и ленинизму.*

Минц в своих тезисах не совсем удачно сформулировал упрек Дубровскому, заявив, что Дубровский «несомненно знаком (!) с отдельными высказываниями Маркса, приводит некоторые из них, но не умеет *диалектически разрешить их кажущееся противоречие*». Как будто беда Дубровского заключается в том, что он не смог диалектически разрешить какие-то мнимые противоречия между цитатами из Маркса! Дело не в диалектике цитат, а в диалектике перехода от феодализма к капитализму. При этом необходимо отметить, что теория, рассматривающая торговый «капитализм», как особую промежуточную формацию, чрезвычайно родственна теории Дубровского. Обе эти теории построены на одной методологии, обе ведут свой род от Богданова, и противопоставлять одну другой не приходится. Слабым местом в докладе Минца является, поэтому, и то, что он недостаточно отмежевался от теории торгового «капитализма». Правда, в последнее время защитников этой теории не слышно, хотя нельзя сказать, чтоб наиболее вульгарные изложения этой теории (напр. работы Розенталя, Кунисского и др.) были подвергнуты сколько-нибудь достаточной критике.

Термин «крепостничество» в работах Ленина употребляется в разных смыслах. Во избежание путаницы и игры слов следует точно условиться, о чем идет речь. В большинстве случаев, говоря о крепостничестве, Ленин попросту имеет в виду феодализм. Таких формулировок у Ленина сотни. В других случаях Ленин понимал под крепостничеством наиболее суровые формы феодальной зависимости; в этом же смысле термины «крепостничество» употребляют Маркс и Энгельс или, точнее говоря, их переводчики; с неменьшим правом можно было бы Марксов термин «Leibeigenschaft» перевести не сло-

вом «крепостничество», а словом «закрепощенность». Наконец, под крепостничеством можно подразумевать крепостное право «второго издания», как выразился Энгельс, имея в виду систему барщинных отношений, которая сложилась в эпоху позднего феодализма в ряде стран Восточной Европы. Именно это «крепостное право второго издания» и попытался Дубровский объявить особой формацией. Поэтому, говоря в дальнейшем о крепостничестве, я буду применять этот термин, разумея под ним именно «крепостное право второго издания». При этом следует, однако, постоянно иметь в виду, что было крепостное право и *первого* «издания». Касименко очень уместно напомнил во время дискуссии в Свердловском университете, что, говоря о западноевропейских странах, можно с гораздо большим правом утверждать, что не крепостничество развилось из феодализма, а наоборот, феодализм развился из крепостничества. Если принять точку зрения Дубровского, то, взглянув на историю Европы как целое, пришлось бы притти к абсурдному выводу, что эти обе формации находятся между собой в таком отношении, что на Западе из крепостничества рождается феодализм, а на Востоке — из феодализма крепостничество.

Что же такое крепостничество, понимаемое как крепостное право «повторного издания»? Есть ли это особая формация? Или быть может особая стадия феодализма, последняя стадия, подобно тому, как империализм есть последняя стадия буржуазного общества?

Чтобы ответить на эти вопросы, надо прежде всего точно условиться насчет того, что такое феодализм. Конечно, всякое определение несовершенно и одностороннe. Но, если не предъявлять к определению чрезмерных требований, оно полезно и часто даже необходимо. Всем известно, какое значение Ленин придавал, напр., установленным им пяти признакам империализма. Каковы же основные признаки феодальной формации?

Таких признаков, основываясь на работах Ленина, можно указать три: 1) господство натуральных отношений; 2) наделение производителей средствами производства (главное из них — земля) и прикрепление их к этим средствам производства; 3) личная зависимость эксплоатируемых от эксплоататоров. Согласны ли вы с тем, т. Дубровский, что эти признаки определяют феодализм?

Дубровский. — Вы даже Ленина не можете до конца дочитать. Читайте дальше.

Зоркий. — Вы уклоняетесь от ответа. Если вы считаете это определение недостаточным, укажите, что именно упущено. Вместо этого вы даете наставления о том, как цитировать Ленина. Известно, что вы в этом деле большой мастер. Стенограмма вашей речи пестрит пустыми местами, в которых предполагаются цитаты; от этого она убедительнее не становится.

Не можете ли вы ответить без обиняков? Ваш ответ попадет в стенограмму. Считаете ли вы, что эти три признака, которые неоднократно подчеркивал Ленин, определяют феодальную формацию или нет?

Дубровский. — Вы ничего не поняли у Ленина и вы в этом отношении безнадежны.

Зоркий. — Итак, ответа на поставленный вопрос вы не даете. А между тем эти три признака действительно определяют основное и своеобразное в феодальной формации. Они охватывают все ее стадии, включая и ранние и поздние, и все ее особые варианты, вроде того варианта, который характеризуется крепостным правом «второго издания».

Таковы основные особенности феодализма. Если б мы оказались перед новой формацией, которая выросла из феодальной, то, оставаясь на почве революционного марксизма, мы должны были бы прежде всего ответить на вопрос: в чем эта новая формация *противоположна* предыдущей? Для сторонника богдановско-бухаринской социологии такого вопроса, конечно, не существует. Для него «достаточно сравнить» (как пишет Дубровский на стр. 92 своей брошюры) феодализм с крепостничеством. Если сравнение показывает, что люди «расставлены» по-иному, — налицо две формации. Вот зачем понадобилось такое разграничение ренты продуктами и барщины: иная «трудовая координация» «живых машин»! Но Дубровский претендует на звание марксиста. Поэтому еще тогда, когда Дубровский здесь, в ИКП, обнародовал свою «концепцию», ему было предложено показать противоположность крепостничества феодализму. Мало стать в позу Колумба и заявить человечеству: «вот вам новая формация, любуйтесь ею». Марксист обязан показать, в чем *закон движения* данной формации. Что значит открыть формацию? Это значит вскрыть ее специфическую закономерность и ее противоположность предыдущей формации. Закон движения буржуазного общества исследован Марксом в «Капитале». Капитализм не просто «отличается» от феодализма. Вспомните перечисленные мною три признака феодализма: каждый их них в буржуазной формации перешел в свою *противоположность*.

А в «крепостнической формации»? И господство натуральных отношений и наделение средствами производства производителей, прикрепленных к этим средствам, и личная зависимость крестьян от феодалов — все эти основные черты феодализма характерны и для крепостного права «второго издания».

Упорствуя в защите своей «теории», Дубровский все же предпринимает кое-какие поиски противоположности между феодализмом и новооткрытой формацией. Мы слышали целый ряд выступлений и самого автора «теории», и его сторонников, в том числе Граве. Мы можем подвести кое-какие итоги. Эти поиски ведутся в разных направлениях.

Во-первых, указывается на различие в форме эксплоатации; возникает самобытная трактовка Маркса, резко противопоставляющая ренту продуктами, якобы являющуюся единственной базой феодализма, — отработочной ренте, которая якобы является фундаментом крепостнической «формации». На смехотворность этой версии указывалось неоднократно. Я остановлюсь только на одном любопытном замечании, которое сделал Дубровский в последнем содокладе. До сих пор он просто отмалчивался, когда ему зачитывали красноречивое указание Маркса на то, что при переходе от отрабо-

точной ренты к ренте продуктами «*экономическая сущность ренты остается неизменной*». Совершенно справедливо решив, что дальше отмалчиваться нельзя, Дубровский решил обратить это положение против своих оппонентов. Он сам бесстрашно зачитал это место из Маркса и «разъяснил», что речь идет здесь о «совсем другом»: одно дело экономическая сущность, а другое дело — способ эксплоатации и способ производства. Экономическая сущность, действительно, при переходе от феодализма к крепостничеству, не меняется, а вот способ эксплоатации и способ производства становится совсем иным... Лучшего саморазоблачения наш горе-марксист не мог бы придумать. Самая постановка вопроса, отрывающая экономику от способа производства и полагающая, что экономическая сущность *различных* формаций может оставаться *неизменной*, ничего общего с марксизмом не имеет. Впрочем, и без драгоценных комментариев Дубровского вполне достаточно той фразы Маркса, о которой идет речь, чтобы накрест перечеркнуть всю вздорную теорию крепостнической «формации».

Во-вторых, в поисках противоположности Дубровский обращается к вопросу о формах и степенях личной зависимости. Даже средневековые юристы, которые не умели резать цитат из Маркса и Ленина, отлично знали, что «есть много состояний личной крепостной зависимости» (слова французского юриста XIII в., Бомануара). Эта зависимость выступает в самых пестрых формах и варьируется от самой суровой барщины до сравнительно легкого денежного оброка. Но если вы попытаетесь в *этой* области сконструировать противоположность между феодализмом и крепостничеством, вы окажетесь всего-навсего последователем Петрушевского. Именно он объявил феодальных крестьян свободными, а позднейшие суровые формы эксплоатации — «искажением» феодализма. В этом вопросе вы уже стали на путь, который прямиком ведет к петрушевщине.

Третье направление, в котором Дубровский ищет противоположности между феодализмом и крепостничеством, это — вопрос о степени развития обмена. Дубровский не может отрицать, что для крепостничества, как и для феодализма вообще, характерно именно господство натурального хозяйства. Здесь может итти речь только о количественных различиях в развитии обмена. «В сравнении с феодальным строем», пишет он в своей брошюре, «крепостное хозяйство характеризуется и большим *количеством* создаваемого прибавочного продукта, и *значительно* возросшей денежностью, и *относительной* товарностью всего барщинного хозяйства».[1] Дубровский, сопоставляя с феодализмом свою новооткрытую формацию, с видимым удовлетворением движется в мире количеств.

«*Различие* между феодализмом и крепостничеством можно было бы провести гораздо дальше и по линии техники, поскольку в эпоху крепостничества техника, несмотря на ее отсталость, хотя и очень медленно, *все же идет вперед*... отделение ремесла от земледелия делает *шаг вперед*... Можно было бы указать большую разницу и в развитии торгового капитализма (?!), поскольку последний при крепостничестве делает значительный *шаг вперед*» и т. д.[2]

---

[1] *С. Дубровский*, цит. брошюра, стр. 85.
[2] Там же, стр. 94.

Не вдаваясь в критику этих положений по существу, достаточно указать на воодушевляющий их автора метод. Все эти шаги «вперед», все эти количественные изменения вполне достаточны для буржуазного ученого или для богдановца, пытающегося «разменять» диалектический процесс на ряд переходных ступеней, *«объяснить»* (в богдановском смысле этого слова) переход. С точки зрения марксиста «аргументация» Дубровского — механистическая мазня.

Четвертый пункт, на котором особенно настаивал Дубровский в содокладе, это возникновение крепостнической мануфактуры, благодаря которой создается *«цельное крепостническое хозяйство»*. Итак, Дубровский предполагает, что в противоположность феодализму крепостничество характеризуется завершившимся отделением промышленности от земледелия. Это — вопиющее извращение исторической действительности. Развитие крепостных мануфактур свидетельствует о том, что в недрах феодального общества развивается не что иное как капитализм. Объявить возникающие на заре капитализма крепостные мануфактуры дореформенной России элементом «цельной» (!) крепостнической «формации» — это карикатура на марксизм.

Как для этого тезиса, так и для всех построений Дубровского характерно то, что он невозмутимо игнорирует марксову теорию происхождения капитализма. Это является естественным следствием того, что Дубровский не приемлет марксовой теории общественного развития, подменяя ее богдановско-бухаринской.

На общий характер методологии Дубровского проливает яркий свет «идея», развитая им в дополнение к его брошюре в последних устных выступлениях. Я имею в виду его поистине замечательную теорию *«пустого места»*. В брошюре Дубровского есть один пункт, который заслуживает внимания. Он пишет:

> «Не приходится доказывать здесь основного положения марксизма и ленинизма, что вполне возможен переход от одной общественной формации к другой, минуя промежуточные».

Может показаться, что здесь не совсем точно сформулирован общеизвестный тезис о том, что, пользуясь успехом более передовой страны, страна более отсталая может миновать ту или иную стадию развития. Маркс допускал, напр., что такая отсталая страна

> «имеет возможность присвоить себе все положительные достижения капиталистического строя, не проходя сквозь его Кавдинские ущелья».[1]

Но оказалось, что Дубровский вовсе не ограничивается такой постановкой вопроса. Подлинный размах его обобщения выяснился тогда, когда он поставил под бешеный обстрел утверждение о том, что капитализм вырастает из феодализма. В своем содокладе Дубровский особенно свирепо честил меня за эту «ересь». В действительности, как разъяснил Дубровский, выступая в прениях по моему докладу в Обществе историков-марксистов, «капитализм растет *отовсюду*», он может вырасти из первобытного коммунизма, из родового общества, из феодализма, из крепостной «формации», и, наконец, —

[1] Архив Маркса и Энгельса, I, стр. 276.

здесь методология Дубровского раскрывается во всем блеске — «капитализм вырасти может на *пустом месте*»!

Углубляя эту теорию «пустого места», Граве разъяснила свердловцам, что если в прериях Северной Америки развилось капиталистическое хозяйство, то оно развилось именно из того «пустого места», которое там было до прихода европейцев. Более того; суть «американского пути развития», по мнению Дубровского и Граве, в том и состоит, что капитализм рождается из пустоты! Они и не подозревают, что предпосылкой буржуазного развития Америки было развитие капитализма в недрах феодального общества старой Европы. «Американский путь» Ленин понимал, как путь наиболее радикальной ликвидации остатков *феодализма*, а по Дубровскому именно этот путь свидетельствует о неправильности тезиса «капитализм рождается из феодализма». Энгельс писал:

«Уничтожение феодализма, выражаясь положительно, есть установление буржуазного общества».

Ленин писал:

«Экономическое развитие России, *как и всего мира*, идет от крепостничества к капитализму и через крупный машинный капитализм к социализму». [1]

Вот основная магистраль исторического развития.

Дубровский не понимает того, что появление капитализма вытекает всецело и исключительно из закона движения феодальной формации. Точно так же только закон движения капитализма объясняет неизбежность победы социализма; в противном случае и к социализму можно было бы притти не «через крупный машинный капитализм» (Ленин), а через какое-нибудь «пустое место».

Вот до каких сюрпризов дошел Дубровский в своем стремлении узаконить крепостничество, как особую формацию. Но может быть «крепостное право второго издания» представляет собой если не формацию, — теперь ясно, что объявить его формацией можно только путем упразднения марксовой теории общественного развития, — то все же особую *стадию* феодализма? Не является ли эта стадия неизбежным заключительным этапом феодального развития, подобно тому, как империализм является последней стадией капитализма? [2]

На эти вопросы придется дать отрицательный ответ. Торжество «крепостного права второго издания» не есть всемирно-историческое явление, оно *не характерно для классического маршрута феодализма*. Оно утверждается на *окраинах* капиталистического процесса и под влиянием успехов этого последнего. Длительное повторное господство барщины есть второстепенный *провинциальный* вариант позднего феодализма, исторический зигзаг, характерный для отсталых стран. Перефразируя цитированное мною сегодня выражение Маркса, можно сказать, что *именно* потому, что передовые страны *уже* выходят из Кавданских ущелий феодализма, ряд стран более отсталых застревает в этих ущельях. Восточно-европейское крепостниче-

---

[1] *Ленин*, Соч., т. XVII, 2 изд., стр. 51[illegible]. Термин «крепостничество» здесь, само собой разумеется, употребляется, как синоним феодализма. — *М. З.*

[2] Так ставил вопрос в одной из своих последних работ И. Степанов. — *М. З.*

ство останется непонятым без учета успехов западно-европейского капитализма.

Не от ренты продуктами к отработочной ренте, а от второй к первой — таков классический путь феодального развития, изображенный Марксом, и не логическая конструкция, а действительное отражение истории феодализма западных стран. Вот почему аналогия между крепостничеством и империализмом ошибочна: путь от феодализма к капитализму вовсе не обязательно лежит через стадию возрождения барщины, в то время как империализм является последней стадией буржуазного общества, через которую неизбежно проходят все передовые капиталистические страны.

Несколько замечаний по вопросу о роли *торгового капитала*. Нашлись такие товарищи, которые, не отрицая грубых ошибок Дубровского по вопросу о крепостничестве, считают правильным его понимание торгового капитала. Этим товарищам кажется, что мы можем в союзе с Дубровским бороться против богдановской теории торгового «капитализма». Это неверно. Дубровский не может быть нашим союзником в борьбе против этой теории, потому что он сам не понимает исторической роли торгового капитала.

Во-первых, он не видит противоречивой роли этого капитала: разлагающей и консервирующей. Игнорируя действительный ход исторического процесса, Дубровский воображает, что «в борьбе против старого феодально-крепостного порядка торговая буржуазия шла вместе со всей буржуазией».[1] Это неверно. В своей «чистой», «свободной» (как выражался Маркс) форме торговый капитал является *реакционным* началом.

Во-вторых,—эта ошибка естественно вытекает из первой — Дубровский отрицает тот несомненный факт, что борьба между торговым (в его «свободной» форме) и промышленным капиталом есть неизбежный спутник переходного периода от феодализма к капитализму. Бесспорно, что у М. Н. Покровского, особенно в его четырехтомнике, преувеличено значение и объем этой борьбы и допущен ряд ошибок. Но когда Дубровский пытается вовсе зачеркнуть эту борьбу, он только демонстрирует лишний раз свое полное непонимание диалектики торгового капитала.

В-третьих, для Дубровского остается неясной прогрессивная роль того торгового капитала, который, теряя свою «свободную» форму, перерастает в промышленный. Дубровский далек от сколько-нибудь ясного представления о той специфической системе, в которой торговый капитал выступает в своей прогрессивной роли; я имею в виду мануфактурную стадию капитализма. *Бороться с богдановской теорией торгового «капитализма» можно только путем противопоставления ей марксистско-ленинских взглядов на мануфактурную стадию, как первую стадию капитализма.* Не торговый капитал сам по себе приводит к тому, что общество вступает в эту стадию. Торговый капитал является предпосылкой для возникновения капитализма, но не единственной и не главной. Однако, там, где на основе разви-

[1] *С. Дубровский*, цит. брошюра, стр. 124.

тия общественного разделения труда сложились соответствующие условия, там в системе мануфактуры (мануфактуры в широком смысле слова) торговля революционизирует промышленность, купеческий капитал ведет вперед, сам в процессе этого движения перерастая в промышленный.

Дубровский гораздо ближе к теории торгового «капитализма», чем это ему кажется. И у него купеческий капитал выступает в роли универсального творца капиталистического процесса. Когда Дубровский ставит вопрос о переходе от феодализма к крепостничеству, затем от крепостничества к капитализму, он в *обоих случаях вызывает* из-под земли торговый капитал, чтоб с его помощью «объяснить» этот переход. Действительно, положение Дубровского не из легких. Из «расстановки людей», из «трудовой координации» расставленных «живых машин» новое качество не вырастет. Чтобы «перевести» одну общественную форму в другую, буржуазный ученый прибегает к помощи «хозяйственной идеологии», Богданов тоже апеллирует к идеологии, подчеркивая ее организаторскую роль. Дубровский более взыскателен; но не умея показать, как в ходе развития противоречий старой формации возникает новая, ею порожденная и ей противоположная, он обращается к помощи всемогущего торгового капитала: торговый капитал «вводит» в историю *и крепостническую «формацию» и капитализм*.

Богдановщиной богдановщину бить нельзя, ее надо бить марксизмом. Борьба с теорией торгового капитализма подразумевает борьбу с механистической теорией Дубровского, а не блок с ним, как полагают некоторые товарищи.

Прежде, чем перейти к заключительной части своих замечаний, я вынужден ответить на один выпад Дубровского. Он заявил, будто я где-то и когда-то потребовал «слома концепции Покровского». Не знаю, зачем понадобилось такое грубое извращение моих слов. Весной 1929 г. в дискуссии в ИКП, я заявил, что давно пора отправить на слом теорию торгового «капитализма», но там же подчеркнул, что с этой богдановской теорией я отнюдь не отождествляю работ Покровского, на которых мы учились и будем учиться впредь.

Дубровский. — Вы отказываетесь от вашей первоначальной установки.

Зоркий. — Я приложу к сегодняшней стенограмме соответствующие выдержки из апрельской дискусии.[1]

Позвольте в заключение коснуться наиболее актуальных пунктов нашего спора. Некоторым товарищам показались на первый взгляд преувеличенными те обвинения, которые я выдвинул против Дубров-

---

[1] «*Я не считаю, что богдановская теория «торгового капитализма» является краеугольным камнем концепции М. Н. Покровского.* От «ревизии» в этом вопросе действительные заслуги М. Н. вовсе не умалятся. Но в этом вопросе нужен капитальный ремонт, а не поверхностная перелицовка под «эпоху торгового капитала», «крепостническую формацию» и т. п. Теория «торгового капитализма» трещит по всем швам, но еще раз повторяю, нелепо отождествлять с ней концепцию М. Н. Теорию «торгового капитализма» надо отправить на слом, а на работах М. Н., на которых мы все учились, мы будем учиться и впредь». (Выдержка из записи моего выступления по докладу Минца в ИКП, в апреле 1929 г.)

ского в Об-ве историков-марксистов. Теперь связь «крепостнической теории» с богдановско-бухаринской методологией для большинства собравшихся, надеюсь, бесспорна. Однако, не для всех ясно, что «теория» Дубровского именно благодаря этой методологии неизбежно ведет к ошибкам правооппортунистического типа. Те товарищи, которые считают это утверждение натяжкой, недостаточно продумали вопрос о том, почему именно проблема перехода стала центральной проблемой нашего спора, почему именно она привлекает такое внимание и на смежных участках марксистстого фронта, в какой связи этот теоретический интерес находится с особенностями нашей эпохи.

Что означает ошибка Дубровского по вопросу о советском хозяйстве? Как известно, он в своей брошюре объявил нашу переходную экономику особой социально-экономической формацией. Эта ошибка воспроизводит в еще более опасном контексте ту же ошибку, которая лежит в основе его «теории» крепостничества.

От феодализма к капитализму, от капитализма к социализму: вот последовательный ряд формаций, сменяющих одна другую с неизбежностью естественно-исторического процесса. Дубровский попытался *каждый* их этих двух переходов подменить особой формацией, вклинив между феодализмом и капитализмом крепостническую «формацию», а между капитализмом и социализмом — «советскую». От второй ошибки он уже отказывается, — правда, в печати он еще этой ошибки не признал. Но было бы безнадежным делом отрицать, что обе эти ошибки неразрывно связаны между собой. В обоих случаях революция в производственных отношениях перекрывается промежуточной формацией; там, где надо искать переход одной формы *движения* в другую, Дубровский ищет *равновесие* воображаемой «цельной» формы. Вслед за Богдановым и по его способу он хочет «объяснить» переход.

Надо было додумать свой тезис о советской «формации» до конца. Если допустить, что наше переходное хозяйство есть формация, то это есть, очевидно, *классовое* общество, а следующее за ним — социализм — есть общество бесклассовое. Как же быть с переходом от этой классовой «формации» к бесклассовому обществу? Следует, повидимому, допустить, что нужна третья революция, для того, чтобы перейти к социализму. Партия слышала на своем веку этот лозунг. Но если допустить, что такой революции не надо, следует, очевидно, допустить *врастание* классовой «формации» в бесклассовое общество. И эта песенка не нова, хотя и весьма злободневна.

Теория Дубровского может, таким образом, привести и к «лево»-оппортунистическим, и к правым ошибкам. Но я вовсе не хочу этим сказать, что перед Дубровским две линии ошибок, между которыми он колеблется. Нет, для его писаний характерен определенный оттенок, они имеют явственный право-оппортунистический крен.

Я не буду разбирать той беспросветной путаницы по вопросу о категориях «формация» и «уклад», которой Дубровский украсил свою брошюру, мне об этом уже пришлось говорить в О-ве историков-марксистов. Достаточно примера из его содоклада. Формация, по его мнению, есть уклад, «выдвинувший» свою государственную над-

стройку. В наших условиях социалистический уклад, как ведущий, *«выдвигает»* свою политическую надстройку — диктатуру пролетариата.

Дубровский забывает такую достаточно очевидную истину, что у нас идет борьба не пяти укладов, а *двух* формаций. «Кто кого», это значит: не какой из пяти укладов победит, а кто возьмет верх — капитализм или социализм. Эти ошибки не случайны, они вытекают из всей методологии Дубровского. Эта методология тянет его неизбежно *на поиски равновесия*, *на поиски промежуточной формации*, *на поиски «третьего пути»*.

В своей последней речи на конференции аграрников-марксистов Сталин, коснувшись «теории равновесия», особенно настойчиво подчеркнул, что перед нами *только* два пути.

«Существует путь капиталистический... Существует другой путь — социалистический... Мы стоим за этот второй путь. Либо один путь, либо другой. Либо назад — к капитализму, либо вперед — к социализму. Никакого третьего пути нет и не может быть. Теория равновесия есть попытка наметить третий путь. И именно потому, что она рассчитана на третий (несуществующий) путь, она является утопичной, антимарксистской».

Быть может вы полагаете, что это замечание Сталина не имеет никакого касательства к нашему сегодняшнему спору? Что во всяком случае оно не имеет никакого отношения к Дубровскому?

Дубровский. — Это имеет прямое отношение к Крицману.

Зоркий. — В одной из работ Дубровского я читаю следующее:

«Возможны три пути развития сельского хозяйства: 1) прямолинейно капиталистический; 2) прямолинейно-социалистический и 3) комбинированный» *(смех)*.

Дубровский. — А вы не читали у Ленина по поводу обходного пути?

Зоркий. — Вот как, вы это считаете *одним и тем же*? Но я до сих пор не слыхал, чтоб Ленин говорил где-либо о «комбинированном» пути движения. До сих пор подобные утверждения приписывали Ленину либо невежды, либо классовые враги.

Не может быть сомнений в том, что такое вы подразумеваете под «комбинированным» путем. За этим тезисом у вас следует изумительное рассуждение насчет того, что капиталистический путь в нашей стране вообще «неприменим». Но

«если неприменим чисто капиталистический путь развития, так как он упирается (?!) в интересы мелкого крестьянства и деревенской бедноты, *то оказывается неприменимым и чисто социалистический путь развития крупного хозяйства*».

В чем же тут дело? Дело, видите ли, в том, что нашей политикой мы «оборвали» капиталистическое развитие,

«которое еще не успело создать предпосылки для социалистического».

И далее:

«эта-то неприемлемость ни чисто капиталистического, ни чисто социалистического пути развития сельского хозяйства и выдвигает применение метода комбинированного из этих двух».

И Дубровский осмеливается здесь *сегодня*, в связи с этим рассуждением ссылаться на Ленина! Не лучше ли ссылаться на Суханова? Это ли не сухановщина?

Я цитировал старую работу Дубровского [1], но я до сих пор не читал ни одной новой его работы, где было бы написано, что он, Дубровский, в свое время выступал с подобной теорией и теперь от нее отказывается. Более того, вы слышали, что он здесь *сегодня* в свое оправдание позволил себе сослаться на Ленина.

Поэтому нет ничего удивительного, что состоявшаяся на-днях конференция аграрников-марксистов сочла нужным предупредить Дубровского, что он, «скатывается к позиции Суханова и прочих мелкобуржуазных теоретиков». В решениях конференции процитированы некоторые афоризмы Дубровского и затем сказано следующее:

«Подобные взгляды выражают трусливый эклектизм».

Который боится

«Открыто и прямо выступать с ревизией марксистско-ленинских взглядов»

и, прикрываясь

«своим формальным согласием с партийной линией, на самом деле извращает марксистско-ленинские положения».

Дубровский. — За эту резолюцию понесут ответственность те, кому следует.

Зоркий. — Этот пункт резолюции, как видите, прекрасно характеризует не только Дубровского-аграрника, но и Дубровского-историка, которому задолго до конференции аграрников было указано на эклектический и ревизионистский характер его исторической «теории».

Разрешите подвести итог. Я уже подчеркивал, что наш интерес к проблеме перехода от одной формации к другой отнюдь не обусловлен появлением вздорной брошюры Дубровского. Но эта брошюра должна была стать объектом жесточайшей критики, — во-первых, потому, что она дает извращенную постановку проблем, имеющих крайне актуальный теоретический интерес, и, во-вторых, потому, что ее ошибки прямо смыкаются с ревизионистскими выступлениями по вопросам текущей политики нашей партии. «Теорию» Дубровского мы должны добить, она должна потерять для нас всякий интерес, и мы должны перейти к более серьезному и углубленному разбору проблем, которые стоят перед марксистской исторической наукой.

Надо сказать категорически, что и в дальнейшем *борьба с богдановщиной* будет оставаться в порядке дня. Наш главный враг — буржуазная наука, но богдановщина есть не что иное, как ее замаскированное продолжение в наших рядах. Диалектический материализм «включает историчность», как напоминал Бухарину Ленин, богдановщина ее исключает. Борьба с богдановщиной есть поэтому необходимая часть борьбы за историю как науку, т. е. борьбы за марксистскую историческую науку. И в то же время борьба с богдановщиной есть борьба против ревизионистских извращений нашей теории и нашей *революционной практики*, *борьба* за генеральную линию нашей партии.

---

[1] *С. Дубровский*, Очерки по истории русской революции, стр. 242, 244, 245.

КАСАТКИН, В.

В своем содокладе Дубровский говорил, что в основе его книжки лежит борьба против троцкизма и что с этой-де стороны надо подходить к его литературному и устному выступлению. Он готов признавать промахи академического порядка с тем, чтобы оправдать политическую установку своей книги. В эту сторону рекомендовал он направить центр тяжести дискуссии.

Я думаю, что с этой его последней постановкой вопроса следует согласиться. Надо рассматривать не только с академической стороны те проблемы, которые он выдвигает, но обратить внимание и на политическую сторону вопроса, на политический смысл и его выступления и той концепции, которую он пытается развивать.

Дубровский выступил с массой вопросов, которые он не подкрепил достаточным обоснованием, и это привело к тому, что у него не связаны концы с концами. Не везде также его теоретические взгляды соединены с практическими, политическими выводами. Впрочем, иногда политические выводы следуют позже. В нашу основную задачу поэтому входит, прежде всего, вскрыть тот антиисторический, антидиалектический подход, с которым мы встречаемся как в трактовке отдельных положений у Дубровского, так и в его «схеме» — в целом. Это задача коллектива, и общими усилиями здесь собравшихся мы ее выполним, я же позволю себе занять ваше время критикой отдельных положений.

Дубровский пишет:

«При сосуществовании капиталистического способа производства с докапиталистическим, напр.,... в Китае, в Индии и пр., ростовщический капитал, разлагая мелкое производство, создает тем самым предпосылки для капиталистического способа производства. В дореволюционной России торговый и ростовщический капитал также прокладывали путь промышленному капиталу». [1]

Конкретный вопрос о роли торгового капитала здесь возводится до общетеоретического положения именно потому, что Дубровский превратно понимает происходящий процесс и скатывается к теории деколонизации. Я знаю, что Дубровский официально ее не приемлет, но в своих выводах он к ней приходит, и в приведенной выше цитате заложены для этого все предпосылки.

Некоторые из теории деколонизации делают выводы, что, напр., в Индии не происходит никакого развития капитализма. Но хотя мы знаем, что Индия гораздо больше испещрена железными дорогами, чем СССР, что там есть сравнительно развитая промышленность, все же не из этого надо исходить, выступая против товарищей, защищающих теорию деколонизации. Дело в том, что в данном случае неправильно, не диалектически подходят к тем элементам роста предприятий, которые наблюдаются в этих странах. Дело вовсе не в этом росте, а в том, что вся промышленность колониальных стран является по отношению к промышленности метрополии

---

[1] *С. Дубровский*, цит. брошюра. стр. 120. К цитате дана ссылка на Ленина.— *В. К.*

подчиненной, дело в том, что пришлый капитал не изменяет, а консервирует, сохраняет старые, докапиталистические отношения, в этом суть. И заявлять, что в Индии и в Китае созревают те же самые предпосылки, которые предшествовали *капиталистическому* развитию старой России, это значит ничего не понимать или сознательно извращать зреющие предпосылки развития таких стран, как Китай или Индия. Помимо всего прочего здесь забывается и такой «пустяк», как факт существования СССР. Или это ничего нового в постановку вопроса о путях развития колониальных стран не вносит? А если вносит, то нет никаких оснований давать подобные анализы.

Положение, которое я перед вами изложил, появляется у Дубровского не впервые. В своей работе «Крестьянское движение» он пишет:

«Практический вывод: чем сильнее «стабилизируется» в настоящее время капитализм, т. е. чем быстрее он начинает развиваться вширь и вглубь, чем сильнее проникает он в колонии и разлагает там полунатуральный хозяйственный строй, создавая буржуазные отношения, тем скорее приближается он к своей гибели, к началу национальных крестьянских революций». [1]

Свою новую книжку Дубровский писал после VI конгресса Коминтерна и тем не менее мы находим все необходимые элементы для того, чтобы Дубровский, не присоединяясь к товарищам, защищающим теорию деколонизации, подошел точно так же, как они к вопросу о развитии капитализма в тех странах, где этого капитализма нет.

Перейдем к другому положению. Дубровский борьбу против крепостничества понимает как «борьбу крестьянства под руководством пролетариата». Казалось бы, тут ничего зазорного нет, — это основное ленинское положение о роли пролетариата, как гегемона революции, неоднократно им высказанное. Какая здесь неправильность, отбрасывающая Дубровского от ленинизма, от диалектики?

Во-первых, берется конкретно-исторический пример России и им подменяется общетеоретическое положение. Во-вторых, скажет ли Дубровский о том, что российское крестьянство на всех стадиях своей борьбы имело или могло иметь гегемоном пролетариат? Думаю, что не скажет, ибо тогда он даже свое крепостничество с классовой стороны ничем не характеризует.

Переходя конкретно к России, Дубровский пишет, что крестьянство, под гегемонией пролетариата, ведет борьбу

«против крепостников за буржуазный способ производства («американский путь развития»). [2]

Дубровский, упоминая в скобках о борьбе за американский путь развития и ни слова не говоря о том, что за буржуазным способом производства идет борьба и со стороны капитализирующихся помещиков («прусский путь развития»), тоже допускает здесь неверность в анализе конкретной истории России. Ленин, выдвигая свою теорию о борьбе двух путей, основанную на анализе фактического развития России, эти два пути понимал не как два технически воз-

---

[1] Сб. «1905», т. I, стр. 391.
[2] *С. Дубровский*, цит. брошюра, стр. 121.

можных пути развития капитализма, а как два возможных пути, при которых определенную роль играют определенные классы.

Дубровский смазывает борьбу двух путей развития капитализма в России. Он оперирует все время от начала XVI в. до революции 17-го года с диктатурой крепостников и не видит ничего больше. Я думаю, что он не случайно пришел к этому выводу. В специальной работе, помещенной в I т. «Работы семинариев» ИКП («Аграрное движение 1905 — 1907 гг.»), Дубровский не случайно игнорирует борьбу двух путей и этот вопрос совершенно не ставит. Здесь он несколько «уточняет» Ленина, ему вообще свойственно уточнять его. Его брошюра изобилует цитатами, и все же, приписывая Ленину взгляд о крепостничестве и феодализме, как разных общественно-экономических формациях, он не приводит ни одной цитаты из Ленина, ясно говорящей, что крепостничество по способу производства, по классовому своему содержанию отличается от феодализма.

Я хотел бы указать одно место, где Дубровский пытается «уточнять» Ленина в таком вопросе, как вопрос о государстве: в главе о торговом капитале он дает общее (а не конкретное) определение государства и пишет:

«Государство является не чем иным, как формой господства класса, владеющего средствами производства, командующего в производстве, *над классом, создающим прибавочную стоимость*, т. е. классом подчиненным в производстве».[1]

Зачем нужно было так уточнять Ленина? Почему Ленин нигде такой формулировки не давал, а давал более общее определение государства тогда, когда он не давал конкретной характеристики тому типу государства, в конкретной стране, при определенных данных исторических условиях.

Дубровский. — Дайте ваше определение государства.

Касаткин. — Я его определяю так, как определяет Ленин — государство является орудием господствующего класса.

Конечно, не понимая сущности государства, «уточняя» Ленина за счет конкретизации, Дубровский может подходить к переходному периоду как к особой (не капиталистической и не социалистической) формации и как к особому типу государства, которое совершенно не связано с общим определением понятия государства. Подобные «уточнения» Ленина заводят Дубровского далеко, и он делает экскурсы вроде того, что социализм отличается от коммунизма по способу производства. Здесь, поскольку мы касаемся коммунизма, я хотел поставить другой вопрос, весьма существенный и важный, для выяснения вопроса о формациях вообще. Когда Маркс перечисляет общественно-экономические формации, он между прочим говорит о формациях антагонистических обществ, но не говорит ни о первобытном обществе, ни о социализме. Потому ли он об этом не говорит, что упускает из виду или почему-либо другому? В порядке выяснения я хотел бы этот вопрос поставить. Я лично считаю, что когда мы говорим об общественно-экономических формациях, то мы

---

[1] Курсив мой. — *В. К.*

имеем в виду формации классового общества и во всяком случае методологические основы при изучении развития общества классового и бесклассового не могут быть одинаковыми. В этой связи схема Дубровского (в десяти формациях) такого вопроса даже не ставит.

ЗЕЛЕНСКИЙ, М.

Дубровский, заканчивая свое выступление, несколько раз подчеркивал, что данная дискуссия носит не только научный характер, но что она имеет большое политическое значение. Я думаю, что нам нужно заострить внимание на политическом значении этой дискуссии и показать ошибочность теоретических изысканий Дубровского. Исходя из этого, я не буду вдаваться в опровержения положений Дубровского фактами из русской истории, а остановлюсь на методологии автора «рецензируемой» нами книги.

Я приведу одно место из работы Дубровского, которое показывает, что тут мы имеем дело с *механистической концепцией*. Касаясь вопроса классовой сущности государства, Дубровский пишет:

> *«Обычно командующим в государстве классом является тот класс, который в данном случае командует в наиболее важном, наиболее преобладающем укладе общества».* [1]

На первый взгляд тут как будто все обстоит благополучно. На самом же деле, попробуйте это положение, этот закон Дубровского проверить на основе исторических данных из недалекого прошлого и вы увидите, что тут не все обстоит благополучно. Так, напр., Ленин в 1918/21 г., анализируя советскую экономику, перечислял пять укладов в нашем хозяйстве, причем подчеркивал, что в нашей экономике того времени преобладающим являлся мелко-крестьянский «уклад». Согласно «теории» Дубровского мы должны были тогда иметь не диктатуру пролетариата, а такую государственную власть, которая соответствовала бы *преобладающему* мелко-крестьянскому «укладу».

Или возьмите дореволюционное положение в России. Ведь перед 1917 г. остатки крепостничества не были же у нас преобладающим укладом в экономике, а государственной властью, как сам Дубровский считает, была диктатура крепостников, т. е. власть принадлежала классу, который не был командующим «в наиболее важном, наиболее преобладающем укладе общества».

Как видите, этот «закон» не вполне подкрепляется историческими фактами.

Я считаю, что вся суть ошибок Дубровского в данном вопросе заключается в том, что он неправильно ставит вопрос об *отношении* классов в данной общественно-экономической формации. Именно отсюда вытекает ряд последующих ошибок, которые не случайны, потому что вслед за Богдановым и Бухариным Дубровский понимает

---

[1] *С. Дубровский*, цит. брошюра, стр. 153. Курсив автора.— *М. З.*

не отношение классов друг к другу, а «расстановку людей в процессе производства». Не понимая классовых отношений и классовой борьбы, он неизбежно должен был скатиться на механистические позиции при анализе смены общественно-экономических формаций. Диалектика классовой борьбы оказалась подмененной сменой *форм ренты*. Легко убедиться в этом, взяв для примера взгляды Дубровского на русский исторический процесс с реформы 1861 г. На стр. 90 в главе «Переход от крепостничества к капитализму» он пишет:

«Таким образом, само развитие производственных отношений при переходе от ренты продуктами к ренте отработочной неизбежно приводит к распаду феодализма и возникновению крепостничества и затем к его расцвету. *Дальнейшее же развитие отработочной ренты*, при ее увеличении, неизбежно приводит к ее отрицанию, переходу от крепостнической системы к капиталистической, основанной на вольнонаемном труде. *Именно этот процесс* и послужил толчком к отмене крепостничества в Пруссии, в России и ряде других стран». [1]

Дубровский. — Читайте дальше.

Зеленский. — Правда, дальше у Дубровского написано: «однако этот путь вовсе не был мирным», но поверьте, что это «однако» у него написано лишь в качестве «аллилуйя». Ибо дальше говорится, что реформа 1861 г. проводилась сверху и

«крепостники сами лишь приспособляли свое крепостническое землевладение к нуждам капиталистического развития».

Такое объяснение реформы 1861 г., когда говорится, что *сами* крепостники *хотели* отмены крепостного права, и забывается, что реформа 61 г. явилась результатом неудавшейся крестьянской революции, когда выбрасывается борьба классов: крестьянства с помещиками — резко расходится с ленинской оценкой этой реформы. У Дубровского на первом месте не борьба классов, а смена форм ренты. То, что должно было при оценке реформы 61 г. приводиться как главное, оказывается в качестве «аллилуйя».

Забвение борьбы классов повторяется и в оценке революции 1905 г. Здесь Гуляев приводил цитату из ранней работы Дубровского, посвященной 1905 г., и хотя последний от той установки отказывается, но я должен сказать, что она уж очень увязывается с данной работой 1929 г. Видеть причину аграрной революции 1905 г. в кризисе трехполья, т. е. в технике, а не в помещичьей эксплоатации, не в борьбе американского и прусского путей развития капитализма — это для Дубровского характерно. Исходить из экономики и не видеть классовой борьбы, говорить о преобладающем значении того или иного уклада, а за укладами не замечать живых действующих лиц — классов, такова сущность его методологии. Отсюда корень всех ошибок. Понятно, что если подойти с методологией Дубровского, т. е. с точки зрения изменения форм ренты, к понятию феодализма и крепостничества, то можно говорить о разных способах производства, о разных общественно-экономических формациях. Если выбросить понятия отношения классов, отношения господства и подчинения и говорить о «расстановке людей и процессе производства», то

[1] Курсив мой. — *М. З.*

тогда можно говорить о *свободном* крестьянине при феодализме и закрепощенном в эпоху крепостничества. Но теория «свободного» крестьянина эпохи до создания московского государства не принадлежит Дубровскому, который лишь повторяет буржуазных историков: Беляева, Ключевского и др. Здесь было фактами из XIV и XV вв., а также соответствующими местами из «Русской правды» доказано, что крестьянин в эпоху феодализма не был свободным. Я мог бы привести дополняющие факты из Псковской судной грамоты XIV — XV вв., но не в этом суть дела, а в том, что Дубровский выбрасывает такой факт, как внеэкономическое принуждение, которое характерно было как для XII, так XVI—XIX вв., и которое лучше объясняет, был ли крестьянин свободным или нет, чем объяснение при помощи различия продуктовой и отработочной ренты.

Заканчивая, я хочу поставить вопрос перед Дубровским, зачем ему понадобилось говорить о свободном крестьянине в феодальную эпоху Руси? Зачем нужно это прикрашивание «свободы» крестьянина при феодализме? Вспомните, что этот вопрос в русской исторической литературе вставал в определенные, переломные моменты. Перед реформой 1861 г. вокруг этого вопроса было немало изысканий со стороны Чичерина, Беляева, Погодина, Костомарова и др.; перед 1905 г. этот вопрос снова возник, подновленный аргументами Ключевского.

Что тогда об этом буржуазные историки писали — это понятно. Но зачем теперь буржуазная теория «свободного» крестьянина при феодализме, кстати уже разоблаченная, понадобилась Дубровскому и воскрешается им. Вряд ли в этом отдает себе отчет и сам Дубровский.

МАЙОРСКИЙ, Н.

Нашу дискуссию надо поставить в тесную связь с тем этапом развития, в какой вступает теперь марксистская теоретическая мысль. Философское наследство Ленина и борьба за материалистическую диалектику, развернувшаяся на его основе, имеют значение, в грандиозности которого мы еще не отдаем себе отчета. Мы стоим на пороге совершенно новой эпохи, в которой решающему перевороту в социальной организации материальной жизни будет соответствовать не менее решающий переворот во всех без исключения отраслях знания, в самом мышлении.

Мы, историки-марксисты, значительно отстали от наших товарищей, философов и экономистов. Мы еще не пережили того методологического сдвига и размежевания, без которых невозможно двигать теорию, науку вперед. И поэтому мы часто делаем такие методологические ошибки, по поводу которых даже стыдно затевать серьезный спор — настолько они элементарно безграмотны.

Ошибки Дубровского как раз и принадлежат к числу подобных элементарных ошибок. Разбирая его книжку, мы сталкиваемся с самым беззаботным отношением автора к основным категориям

истмата и политэкономии, отчеканенным в ходе теоретических дискуссий последнего времени. Особенно важно, что Дубровский не понимает, что такое «производственные отношения» и какое методологическое значение имеет эта категория для исторического исследования.

В центре нашего внимания стоит проблема общественно-экономической формации. Нетрудно видеть, что без правильного понимания производственных отношений эту проблему решить нельзя. Понятие «общественно-экономическая формация» выражает две основные мысли: 1) различные, многообразные стороны общественной жизни (экономика, политика, идеология и т. п.) связаны одной определяющей закономерностью, общество представляет собой единый «социальный организм», 2) общество всегда представляет собой *определенный* социальный организм и развитие общества состоит в переходе от одного социального организма к другому. Поэтому Ленин и говорил, что материалистическое понятие об общественно-экономических формациях есть понятие об «особых социальных организмах».[1] Но что лежит в основе каждого социального организма, каждой формации, во-первых, делая ее единым организмом, и, во-вторых, отличая ее от другого организма? Не что иное, как производственные отношения.

Дубровский этого не понял. Он не сумел увязать как следует вопрос о социально-экономических формациях с вопросом о производственных отношениях. Он дал явно неправильную трактовку этой важнейшей категории исторического материализма. Обратите внимание на то, что у Дубровского производственные отношения вовсе не включаются в понятие «способ производства» и «экономический базис». «Способом производства» и «экономическим базисом» феодализма и крепостничества Дубровский считает технико-экономическую организацию производства, крестьянское хозяйство, «строй непосредственных производителей», как он выражается. Дубровский далее включает производственные отношения в общую характеристику феодализма, но ставит их рядом со «способом производства» и «экономическим базисом», отдельно от них. Вот одна из многочисленных формулировок подобного типа:

> «феодализм, как и всякая общественная формация, определяется способом производства и расстановкой людей в процессе этого производства, т. е. производственными отношениями».[2]

Суть ошибки Дубровского заключается в том, что у него получается неправильная оценка значения производственных отношений для определения той или иной формации. Техника стоит у него *рядом* с производственными отношениями и *равноправно* с ними определяет общественный строй. Между тем как в действительности техническая организация производительных сил определяет общественную формацию только через свою социальную форму, т. е. через производственные отношения. Напоминаю, что Маркс именно

---

[1] *Ленин*, Соч., т. I, изд. 2, стр. 84.
[2] *С. Дубровский*, цит. брошюра, стр. 59.

«совокупность производственных отношений» считает «реальным основанием», «экономической структурой» общества.

Поистине чудовищный пример легкомысленного отношения к Марксу дает Дубровский, когда в поисках принципиального отличия между феодализмом и крепостничеством строит теорию «пропасти» между отработочной рентой и рентой продуктами. Здесь опять налицо непонимание сущности производственных отношений. У Дубровского различие между двумя формами докапиталистической ренты оказывается возведенным в степень различия между двумя типами производственных отношений. Трудно гордиться таким достижением. Маркс в своем «генезисе капиталистической ренты» ставит вопрос так прямо, так ясно, что можно, действительно, только удивляться размаху фантазии Дубровского.

Когда Маркс говорит о ренте отработочной, продуктовой и денежной, он вовсе не хочет этим сказать, что наряду с капиталистической *каждая* из этих форм ренты может характеризовать особую общественную формацию. Эти три формы по Марксу являются подвидами одной основной — докапиталистической, феодальной ренты, которую Маркс противопоставляет ренте капиталистической. Маркс совершенно прямо говорит в этой главе о «переходе из феодального в капиталистический способ производства». [1] Он разбирает различие между этими двумя типами эксплоатации и везде имеет в виду именно два главных типа: феодализм и капитализм. Неслучайно такое, напр., выражение у Маркса:

«Как переходную форму от первоначальной формы ренты к капиталистической ренте можно рассматривать систему «издольного хозяйства». [2]

Итак, и отработочная и продуктовая рента противопоставляются Марксом как «первоначальная форма ренты» ренте капиталистической. Противопоставление *двух* типов эксплоатации — феодально-крепостнического и капиталистического — вполне определенно выражено и у Ленина.

«Способы получения прибавочного продукта при барщинном и при капиталистическом хозяйствах, — говорит Ленин, — знаменательно противоположны друг другу: первый основан на наделении производителя землей, второй — на освобождении производителя от земли». [3]

В другом месте Ленин говорит, что по Марксу эмансипация крестьян

«состояла только в замене одной формы другой, в замене феодального прибавочного продукта буржуазной прибавочной стоимостью. Совершенно то же самое было и у нее». [4]

Положение Дубровского оказывается незавидным. Он строит свою теорию вопреки указанию Маркса, что различие между отработочной и продуктовой рентой ничего не изменяет в существе ренты, и вопреки указанию Ленина, что уничтожение крепостного права означало переход от феодального прибавочного продукта к бур-

[1] Капитал, III, ч. 2, стр. 336, изд. 1923 г.
[2] *Там же*, стр. 339.
[3] *Ленин*, Соч., т. III, стр. 140.
[4] *Там же*, т. I, стр. 187.

жуазной прибавочной стоимости. Дубровский обосновывает различие между феодализмом и крепостничеством как двумя самостоятельными формациями на чисто пространственном моменте, на том, *где* производится прибавочный продукт, в хозяйстве барина или крестьянина. Он забывает при этом, что основным и решающим для характеристики общественной формации, как специфической формы эксплоатации отличной от любой иной, является не внешний момент, а самое существо классовых отношений, та сила, которая приковывает эксплоатируемого к эксплоататору. Всякая эксплоатация объективно является принуждением, насилием господствующего класса над подчиненным (хотя бы эксплоатируемые этого даже и не сознавали). Различные типы эксплоатации отличаются, как различные типы классового принуждения. Для оброчного и для барщинного хозяйства одинаково характерно внеэкономическое принуждение в отличие от экономического, свойственного капитализму.

Феодальный способ эксплоатации, в противоположность капиталистическому, характерен тем, что здесь эксплоатируемый не лишен средств производства, более того, он «наделен» ими, как говорит Ленин. Ясно, что здесь уже не может иметь места чисто экономическое принуждение. Могущество феодала имеет свою экономическую базу, но так как эксплоатируемый имеет свое отдельное хозяйство, то классовое принуждение принимает форму, в которой прямое насилие играет решающую роль. Маркс говорит об этом следующее:

«Ясно, что во всех формах, при которых непосредственный рабочий остается «владельцем» средств производства и условий труда, необходимых для производства средств его собственного существования, отношение собственности необходимо будет выступать как непосредственное отношение господства и подчинения, следовательно, непосредственный производитель как несвободный: несвобода, которая от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства». [1]

Приведенные мысли Маркса имеют очень большое значение для разбираемого вопроса. Между прочим, они показывают, что неправ Дубровский, считая феодального крестьянина свободным. Маркс говорит об этом другое. Маркс видит различные степени несвободы, но он устанавливает с полной ясностью, что если непосредственный производитель имеет свое отдельное хозяйство, то отношение эксплоатации необходимо принимает форму личной несвободы эксплоатируемого. Это объясняет нам отличительную особенность феодального общества, состоящую в том, что каждый эксплоататор, феодал, непосредственно осуществляет функции политической власти над зависимыми от него людьми. Это момент очень интересный, очень важный. Напрасно Дубровский считает, что тут дело касается надстроек и, следовательно, от этого можно отвернуться. Суть в том, что при феодализме политика, политическое еще не успевает совершенно освободиться от экономического и оформиться, как самостоятельная надстройка. Феодал — это «государь-вотчинник» (этот термин употребляет и Ленин). Почему так получается, объясняет Маркс в той выдержке, которую я только что привел.

[1] Капитал, т. III, ч. 2, стр. 326.

Эта сторона вопроса очень важна для понимания сущности феодализма и его отличия от капитализма. Поэтому я хочу повторить только что высказанные мысли в несколько иной форме. Капиталистическое хозяйство — это односубъектное эксплоататорское хозяйство. В нем только капиталист владеет средствами производства, только капиталист является хозяином, «субъектом» предприятия. Единичное капиталистическое отношение эксплоатации (один капиталист и его рабочие) имеет экономический характер. Политическое же господство капиталисты осуществляют как целое, как организованный класс, через государство, которое оформляется как вполне определившаяся самостоятельная надстройка. Феодальное хозяйство — это двухсубъектное эксплоататорское хозяйство. Эксплоатируемые крестьяне здесь имеют свои средства производства, свое отдельное хозяйство, являются «субъектами» хозяйства на ряду со своими господами. Каждое единичное отношение эксплоатации в данном случае имеет и экономический и политический характер. Оба начала еще не обособились, не отдиференцировались одно от другого. Они существуют в нераздельном единстве. Это обстоятельство является одним из наиболее ярких проявлений той особой закономерности, которою обладает феодализм в отличие от капитализма.

Все, что сказано мною об особенностях феодализма, целиком и полностью относится и к крепостничеству. Во всяком случае принципиальнейшее положение Маркса, развиваемое и Лениным, о наделении крестьянина средствами производства не делает никакого различия между этими двумя явлениями. Нужно сказать, что и вообще это разделение провести не так-то легко. В отношении таких стран, как Англия и Франция, надо сказать прямо, что феодализм и крепостничество здесь совпадают полностью. И что особенно интересно, мы можем здесь наблюдать наличие целого ряда юридических категорий в рядах единого класса феодально эксплоатируемого крестьянства. Полиптик аббата Ирминона, документ, относящийся к IX в., упоминает следующие категории: свободный, колон, лит, раб. Причем вовсе незаметно, чтобы эти категории чем-нибудь существенным отличались одна от другой. Все зависимые от аббатства люди имеют надел и несут приблизительно одинаковые повинности, в которых барщина почти всегда соединена с оброком и наоборот.

Так что для противопоставления крепостнической барщины феодальному оброку здесь нет никаких оснований. Несколько иначе обстоит дело в таких странах, как Пруссия и Россия. Но то отличие, какое можно установить здесь между крепостничеством и собственно феодализмом, во всяком случае не дает основания для возведения крепостничества на ступень самостоятельной общественно-экономической формации, которая может быть поставлена в один ряд с феодализмом и капитализмом.

В данной связи следует сказать несколько слов и об абсолютизме. Совершенно очевидно, что отличие абсолютизма от феодальной анархии играет некоторую роль в противопоставлении крепостничества

феодализму. Игнорировать это различие во всяком случае нельзя. Но «заглядываясь» на централизованность абсолютизма и другие черты его отличия от собственно феодального государства, нельзя забывать то важнейшее обстоятельство, что при крепостническом абсолютизме феодал сохраняет свои политические права по отношению к крестьянству и теряет свою самостоятельность лишь по отношению к «самодержцу». Основная отличительная особенность феодализма, таким образом, остается в силе. Абсолютизм является выражением власти класса феодалов в новой обстановке, на иной ступени классового развития. Абсолютизм выражает максимальное сплочение феодалов в класс, сплочение, вызываемое усложнением и обострением классовой борьбы. Тут нужно еще учесть появление на историческую сцену буржуазии, те многообразные формы компромисса, в которые вступают оба эксплоататорские класса. Вопрос этот очень сложен, он требует специального исследования, но я думаю, что Ленин неслучайно называет Францию до 1789 г. и Россию до 1861 г. (и даже позже) феодальными государствами.[1]

Мы должны сделать некоторые практические выводы из нашей дискуссии. Надо объявить войну методологической безграмотности в среде историков-марксистов. Надо провести жесточайшую методологическую самокритику. Надо поднять нашу научную работу на высшую ступень, давая своевременно отпор прямому классовому врагу и освобождаясь своевременно от механистических и идеалистических влияний в нашей собственной среде.

ФРОЛОВ, И.

Откровенно говоря, меня несколько поражает тот воинственный тон, который взят здесь Дубровским после того, как его довольно чувствительно поколотили и в Комакадемии, и в Свердловском университете, и на конференции аграрников-марксистов, и здесь в ИКП, и в печати.

Я поставил перед собой вопрос: почему Дубровский в таком положении все-же становится в позу победителя? Потом вспомнил, на одном из диспутов Комакадемии он в очень «скромной» форме сравнивал себя с нашей героической Дальневосточной армией. «Я держусь, — говорил Дубровский, — принципа нашей Дальневосточной армии: я держусь в пределах границ, но если, кто выступит — получит вдвое».

Это образное и чрезвычайно «скромное» сравнение является основной предпосылкой того вызывающего поведения, какое проявляет здесь Дубровский. Но он не учитывает того обстоятельства, что наша Дальневосточная армия обладает тремя качествами, которыми, к сожалению, не обладает и не может обладать Дубровский: во-первых, — огромной физической и интеллектуальной силой, во-вторых, — исключительным тактом и уменьем проводить свои боевые

[1] *Ленин*, Соч., т. XI, ч. 2, стр. 234, 467.

операции с тонким искусством, и в-третьих, она пользуется исключительной поддержкой и симпатиями широчайших трудящихся масс *(смех)*.

Ни того, ни другого, ни третьего у Дубровского нет, в особенности, отсутствует последний фактор: даже у данной, сравнительно немногочисленной аудитории взгляды Дубровского почти не встречают никакой поддержки.

Сергей Митрофанович, я Вас буду иногда просить давать мне некоторые «разъяснения» о том, зачем и на каком основании в ряде мест своей книжки вы прибегаете к сознательному извращению мыслей Маркса и Энгельса.

Всем теперь уже известно, что «концепция» Дубровского — сплошная путаница, нередко граничащая с ревизией марксизма и перерастающая в оппортунизм.

По-моему, одна из главных ошибок Дубровского состоит в том, что он запутался в четырех соснах, он запутался между такими понятиями, как «формация», «уклад», «способ производства» и «производственные отношения». Нормальные люди запутываются обычно в трех соснах, Дубровский же человек с большим «размахом», поэтому ему понадобилось четыре сосны, ибо большому кораблю — большое плавание.

У Дубровского насчитывается десять «основных способов производства и соответствующих хозяйственных укладов». Некоторые удивлялись: почему Дубровскому потребовалось такое большое количество способов производства?

Но Дубровский имел, ведь, полное право выдумать целых десять формаций. Этого права у него отнять нельзя. Ведь вопрос только в том, имеет ли результат его мыслительного процесса что-нибудь общее с учением марксизма и зачем потребовалось при этом Дубровскому прибегать к спекуляции именами Маркса, Энгельса и Ленина. А что он их именами спекулировал — это факт.

Так, например, перед перечислением десяти «способов производства и соответствующих хозяйственных укладов» он прямо, без всякого зазрения совести говорит, что «исходит из соответствующих мест в работах Маркса, Энгельса и Ленина». [1]

Второе обстоятельство, заслуживающее нашего внимания — это то, что Дубровский пытается при конструировании своей схемы опереться на подлинные слова Маркса, при этом, в буквальном смысле слова, прибегает *к сознательному искажению Маркса*. Сейчас я вам это продемонстрирую. Я прошу вас вслед за мной развернуть книжку на злополучной 19-й странице, на которой, кстати, собран весь букет путаницы, оппортунизма и извращений мыслей Маркса. Перечислив десять формаций, Дубровский дальше повествует:

«Таковы в основном главные способы производства и соответствующие им производственные отношения, которые ...»

[1] *С. Дубровский*, цит. брошюра, стр. 17.

здесь открываются кавычки и идут слова Маркса из предисловия «К Критике политической экономии».

«соответствуют определенной ступени развития их материальных сил».

А в подлинной цитате этим словам Маркса предшествовало не перечисление пресловутых десяти формаций, а следующие слова:

«В общественном отправлении своей жизни люди вступают в определенные от их воли независящие отношения — производственные отношения, которые...» и т. д.

Ведь Маркс в этой цитате о конкретных формациях не говорит ни слова, он устанавливает только общий закон, что

«В общественном отправлении своей жизни люди вступают в определенные, от их воли независящие, производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных сил»,

а вы, т. Дубровский, половину цитаты из Маркса отбрасываете, а к другой половине, как бы к хвостику, приспосабливаете свою «глубокую» мысль о десяти формациях и выдаете эту отсебятину за мнение Маркса. Разве это не извращение Маркса?

Мне думается, что проблема соотношения таких понятий, как «формация», «уклад», «способ производства» и «производственные отношения», есть основное, чего не понял Дубровский.

Посмотрите, как он путает вопрос о формации и укладе. Он перечисляет десять формаций и потом говорит:

«Разумеется, все эти *общественные* уклады ...» [1]

Значит мы можем говорить о десяти формациях как о десяти особых укладах. Формация здесь идентична укладу. Но, с другой стороны, здесь в своем содокладе он всячески стремился объяснить, что уклад — это одно, а формация нечто другое, это, знаете ли, и тождество, и не-тождество! В общем совсем по «Гегелю». Недаром, в один прекрасный день в Институте поползли слухи, что Дубровский «на страх врагам» засел за Гегеля. Результатом этой его работы и является кокетничание гегелевскими категориями. Но все это производит впечатление игры маленького ребенка, увлекшегося новыми игрушками.

Итак, у Дубровского уклад — то формация, то — не-формация. Почему же не формация? Потому, что формация, по мнению Дубровского, может включать ряд укладов, и господствующий из них определяет формацию в целом. Но доказывая этот тезис, Дубровский снова прибегает к извращению мыслей Маркса.

Прошу открыть опять ту же 19-ю страницу и заглянуть в примечание.

Там мы читаем:

«В конкретном историческом обществе обычно имеет место ряд общественных укладов, из которых каждый составляет особую ступень развития общества, господствующий в данном обществе уклад образует...»

открываются кавычки и следуют знаменитые слова Маркса:

---

[1] *С. Дубровский*, цит. брошюра, стр. 19.

«экономическую структуру общества, реальное основание, на котором возвышается...»

и т. д. А впереди идущие слова Маркса:

«Совокупность этих производственных отношений образует» —

выброшены, так как по Марксу и Ленину формацию определяет «совокупность производственных отношений», а по Дубровскому

«господствующий уклад определяет собою всю данную общественную формацию в целом».

Что же это такое, как не сознательная «операция» над Марксом?

Дубровский. — А что вы понимаете под формацией?

Фролов. — Дубровский сейчас задает вопрос: Как я понимаю формацию? Я вполне согласен с определением Маркса, которое гласит:

«Совокупность отношений производства образует то, что называется общественными отношениями, обществом на определенной исторической ступени развития и с определенным, ему одному присущим, характером. Античное общество, общество феодальное и общество буржуазное являются совокупностями производственных отношений, из которых каждое обозначает вместе с тем и особую ступень развития в истории человечества».[1]

Если вы говорите, что господствующий уклад в данной формации образует экономическую структуру общества, то я вас спрашиваю: а что такое «совокупность производственных отношений?» Вот ваше второе непонимание. Вы не понимаете, что такое формация и способ производства.

Дубровский запутался в определениях: «способ производства», «уклад» и «производственные отношения». Что это так — свидетельствует следующая его цитата:

«Каждый способ производства и соответствующие ему производственные отношения образуют особый, определяемый ими, общественный уклад, т. е. совокупность производственных отношений».[2]

Здесь, по Дубровскому, способ производства образует общественный уклад, а уклад в свою очередь является «совокупностью производственных отношений». И эта совокупность образует способ производства. Таким образом получается явная тавтология. По Дубровскому, «совокупность производственных отношений» образует уклад, а по Марксу «совокупность отношений производства образует то, что называется общественными отношениями, обществом», т. е. определенной общественно-экономической формацией, которая по Дубровскому не совпадает с понятием уклада.

Итак, по Марксу формация определяется по способу производства, по совокупности производственных отношений, а по Дубровскому формация определяется господствующим укладом, который иногда Дубровский готов выдать за формацию, за способ производства, за определенную совокупность производственных отношений, а иногда утверждает, что уклад и формация разные вещи, не тождественные понятия. Вот и пойми Дубровского!

---

[1] *К. Маркс*, Наемный труд и капитал.

[2] *С. Дубровский*, цит. брошюра, стр. 19.

Вывод: Дубровский не понял, что такое способ производства и формация.

Дубровский. — Перечислите основные формации и основные уклады.

Фролов. — Я к этому и перехожу. Дубровский выступил в своей книжке против «азиатофилов», против лиц, защищающих самостоятельное существование так называемого «азиатского» способа производства. В борьбе с «азиатами» наш автор много раз цитирует соответствующие места из сочинений Маркса и Ленина, где перечисляются все классовые формации и где не упоминается об особом, «азиатском» способе производства. Приводя подобного рода цитаты, Дубровский обычно восклицает: Вот видите, Маркс и Ленин говорят только о рабовладельческой, феодальной и капиталистической формациях и совершенно не упоминают об особой «азиатской»!

Но я спрашиваю Дубровского, а почему он, приводя эти цитаты против «азиатофилов», совершенно их игнорирует, когда переходит к своей «концепции» о десяти формациях? Почему для отрицания «азиатского» способа производства эти точные указания Маркса и Ленина могут быть использованы, а для отрицания двух особых самостоятельных формаций — феодализма и крепостничества — они не могут быть использованы?

Дубровский феодализм и крепостничество противопоставляет друг другу как качественно отличные формации и утверждает, что феодализм сменился не капитализмом, а крепостничеством, опять, конечно, при этом ссылаясь на учителей марксизма. Обратимся непосредственно к указаниям Маркса, Энгельса и Ленина.

«Экономическая структура капиталистического общества выросла из экономической структуры *феодального* общества». [1]

«Современное *буржуазное* общество, возникшее из погибшего *феодального* общества, не уничтожило классовых противоречий». [2]

«Буржуазия разрушила *феодальный* порядок и создала на его развалинах *буржуазный* общественный строй». [3]

Ленин писал:

«Положение 19 февраля есть один из эпизодов смены крепостнического (или феодального) способа производства буржуазными (капиталистическими)». [4]

О чем говорят эти цитаты? О том, что именно *из феодального* общества вырастает *капиталистическое* общество.

Дубровский. — Передержка!

Фролов. — Ну вот, передержка! Докажите, т. Дубровский, что приведенные цитаты мною подделаны так же, как вами подделаны цитаты Маркса. Я вас спрашиваю: если вы, т. Дубровский, пользовались указаниями Маркса, Энгельса и Ленина в борьбе с «азиатофилами», то почему вы отбросили эти указания тогда, когда решили сделать «лишь самое общее введение» в изучение теории Маркса и Ленина об общественно-экономических формациях? Не потому ли, что

---

[1] Капитал, т. I, стр. 708.

[2] «Коммунистический манифест».

[3] *Ф. Энгельс*, «Анти-Дюринг».

[4] *Ленин*, Соч. т. XI, ч. 2.

Курсив везде мой. — *И. Ф.*

в одном месте они для вас хороши, выгодны, а в другом — нет? Мы же берем учение Маркса и Ленина не от случая к случаю, не кусочками, а в целом, от начала до конца. Вот почему мысли Маркса и Ленина могут играть двоякую роль: и роль *тарана* против «азиатофилов» и роль *вентилятора*, проветривающего мозги Дубровского.

Дубровский. — А Ленин не называл крепостничество формацией?

Фролов. — Тов. Дубровский, я знал, что вы обязательно бросите реплику: «А Ленин называл же крепостничество формацией»? Я знал, что сказанное мною до сих пор вас не убедит. В конспекте у меня так и записано: «Это на Дубровского не подействует» *(смех)*. Да, т. Дубровский, Ленин крепостничество называл формацией, но когда он в числе других формацией называл крепостничество, тогда не называл феодализма, и, наоборот, когда называл феодализм, то не упоминал о крепостничестве, ибо, по его мнению, в основе феодализма и крепостничества лежал в основном один и тот же способ производства.

Сначала для иллюстрации первого варианта я приведу цитату из одного ленинского документа, который одинаково был игнорирован и Минцем и Дубровским. Я удивляюсь одному обстоятельству: Дубровский собрал все цитаты, какие только на свете существуют в защиту своей концепции, а этой почему-то не использовал. Хотя это «почему-то» очень простое: этот документ разбивает до основания все построения Дубровского о феодализме и крепостничестве, как особых формациях. Я имею в виду «Лекцию о государстве», опубликованную в «Правде» 18 января 1929 г.

Ленин в этой лекции говорит:

«Этот основной факт перехода общества от первобытных форм рабства в крепостничество и, наконец, в капитализм вы всегда должны иметь в виду, ибо, только вспоминая этот основной переход, только вставляя в эту основную рамку все политические учения, вы в состоянии правильно оценить эти учения и разобраться, к чему они относятся, ибо каждый из этих крупных периодов человеческой истории — рабовладельческий, *крепостнический* и капиталистический — обнимает десятки и сотни столетий и представляет массу политических форм, разнообразных политических учреждений, мнений, революций, — и разобраться во всей этой чрезвычайной пестроте и громадном разнообразии... можно в том только случае, если будете твердо держаться, как руководящей основной нити, этого деления общества на классы, и изменения форм классового господства».

Ленин прямо говорит, что рабство сменяется *крепостничеством*, а общеизвестна как будто бы та истина, что рабство сменялось феодализмом. Как же примирить эту общественную истину с только что приведенным мною мнением Ленина? Объясните пожалуйста? Что же вы молчите, т. Дубровский? (*смех*). А объяснение простое. Для Ленина феодализм и крепостничество — не разные формации. Но вот еще поразительное утверждение Ленина, которое Дубровский никогда не опровергнет. Ленин говорит в той же лекции:

«За этой формой (рабовладением — *И. Ф.*) последовала в *истории* другая форма — крепостное право. Рабство в громадном большинстве стран в своем развитии превратилось в крепостное право. Основное деление общества крепостники помещики и крепостные крестьяне».

Итак, по Ленину, между рабовладельческим и капиталистическим периодом лежит период *крепостнический*, и нет ни одного слова о

периоде феодальном. А в других местах, как мы видели, Ленин, Маркс и Энгельс между рабовладельческим и капиталистическим периодами человеческой истории вклинивают *феодализм*. Так, например, я могу еще сослаться на «Аграрную программу русской социал-демократии», где Ленин дает такую формулировку:

«Деление общества на классы обще и рабскому, и *феодальному*, и буржуазному обществу».[1]

Тов. Дубровский, что же Ленин по вашему противоречил сам себе, или выступал против формулировок Маркса и Энгельса? Неужели вы Ленина принимаете за беспросветного путаника, который запутался в 2-х понятиях: в феодализме и крепостничестве, говоря то о рабстве, *феодализме* и капитализме, *то* о рабстве, *крепостничестве* и капитализме?

Но обычно Дубровский, припертый к стене, в таких случаях ставит своим оппонентам еще один вопрос: Объясните, пожалуйста, а почему Ленин называл в XX в. помещиков именно *крепостниками*.

Минц уже ответил: он их называл не только крепостниками, но и феодалами, ибо, по Ленину, феодалы и крепостники — представители одной и той же формации. Вот почему он их сотни раз называл то крепостниками, то феодалами, а иногда и просто феодалами-крепостниками. После такого ответа Дубровский обычно вытаскивает целую пачку цитат из Ленина, в которых последний называл помещиков *рабовладельцами* и, потрясая этими цитатами в воздухе, оратор обычно вопрошает: «Что же, по-вашему, в XX в. был рабский строй?» Пожалуйста, отвечу на столь «сложный» вопрос, правда в очень простых словах. Да. Ленин *феодалов-крепостников* XIX в. называл часто *рабовладельцами*. И вы думаете —почему? Вот почему. Слушайте:

«На практике... крепостное право, *особенно в России*, где оно наиболее долго держалось и приняло наиболее *грубые формы*, оно ничем не отличалось *от рабства*».[2]

Теперь понимаете, т. Дубровский, почему Ленин *феодалов-крепостников* еще иногда называл и *рабовладельцами?* Я думаю, что это объяснение вас должно вполне удовлетворить. Вы молчите? (*смех*)

Дубровский. — Вы не поставили перед собою вопроса, какая разница между рабством и феодализмом, и все смешали в одну кучу.

Фролов. — Я кончаю констатацией последнего, самого возмутительного извращения, какое допустил Дубровский над мыслью Энгельса. Дубровский пишет:

«Итак, отработочная рента и характерное для нее барщинное хозяйство предполагали, как указывал еще Энгельс в своей работе «Положение рабочего класса в Англии», не освобождение... народа от земли, а напротив, прикрепление... его к земле.»[3]

Здесь у Дубровского налицо как бы все элементы крепостничества, как особой формации: отработочная рента, барщинное хозяй-

---

[1] Ленинский сборник, III, стр. 328—239.
[2] *Ленин*, Лекция о государстве.
[3] *С. Дубровский*, цит. брошюра, стр. 75.

ство, прикрепление крестьян к земле и все это как будто бы подтверждается цитатой из Энгельса. А как на самом деле выглядит цитата? Обратите внимание на первые два слова, указывающие, о каком периоде человеческой истории идет речь. Века имеют большое значение, ибо у Дубровского крепостничество начинается примерно с XVI в. Первые же слова цитаты Энгельса указывают на средние века. Полностью цитата Энгельса, которую приводил Минц, гласит:

«*В средние века* не освобождение... народа *от земли*, а напротив прикрепление... его к земле было источником *феодальной* эксплоатации. Крестьянин сохранял свою землю, но был привязан к ней в качестве *крепостного* и был обязан платить землевладельцу *трудом* или *продуктом*». [1]

Что же получается? Наш автор недобросовестно решил использовать цитату Энгельса для защиты своей точки зрения об особой крепостнической формации, а на самом деле Энгельс говорит, что в средние века (эпоха феодализма!) факт прикрепления крестьян был источником именно *феодальной* эксплоатации, причем подвергавшегося этой *феодальной* эксплоатации крестьянина Энгельс называл *крепостным*, который обязан был платить землевладельцу *трудом* (т. е. отработочная рента!) или *продуктом* (т. е. натуральная рента!).

Не правы ли мы после этого, утверждая, что Дубровский в угоду своей концепции извратил Маркса и Энгельса? Достаточно привести последнюю цитату полностью, как вся концепция Дубровского о феодализме и крепостничестве, как особых формациях, рушится.

Я кончаю маленьким воспоминанием. Весною прошлого года, в 10-й аудитории, в присутствии М. Н. Покровского, Дубровский впервые развил свою концепцию об этих двух формациях и обещал в скором времени выпустить книгу, посвящённую этой теме. Михаил Николаевич от своего собственного имени и от имени всех присутствующих с присущим ему остроумием сказал: Дорогой Сергей Митрофанович! Вы отправляетесь в далекое плавание, пожелаем же вам счастливого пути и будем ждать с нетерпением положительных результатов от вашего путешествия. Мы все помахали ему платочками, и Сергей Митрофанович благополучно отчалил от берега в свой далекий путь. Теперь, как вы видите, Дубровский вернулся из своего путешествия со своей книжонкой, весь израненный в боях. Нахлестали ему здорово. Теперь он должен был бы оправиться, подлечиться, но к нашему всеобщему изумлению он боевых операций, хотя бы на время, прекращать не намерен. В Комакадемии он гордо заявил, что пишет две новых больших работы — об учении Маркса и Ленина об общественно-экономических формациях, а также о феодализме и крепостничестве в России, в связи с высказываниями М. Н. Покровского по данному вопросу.

Я думаю, что мы должны здесь по-дружески сказать Дубровскому: Дорогой Сергей Митрофанович! сначала отдохни, опомнись, очухайся. В первую очередь признайся в своих ошибках, разберись в ошибочности своей концепции, подведи итоги своим своеоб-

---

[1] Цит. по Ленину, Соч., т. III, стр. 143. Курсив мой. — *И. Ф.*

разным феодально-крепостническим, торгово-капиталистическим, богдановско-бухаринским «Урокам Октября», а потом уж засаживайся за другие «капитальные» работы.

Но я боюсь, что он нас не послушает, не угомонится (недаром же он пишет две новых работы!). И невольно вспоминаешь известные слова, сказанные кем-то по адресу, правда, не Дубровского, а Чернышевского: «Такие орлы крыльев не складывают, а летят до убоя, до смерти или победы». Я думаю, что смерть ему, пожалуй, и не грозит, но победа наверняка не за ним!

ШЕСТАКОВ, А.

Я не в курсе развернувшихся здесь дискуссий. В качестве провинциала мне не пришлось на них бывать, я знаком с ними только урывками и так же урывками имел возможность познакомиться с книжкой Дубровского.

Тон той полемики, которая ведется здесь против Дубровского, мне кажется, выходит несколько за пределы тех академических границ, в которых, может быть, было бы целесообразно вести эту дискуссию. Такое академическое, по тону, выступление я слышал только одно — Майорского. Другие выступления я считаю почти исключительно полемическими, особенно выступление Зоркого. Он начал и свел все свое выступление к одному знаменателю: Дубровский — правый оппортунист и механист. Зоркий ссылался при этом на резолюцию конференции аграрников-марксистов. Я не знаю, почему надо было связывать этот аграрный момент с той дискуссией по общественным формациям, которая имеет особый характер. Так увязывать данную дискуссию нам бы не следовало.

Далее по поводу истории и политики. Несомненно, что история должна быть пронизана политикой и нельзя подходить к исторической науке с чисто академическими задачами. Слово «академизм» я употребляю только в смысле тона и считаю, что выступление Майорского носило нужный академический тон, хотя по существу было, как и другие, политическим выступлением.

Затем я считаю, что попытка Дубровского поставить некоторые вопросы очень важна. Наша политическая борьба на историческом фронте совершенно закономерна и здесь шельмовать Дубровского за эту попытку нам не приходится. Я протестую против тона шельмования, который я почувствовал в ходе этой дискуссии и на конференции аграрников-марксистов.

Голос с места. — Чем это объясняется?

Шестаков. — Это происходит, несомненно, от того, что мы переживаем чрезвычайно острый момент классовой борьбы, чрезвычайно заостренное внимание к теоретическим проблемам, но я думаю, что эта заостренность все же требует известной выдержки, особенно от работников на теоретическом фронте, работающих в ИКП. Мы должны возможно спокойнее и объективнее подходить к выдвинутым проблемам, тем более, что спор идет по ряду вопросов, недс

статочно теоретически освещенных. Положение, выдвинутое Дубровским в его тезисах относительно того, что вопрос об общественных формациях и об общественных укладах теоретически, философски еще недостаточно разработан — это утверждение совершенно правильно. Попытка постановки этого вопроса чрезвычайно серьезна и ни в коем случае не может быть нами учитываема как попытка со стороны Дубровского выступить в защиту правых оппортунистических теорий.

Я думаю, что теоретическое определение основных общественных формаций со стороны Дубровского в достаточной степени сходится с теми определениями, которые дает Маркс. В этом смысле я считаю, что отступлений и ошибочных формулировок в сторону правого уклона у него нет. Подчеркиваю, что я говорю лишь об общих теоретических установках, об общественных формациях, а о формациях переходного периода скажу особо. Я полагаю, что эти моменты не надо смешивать, между тем в дискуссии вместо того чтобы поставить вопрос теоретически, его ставят конкретно-исторически. Нам надо в своих установках, прежде всего, дать не конкретные исторические понятия об общественных формациях, а установить общие теоретические положения, отвлекаясь, абстрагируясь от конкретной исторической обстановки, и только тогда мы сможем правильно подойти к разрешению вопроса и о конкретно-исторических явлениях.

Тезисы Минца мне нисколько в этом отношении не помогли — его высказывания относительно идентичности между укладом и общественной формацией меня совсем не убедили. Я остаюсь при том мнении, что эта теоретическая проблема и у Дубровского в его книжке проработана недостаточно. Я нахожу, что Дубровский, выступая здесь, так же недостаточно четко и развернуто поставил эту проблему и ни в коем случае не разрешил ее. Поэтому над ней еще надо работать и не торопиться выступать с обобщениями по этому вопросу. Это должно быть специальной работой и для историков, и для истматчиков.

Один из товарищей заявил, что если Дубровский отправится в далекое плавание, то окончательно потонет. Я думаю, что если он будет работать в этом направлении, то у него есть много данных, чтобы с этой работой справиться.

Два слова о моем отношении к вопросу об укладах. На каждой дискуссии обычно перебрасываются цитатами как мячиком, но по существу вопрос не выясняется. Я этого не делаю и ничего не цитирую, полагая, что уклад — это тот конкретный исторический момент, который является одной из составных частей общественной формации. Таким образом, если мы возьмем какой-либо исторический отрезок времени, то в этом отрезке мы всегда найдем различного рода уклады. Эти уклады могут между собою вступать в различного рода взаимоотношения, в них может развертываться классовая борьба в несколько иных формах, чем в условиях основного ведущего уклада (пример — восстания в колониях). Конкретная история чрезвычайно разнообразна, в ней мы имеем целый ряд исторических отрезков различных общественных формаций, разнообразные уклады и пестроту, но

основные линии сводятся к тем формам эксплоатации, которые упоминались здесь при цитировании лекции Ленина о государстве.

С этим связан и вопрос относительно тех общественных формаций, которые даны в книжке Дубровского. Несомненно он перегнул палку со своими десятью укладами, которые как-то сближаются им с формациями. Я крепко усвоил для себя, что для Маркса основными общественными формациями были: архаический коммунизм, феодализм, капитализм и социализм.

Дубровский выдвигает целый ряд промежуточных звеньев между этими формациями, и спор развертывается как раз вокруг них. Особенно остро ставится им проблема крепостнической формации. По этому поводу я считаю необходимым заявить следующее: если вы хотите дополнить марксову схему о формациях промежуточными звеньями, то не должны начинать с такой постановки вопроса, которая имела место в дискуссии.

Прежде всего вопрос историко-географического порядка. Товарищи, защищая или возражая против крепостничества, как особой формации, аргументируют материалом из русской истории, между тем если мы хотим устанавливать конкретные исторические фазы общественных формаций, то мы должны брать их более широко, не только в русском, так сказать, местном, краеведческом уклоне. Для нас чрезвычайно важно поставить этот вопрос, как говорится, «в мировом масштабе».

Дубровский в своем исследовании общественных формаций, к сожалению, не дал нам именно такого подхода, не показал нам основного ведущего начала всего хозяйственного процесса на всем земном шаре, поскольку этот хозяйственный процесс в эпоху феодализма и крепостничества был между собою увязан. Таким образом вопрос пока только поставлен, но не решен. Попытка аргументировать по данному вопросу отдельными историко-географическими фактами, отдельными отрезками времени или странами, полного разрешения дать не может.

Что касается тех общественных формаций, которые устанавливаются Дубровским, как формации — «переходная от капитализма к социализму», «социализм» и «коммунизм», то я считаю, что вопрос об этих формациях также должен быть поставлен в разрезе «мирового масштаба». Если мы признаем, что в мировых отношениях имеются различные общественные уклады, что ведущим сейчас является социалистический уклад, то этот уклад в наших условиях приобретает характер формации.

Таким образом я думаю, что здесь говорить о том, что есть какая-то особая общественная формация, «переходная от капитализма к социализму», выдвинутая Дубровским, неверно.

Мы берем нашу социалистическую революцию с момента ее возникновения на территории СССР как начало новой социалистической формации, которая и является ведущим началом, определяющим собою всю нашу эпоху. Только такой подход будет являться правильным революционным подходом, а не обуживание социалистической формации по отдельным территориальным и мелким хроноло-

гическим моментам, которые выдвигаются Дубровским его «переходной» формацией.

В заключение о Дубровском, Богданове и Рожкове.

Те товарищи, которые приписывали Дубровскому родство с Богдановым и Рожковым, о Рожкове очень мало говорили. Я знаю, что Дубровский довольно много занимался Богдановым, он пишет о Богданове работу. «Историком Марксистом» была заказана Дубровскому специальная статья, посвященная торговому капиталу и общественным формациям, причем, заказывая эту статью, редакция полагала, что Дубровский выступит в качестве противника Богданова. В том, что я здесь слышал от Дубровского о Богданове, я не нашел того тождества с Богдановым, о котором здесь говорили другие товарищи. Я нахожу, что имеется очень большое различие по существу высказываний Дубровского и Богданова.

Товарищи говорили, что Дубровский только теперь стал читать Гегеля. Я с Дубровским несколько лет тому назад в этом институте учился и полагаю, что Дубровский с диалектикой знаком.

Голос с места. — «Но диалектика с ним незнакома!»

Шестаков. — Может быть вам виднее, поскольку он перед вами часто выступает, но я, по крайней мере по тем высказываниям, которые сейчас были, отсутствия диалектики у него не нахожу.

ЛОМАКИН, А.

Я хочу остановиться на следующих трех вопросах:

1) о путанице, которая выявилась в большей или меньшей мере как у докладчика, так и у содокладчика в понимании проблемы формации и уклада;

2) о так называемой «революции» Дубровского против концепции торгового капитала и

3) о так называемых «заслугах» Дубровского в борьбе против марксистского учения об азиатском способе производства.

Начну с первого вопроса. Ни Минц, ни Дубровский не дали четкого и ясного ответа на вопрос, что такое формация, что такое уклад и есть ли между ними какая-нибудь разница. Минц отделался общим положением, что уклад по сути дела представляет не что иное, как формацию. Дубровский не выступил с утверждением, что формация и уклад представляют собою и тождество и нетождество.

Я считаю, что ни Минц, ни Дубровский внимательно не вчитались и не вдумались в то, в каком смысле Ленин употреблял понятие уклад. В одних случаях Ленин употребляет это понятие как синоним общественно-экономической формации. В качестве примера я могу сослаться здесь на рецензию Ленина на книгу Богданова «Краткий курс экономической науки», в которой Ленин характеризует первобытный коммунизм, рабство, феодализм и капитализм как «исторически-определенные уклады общественного хозяйства». [1]

---

[1] *Ленин*, Соч., т. II, стр. 372.

В других же местах Ленин употребляет термин «уклад» в ином смысле. Это, например, как раз в тех его работах, которые так усердно цитировал Минц и на основе извращенного понимания которых Дубровский построил свою «знаменитую» «теорию» десяти способов производства. Я имею в виду доклад и брошюру «О продналоге». Минц здесь пытался представить дело так, будто у Ленина в этих работах речь шла только об элементах, только о составных частях тех или других общественно-экономических укладов, а не о самих укладах. Это неверно. Приведу следующую справку прежде всего из доклада «О продналоге». В этом докладе Ленин говорил:

«Присмотритесь внимательно, что мы наблюдаем в России, с точки зрения действительных экономических отношений? Мы наблюдаем по меньшей мере пять различных систем или укладов или экономических порядков». [1]

Но мне могут сказать, что это — доклад, который стенографировался, но не писался самим Лениным. В таком случае беру брошюру «О продовольственном налоге» и читаю оттуда следующее:

«Перечень всех — непременно всех без изъятия — составных частей, всех разнородных укладов общественного хозяйства в нашей экономике, данном мной в статье 5/V 1918 г., необходимо иметь перед глазами, чтобы это отчетливое представление не забывалось». [2]

Я думаю, что эта маленькая справка не дает никаких оснований для тех выводов, которые делал Минц — именно, что Ленин-де говорил здесь только о составных частях укладов, а не о самих укладах.

Но, само собою разумеется, отсюда ни в коем случае нельзя сделать и вывод о том, что Ленин-де здесь употребляет понятие уклад в смысле его тождества с формацией. Это ясно даже для Дубровского, который остерегся из уклада государственного капитализма вывести особую общественно-экономическую формацию государственного капитализма, хотя из всех прочих укладов, которые Ленин перечисляет, Дубровский старательно выводил соответствующие способы производства и общественно-экономические формации.

Дубровский. — Вы не понимаете разницы между формацией и способом производства.

Ломакин. — Я хочу выяснить, как на мой взгляд представляется разница между формацией и укладом, в том смысле этого слова, в каком Ленин его употребляет в своих работах о продналоге.

Я считаю, что решение этого вопроса лежит в плоскости правильного различения между понятием абстрактным и понятием конкретным. Для всех ясно, что понятие общественно-экономической формации есть понятие абстрактное, которое собою объемлет исторически-определенную систему или совокупность производственных отношений. Но это значит, что помимо решающих, главных, всепроникающих основных производственных отношений в каждой данной формации имеется еще и целый ряд типов производственных отношений, не основных, частного, второстепенного порядка. Понят-

---

[1] *Ленин*, Соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 197.
[2] *Там же*, стр. 220 и 221.

но, что в чистом виде этих основных производственных отношений, определяющих собою данную общественно-экономическую формацию, со всеми отдельными второстепенными, подчиненного характера типами производственных отношений мы нигде и никогда не встречаем. В действительности они встречаются всегда в «загрязненном» виде и в переплетении с остатками и зародышами других общественно-экономических формаций, других типов производственных отношений.

В связи с этим важно отметить следующее: когда Ленин ставит вопрос о пяти укладах, он указывает, что подходит к ним «с точки зрения действительных экономических отношений», тем самым подчеркивая свою конкретную постановку вопроса об укладах. Кроме того надо иметь в виду, что перечисление укладов Ленин дает в определенной, конкретной связи, исходя из необходимости организации рынка, установления контроля и учета над производством и распределением продуктов. Вот почему Ленин и перечислял именно эти пять общественно-экономических укладов.

Отсюда я делаю тот вывод, что Ленин в своих работах о продналоге под понятием «общественно-экономический уклад» подразумевал не что иное, как конкретное воплощение в экономике советской страны отдельных типов производственных отношений, отнюдь не определяющих собой тот или другой способ производства, ту или другую общественно-экономическую формацию, но являющихся частными, второстепенными, подчиненными в той или другой исторически-определенной системе или совокупности производственных отношений.

Для иллюстрации этой своей мысли я хочу сослаться на другую работу Ленина — «Развитие капитализма в России». В главе о «Трех стадиях развития капитализма в русской промышленности» Ленин указывает на следующие три стадии: мелкое товарное производство, капиталистическая мануфактура, фабрика. Я спрашиваю вас: можем ли мы с точки зрения развития капитализма в промышленности рассматривать мелкое товарное производство, капиталистическую мануфактуру и фабрику как определенные общественно-экономические уклады, как конкретное выражение определенного типа производственных отношений? Несомненно, можем и должны. Но значит ли это, что отсюда следует сделать тот вывод, будто капиталистическая мануфактура, например, представляет собою специфический способ производства, отличный от того способа производства, которым характеризуется фабрика? Конечно, нет.

Вопрос о различии между понятием формация и уклад, вопрос о том, в каком смысле Ленин употреблял в своих работах о продналоге термин общественно-экономического уклада — чрезвычайно трудный и сложный вопрос. Этот вопрос приобретает особенную остроту и значение именно в настоящее время, когда на наших глазах происходит борьба и смена различных общественно-экономических укладов. И внимание к этой проблеме должно быть приковано не только со стороны историков, но и экономистов.

Однако этот важный и трудный вопрос нельзя «решать» по-наездни-

чески, в духе Дубровского, по которому выходит, что «ведущий уклад определяет всю надстройку», т. е. ежели тот или другой уклад является ведущим по отношению к остальным, то тем самым определяется господство той или другой формации. Спрашивается: правильно ли то положение, что в настоящее время в нашей советской экономике социалистический уклад является ведущим? Безусловно правильно. Но значит ли это, что (а из формулировки Дубровского это неизбежно вытекает) отсюда можно делать вывод о полном господстве социалистических порядков в нашей стране? Что Россия уже перестала быть «нэповской» и стала Россией социалистической? Такой вывод могут делать только оппортунисты, приверженцы бухаринского учения о врастании кулака в социализм. И я думаю, что в этом вопросе, больше чем где-либо, сказалась неверная политическая установка и полная научная несостоятельность «теории» Дубровского об укладах.

Я удивляюсь, что Минц, в качестве докладчика, обошел полным молчанием вопрос о том, является ли социализм способом производства, отличным от коммунистического способа производства, как это позволяет себе утверждать Дубровский. Это тоже не маленький вопрос и пахнет не менее скверно, чем попытка Дубровского определить хозяйство переходного периода как специфический способ производства.

Если полагать, что социализм и коммунизм представляют будто бы два различных способа производства, то отсюда следует тот вывод, что при смене социалистического общества коммунистическим нам придется пережить еще одну революцию, так сказать, коммунистическую, в отличие от социалистической, пережитой нами в октябре 1917 г. при переходе от капитализма к социализму. Если же подобного вывода не делать, то неизбежно придешь к тому, что возможно мирное врастание одного способа производства (или — по Дубровскому — уклада) в другой. Я убежден, что именно эта точка зрения и характерна для Дубровского, потому что на всех тех страницах своей брошюрки, где он развивает «теорию» об общественно-экономических укладах, он ни одним словом не упоминает о том революционном процессе, которым характеризуется смена старого способа производства новым. В своем «знаменитом» примечании на стр. 19 Дубровский развивает ту мысль, будто в любом конкретно-историческом обществе имеются всевозможные уклады и что один из них в силу каких-то неведомых причин становится ведущим, а тем самым и определяющим господство данной общественно-экономической формации. Здесь у Дубровского как нельзя более ярко проявилось типично-механистическое понимание вопроса о смене старого производства новым. По Дубровскому здесь имеет место не борьба между отдельными общественно-экономическими системами на почве революционного взрывания старых производственных отношений под влиянием соответствующего развития производственных сил, а чисто механическое вытеснение одних производственных отношений другими.

И я считаю, что вся так называемая «теория» Дубровского об

общественно-экономических укладах показывает, что решающее в теории марксизма-ленинизма об общественно-экономических формациях, именно — учение о революции — Дубровским было совершенно не понято и извращено.

Вооружившись подобного рода методологией, Дубровский отправляется в поход против концепции торгового капитала, провозглашая против нее «бунт» и даже «революцию».

Я предлагаю внимательно вчитаться в соответствующие места брошюрки Дубровского, определяющие истинный смысл провозглашенной им «революции» в исторической науке. Ограничусь следующими коротенькими, но чрезвычайно характерными цитатами:

«Развитие крепостного хозяйства, по сравнению с феодальным, означает новый этап в развитии торгового капитализма».

Только на основе развития торгового и ростовщического капитала можно понять переход от феодализма к крепостничеству».[1]

Что же получается? Человек объявляет бунт и даже революцию против торгового капитала, а на самом деле принужден прибегнуть к этому же самому торговому капиталу. Случайность это или нет? Нет, не случайность. Дубровский сам понимает недостаточность его методов «натягивания» учения Маркса о генезисе докапиталистической ренты для того, чтобы доказать существование особой крепостнической общественно-экономической формации, отличной от феодальной. И вот, как за якорь спасения, Дубровский хватается за злополучный торговый капитал, и в конечном счете этот торговый капитал в так называемой «концепции» Дубровского играет ничуть не меньшую роль, чем в тех концепциях торгового капитала, против которых он приглашал нас бороться.

Объясняется это тем, что методология Дубровского по сути дела та же, что и методология тех товарищей, которые пытаются из отдельных ошибочных или сомнительных положений М. Н. Покровского вывести особую концепцию торгово-капиталистической общественно-экономической формации. Эта методология у них общая, но не марксистская, не ленинская, а богдановская.

Дубровский, чтобы показать, что он «тоже» против Богданова, приводил ряд цитат из богдановских книжек. Но цитировал он далеко не все необходимое. И невольно напрашивается вывод: уж не согласен ли Дубровский со всем остальным, если он ограничился цитированием лишь немногого и вовсе не основного, что характеризует так называемую богдановщину в вопросе о феодализме и крепостничестве? Я утверждаю, что как раз опущенные Дубровским цитаты из Богданова и содержат все те идеи, которые теперь Дубровский развивает в своей брошюре. И выступая со своей «теорией» крепостничества, как особой общественно-экономической формации, отличной от феодальной, Дубровский вовсе не оригинален, ибо все основные положения на этот счет, которые были в свое время высказаны Богдановым, Дубровский преподнес нам лишь в несколько измененных формулировках.

[1] *С. Дубровский*, цит. брошюра, стр. 86 и 117.

К чему в основном сводятся соответствующие взгляды Богданова? К тому, что крепостнические отношения глубоко отличаются от феодальных, что феодальное общество превращается в крепостническое под влиянием торгового капитала, что крепостничество есть меновая форма феодализма. У Богданова мы находим целый ряд таких формулировок, которые почти дословно повторяются в брошюрке Дубровского. Вот, например, следующая цитата:

«Крестьяне были раньше вассалами у феодала, т. е. полусвободными людьми, теперь они стали крепостными, т. е. почти или вполне рабами». [1]

В той же книжке Богданова (на стр. 64) переход феодального строя в строй крепостнический объясняется не чем иным, как ростом обмена, господством торгового капитала. Соответственно этому у Дубровского мы находим утверждение о том, что крепостничество находится в самой тесной связи с торговым капиталом.

Вот точная цитата:

«Торговый капитал в России в XVII—XIX вв. находился в непосредственном сочетании с крепостным, а со второй половины XIX в. с полукрепостным хозяйством». [2]

А на стр. 118 пишет о торговом капитале, как о «прочной основе» крепостного хозяйства. Этим своим утверждением он устанавливает прямую свою связь с положением Богданова о крепостничестве, как меновой форме феодализма, развившейся в результате влияния торгового капитала.

Любопытно, что даже постановка вопроса Дубровским о крестьянских восстаниях, исторически разделявших феодальное и крепостническое общество, целиком взята у Богданова. Богданов говорит:

«Переход феодальных отношений в крепостные создал для крестьян такие невыносимые условия жизни, что, по мере развития менового феодализма, крестьянские возмущения и бунты становятся все более частым явлением...

Торговый капитал, создавая широкие и прочные связи между различными областями, создал почву для широких национальных крестьянских восстаний, охватывающих целые страны; а ухудшая еще сильнее прежнее положение крепостного крестьянства, он придал этим восстаниям особенно жестокий и упорный характер. В Италии в XIII, в Англии и Франции в конце XIV в., в Богемии в XV в., в Германии в начале XVI в. происходили крестьянские войны»... [3]

Вот почему я и утверждаю, что во всех своих основных идеях по поводу крепостничества, как особой, отличной от феодализма, общественно-экономической формации, Дубровский совершенно не оригинален и лишь переписывает старые богдановские книжки.

Рассмотрим теперь другой «поход» Дубровского — против учения об азиатском способе производства.

Прежде всего я хочу обратить ваше внимание на любопытный тезис Минца, в котором он признает «заслуги» Дубровского в борьбе против якобы троцкистской концепции азиатского способа производства. Сразу бросается в глаза следующее противоречие: сам Минц признает, что методология Дубровского — богдановская

---

[1] *А. Богданов*, Введение в политическую экономию, изд. 2, стр. 66.
[2] *С. Дубровский*, цит. брошюра, стр. 114.
[3] *А. Богданов*, Краткий курс экономич. науки, изд. 9-е, стр. 121.

методология. Спрашивается: как же человек, вооруженный такой методологией, может по-марксистски ниспровергать ту или другую неверную концепцию? Может быть с точки зрения диалектики Минца это противоречие и разрешимо...

Но не в этом дело. Дубровский утверждает, что концепция азиатского способа производства есть концепция троцкистская. Минц, который сам признавался еще весной и даже осенью прошлого года, что имеет лишь отдаленное знакомство с азиатским способом производства... легко поддался словесным уверениям Дубровского и тоже считает, что концепция азиатского способа производства действительно есть концепция троцкистская. Так ли это?

Всякий, у кого память о боях с троцкистской оппозицией не отшиблена, помнит, что именно троцкисты в лице Радека самым решительным образом выступали против концепции азиатского способа производства.

В чем заключалась основная установка Радека? В том, что он отрицал наличие национализации земли в древнем Китае, считая это конфуцианским предрассудком. И при этом Радек выступал против сторонников учения Маркса об азиатском способе производства еще решительнее, чем Дубровский, хотя бы потому, что Радек все же знал конкретную историю Китая, неверно, правда, ее понимая, а Дубровский вовсе не знает конкретной истории ни одной восточной страны. Кроме того Радек утверждал, что в Китае всегда существовала частная земельная собственность и что руководителем всего исторического процесса был торговый капитал.

Спрашивается: что же здесь есть общего с концепцией азиатского способа производства? Решительно ничего. А ведь Радек являлся крупнейшим теоретиком троцкистской оппозиции в вопросах китайской революции, пытавшимся исторически обосновать троцкистские взгляды на ход китайской революции и тактику коммунистов в ней.

Дубровский. — А Мадьяр?

Ломакин.—По вопросу об исторических корнях китайской революции в 1927 г. партии приходилось спорить не с Мадьяром, а с Радеком. Мы упрекали Радека в том, что он шаблонизирует китайскую историю, не понимает своеобразия общественно-экономической обстановки Китая и своеобразия китайской революции по сравнению с русским 1905 г., что он объявляет господство торгового капитала во всем древнем Китае и потому не видит в современном Китае остатков прежних докапиталистических отношений. Вот какова была установка Радека, и эта установка ничего общего не имеет с концепцией азиатского способа производства. Следует добавить, что Бухарин, в упомянутом мною докладе, против Радека ссылается именно на те места из Маркса, в которых определялась точка зрения Маркса на азиатский способ производства.

Это первая, так сказать, историческая справка. Вторая моя историческая справка заключается в том, что концепция азиатского способа производства неожиданно для Дубровского вкралась в программу Коминтерна. Странно, что Дубровский, который так внимательно изучал эту программу, что вывел из нее свои три способа

производства (хозяйство переходного периода, социализм и коммунизм), не обратил внимания на следующее место из главы: «Борьба за мировую диктатуру пролетариата и основные типы революции»:

«Колониальные и полуколониальные страны (Китай, Индия и т. д.) и страны зависимые (Аргентина, Бразилия и пр.), с известными зачатками, а иногда и со значительным развитием индустрии, недостаточными, однако, в большинстве случаев, для самостоятельного социалистического строительства, страны с преобладанием феодально-средневековых отношений или *отношений «азиатского способа производства» как в экономике страны, так и в ее политической надстройке* (курсив мой—*А. Л.*), наконец, с сосредоточением в руках иностранных империалистических групп важнейших промышленных, торговых, банковских предприятий, основных средств транспорта, земельных латифундий и плантаций и т. д.».

Я отнюдь не хочу — в подражание Дубровскому — хвататься за эту цитату и объявлять: вы не признаете азиатского способа производства, значит вы не признаете программы Коминтерна. Я хочу только отметить, что программа Коминтерна, а следовательно весь Коминтерн и наша партия не считают концепцию азиатского способа производства троцкистской концепцией, как гласит легенда, пущенная в ход Дубровским для вящшего посрамления своих противников, вовсе не отметают этой концепции, а подчеркивают то положение Маркса, в котором он характеризовал специфический общественно-экономический уклад восточных народов, как азиатский способ производства. И, надо полагать, в нашей среде не найдется таких товарищей, которые позволяли бы себе на этом основании всю программу Коминтерна или отдельные ее части трактовать как троцкистские.

Сейчас я коснусь двух основных аргументов Дубровского против концепции азиатского способа производства.

В своей брошюре Дубровский пишет:

«Защитники «азиатского» способа производства обычно, на основании лишь отдельных цитат из работ Маркса и Энгельса, цитат, не увязываемых часто со всем их учением об азиатском обществе, считают основными признаками «азиатского» способа производства отсутствие земельной собственности и систему орошения. Совершенно ясно, что отношения собственности и, в частности, земельные отношения являются не экономической базой, а надстроечными явлениями, поскольку в отношениях собственности лишь фиксируются производственные отношения. Таким образом не явления собственности могут объяснить способ производства, а, наоборот, способ производства должен объяснить явления собственности.

То же надо сказать и про систему орошения. Система орошения может быть при самых различных способах производства, она может быть и при патриархальном крестьянском хозяйстве, и при рабовладельческом хозяйстве, и феодальном, и крепостническом и т. д. Конечно, каждому из этих способов производства в области земледелия орошение придает свои специфические черты — это бесспорно, но на одном орошении строить способ производства, конечно, ошибочно». [1]

В этой цитате два перла. Разберем сперва первый.

Несомненно, что отсутствие частной земельной собственности само по себе не может объяснить специфический способ производства. Но разве отношения собственности не являются переводом

[1] *С. Дубровский*, цит. брошюра, стр. 27.

производственных отношений на язык юридических отношений? Разве специфические отношения собственности не предполагают существования специфических производственных отношений, составляющих основу для данных отношений собственности? Несомненно, да и сам Дубровский принужден в своей брошюрке через несколько страниц признать это положение, которое он только что опровергал.

«Так как основой этих «азиатских обществ» было земледелие, то, очевидно, собственность на условия производства и сводилась прежде всего к собственности на землю... Следовательно «самую глубокую тайну, сокровенную основу всего азиатского общественного строя» надо искать в отношениях между земледельцами и землевладельцами. Именно в этих отношениях и заключается ключ к пониманию азиатских обществ»...[1]

Именно в этом смысле мы вслед за Марксом и Энгельсом и говорим, что наличие в восточных странах национализации земли, отсутствие частной земельной собственности является ключом к пониманию специфического общественно-экономического уклада на Востоке. Это положение, что восточные народы не дошли не только до частной земельной собственности, но даже до феодальной собственности, именно эта мысль Маркса и Энгельса и проливает основной свет на понимание специфических черт азиатского способа производства.

В связи с этим я хочу сослаться на то место у Маркса, которое цитирует, но совершенно не понимает Дубровский, и которое наглядно выявляет взгляд Маркса, что в восточных странах мы имеем специфические производственные отношения, отличные от отношения крепостных (феодальных) и рабовладельческих.

Вот что пишет Маркс:

«При рабовладельческих отношениях, при крепостных отношениях, при отношениях, в основе которых лежит отношение данью (поскольку имеется в виду первобытная община), присваивает, а следовательно и продает продукты рабовладелец, феодал, взимающее дань государство». [2]

Никто не может толковать эту цитату иначе, как только в том смысле, что Маркс различал три основных типа докапиталистических производственных отношений, в основе которых лежит обложение данью, когда государство в основном присваивает себе прибавочный продукт.

В другом месте у Маркса мы находим следующее:

«При указанных прежних способах производства главные владельцы прибавочного продукта, с которыми имеет дело купец, — рабовладелец, феодальный сеньер, государство (например, в лице восточного деспота), — являются представителями потребляющего богатства». [3]

Эту же самую, совершенно четко и ясно сформулированную мысль вы встретите у Маркса в целом ряде других мест. Именно мысль о том, что в восточных странах мы имеем специфический общественно-экономический уклад, особый тип производственных отношений, характеризующийся тем, что здесь нет частной и феодальной земель-

---

[1] *С. Дубровский*, цит. брошюра, стр. 49.
[2] «Капитал», т. III, ч. 1, стр. 310.
[3] *Там же*, стр. 315.

ной собственности, что вся земельная собственность концентрируется в национальном масштабе, в руках государства, и что поэтому

«отношение зависимости имеет политически и экономически не более суровую форму, чем та, которая характеризует положение всех подданных по отношению к этому государству». [1]

Вот почему, между прочим, выставлять то положение, будто у Маркса об азиатском способе производства написана всего одна строка в предисловии «К критике политической экономии» и будто здесь речь идет даже не о способе производства, а об экономической эпохе,— значит, по меньшей мере, рассчитывать на невежество читателей своей брошюрки.

Перехожу теперь ко второму перлу, получившему наибольшее распространение и сводящемуся к тому, что сторонники учения Маркса об азиатском способе производства строят этот способ производства на воде. Само собою разумеется, на орошении нельзя строить способ производства. Но я приглашаю вас вдуматься в следующее место из письма Энгельса к Марксу от 6 июня 1853 г.:

«Отсутствие земельной собственности является на самом деле ключом ко всему Востоку. В этом заключается политическая и религиозная история. Но почему восточные народы не дошли до земельной собственности, не дошли даже до феодальной собственности?..»

К вашему сведению, т. Дубровский,— Энгельс совсем не стоял на той точке зрения, будто в восточных странах мы имеем либо феодализм, либо крепостничество, как это пытаетесь вы утверждать. Энгельс прямо указывает, что восточные народы не дошли до феодальной земельной собственности, и пишет далее:

«Мне кажется, что причины главным образом в климате и в свойстве почвы, особенно в связи с великой полосой пустынь, тянущейся от Сахары вкось через Аравию, Персию, Индию и Татарию вплоть до самого высокого азиатского плоскогорья. Первым условием земледелия здесь является искусственное орошение, а это является делом или общин, или областного, или центрального правительства. У восточных правительств всегда только три отдела: финансы (грабеж внутри страны), война (грабеж внутри и за пределами) и общественные работы (забота о воспроизводстве)». [2]

И в «Анти-Дюринге» Энгельс подчеркивает, что забота об искусственном орошении была первостепенной обязанностью государственной власти на Востоке. Маркс также указывает, что система искусственных орошений при помощи каналов и водных сооружений является «основой восточного земледелия». Но спрашивается: представляла ли эта система искусственных орошений на Востоке нечто специфическое? Сам Маркс указывает в своих «Письмах об Индии» («Летописи марксизма», III, стр. 41), что система искусственных орошений встречается и во Фландрии, и в Италии, но в то время как здесь потребность в регулировании водоснабжения привела к организации добровольных ассоциаций, на Востоке эта потребность обусловлена «вмешательством централизующей силы правительства». В «Капитале» же Маркс прямо пишет:

[1] «Капитал», т. III, ч. 2, стр. 327.
[2] «Письма», стр. 65.

«Одной из материальных основ государственной власти над несвязанными между собой мелкими производственными организмами Индии было регулирование водоснабжения». [1]

Что же, Маркс основывал государственную власть в Индии на воде? По вашей аргументации именно так и получается...

Там же, на той же странице Маркс пишет в отношении Египта:

«Необходимость вычислять периоды разлития Нила создала египетскую астрономию, а вместе с тем господство касты жрецов, как руководителей сельского хозяйства».

Маркс стоял за воду в том смысле, что условия искусственного орошения, как основы земледелия, играют значительную роль в образовании того специфического общественно-экономического уклада, который Маркс называл азиатским способом производства.

Любопытно, что сам Дубровский выставляет тезис, что

«в истории действительно можно указать примеры, когда центральное классовое государство создавалось при эксплоататорском использовании господствующим классом единой водной системы». [2]

Но, видите ли, это относится только к Ассиро-Вавилонии и к Египту, но не к Индии и Китаю, ибо там не было «одной реки, а целый ряд речных бассейнов». Но я сошлюсь на такого крупного знатока географической среды, как Мечников, который указывает, что к четырем древнейшим великим культурам, расцветшим и развившимся в среде великих речных долин, относятся не только Египет и Ассиро-Вавилония, но и Индия и Китай, и что в последнем, например, система рек и их притоков образует

«нечто, по основным характерным чертам весьма схожее с нильской дельтой, только в гораздо больших размерах», [3]

опровергая тем самым «водяную» аргументацию Дубровского.

Заканчивая, я хочу сделать тот общий вывод, что поверхностной и даже вульгарной критикой тех положений, которые не случайно встречаются в работах Маркса и Энгельса на каждом шагу, этой очень трудной и сложной проблемы — проблемы азиатского способа производства нельзя решить. Она решается только на основе правильного понимания всего того, что писали Маркс и Энгельс, и только в том случае, если их взгляды на азиатский способ производства будут проверены на конкретном историческом процессе хотя бы одной из характерных восточных стран, а это, понятно, Дубровскому совсем не *под силу*.

СИМОНОВ, С.

Здесь Шестаков выдвинул два положения: во-первых, занимайтесь академическими вопросами, разработке которых не мешайте внесением политических моментов.

Шестаков. — Я так не говорил, я говорил об академическом тоне.

---

[1] «Капитал», т. I, стр. 399.
[2] *С. Дубровский*, цит. брошюра, стр. 139.
[3] *Мечников*, Цивилизация и великие исторические реки, стр. 291.

Симонов. — Я буду говорить о том, как я вас понял. Во-вторых, так как мы сейчас живем в период обостренной классовой борьбы, то поэтому нам надо быть поспокойнее. Эти два положения тесно связаны между собою. Если у нас действительно будет такая установка, что в период обостренной классовой борьбы нужно дискутировать поспокойнее, что это спокойствие должно заключаться в том, что академические и теоретические вопросы будут оторваны от политических вопросов, то у нас, кроме спокойствия, ничего не выйдет — мы заснем, как я чуть-чуть не заснул, когда вы говорили. Я считаю, что подобным выступлениям должен быть дан решительный отпор. Мы вслед за Лениным думаем, что во всяком споре нужно искать политический стержень. Ленин не раз писал, что политические люди привыкли даже в частных высказываниях искать политический момент.

Теперь о выступлении Ломакина. В прошлом году нам пришлось столкнуться с вами, т. Ломакин, по вопросу о государстве и в этом году то же самое. Вы говорили в продолжении получаса об азиатском способе производства и не сумели сказать, какой же это способ производства, какой же класс является эксплоататором при этом способе производства.

Голос с места. — А что Маркс сказал по этому поводу?

Симонов. — Маркс сказал, что сущность эксплоатации не изменяется от того, эксплоатирует ли непосредственно феодал сам или через государство, а потому вне всякого сомнения выбрасывать классовую подоснову государства невозможно.

Я не намерен отрицать того, что азиатские феодальные отношения имеют некоторые разновидности в сравнении с европейскими. Здесь нужно конкретно вопрос изучить, в частности вопрос о наличии общины с некоторым расчленением труда внутри ее. Без сомнения процесс разложения натурально-хозяйственной основы идет здесь гораздо труднее, чем там, где мы имеем индивидуальных производителей.

Переходя к Дубровскому, надо остановиться на том, действительно ли он ведет борьбу с троцкизмом и как ведет. Я проиллюстрирую это на следующем примере: известно такое положение, что троцкисты отрицали феодализм в Китае, усиленно доказывая, что дело идет только о борьбе с торговым капиталом. У них основным звеном является недоучет особенностей крестьянского движения. Что этому противопоставляет Дубровский? Что крестьянское движение — есть движение за торговый капитал, за развитие торгового капитала.

Дубровский. — И промышленного — за американский путь развития.

Симонов. — И промышленного, но и то и другое неверно.

Дубровский. — А про американский путь ничего не слыхали?

Симонов. — Нужно понять, наконец, основное положение, что крестьянство — класс феодального общества — эксплоатируемый класс. Крестьянство, поскольку существует феодал, борется с феодалом и на другой день после своей победы перестает быть классом — значит превращается в класс торговой или промышленной буржуа-

зии. Это искажение классовой точки зрения, ибо только незначительная часть крестьянства превращается в результате развития в буржуазию, а огромнейшее большинство превращается в пролетариат, во всяком случае, в конкретно-историческом развитии является поставщиком армии пролетариата. Американский путь развития есть путь развития капитализма, путь нарастания новых противоречий в условиях, когда сметаются все остатки феодализма, т. е. более быстрый, а с точки зрения эксплоатируемых — менее болезненный путь перехода от борьбы с феодальной эксплоатацией к борьбе с эксплоатацией капиталистической. Остатки крепостничества надо сметать, но отсюда не значит, что тот, кто сметает, борется за промышленный капитал.

Против крепостничества боролся и пролетариат, и только эпигоны-народники имели смелость упрекать социал-демократов в том, что они защищают капитализм. Дубровский хочет приписать нам свои вгляды на крестьянское движение и в этом отношении ни в чем не отличается от идеологов буржуазии, для которых борьбы против эксплоатации не существует, для которых борьба против крепостничества сливается с борьбой за капитализм, или на их языке «за прогресс». Он снимает ленинскую постановку вопроса в отношении крестьянства, отбрасывает ленинский подход к крепостной деревне с точки зрения наличия в ней двух рядов противоречий, не понимает всей важности снять первый ряд с тем, чтобы яснее и скорее проявил себя второй ряд, свойственный капитализму. Оба ряда противоречий суть противоречия эксплоатации, с той только разницей, что ликвидация первого ряда противоречий есть путь нарастания второго ряда. Заменить эту ленинскую точку зрения положением, что крестьянство борется за капитализм, значит перейти с классовой позиции на бесклассовую, с пролетарской на буржуазную. Такая борьба с троцкизмом нам не нужна.

Теперь вопрос о понимании Дубровским некапиталистического пути развития. Он говорит, что с торговым капиталом борьба в период буржуазной революции не ведется, или ведется частично, что подлинная борьба против торгового капитала ведется при социалистической революции. Но этого мало. Дубровский выдвинул третье положение, что эта борьба составляет *содержание некапиталистического пути развития*. Как видите, перед нами целая цепочка, исходный пункт которой — непонимание разлагающей роли торгового капитала в подготовке условий для промышленного. Что тут Дубровский не прав — это особенно ярко видно на последнем звене его рассуждений. Если мы будем понимать некапиталистический путь развития только как борьбу против торгового и ростовщического капитала, то отсюда вывод — да здравствует кредитная кооперация, да здравствует сбытовая кооперация как основные рычаги перестройки крестьянского хозяйства у нас и в колониях. Вы не желаете иметь такого вывода, тогда надо отказаться от своих положений.

Вообще нужно сказать, что Дубровский проблему торгового капитала поставить не сумел — это показывает хотя бы один заголовок

«Торговый капитал как цементирующий фактор». Как это так цементировать? Мы считаем, что торговый капитал разлагает феодальные отношения.

Дубровский. — Всегда?

Симонов. — Вы хотитете меня поймать на термине «всегда», а я вам говорю об определенных отношениях. Для вас это разложение означает создание какого-то крупного хозяйства на крепостном труде. Между тем Энгельс и Ленин не раз говорили о том, что никакого здесь крупного производства нет. Есть мелкое производство, есть то же самое производство, что и при ренте продуктами, производство на основе мелкого феодального крестьянского хозяйства. Вы хотите сказать, что на этом крестьянском хозяйстве держится барщина, но она на нем держится так же, как и натуральные повинности и всякие другие повинности — ловля бобров, огораживание прудов.

Если вы считаете, что барщина является крупным производством, в таком случае логический вывод — что помещик, видя невыгодность барщины, решил пойти на реформы. А если вы будете подходить к вопросу, что это мелкое крестьянское производство, что барщинное хозяйство является хозяйством не только натуральным, но основанным на натуральной эксплоатации — на натуральном присвоении труда крепостного или продуктов его труда, то тогда вы придете к положению, что разложение феодализма есть разложение этого натурально-производственного организма крестьянского хозяйства. Это разложение начинается с первых же шагов феодализма.

Если бы Дубровский с этой точки зрения подошел, то он пришел бы к таким же положениям, к каким пришел и Ленин, когда говорил, что дальнейшее разложение натуральной единицы подрывает все больше и больше, с одной стороны, основы старой эксплоатации, а с другой стороны это разложение создает новые отношения и является базой для создания капиталистических отношений. Ленин не случайно говорил, что хлопчатобумажная промышленность капиталистической стала до реформы. Это связано с пониманием вопроса, откуда пришла реформа. Пришла ли она из сельскохозяйственного «капитализма» – из барщинных сахарных заводов, из крепостных суконных мануфактур, или из разложения натурального крестьянского хозяйства, из развития капиталистической промышленности. По-вашему, она пришла из крепостного хозяйства, из интенсифицированной барщины, из сахарных заводов, из крепостных мануфактур, а это и есть подмена ленинизма струвизмом.

В трактовке социальной борьбы эпохи феодализма Дубровский постарался своей теорией подвести более твердую основу под теорию Рожкова.

Дубровский обосновал дворянскую революцию, доказывая, что дворянство основывает свою эксплоатацию на других основах, чем феодалы. Дворянство эксплоатирует крестьянство не на феодальной, а на капиталистической — торгово-капиталистической основе. Ростовщические сделки, дворянская ссуда крестьянству закабаляли крестьянина, превратили его в крепостного, и происходит эта эксплоатация на основе не мелкого, а крупного производства — бар-

щинной системы хозяйства, но этим вы доказали другое, то, что крестьянская революция это был безумный бунт. По вашему, на смену феодальному производству шел новый способ производства — все равно, что внедрение на место ремесла машины и т. п., и вот против этого нового способа производства, оказывается, выступают крестьяне за старый феодализм.

По Дубровскому, крестьянство имело свое хозяйство, могло это хозяйство развивать только в докрепостнической формации — феодализме, при крепостничестве же, при господстве отработочной ренты, расширенное воспроизводство, создание прибавочного продукта, нарастание основ капиталистических отношений в секторы крестьянского хозяйства исключено; крестьянин со всем своим хозяйством — винтик барщины и только. Больше того, при таком антимарксистском взгляде на крестьянское хозяйство при господстве докапиталистической ренты крестьянство не может бороться и за торговый капитал, как это выставлено Дубровским, крестьянское движение есть просто безумный бунт.

Если бы Дубровский, вместо конструирования особых формаций — феодальной и крепостнической, подошел с точки зрения разложения феодализма, тогда бы он увидел, почему возникает крепостничество, и ему стал бы понятен прогрессивный характер крестьянской революции. Поскольку старые феодальные отношения сохранялись в новых условиях, поскольку крепостничество не могло не задерживать разложение старого способа производства, постольку крестьяне боролись против крепостничества, за определенные возможности дальнейшей эволюции в условиях свободного развития. Совершенно очевидно, что свободное развитие крестьянского хозяйства шло бы по линии большего внедрения денежных отношений. Самостоятельно победившей крестьянской революции мы не имели, и это определяется самим производственным положением крестьянства, его раздробленностью. Но делать отсюда вывод, что крестьянская борьба есть безумный бунт, нельзя, как нельзя и прогрессивность крестьянской революции сводить к борьбе за капитализм.

ПЕРСОВ, М.

У нас давно, в частности М. Н. Покровским, была поставлена задача изучения Ленина, как историка. Вспоминая эту задачу и то, что было здесь сказано, надо притти к выводу, что мы в деле реализации этой задачи ушли очень недалеко. Ленина, как историка, мы пока еще не знаем, об этом свидетельствуют происходящие прения.

Чтобы показать, что в нашей дискуссии отношение к Ленину является несерьезным, для этого достаточно взять стенограмму любого выступления. Вы увидите, что обе стороны относятся к Ленину исключительно как к складу цитат, при чем один приводит одну цитату, другой — другую.

До чего доходит пикантность положения? В статье «Некритическая критика» Ленин, отвечая Скворцову, пишет, что:

«Из моих слов «До капитализма земледелие было в России господским делом, барской затеей для одних, обязанностью, тяглом для других», по мнению г. Скворцова, «оказывается, что целая общественная формация, крепостной способ производства, был только барской затеей». Нет, г. Скворцов. это еще вовсе не «оказывается». ибо я в своем месте указал на то, что «крепостное хозяйство было известной правильной и законченной системой», и здесь охарактеризовал лишь один из признаков этой системы». [1]

Всякий беспристрастный человек ясно видит, что Ленин отвечает Скворцову на его обвинение в том, будто он (Ленин) проморгал общественно-экономическую формацию — крепостничество. Отрицание правильности этого обвинения свидетельствует о том, что Ленин согласен со Скворцовым в самой постановке вопроса, в том, что такая формация была. *Более того, Ленин утверждает, что он отметил ее наличие, характеризуя крепостное хозяйство, как известную правильную и законченную форму.*

Дальше, в этом же самом отрывке сказано, что Скворцов неправильно думает, будто категория государь-вотчинник применима только к эпохе до образования крепостного права.

Это все идет на одной половине страницы. А что делают товарищи? Один цитирует одно, насчет того, что неверно, что Ленин проглядел крепостничество, как формацию, и не видит того, что тут же говорится о том, что категория государь-вотчинник имеет хождение не только при феодализме, но и при крепостничестве.

Другой делает иначе: приводит цитату на счет государя-вотчинника и «не видит» того, что сказано у Ленина двумя строками выше. Все это свидетельствует о том, что к Ленину относятся не как к действительному источнику нашей теоретической мысли, а как к хрестоматийному набору цитат, из которого выбирают то, что для данного момента нужно.

Итак, первое — это то, что с отношением к Ленину в этой дискуссии дело обстоит в высшей степени неблагополучно...

Из приведенного выше отрывка нужно сделать тот вывод, что, по мнению Ленина, феодализм это не есть крепостничество и что феодализм и крепостничество это не есть нечто совершенно чуждое друг другу. В этом отрывке Ленин говорит о крепостнической формации, как о чем-то самостоятельном и особом, а на ряду с этим о том, что при крепостничестве сохраняет свое значение одна из основных категорий, которая характеризует и феодализм.

Следовательно, по мнению Ленина, эти вещи не столь чуждые, как это, очевидно, думает Дубровский, но далеко не столь родственные, как мыслит Минц. Минц говорит, что никакой разницы между феодализмом и крепостничеством нет и не было, и это говорит не один он. Многие товарищи вульгаризируют утверждение Ленина о том, что «отработочная система господствует со времен «Русской правды». Эти товарищи готовы превратить Ленина в человека, который не

---

[1] *Ленин*, Соч., т. III, изд. 2, стр. 495.

имеет никакого представления о русской истории, и хотят толковать его слова буквально.

Если вы возьмете курс М. Н. Покровского, то прочтете там, что эпоха возникновения крепостного права — вторая половина XVI и начало XVII вв.

А когда вы говорите о крепостном праве, то, конечно, если вы не сторонник государственной точки зрения,— припоминаете то, что говорил Маркс,— что крепостное право вырастает из барщины.

Мораль сей басни такова, что, если крепостное право приобрело у нас значение во второй половине XVI в. и особенно в XVII в., то из этого следует, что и экономическая база его — барщина — приобрела весомость тоже к этому времени. Доказательство того, что крепостное право выросло у нас на основе роста крепостническо-барщинного хозяйства, составляет одну из крупнейших заслуг М. Н. Покровского.

Те товарищи, которые пытаются рассуждать таким образом, что барщина существовала испокон веков, по существу становятся на чисто - механистическую точку зрения, потому что отказываются от рассмотрения *исторического развития* этого явления и его совершенно различного значения на различных этапах истории России.

Кто станет спорить, «что *зачатки* барщины были, вероятно, и во времена «Русской правды». С этой точки зрения я и понимаю приведенное выше место Ленина. Это утверждение имеет методологически такой же характер, как то, что закон стоимости господствует тысячи лет. Оно означает, что зародыш явления существовал. Для того, чтобы понять это, надо припомнить то, что Маркс говорит в предисловии к критике политэкономии насчет развернутых и неразвернутых категорий. Эта фраза Ленина ни в коем случае не дает ни малейшего основания подходить к делу механистически, ставить вопрос таким образом, что будто бы, независимо от того, какое барщина приобрела значение, мы можем ее рассматривать, как равнозначимую на протяжении всего процесса русской истории.

Когда Минц пытался доказать, что барщина не просто имелась в зародыше, но господствовала задолго до развития крепостничества, он, по существу, становился на точку зрения Дубровского.

Вопреки всем своим словам, Минц на деле принимает основное положение Дубровского — что господство барщины составляет специфическую черту крепостничества, как чего-то отличного от феодализма. И для того, чтобы доказать, что крепостничества, как чего то отличного от феодализма, никогда не существовало, он и старается доказать, что барщина всегда была и всегда имела одинаковое значение.

Именно потому, что Минц бессознательно принимает основную посылку Дубровского, он и вынужден для опровержения его заниматься фальсификацией истории России. Он путает вопрос о том, когда и при каких условиях барщина приобрела особое значение, которое — по учению Маркса — вызвало, как следствие, появление крепостного права, с вопросом о давности зародышей барщины.

Что касается вопроса о формации и укладе, то эта часть высту-

пления Дубровского была в высокой степени содержательна, гораздо более содержательна, чем все то, что потом по этому поводу говорилось.

В частности вот, что говорил Минц. Он говорил о том, что эти вещи не различаются Лениным.

На самом деле, так ли обстоит дело с взаимоотношениями категорий формации и уклада, как пытался разъяснить Минц? Совсем не так, и мудрить тут совершенно нечего. При внимательном анализе известной ленинской формулы о пяти укладах в России ясно, что Ленин под этим подразумевает.

Там мы имеем налицо, во-первых, старые производственные отношения патриархального общества, особый тип производственных отношений; особый экономический уклад, частно-капиталистический и проч. В конкретно-историческом обществе мы имеем целый ряд разных типов производственных отношений, из которых один является господствующим и определяет собою движение всех остальных, причем само собою разумеется, что этот уклад определяет движение всех остальных не путем дискуссии, а в порядке ожесточенной классовой борьбы.

Следовательно, для Ленина, как и для Маркса, формация в конце истории — это совокупность различных типов производственных отношений, комплекс, в котором один из этих типов является господствующим, определяет движение всех остальных в порядке классовой борьбы.

Так обстоит дело насчет формации и уклада у Маркса и у Ленина.

Толкование же Минца не выдерживает ни малейшей критики, если только мы будем помнить, что на этот счет говорил Ленин, ибо брать его толкование уклада и формации как идентичные, значит не хотеть понимать того, что Ленин говорил на счет укладов в России.

Вопрос об азиатском способе производства.— Если искать яркую иллюстрацию того, как нельзя относиться к Ленину и Марксу, то примером можно было бы взять выступление Ломакина. Человек утверждает о наличии азиатского способа производства, причем он путался сплошь и рядом в том, о чем толковал и

«*забыл сказать о том, какой же класс эксплоатирует* этих крестьян, кому принадлежит власть, представленная в лице этого государства».

Были крестьяне, было государство, но не было эксплоатирующих классов.

Ломакин.—Уважаемый товарищ, я исхожу из Маркса и Ленина!

Персов. — Надо иметь марксистскую совесть. Как можно приписывать Ленину и Марксу такие взгляды, которые ничего общего с их методологией не имеют. В «Капитале» об азиатском способе производства говорится, но кто дал вам право толковать это вопреки методу Маркса и Ленина. Метод этот состоит в понимании государства как органа диктатуры какого-либо класса, и если вы хотите навязать нам азиатский способ производства, при котором есть государство и один эксплоатируемый класс, но нет класса эксплоататоров, то это антимарксистская и антиленинская попытка.

Я цитат не хочу приводить по той простой причине, что все, что можно привести, уже давно приведено. Одно ясно, что нельзя ставить вопрос таким образом, как его ставит Минц, и таким образом, как его ставит Дубровский. У Ленина, во-первых, говорится о крепостнической формации. Это факт, от которого никуда не уйдешь, и, во-вторых, в той же цитате говорится о том, что эта формация крепостническая, признана одним из отношений, господствующих в феодальном обществе, ибо речь идет о том, что категория государь-вотчинник целиком применима к крепостничеству.

Я думаю, что крепостничество и феодализм это вещи неодинаковые.

Что крепостничество — не формация, видно из того, что крепостничество никогда не было господствующим в такой мере, как мы это вообще привыкли связывать с понятием формации, как эпохи экономического формирования общества. Это вопрос очень большой и сложный.

У нас совершенно не рассмотрен нигде вопрос о том, что означает формация с точки зрения ее историко-пространственного бытия. Мы говорим — рабство, феодализм, капитализм. Мы знаем, что рабство было очень распространено в самых разнообразных странах; так же обстояло дело с феодализмом.

Несомненно, что крепостничество в этом смысле формацией названо быть не может, ибо его пространственно-историческое бытие сравнительно очень ограничено. Более или менее чистую форму крепостничества мы имеем только в Восточной Европе, в России, Пруссии, Венгрии и Румынии. Мы не можем, поэтому, рассматривать крепостничество, как одно из звеньев в цепи основных ступеней экономического развития общества. А это один из непременных признаков марксова понимания формации.

РЕЗВУШКИН, Я.

В ходе дискуссии о феодализме и крепостничестве у нас выявились две крайние, две неправильные точки зрения. Одна точка зрения, единственным, кажется, представителем которой является Дубровский, видит в феодализме и крепостничестве две разные *формации*. Другая же точка зрения, представителем которой и, кажется, не единственным, является Минц. Представители этой точки зрения *не видят никакого различия между феодализмом и крепостничеством.*

При этом по первой точке зрения и по Дубровскому, который ее представлял, били достаточно основательно и били заслуженно. Но другой точки зрения не задевали, обходили, замазывали, в то время как она заслуживает того, чтобы ее с этой трибуны били так же основательно, а, может быть, и еще больше, чем мало распространенную, непривившуюся точку зрения Дубровского.

В самом деле, Дубровский начал с того, что установил *различие* между феодализмом и крепостничеством. Это хорошо, это важно с научно-методологической точки зрения установить. Но чем кончил

Дубровский? Он кончил тем, что это различие довел до противоположных, до различных общественно-экономических формаций.

Минц начал с опровержения Дубровского. Он начал с правильного утверждения, что нет особой крепостнической формации, что есть одна феодально-крепостническая формация, но кончил утверждением, что нет различия между феодализмом и крепостничеством.

Вместе с Дубровским Минц грешит против основного закона диалектики «единства противоположностей». Дубровский видит различие между феодализмом и крепостничеством, но он возводит это различие до крайности, до разных противоположных систем, до разных формаций. *Он не видит здесь диалектического единства.*

Минц совершает ошибку против того же основного закона диалектики, но ошибка его противоположного порядка: *он видит тождество, он видит единство, но не видит различия.*

Дубровский в данном случае забывает, что *не всякое различие* является полной противоположностью, противоречием систем.

Минц же, наоборот, забывает, что *всякое диалектическое единство имеет различие.* И вот эту методологическую ошибку, этот грех против основного закона диалектики, Минц переносит на историю и начинает всячески *искажать факты.*

Мало того, Минц, приравнивая крепостничество к феодализму, отождествляя крепостничество с феодализмом, подрывает ленинское понимание крепостничества как определенной хозяйственной системы, которой соответствует определенная политическая надстройка — *крепостническое* государство. В то время, как Ленин всемерно и особенно сильно подчеркивал *экономическую сущность крепостного хозяйства*, особо сильную эксплоатацию крепостниками-помещиками класса крепостных крестьян и обостренную классовую борьбу с крепостниками, — Минц смазывает, затушевывает эту сильную ленинскую характеристику крепостничества доказательствами, что крепостничество — это то же самое, что феодализм.

В качестве аргумента Минц указывал на то, что Ленин употребляет слова феодализм и крепостничество рядом, никогда не подчеркивая различия. Но употребление рядом слов «феодализм» или «крепостничество» в большей мере доказывает обратное тому, что утверждает Минц, именно то, что Ленин *видел различие* между феодализмом и крепостничеством. Если бы это были синонимы — тогда достаточно было бы Ленину употребить одно понятие: феодализм или крепостничество.

Теперь я остановлюсь на марксистско-ленинской теории общественно-экономической формации.

Весьма важно эту проблему рассмотреть и дать ей правильное истолкование, потому что против нее из лагеря буржуазных ученых давно объявлен поход. Вы помните теорию Макса Вебера, его «идеальные типы». Этими «идеальными типами» буржуазные историки пытались вытеснить марксистское понятие общественно-экономической формации. Они пытались и пытаются противопоставить марксистскому понятию общественно-экономической формации, охватывающему исторически и экономически многосложную противоречи-

вую действительность, находящуюся в процессе развития, «идеальные типы» или схемы, очищенные от всяких противоречий, схемы, оторванные от действительности, *не являющиеся*, по собственному признанию Макса Вебера, «изображением действительного». В статье «Объективность социально-научного и социально-политического познания» Макс Вебер говорит:

«Для исследования идеально-типическое понятие вышколит способность сводить следствия к причинам... Оно *не есть изображение действительного*, но оно дает изображению средство однозначного выражения».

Вы знаете, что у Макса Вебера на русской почве был целый ряд последователей. К числу первых последователей принадлежал небезызвестный П. Б. Струве.

Петрушевский продолжает поход против марксовой теории общественно-экономической формации. Он пытается подкопаться под корень этой теории, выступая против того, что развитие общественно-экономической формации следует рассматривать, как естественно-исторический процесс.

Маркс в предисловии к первому тому «Капитала» говорит, что его точка зрения на общественно-экономическую формацию заключается в том, что он «рассматривает развитие экономической формации общества, как естественно-исторический процесс». Ясно, что Петрушевский пытается подорвать теорию Маркса об общественно-экономической формации именно в этом кардинальном пункте. Он хочет доказать, что общественно-экономическую формацию нельзя рассматривать в *закономерном* развитии. Заменяет же он «диктатуру методологического натурализма», диктатуру марксистской методологии, диктатурой буржуазной методологии, веберовской разновидностью последней.

Когда мы подходим к рассмотрению взглядов Маркса, Энгельса и Ленина на общественно-экономическую формацию, то легко заметить, что они в каждой формации видят пять существеннейших признаков, по которым в конкретно-исторической жизни одна формация отличается от другой. К каждой формации можно подходить, во-первых, с точки зрения уровня производительных сил, во-вторых, с точки зрения способов производства, в-третьих, с точки зрения производственных отношений, в-четвертых, с точки зрения экономических форм эксплоатации, и наконец, в-пятых, с точки зрения классовой структуры.

При этом Маркс, Энгельс и Ленин считали, что с появлением новых производительных сил изменяется способ производства, с изменением способа производства изменяются производственные отношения. Изменение производственных отношений находит свое выражение в изменении форм эксплоатации, и последние предопределяют отношения господства и подчинения, т. е. классовые отношения.

Когда Маркс, Энгельс и Ленин указывали на отмеченные нами признаки каждой отдельной общественно-экономической формации, это не означает, что они представляли общественно-экономическую формацию в виде какой-то лестницы, ступенями которой были отмеченные нами признаки. Общественно-экономическую формацию

Маркс и его последователи рассматривают, как некоторый целостный «социальный организм», находящийся в развитии, имеющий свои законы возникновения, развития и перехода в новую формацию. Этот общественно-экономический «организм», если к нему подходить диалектически, представляет из себя многосложное, многообразное, многогранное явление. Но из этой многосложности и многообразия Маркс, как отметил Ленин, выделил *самое существенное*. Этим существеннейшим и являются отмеченные нами признаки общественно-экономической формации. Но эти признаки нельзя ни в какой мере как-либо разрубать, выхватывать из всей совокупности какой-нибудь один признак, как это делается часто у нас.

Недостатком целого ряда товарищей, которые подходят к изучению феодализма и крепостничества, является то, что они берут какой-либо один из этих признаков общественно-экономической формации и по этому отдельному признаку пытаются строить различие или тождество формаций.

Наконец не надо забывать, что каждая общественно-экономическая формация в ее конкретности должна рассматриваться в развитии.

В самом деле, когда Дубровский видит в феодализме и крепостничестве *две* формации, то он, несомненно, их рассматривает *не в развитии. Он разрубает* одну формацию на две части, забывая, что эти части являются частями одного целого. С другой стороны, когда Минц рассматривает феодализм как одну формацию, и в то же время *не видит различия* между феодализмом и крепостничеством, он грешит против того же закона диалектики, который гласит, что все надо рассматривать в развитии. Когда же мы говорим, что феодальную формацию надо брать в развитии, то тут возникает новая проблема: что собой представляет крепостничество. Является ли оно *разновидностью* феодализма, которая создалась и получила наиболее яркое выражение в русских условиях, или крепостничество является *стадией развития феодализма?*

Я стою на той точке зрения, что крепостничество надо рассматривать, именно, *как стадию в развитии феодализма*, как известную ступень, которая под влиянием *внутренних* процессов, которые происходят в феодализме, переходит в свою высокую стадию, стадию крепостничества.

Сравнивая феодализм и крепостничество с точки зрения уровня производительных сил, мы найдем достаточно любопытную картину.

Всем известно, что производительные силы заключают в себе два элемента: средства производства и рабочую силу. В производительных силах важную роль играют средства труда. С точки зрения состояния средств труда можно подойти к XII — XIII и XIV вв., т. е. к векам, когда господствует или феодализм или крепостничество.

Если в отношении XII — XV вв. можно сказать, что там преобладает в качестве орудия сельскохозяйственного производства соха и она определяет высоту уровня рабочей силы, то что можно сказать про средства труда XVIII в. Я думаю, что тут мы тоже не найдем такого большого различия, которое бы давало возможность говорить о разных общественно-экономических формациях.

С точки зрения этих основных признаков общественно-экономической формации нельзя думать, что феодализм и крепостничество являются разными противоположными формациями.

В то же время между феодализмом и крепостничеством имеется, несомненно, различие с точки зрения степеней развития. Это можно показать на фактических примерах, рассматривая не только уровень производительных сил, но и способы производства, и производственные отношения, и классовую структуру и т. д.

Я закончу свое выступление лишь вопросами об экономической сущности крепостничества, о барщине, о времени ее возникновения.

Минц доказывал, что барщина господствовала до XVI в. Он здесь просто искажает историю. Разве тому же Минцу не известно, что целый ряд крупных историков, и прежде всего Покровский, а затем и Рожков, Лаппо-Данилевский, Греков и ряд других, доказывают обратное, что барщина совсем не господствовала с XII в., а получила преобладание только после XVI в.

Минц ссылался в этом вопросе на Покровского, Минц часто ссылается на Покровского даже и тогда, когда хочет доказать обратное тому, что Покровский говорит. Как он в этом случае выкрутится, я не знаю, но он цитирует Покровского. Я приведу ту же цитату, которую он приводил:

«Боярин древнейшей эпохи еще не хозяйничает, он только, как это делал и раньше, собирает плоды чужого хозяйства — только не путем прямого захвата, а более мирно, зато и более систематически. *Собственная запашка даже новгородских бояр XV в., обыкновенно, совершенно ничтожна — немногим больше хорошего крестьянского двора:* самый богатый из них пахал «на себя» руками своей дворни, всего от 20 до 30 десятин. Зато крестьяне обязаны были доставлять на его двор известное количество хлеба, мяса, яиц, масла и т. п., при чем кормился не столько сам барин, сколько его многочисленная вооруженная и невооруженная дворня».

Значит, в XV в. барская запашка была *совершенно ничтожна.* В другом месте у Покровского говорится, что барщина, если она возникает до XVI в., то получает преобладание в XVI в.

Минц в доказательство того, что барщина существовала и преобладала до XVI в., приводит один из источников. В заключение я разрешу себе сослаться на другой источник, из которого надо сделать вывод, обратный выводу Минца. Я имею в виду «жалованные поместные грамоты крестьянам дома св. Софии». Из этих жалованных грамот видно, что до половины XVI в. в этих грамотах не упоминается о барщине. Вот, что мы читаем в грамоте 1559 г.:

«И вы бы, крестьяне Дому св. Софии и наши тех деревень, давали б есте ему (помещику) дань, хлеб и деньги, и все пошлины по старине. А он вас судит и ведает всем».

Эта обычная формула жалованных грамот в 1571 г. изменяется. В ней уже говорится о барской запашке.

«И вы б (помещика) чтили и слушали во всем, и пашню на него пахали и оброк ему всякий платили, чем вас он изоброчит». [1]

---

[1] Актовые книги Археографической комиссии. Книги 63 и 77.

Это с неоспоримостью подтверждает, что, если барщина берет свое начало до XVI в., то получает преобладание позже. Возникновение и развитие барщины знаменует собой возникновение и развитие крепостных отношений.

Минц, который доказывал, что барщина господствовала до XVI в., не видит разницы между феодализмом и крепостничеством и в этом совершает крупную методологическую и историческую ошибку. Против этой ошибки, так же как и против ошибки Дубровского, я счел нужным выступить.

КУЗЬМИН, Я.

Я не хотел останавливаться на методологических вопросах, но выступление Резвушкина вынуждает меня сказать несколько слов по этим вопросам. Пять признаков Резвушкина для каждой формации повергли меня в некоторое смущение. Если определять формацию, например, по уровню производительных сил, то что мы имеем? Разве в пределах капиталистической формации уровень развития производительных сил остается всегда одним и тем же? Разве форма капиталистического способа производства в пределах одной и той же капиталистической формации остается одной и той же? Конечно, нет. Возьмите форму способа производства при простейшей капиталистической кооперации, форму способа производства при капиталистической мануфактуре, возьмите форму способа производства при переходе к машинному производству, которое Маркс характеризует, как целый переворот в способе производства, исходной точкой которого является средство труда в отличие от мануфактуры, где исходной точкой переворота в способе производства является рабочая сила. И уровень производительных сил на разных этапах капиталистического развития также меняется.

Таким образом, если бы мы приняли точку зрения Резвушкина, мы могли бы насчитать бесчисленное количество различных формаций и укладов.

Голос с места. — Значит, уровень производительных сил не создает прозводственных отношений?

Кузьмин. — Не всегда. А между тем, если мы продолжим анализ того же самого капиталистического общества, то мы найдем, что, несмотря на изменения в уровне производительных сил, несмотря на изменения в формах способа производства, тип производственных отношений, свойственных капитализму, остается неизменным, и только тогда, когда производительные силы приходят в столкновение с производственными отношениями, только тогда совершается переход к новой формации.

Отсюда вытекает, что основным, определяющим моментом для понятия общественно-экономической формации надо выделить тип производственных отношений, по поводу которого также необходимо сказать несколько слов.

Обвинения Дубровского в богдановщине и рожковщине совершенно справедливы. Богдановско-рожковская концепция, которая

имеется в книге Дубровского, проявляется не только в том, что здесь применено основное методологическое требование Рожкова, которое заключается в том, что наука всегда схематична. Там где нет схемы — нет науки, — пишет Рожков. Дубровский этого не пишет, но он практически выполняет это требование — он дает схему, хотя он должен был бы знать, что марксизм не дает готовой схемы для понимания общественно-исторического процесса.

Но дело не в этом. Я считаю, что даже дело не в том, что он дает неверное понимание самих производственных отношений, как расстановки людей в процессе производства. Это богдановское и бухаринское понимание, но пусть это описка. Но возьмите дальше, как Дубровский определяет тип производственных отношений с точки зрения собственности. Для него собственность — это явление только надстроечного, производного характера. Дубровский смешивает и путает две разных вещи. Собственность, как правовая категория — явление конечно надстроечное, но этой правовой категории в системе производственных отношений ведь соответствуют какие-то реальные отношения людей к средствам производства и вместе с тем людей к людям. Эта правовая категория соответствует какому-то реальному типу распределения средств производства. Поэтому Маркс и говорит, что производственные отношения в переводе на юридический язык и есть имущественные отношения.

Непонимание этого сквозит во всей книге Дубровского. Откуда оно проистекает? Маркс говорит, что производство, распределение, обмен и потребление — это одно и то же. В каком смысле? Это лишь различные противоположные определения диалектического единства производства. Недиалектическая, механистическая постановка вопроса — отрыв распределения средств производства от прочих моментов, составляющих производство, входящих в него, как отдельные моменты. Эта постановка характерна для книги Дубровского. Она-то и приводит его к непониманию производственных отношений.

Теперь, как подойти к вопросу о различии между укладом и формацией? — Конечно у Ленина и у Маркса можно найти много примеров, когда этого различия не делается, и не менее, когда это различие все-таки проводится. Мне кажется, что вопрос можно решить так: формация есть нечто общее, уклад есть нечто частное, лежащее в пределах одной и той же формации, как ее определенная ступень. В зависимости от развития формации могут наблюдаться различные ступени этой формации.

Характерно, что Ленин рассматривает империализм, как один из укладов, так же как и госкапитализм. Для всякого ясно, что ни империализм, ни госкапитализм не есть какая-либо особая отдельная формация, глубоко и принципиально отличная от капиталистической формации вообще. Это есть лишь отдельные этапы развития капитализма, и в этой плоскости надо искать решения вопроса об укладе и формации.

Таковы те общие методологические замечания, которые я хотел сделать по книге Дубровского.

Книга Дубровского ставит целый ряд важнейших методологиче-

ских вопросов общей истории. Но вы сами понимаете, что она острием своим направлена и против некоторых основных трактовок русского исторического процесса и с этой точки зрения для нас, русских историков, она представляет значительный интерес.

Но, к сожалению, попытка Дубровского дать новое толкование некоторым явлениям и сторонам русского исторического процесса не может быть названа удовлетворительной, потому что основной ее недостаток — это схематизм, упрощенчество и механистичность, а там, где мы имеем дело с упрощенчеством и механистичностью, мы обычно получаем запутанность в вопросах.

Возьмите такой вопрос, как вопрос о классовой сущности самодержавия, вопрос, который нас близко касается. Какую трактовку дает Дубровский классовой сущности самодержавия? «Самодержавие — диктатура крепостников». Тезис совершенно бесспорный, как всякая азбучная истина. Если бы дело состояло только в том, чтобы доказать, что самодержавие — это диктатура крепостников, то нам было бы делать нечего. Но дело в том, что, обладая только одной этой истиной, мы обладаем еще весьма абстрактной истиной и потому весьма тощей, с которой далеко в объяснении русского исторического процесса еще не уйдешь.

Пользуясь только одной этой истиной, можно притти к совершенно неправильным выводам и не суметь объяснить даже сравнительно простых второстепенных вопросов русского исторического процесса, и мы видим, как Дубровский запутывается, казалось бы, в самых элементарных вопросах.

Возьмите вопрос о бюрократии. Для Дубровского бюрократия всегда есть часть господствующего класса. Если мы имеем диктатуру крепостников, то это часть крепостников, если мы имеем диктатуру буржуазии, то бюрократию надо считать частью буржуазии, если, мы имеем диктатуру пролетариата, это часть пролетариата.

Между тем, нисколько не смущаясь явным противоречием своего собственного толкования роли бюрократии с толкованием Ленина, он приводит цитату из Ленина, где говорится, что бюрократия была

«первым политическим орудием буржуазии против феодалов... первым выступлением на арену политического господства не породистых землевладельцев, а разночинцев мещанства».

Если бы Дубровский хотел посмотреть дальше, то на этой же 82 стр. II т. он прочел бы, что

«всякая бюрократия, по своему историческому происхождению и по своему назначению, представляет из себя чисто и исключительно буржуазное учреждение».

Дубровский. — Это цитата для всех времен и народов?

Кузьмин. — Это цитата, которая показывает классовый источник бюрократии и ничто другое.

Дубровский. — Для какой эпохи, для какого господства?

Кузьмин. — Когда буржуазия появляется на исторической сцене, она выставляет бюрократию, как свое политическое орудие.

Но этого мало. Диктатура крепостников является в книге Дубровского не только абстрактной категорией, но в то же время категорией

в высокой степени неподвижной. До сих пор спор по вопросу об эволюции самодержавия состоял в том, что самодержавие эволюционировало в сторону буржуазии, что оно эту эволюцию завершило.

Другая точка зрения — ленинская, которая заключается в том, что самодержавие эволюционировало в сторону буржуазии, но этой эволюции *не завершило*.

Теперь мы имеем точку зрения, что самодержавие вообще никогда и никуда не эволюционировало. Зеленский и др. уже указали, что из понимания самодержавия, изложенного Дубровским, вытекает совершенная неподвижность и закостенелость самодержавия.

Далее, я хотел бы перейти к вопросу о том, каким образом надо толковать те главы Маркса о генезисе капиталистической ренты, на которых основаны выводы Дубровского о крепостничестве, как особой формации. Какое значение имеют эти главы для нас — историков?

В этих главах, по-моему, мы находим ключ к решению вопроса о том, какими путями и способами совершается переход от феодального способа производства к капиталистическому в области земледелия. Разобраться в этих цитатах было бы полезно. О чем говорит Маркс?

Во-первых, о том, что формы докапиталистической ренты, и в особенности формы переходные, самые разнообразные. Кроме тех трех форм, которые указаны Дубровским, Маркс перечисляет еще другие формы ренты, свойственные рабовладельческому хозяйству, крепостническому, издольной системе, парцеллярной и т. д. Теми тремя формами, которые приведены в начале этой главы, формы докапиталистической ренты не исчерпываются.

Второе положение, которое необходимо установить: рента отработочная — продуктовая и денежная для Маркса — представляет не три различных рода ренты, а различные формы одного и того же вида или рода ренты, такого рода, когда рента выступает, как нормальная форма прибавочной стоимости, когда рента целиком и полностью совпадает с прибавочной стоимостью. При этом надо заметить, что эти три формы ренты у Маркса выступают в то же время и как различные ступени исторического процесса освобождения мелкого земельного собственника от феодальной зависимости.

Говоря о крепостнической и рабовладельческой ренте, Маркс считает, что эти формы ренты, не представляя затруднений для анализа, являются такими формами, где основу отчуждения прибавочного продукта в форме ренты составляет именно земельная собственность. Система производственных отношений, система классовых отношений при отработочной, продуктовой и денежной ренте остается одной и той же. Поэтому на этой главе основывать вывод о том, что крепостничество и феодализм совершенно различные формации, совершенно неправильно.

Но эта глава тесно связана с другой главой III т. «Капитала», именно главой «Из истории купеческого капитала». До сих пор на эту связь никто не обращал внимания. Маркс говорит, что переход от феодализма к капитализму совершается двумя способами: первый способ,

революционный способ, когда производитель становится купцом, когда непосредственный производитель — владелец средств производства — превращается в купца и промышленника. Маркс иллюстрирует этот путь примером: мастер-сукнодел, вместо того, чтобы брать от купца сырье и продавать ему готовый продукт, покупает сырье на рынке и продает свой товар не отдельному купцу, а на рынке вообще.

Это путь, когда непосредственный производитель превращается в купца товаром, произведенным в его мастерской при помощи эксплоатации наемного труда, — это путь революционный.

В сельском хозяйстве этот путь состоит в том, что непосредственный производитель освобождается от форм феодальной крепостной зависимости и становится производителем на рынок. Это есть революционный путь — один из способов перехода от феодализма к капитализму в земледелии.

Этот путь свойственен целому ряду стран. Но есть путь другой, когда эта эволюция совершается гораздо медленнее и с гораздо большими страданиями для крестьянина, когда купец непосредственно овладевает производством. Это путь эволюционный, когда производство медленно и постепенно приспосабливается к требованиям рынка.

Когда мы говорим о двух путях перехода от феодализма к капитализму, то надо эту главу Маркса использовать самым основательным образом и проанализировать с точки зрения основных положений Маркса эволюцию русского крепостного сельского хозяйства к капитализму.

Я не согласен с Зорким в том отношении, что этот второй путь эволюции к капитализму характерен лишь для востока Европы, для Пруссии, Румынии и России, что это есть лишь провинциальный зигзаг, отклонение от основного пути. Наоборот, это не зигзаг, это есть один из основных путей перехода от феодальных крепостных отношений к капиталистическим отношениям, характерный для целого ряда стран.

При этой эволюции как раз и могут быть условия, создающие возможность *рецидива* феодально-крепостных отношений в их самой грубой первоначальной форме и вместе с тем их соединение с «цивилизованным ужасом чрезмерного труда». Как известно, эти условия создаются там и тогда, где и когда мировой рынок вовлекает в сферу своего влияния страны, в которых производство основано на рабской или крепостной основе.

Эти положения и должны быть исходным пунктом при анализе эволюций крепостных отношений в России к капиталистическим.

ЛИТВИНОВ, И.

В своем выступлении на конференции аграрников-марксистов, которое должно быть для всех нас директивой, Сталин говорил о том, что теоретическая работа отстает от остальных отраслей нашей работы. Лучшим доказательством правильности слов Сталина является

работа Дубровского, его постановка вопроса о крепостничестве и феодализме.

Несколько слов о важности этой проблемы. Нет чистой науки, всякая наука имеет связь с практикой. Тем более историческая наука, которая является наукой сугубо политической. Когда готовятся бои в колониальных странах, где имееются многочисленные остатки докапиталистических укладов, то проблема феодализма и крепостничества является сугубо политической проблемой.

Работа Дубровского «К вопросу о сущности «азиатского» способа производства» ставит себе целью изучение вопроса о разных докапиталистических укладах. Задача чрезвычайно важная и актуальная, принимая во внимание многочисленные остатки докапиталистических способов производства во всех странах, особенно же в государствах Востока (Китай, Индия, Ближний Восток, Египет), Южной Америки и даже Европы (Балканы, Испания и т. д.).

Волна революционного движения поднимается в колониальных и полуколониальных странах все выше и выше. Правильное решение вопроса о сущности и месте докапиталистических производственных отношений может быть очень полезным для пролетариата этих стран в его борьбе с капитализмом, в его поисках союзников. Прав поэтому Дубровский, что, не понимая роли и сути феодализма, нельзя понять революционной роли крестьянства.

Это тем более важно сейчас, в переживаемый нами третий период.

К сожалению, Дубровский предпочел единственно правильному, научному пути — марксизму-ленинизму — гибельный путь ревизии учения Маркса и Ленина о докапиталистических формациях.

Капиталистический способ производства, по Марксу, возникает в порах феодального общества.

В деревнях при феодализме господствует крепостное право; крестьянин не свободен; он не может распоряжаться собою; он прикреплен к земле; им распоряжается феодал. Капитализм нуждается в свободных, не владеющих орудиями производства рабочих, их нет в феодальной деревне; и капитализму поэтому нет места в этой деревне.

Но и феодальный город не гостеприимен для капитализма. В городе, правда, есть более или менее свободные мастера-ремесленники, но существуют цехи. К цехам прикреплены мастер, его помощники и ученики: цехи регулируют производство каждого мастера; цех препятствует укрупнению мастерских; цех ставит препоны развитию конкуренции среди ремесленников; цех охраняет феодальный город от всякого соблазна капитализма. Таким образом и в городе и в деревне нет места для капитализма при феодализме.

Капитализм все-таки возникает в порах феодального общества. Он возникает, во-первых, нелегально, без «права жительства», прячась от взора охранителей порядка и стражей закона и подкупая их в случае своего обнаружения. Капиталистический способ производства возникает, во-вторых, в новых отраслях производства, которых не коснулась еще регулирующая рука цехового законодательства. Капитализм возникает, в-третьих, в новых городах, где нет старых

самоуправлений и законов и где свободен человек от всевластной опеки отцов города и цеховых старост.

«Новые мануфактуры возникли главным образом в морских экспортных гаванях или в таких местах внутри страны, которые были вне сферы господства старого городского устройства и его цеховой организаци. Отсюда в Англии — ожесточенная борьба между старыми привилегированными городами и этими новыми рассадниками промышленности». [1]

Капитализм не только «рождается сочащимся кровью и грязью с головы до пят, изо всех пор», он появляется на свет божий еще с клеймом незаконорожденного на своем челе, ибо его появление противоречит юридическим законам феодального общества.

Раз родившись, капитализм все более расширяется. Ему становится тесно в запретных уголках, и он, незаконный сын, вступает в борьбу со своим отцом: он объявляет войну феодализму. Под напором капитализма рушится крепостное право. Масса крестьянства превращается в наемных рабочих, в свободных трудящихся бедняков. Капитализм ненавидит цеховое устройство, и он не успокаивается, пока цехи либо окончательно не сходят со сцены, либо не превращаются в какие-то жалкие остатки старого мира. Так капитализм расправляется с экономическим строем феодализма. Но капитализм на этом не останавливается. Буржуазная революция кладет конец и политическому строю феодализма. Она низвергает с пьедестала короля и дворян и сажает на престол буржуазию: банкиров, фабрикантов и их адвокатов. И если остатки феодализма остаются существовать и после победы буржуазии, то это отнюдь не вследствие силы феодализма и его большой сопротивляемости натиску буржуазии; живучесть остатков феодализма при капитализме объясняется главным образом половинчатостью буржуазии, ее боязнью перед пролетариатом и бедным крестьянством. Буржуазия сама становится контрреволюционным классом. Она вступает в соглашение и союз со своим вчерашним врагом — с феодальным дворянством. Буржуазия сама отказывается от искоренения пережитков феодализма и узаконяет их в своем строе.

Таково учение Маркса, изложенное им во многих местах своих трудов, особенно же в т. I «Капитала», в гл. 24, о так называемом первоначальном накоплении.

Крепостная зависимость, по Марксу, представляет собою форму феодальной эксплоатации.

Учение Маркса развивал Ленин, который дал нам в своих работах гениальное и стройное учение о русском крепостничестве, как одной из разновидностей феодализма.

Десятки и сотни раз Ленин в своих работах говорит об остатках крепостничества, как об остатках феодализма в России.

Конечно и Маркс и Ленин — отцы революционной диалектики — никогда себе не представляли феодализма, как нечто неизменное, застывшее. Формы и содержание феодализма менялись, как менялись и меняются формы и содержание капитализма. Феодализм XII в.

---

[1] «Капитал», т. I, гл. 24, § 6.

не во всем похож на феодализм XVIII в., точно так же как и капитализм начала XIX в. не во всем похож на капитализм начала XX в.

Дубровский со всем этим не согласен. По Дубровскому крепостничество есть особый общественный уклад, отличный и от феодализма и от капитализма. По Дубровскому капитализм рождается не из феодализма, а из крепостничества. Феодализм характеризуется рентой, получаемой землевладельцем от крестьянина продуктами, крепостной способ производства характеризуется барщиной. Вот, что по этому поводу пишет Дубровский:

«Именно на основе роста отношений товарности и хозяйства развивается крепостное барщинное хозяйство, уничтожается феодальный способ производства. Соответственно уничтожается и феодальная политическая децентрализация, создается единое централизованное абсолютистское государство как государство крепостников, т. е. создается диктатура крепостников». [1]

Ошибочность взглядов Дубровского не нуждается в опровержении, настолько она очевидна для всякого мало-мальски грамотного марксиста. Дубровский прямо выступил против Маркса и Ленина, прикрываясь цитатами и из Маркса и из Ленина (в этом отношении Дубровский следовал примеру всех ревизионистов наших дней). Книжка полна цитат, но Дубровский старательно и осторожно избегает какой бы то ни было цитаты, где Маркс и Ленин рассматривает крепостничество как форму феодальной эксплоатации, как одну из сторон именно феодализма. Этих цитат Дубровский знать не хочет. Перефразируя известное выражение, можно сказать: «Что, это сознательный подлог или невежество?». Скорее всего и то и другое вместе.

Различая крепостничество и феодализм как два особые уклада именно потому, что крестьянин при феодализме в другой форме отдает свой прибавочный труд землевладельцам, чем при крепостничестве, Дубровский согрешил против азбуки основ марксизма. Общественный уклад определяется производственными отношениями, т. е. отношениями между владельцами орудий производства и производителями, работающими на этих орудиях, и это главное и основное. Феодальными являются такие производственные отношения, при которых землевладелец получает ренту от несвободного, прикрепленного к земле крестьянина, независимо от того, в каком виде землевладелец эту ренту получает.

Если следовать за Дубровским, можно найти и двадцать укладов при капитализме в зависимости от нормы заработной платы (сдельная плата, плата продуктами и т. д.). Если следовать рецепту Дубровского, придется усомниться и в социалистическом характере нашей госпромышленности, ибо заработная плата выдается у нас в денежной форме, чего при социализме не будет.

Приведу Вам, товарищи, пример, к какой путанице приводят взгляды Дубровского.

Вышла моя книжка о столыпинщине.

Во втором номере «Социалистического хозяйства» за 1929 г. на

---

[1] *С. Дубровский*, цит. брошюра, стр. 86.

нее была помещена рецензия одного из последователей Дубровского, некоего Тайца.

Он пишет:

«Автор (т. е. я, ваш покорный слуга — *И. Л.*) не различает понятия «крепостничество» и «феодализм». В целом ряде мест (стр. 8, 15, 17 и др.) он (т. е. я—*И Л.*) говорит о пореформенных остатках феодализма, в то время как в России после реформы были остатки крепостничества».

Так пишет Тайц, обвиняющий меня в теоретической неряшливости. Я прочел рецензию и изумился. Сознаюсь, об откровениях Дубровского я еще не имел никакого представления.

Я обратился в редакцию «Социалистического хозяйства» и указал им 20 цитат из Ленина, где он говорит о пореформенных остатках феодализма в России. Я предупредил также, что количество подобных цитат из Ленина берусь довести до 200, а то и 2 тыс. *(Смех.)*

В ответ редактор заявил мне, что, по Ленину, это действительно так, как я пишу, но, по Дубровскому (я этого не знал тогда), выходит иначе...

Укажу на одно место.

Ленин в своей статье «К 4-летней годовщине революции», пишет:

«На место разрушенного феодального государства и полуразрушенного капиталистического». [1]

Таким образом Ленин называл царское государство феодальным, а не только крепостническим.

Может быть скажут, что у Маркса нет указаний на то, что крепостничество является одной из сторон феодального строя. Я просмотрел I т. Капитала и на немецком и на русском языке, и там, в одной из самых известных, 24 главе, относительно экономической структуры капитализма говорится следующее: «Экономическая структура капитализма вырастает из экономической структуры феодального строя».

Там же есть еще одно место, где Маркс называет крепостничество «формой феодальной эксплоатации».

Приходится, товарищи, констатировать печальный факт: либо Дубровский не знает этой главы, известной даже совпартшкольнику, либо же он ее сознательно скрывает.

Да, товарищи, в области теоретической работы необходимо установить строгую самокритику, необходимо развенчать многих божков, многих выдвинувшихся в свое время по разным причинам, но не по своим заслугам и знаниям.

В не раз уже упоминавшейся работе Дубровского вы найдете перл, подобного которому я не знаю в нашей литературе. Дубровский приводит цитату, где Энгельс говорит, что «отсутствие земельной собственности является, на самом деле, ключом ко всему Востоку», а двумя строчками ниже Дубровский от себя пишет:

«В приведенных цитатах Маркс и Энгельс имеют в виду прежде всего Турцию, Персию и Индостан, но отнюдь не весь Восток». [2]

---

[1] *Ленин*, Соч., т. XVIII, ч. 1, изд. 1923 г., стр. 368.

[2] *С. Дубровский*, цит. брошюра, стр. 142.

Я это замечательное место, если хотите, могу пустить по залу для ознакомления.

Дубровский. — Прочтите скобки.

Литвинов. — В скобках вы говорите: «про Китай, например, ни слова не говорится». Но Энгельс говорил о всем Востоке, и я думаю, он его понимал как следует и не ожидал тех искажений, которые вы, Дубровский, допускаете.

Дубровский не понимает взаимоотношения классов. Ему чуждо марксистско-ленинское учение об общественных формациях. Поэтому он допускает грубейшие извращения ленинского учения о движущих силах русской революции.

Я могу прочесть одно место, правда, ненапечатанное, а написанное Дубровским.

Голоса. — Значит есть еще и написанное (*Смех*).

Литвинов. — Да, товарищи, это его рукописная работа, отзыв о моей книжке до ее появления в свет.[1] Моей книжке не повезло ни от Дубровского до ее появления в свет, ни от его последователей А. Сидорова и Тайца после ее появления.

И вот в этом своем отзыве на мою книжку Дубровский пишет следующее: «Не вполне правильно определено автором (т. е. мною — *И. Л.*) влияние столыпинской реформы на буржуазию. Он (т. е. я — *И. Л.*) пишет: «Буржуазия все время правела и все более приближалась к власти». Здесь лучше было бы взять ленинские формулировки о росте противоречий между буржуазией и царизмом, т. е. крепостниками, по мере роста и укрепления экономической мощи первых». Это пишет Дубровский. Я в ответ написал: «Не знаю, откуда взял рецензент взгляды Ленина, им приводимые. Взгляд же Ленина на влияние реформы на позицию буржуазии достаточно ясно изложен в следующем месте:

> «Развитие русского государственного строя за последние три столетия показывает нам, что он изменил свой классовый характер в одном определенном направлении... Монархия первой половины XIX в. не то, что монархия 1861—1914 гг. В 1908—1910 гг. явственно обрисовалась новая полоса, знаменующая еще один шаг в том же направлении, которое *можно назвать направлением к буржуазной монархии.* В тесной связи с этим шагом стоит и III Государственная дума и наша современная аграрная политика. Новая полоса, таким образом, отнюдь не случайность, а своеобразная ступень в капиталистической эволюции страны».[2]

В подобных «отступлениях» от Ленина обвиняет меня Дубровский. По мнению Дубровского выходит, что противоречие между буржуазией и царизмом обострялось после 1905 г. Классовые противоречия после пятого года в России конечно обострялись, но не классовые противоречия между буржуазией и царизмом. Мнение Дубровского, — это ультраменьшевистская точка зрения. Это значит, что буржуазия сохранила революционную роль даже после пятого года.

---

[1] Этот отзыв по «недосмотру» имел подпись проф. Лященко. Стоило много труда установить, что настоящим автором отзыва является С. М. Дубровский... **«Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам» (Шекспир, Гамлет).**

[2] *Ленин*, Соч., т. XI, ч. 2, изд. 1923 г., стр. 239. Курсив мой — *И. Л.*

Дальше я хочу процитировать еще одно место из того же отзыва на мою книжку, где Дубровский пишет:

«Если учесть, что столыпинским законодательством была охвачена только 1/10 часть деревни, то на долю его влияния можно было бы отнести вряд ли больше этой одной десятой».

Это место, по-моему, может вызвать у всякого грамотного марксиста только одно недоумение.

Оставляю совершенно в стороне то, что Дубровский глубоко не прав: столыпинщиной были затронуты не 1/10, а 1/3 всех крестьянских хозяйств. Не в этом суть, суть — в арифметическом подходе Дубровского, в его антидиалектичности.

Что сказали бы вы по адресу того экономиста-историка, который вздумал бы написать: освобождение крестьян касалось только 1/3 населения России (это верно. В 1861 г. крепостных было 20 млн, а население России равнялось 60 млн), поэтому на долю влияния освобождения можно отнести вряд ли больше 1/3 всех перемен, имевших место после реформы 1861 г., и напрасно поэтому все историки утверждают, что реформа знаменует собой новую эпоху во всей экономике России.

Что сказали бы вы по адресу подобного историка?

Товарищи, вот в этом месте выступает Дубровский как настоящий стопроцентный механист, ничего не понимающий в диалектике, для которого арифметика — это все, а диалектика — ничто.

Взгляды Дубровского не имеют ничего общего ни с марксизмом, ни с ленинизмом. Он не понимает ленинского учения о движущих силах революции, ему чужда теория Маркса об общественных укладах.

На фронте исторической науки нам предстоят еще большие бои с разными извратителями марксизма-ленинизма. Эти бои мы должны вести по-большевистски, применяя метод пролетарской самокритики, не взирая на лица.

ТИХОМИРОВ, М.

Я хотел остановиться на тех доказательствах, которые приводит Дубровский для того, чтобы доказать, что крепостничество является отдельной общественно-экономической формацией. Первое доказательство, которое он приводит, он называет «самой сокровенной тайной феодализма», которую он открывает в следующих словах Маркса:

«Непосредственные отношения собственников условий производства (в данном случае земли) с непосредственным руководителем».

Вполне понятно, если мы зададимся вопросом: а что, эта сокровенная тайна, не присуща ли она в равной степени крепостничеству? И мы должны сказать, что непосредственные отношения между землевладельцем и производителем существуют и в эпоху крепостничества. Поэтому понятно, что никакого отличия между феодализ-

мом и крепостничеством в том смысле, как старается это доказать Дубровский, нет.

Второе доказательство Дубровского: он говорит, что феодальный способ производства предполагает соединение сельского хозяйства и домашней промышленности. Задаваясь вопросом, является ли это правильным, мы отвечаем, что да; но характерно ли это только для феодализма или то же явление мы наблюдаем и при крепостничестве? Безусловно, так. Так что и второе доказательство отличия крепостничества от феодализма на самом деле рушится. Перехожу к третьему доказательству, которое приводит Дубровский. Он, останавливаясь на форме государственной власти в эту пору, говорит, что государственная власть в эпоху феодализма децентрализована, а в эпоху господства крепостничества существует абсолютная монархия. Тем самым он устанавливает довольно известную антитезу, которая применяется в целом ряде популярных учебников.

Сам Дубровский указывает на второстепенный характер этого признака, но тем не менее он его применяет. Как вам известно, теория децентрализации государственной власти в эпоху феодализма ведет свою историю от Гизо. Но за последнее время, хотя бы Петрушевский в своей статье в сборнике в честь Кареева, становится на другую точку зрения и начинает доказывать, что в эпоху феодализма существует централизация государственной власти. Но ни то ни другое не является правильным.

Если мы будем рассматривать вопрос о вотчиннике как носителе государственной власти, то увидим, что вотчинная юрисдикция характерна и для феодализма и для крепостничества. Так что чем-либо существенно новым в этом смысле феодализм не отличается по сравнению с крепостничеством.

Маркс неоднократно указывает на то, что монархия есть феодальное образование. Он говорит:

> «Объединение более значительных областей в феодальные королевства являлось потребностью как для земельного дворянства, так и для городов. Поэтому повсюду во главе организации господствующего класса — дворянства — имелся монарх». [1]

Нельзя конечно говорить о том, что в эпоху крепостничества существует только один вид государственной власти — абсолютная монархия. Мне хотелось бы привести слова Ленина, которые указывают, что в эпоху крепостничества существует не только монархия, но и республика.

> «Крепостное общество всегда было более сложным, чем общество рабовладельческое. В нем был большой элемент развития торговли, промышленности, что вело еще в то время к капитализму. В средние века крепостное право преобладало. И здесь формы государства были разнообразны, и здесь имеем и монархию и республику, хотя гораздо более слабо выраженную, но всегда господствующими единственно признавались только помещики-крепостники». [2]

Таким образом мы видим, что абсолютная монархия совсем не является единственной государственной формой в эпоху крепостни-

---

[1] Архив Маркса и Энгельса, I, стр. 256.
[2] «Правда», 1929 г. № 15, Лекция о государстве.

чества, что в эту эпоху могут существовать и другие государственные формы. В самом деле, если мы возьмем Польшу и Московскую Русь XVII — XVIII вв., то разница государственного устройства, несмотря на то, что обе страны базировались на крепостничестве, является очевидной.

Четвертое доказательство Дубровского заключается в том, что якобы при феодализме господствует рента продуктовая, а при крепостничестве — отработочная. В сущности в этом заключается гвоздь теории Дубровского. Правда, он делает две оговорки: он указывает, во-первых, на разнообразие форм ренты в конкретной действительности и, во-вторых, что сама по себе рента продуктами отнюдь не определяет феодализма. Но он дальше говорит, что определение феодализма оказывается правильным тогда, когда рента продуктами сочетается с определенным способом производства, но с каким способом производства, он об этом умалчивает.

Основной гвоздь теории Дубровского заключается именно в том, что в эпоху крепостничества он уделяет основное внимание существованию барщины, а в эпоху феодализма — существованию оброка. На стр. 66 Дубровский указывает, что в XIV — XVI вв. преобладала рента продуктами и денежная рента, а в XVII — XVIII вв. — рента отработочная. Но это вопрос для XIV — XV вв. в высшей степени недоказанный, и когда Минц доказывал обратное, он точно также ничего не доказал, потому что этот вопрос совершенно не изучен и изучать его придется на большом количестве материала.

Если взять эпоху XVII — XVIII вв., то здесь совершенно отчетливо вырисовывается географическое разделение труда. Нельзя сказать, что было господство отработочной системы или оброка. Существует две системы крепостного хозяйства, и они сохраняются вплоть до крестьянской реформы. Я думаю, что говорить голословно о господстве той или иной формы ренты, не основываясь на фактическом материале, нельзя.

Если мы возьмем целый ряд фактических данных, то увидим, что в этой области, в самые глубокие времена мы наблюдаем и оброк и барщину. Если взять знаменитую грамоту митрополита Киприана в 1391 г. Константиновскому монастырю, Владимирской губ., то здесь мы увидим начатки барщинной обработки игуменского участка и оброка в виде добровольных даяний игумену.

Если это сравнить с другой грамотой тому же монастырю в 1602 г., то в форме ренты особых изменений по существу не наблюдается. Точно так же грамота указывает на барскую запашку; в эту пору отмирает целый ряд повинностей, связанных с охотой и рыболовством, но, с другой стороны, выдвигается гужевая повинность, связанная с ростом товарно-денежных отношений в эту пору. Точно так же, наряду с барщиной, существует оброк «по полтине с выти». Если мы сравним состояние крестьянской повинности 1391 г. и 1602 г., то особых изменений с точки зрения форм ренты мы не заметим.

Пятое доказательство, которое приводит Дубровский: он указывает, что при феодализме крестьянин формально свободен, а при крепостничестве — закреплен. Прежде всего тут можно было бы

привести очень много цитат из Маркса, где он указывает, что главной формой собственности в феодальную эпоху является земельная собственность и связанный с ней труд крепостных.

Если мы зададим вопрос — существует ли конкретно при феодализме свободный крестьянин, то безусловно он существует. Существование не только свободного крестьянства, но и рабского труда вполне понятно в эпоху господства феодального способа производства. Однако основным является подчинение крестьян. Существует закрепощение крестьянства в основной массе, несмотря на то, что есть элементы свободного труда и элементы рабского труда.

В XVII в. у нас бытуют три формы обработки земли — первая форма — холопская запашка, которая существовала с древнейших времен; дальше существует — вольнонаемный труд, в виде монастырских детенышей, обрабатывающих пашню; существует барщинный труд. Так что можно сказать, что в конкретной действительности в эпоху феодализма—крепостничества мы можем встретиться с целым рядом моментов, указывающих, что существует и свободный и крепостной труд, но в основе крестьянство является закрепощенным. Говорить о формальной свободе неправильно, потому что вся история образований феодальной собственности как раз основана на прямом насилии над крестьянством, она представляет собою историю захвата крестьянской земли феодалами, которые устанавливают повинность на крестьян.

Так что ставить вопрос о формальной свободе и исходить из нее как из отличительного признака феодализма по сравнению с крепостничеством нельзя.

Неправ Дубровский, указывая, что классы феодального общества совершенно отличны от классов в эпоху крепостничества. Вполне понятно, что это вытекает из всей концепции Дубровского, но это не делается от этого правильным. Нельзя так ставить вопрос, что между крестьянством феодальным и между крестьянством крепостническим существует такая разница, которую он указывает на стр. 93 — 94, так же, как и между классом феодалов и классом крепостников.

Понятно, что доказать подобное различие Дубровский едва ли мог. Действительное различие между феодализмом и крепостничеством лежит не там, где ищет его Дубровский.

Дубровский указывает, что в эпоху крепостничества торговый капитал делает значительный шаг вперед по сравнению с феодализмом. Это верно. Но когда сравнишь все те доказательства, которые приводит Дубровский с тем, чтобы доказать, что крепостничество есть отдельная формация, и когда видишь, что все эти доказательства друг другу противоречат и отпадают, то в конце концов что остается для того, чтобы утверждать, что крепостничество является отдельной формацией.

Остается только роль торгового капитала, та роль, против которой Дубровский выступает в другом месте в своей книге.

В вопросе о роли торгового капитала не нужно впадать в две ошибки. Первая ошибка, когда торговый капитал рассматривается

как самостоятельная общественно-экономическая формация, — взгляд, который имеет непосредственную преемственность от Богданова.

С другой стороны, нельзя недооценивать роль торгового капитала и нельзя рассматривать его роль только как разлагающую.

Надо припомнить, что роль торгового капитала в эпоху перехода от феодализма к капитализму в известных случаях была и ролью консервирующей. Маркс писал в «Нищете философии»:

«Чтобы правильно судить о феодальном производстве, надо рассматривать его как способ производства, основанный на антагонизме. Нужно показать, как создавалось богатство в этой основанной на антагонизме среде, как параллельно с развитием борьбы классов развивались производительные силы...»[1]

Этого момента развития в работе Дубровского мы не видим, и в этом заключается основная ошибка, которая привела Дубровского к неправильной схеме.

КУНИССКИЙ, С.

Проблема соотношения феодализма, крепостничества и торгового капитала есть проблема в значительной части методологическая. В этой стадии нашей дискуссии решить ее цитатами, даже ассортиментом хорошо подобранных цитат, как это было сделано Минцем, или парой фактов — не удастся.

В вопросе относительно классификации проблема уклада и формации не имеет основного значения. Как здесь было правильно подмечено Ломакиным, у Ленина по существу единого ответа на этот вопрос нет, т. е. у него нет такого понимания, которое было бы абсолютно идентичным на всех стадиях его идейного развития. Это даже при беглом чтении Ленина бросается в глаза.

Даже если признать, что Дубровский прав, т. е. что он говорит в своей книжке об укладах, а не об общественных формациях, то поднимается очень существенный вопрос. Если вы ставите вопрос относительно уклада и говорите, что господствующий уклад определяет формацию, то вся история общественного развития должна проделать ряд таких стадий, при которых эти десять укладов, о которых вы говорите, должны были бы быть господствующими. Таким образом дело не меняется от того, что вы будете говорить вместо «общественная формация» «уклад» потому, что на протяжении всей истории вы должны будете неизменно встречать такие формации, при которых тот или иной из ваших укладов будет господствующим. Если же вы признаете, что некоторые из тех укладов, о которых вы говорите, в истории не играли господствующей роли, т. е. что были такого рода общественные формации, когда ни один из перечисляемых вами укладов не был господствующим, то тогда извольте это особо оговорить.

Поскольку вы этого не делаете, сам собою поднимается вопрос, что все ваши десять укладов на протяжении всей истории развития

[1] *Маркс*, Нищета философии, стр. 117—118.

были в тот или иной период господствующими. С этой точки зрения позволительно спросить, куда же вы приткнете строй мелких производителей, который фигурирует у вас не в качестве общественной формации, а в качестве господствующего уклада? Какова же та общественная формация, где господствует строй мелких производителей? — Такой общественной формации вы не найдете, или вы должны будете признать, что такой строй мелких производителей свойственен феодализму, т. е. что феодализм имеет двоякого рода господствующие уклады.

Поэтому, даже вставши на вашу точку зрения, что господствующий уклад определяет ту или иную общественную формацию, приходится признать, что десять господствующих укладов представляют собою десять общественных формаций, и вы за эти уклады не спрячетесь.

Но этого недостаточно. Вы ставите в один ряд мелких производителей, феодализм, крепостничество; совершенно, естественно спросить: допустимо ли методологически признать строй мелких производителей особым укладом, на ряду с феодализмом и крепостничеством.

Основная беда заключается в том, что в вашей классификации проходят перед нами самые разнообразные общественные формы, которые все вдвинуты однако в одну схему.

Я не говорю уже относительно того, что вы выделяете коммунизм и социализм как две равнозначащие общественные формации или господствующие уклады, что просто непонятно: ибо та историческая литература, которая нам известна, делает между социализмом и коммунизмом различие только в двух плоскостях: во-первых, в области распределения и, во-вторых, в области отмирания государства; но это не дает права говорить о них как о двух различных общественных формациях.

Поэтому ваша классификация от начала до конца не выдержана. У Маркса вы насчитываете максимум пять формаций: у него ни в коем случае коммунизм и социализм не фигурируют как отдельные формации, и во всяком случае строй мелких производителей не является для него отдельной формацией.

В классификации Дубровского есть еще один органический порок. В ней нет единого принципа, с точки зрения которого произведено деление. Всякая классификация, поскольку она претендует на то, чтобы быть научно точной, должна иметь единство принципа.

Дубровский пытался положить в основу своей классификации смену различных форм ренты, но это не соответствует методу Маркса, не соответствует наконец вашему собственному желанию, потому что вы сами хотели положить в основу определенный способ производства, а рента совсем не есть способ производства. Не приходится выяснять, что рента есть только особая форма распределения произведенной прибавочной стоимости или прибавочного продукта. Барщинная или отработочная рента, как вы ее не называйте, ни в коем случае, методологически не отличается от других форм ренты с точки зрения способа производства. Различие лежит только в области

распределения прибавочного продукта или прибавочной стоимости. Поэтому единства принципа в вашей установке нет.

Если же вы в другом месте пытаетесь положить в основу соединение земледелия с мелкой домашней промышленностью, то это соединение вы находите и при феодализме, и при крепостничестве, и при так называемом «азиатском» способе производства. Но надо понять, что, положив эту хозяйственную форму в основу и феодализма, и крепостничества, и азиатского» способа производства, вы утрачиваете возможность выделить крепостничество в качестве особой общественной формации, потому что подымается вопрос о том, чем же феодализм отличается от крепостничества, если и тот и другой имеют один и тот же способ производства, не говоря о том, что вообще класть только эту форму, только соединение земледелия с мелкой домашней промышленностью или натуральным хозяйством в основу— значит по существу сказать очень мало, потому что это слишком обще, а раз это слишком обще, то совершенно неопределенно.

Можно сказать, что феодализм в основе есть натурально-хозяйственная система, но так сказать о феодализме — значит ничего не сказать, потому что это слишком обще. Феодализм характеризуется вовсе не одним этим, и с этой точки зрения вы можете найти сейчас феодализм во всех уголках земного шара.

Что такое общественная формация? Мне кажется, что, когда мы говорим об общественной формации, мы должны прежде всего иметь в виду следующее обстоятельство: это есть некое единство.

Общественная формация это есть монистическая система, это есть комплекс общественных явлений, которые проникнуты известным внутренним единством. Это есть система, которая развивается согласно определенным закономерностям.

Производство является для данной формации моментом определяющим, но именно потому, что это есть общественно-экономическая формация, именно потому, что формация является известным единством, этого недостаточно. Для того чтобы понять ее во всей ее сложности, необходимо также выяснить и все те надстройки, которые, правда, зависимы от этого способа производства, но имеют в известном смысле самостоятельное существование и могут оказывать обратное воздействие на базу.

Поэтому, когда Дубровский хочет положить в основу только способ производства при определении общественно-экономической формации, то этого недостаточно. Определить общественно-экономическую формацию во всей ее сложности можно, только сочетав все то, что выросло на этой базе.

Поэтому для того, чтобы понять общественно-экономическую формацию важен не только способ производства, важна также возникающая на этой основе общественная структура, важны формы классовой борьбы. Каждой общественной формации свойственны особые формы классовой борьбы, так же как и особые формы общественного сознания. Если вы говорите только о способах производства, говоря об общественной формации, то вы даете один из решающих принципов, который определяет всю структуру производитель-

ных сил, но вы этим не даете исчерпывающей картины всей общественно-экономической формации.

Нечкина. — Картина одна, а принцип другой.

Кунисский. — Но именно потому, что вы говорите об общественно-экономической формации, вы должны говорить не только о базе, но и о всем том, что на этой базе возникает. В данном случае, речь идет не относительно того, что является базой, — это азбучная истина — не относительно того, что является определяющим принципом, а относительно того, *как* определять общественно-экономическую формацию, и я утверждаю, что для этого одного способа производства недостаточно. Это один из признаков, очень существенный, но не единственный.

Если вы подойдете к крепостничеству в понимании Дубровского с этой точки зрения, то вы не найдете никакого признака, который позволил бы говорить о том, что крепостничество является особой общественной формацией.

Что же такое крепостничество? — Это есть своеобразная форма внеэкономического принуждения, связанная с барщиной (но не обязательно), появляющаяся в условиях товаризации сельского хозяйства и усилении его интенсификации на основе эксплоатации крестьянства.

Так понимая его, мы должны притти к тому выводу, что крепостничество может существовать как в условиях феодализма, так и в условиях торгового капитала. В условиях феодализма, крепостничество появляется не на первых его ступенях; на более ранних ступенях феодализма крестьянин еще свободен, и в этом отношении Дубровский прав.

Крепостничество появляется при дальнейшем развитии феодализма.

Нечкина. — А феодальная зависимость?

Кунисский. — Поскольку вы говорите относительно генезиса феодализма, вы имеете дело со свободным крестьянином, а когда феодализм достигает своего апогея, он характеризуется появлением крепостнической зависимости. Но я повторяю, крепостная зависимость характерна не для одного феодализма. Так называемый рецидив крепостничества есть явление, характерное для торгового капитала. Это еще большой вопрос, на каких стадиях крепостничество принимает застывшую форму и когда оно носит более интенсивный характер: в условиях ли феодализма или в условиях торгового капитализма.

Крепостничество это не есть общественная формация. Это есть своеобразная хозяйственная форма, которой свойственно появляться и при феодализме и при торговом капитализме.

Диктатура крепостников не является чем-то самодовлеющим; она является своеобразной формой господства капитала уже в условиях рецидива крепостничества. Такое понимание дается М. Н. Покровским, и надо иметь мужество признать, что если вы хотите отказаться от этой точки зрения, то вы хотите ревизовать точку зрения Покровского. Я не возражаю против этого; к ревизии точки зрения Пок-

ровского вы можете приступить, но тогда заявите об этом открыто, а не пытайтесь навязывать Покровскому то понимание, которое вам нравится.

Голос с места. — Он сам отказался от этого.

Кунисский. — Понимание самого торгового капитала и диктатуры крепостников как особой формы господства торгового капитала есть понимание Покровского. Если можно говорить о том, что Покровский создал школу, то, во-первых, такого рода марксистским пониманием крепостничества и, во-вторых, тем, что он интерпретировал русский исторический процесс с точки зрения развития торгового капитала.

Толмачев. — Да он отказался от этого.

Кунисский. — Вы меня не убедите в том, что Покровский отказался от той точки зрения, которую он защищал с тех пор, как стал марксистом. Но даже если это так, то надо сказать, что бывают такие минуты, когда знамя выпадает из рук знаменосцев и его поднимают другие, если сам знаменосец его не хочет поднять. Так что этот довод меня нисколько не убеждает.

Толмачев. — Да здравствует знаменосец Покровского!

Кунисский. — Я повторяю. Если правильно утверждение Толмачева о том, что Покровский сам ревизовал свою точку зрения, если он отказался от того, что самодержавие есть одна из политических форм, связанных с господством торгового капитала...

Голоса с места. — Отказался.

Кунисский. — Если он от этого отказался, то в этом случае я применяю аллегорию с знаменосцем.

Толмачев. — Значит вы стали знаменосцем ошибок.

Кунисский. — Я не допускаю мысли, что Покровский отказался от той концепции русского исторического процесса, которая была созданием его жизни и в известном смысле создала его школу. В целом ряде отдельных вопросов Покровский мог ошибаться тем более, что он работал над своим четырехтомником за границей не на основании архивного материала, и он сам от отдельных ошибочных своих выводов отказался, но основные принципы его остались, своеобразная концепция русского исторического процесса осталась. Если вы хотите ее ревизовать, — заявите об этом открыто.

Теперь о пресловутом торговом капитале. Я торговый капитал не признаю за особую общественно-экономическую формацию. Если я где-нибудь это утверждал, то готов в этом покаяться. Если я в отношении торгового капитала употребил где-либо термин «общественно-экономическая формация», то это было неосторожным употреблением термина, но повинен в этом не я один.

Как понимать торговый капитал? Торговый капитал есть одна из стадий в развитии капитализма.

Голос с места. — А кооперацию куда девать?.

Кунисский. — Если хотите — это предкапитализм, это — ранняя фаза в развитии капитализма. Такова диалектика исторического процесса, что торговый капитал является одной из форм капитала тогда, когда самого капиталистического способа производства еще нет.

Я вам сейчас покажу, что Маркс говорит относительно торгового капитала как особой форме, которая предшествует самому капиталистическому способу производства и создает для него предпосылки его развития. С этой точки зрения стадия торгового капитала частично совпадает с эпохой первоначального накопления. Торговый капитал создает предпосылки для развития капиталистического способа производства, создает рабочую силу; капитал и этот процесс создания основных условий развития капиталистического способа производства есть эпоха торгового капитала.

Голос с места. — Это богдановщина.

Кунисский. — Не наклеивайте так поспешно ярлыков.

Почему нельзя назвать торговый капитал общественно-экономической формацией? — По той причине, что здесь нет адэкватного ему способа производства, но он использует, эксплоатирует и разлагает старые способы производства, созданные до него, причем разложение происходит в особых условиях. В античной истории торговый капитал играл роль «разлагателя» в наименьшей степени потому, что там не было предпосылок для появления капиталистического способа производства. Там он играл роль консервирующего элемента. А там, где они есть, там торговый капитал выполняет свою роль элемента, разлагающего прежние формы производства; но он не создает новых способов производства, а между тем определяющим для понимания общественно-экономической формации является ее способ производства. Поэтому это не дает нам права говорить о торговом капитале как об особой общественно-экономической формации.

Но во всяком случае эпоха торгового капитала это есть длительная, переходная эпоха, которая создает элементы и условия капиталистического производства.

Я вам оглашу две наугад взятых у Маркса цитаты, подтверждающие такое понимание торгового капитала:

> «При капиталистическом производстве купеческий капитал от своего *прежнего самостоятельного существования* спускается до такой роли, когда он является лишь особым моментом применения капитала вообще»....
>
> «*На подготовительных ступенях капиталистического способа производства торговля господствует над промышленностью,* в современном обществе наоборот» [1]

Следовательно торговый капитал играет на ранних ступенях развития самостоятельную роль. Это значит, что была длительная эпоха, когда купеческий капитал был капиталом par excellence.

> «Не представляет ни малейших затруднений понимание того, почему купеческий капитал является исторической формою капитала задолго до того, как капитал подчинил себе самое производство». [2]

Именно так, а не иначе, можно понимать роль торгового капитала; это не есть особая общественно-экономическая формация, но это есть особая эпоха, длительная, переходная, предшествующая появлению капиталистического способа производства. Он создал особую форму

---

[1] Капитал, т. III, стр. 311.
[2] *Там же*, стр. 311.

государства. Попробуйте отрицать, что создание концентрированной монархии не есть дело торгового капитала.

Толмачев. — Покровский другое говорит.

Кунисский. — Когда?

Толмачев. — Весной этого года он говорил, что абсолютизм есть диктатура крепостников плюс торговый капитал.

Кунисский. — Я не полагаюсь на цитирование Толмачева, но повторяю, что в данном случае и это не является решающим моментом.

Что касается мануфактурной стадии, как одной из стадий в развитии торгового капитала, предшествовавшей появлению промышленного капитализма, то об этом можно говорить; но если захотеть придать мануфактуре как таковой решающее значение, то это значило бы впасть в противоречие и с Марксом и с фактами экономической истории.

Мануфактура нигде и никогда не была господствующим фактором экономической жизни.

«Вместе с тем мануфактура не могла ни охватить общественного производства во всем его объеме, ни преобразовать его в самой его основе. Как экономический кунстштюк возвышалась она на широком основании городского ремесла и сельской домашней промышленности.[1]

Слова Маркса подтверждают тот факт, что мануфактура не играла никакой самостоятельной роли, и поэтому говорить о длительном и самостоятельном периоде мануфактуры нельзя.

ФРИДЛЯНД, Ц.

Вопросы, поднятые в нашей дискуссии о книге Дубровского, касаются не одной какой-либо частной проблемы исторического исследования, а общих вопросов хозяйственного развития капиталистической Европы. Речь идет об основных спорных вопросах истории капитализма. Не удивительна поэтому та страсть, которая внесена нами всеми в эту дискуссию. Мы защищаем марксистско-ленинские взгляды на ход хозяйственного развития от механистических извращений. Дубровский взял на себя большую и ответственную задачу: он хочет сказать новое, дать другую схему хозяйственного развития, чем та, которую мы находим у классиков научного социализма, и, как это принято, он прикрывает свое «открытие» утверждением о реставрации подлинных взглядов Маркса и Ленина. Конечно и «один в поле воин», но пусть Дубровский не досадует, если мы в дискуссии с ним не обращаем внимания на сентименты, на частности, а ведем борьбу так, как это полагается сторонникам Маркса и Ленина, — решительную борьбу против всяких попыток извращения марксистской методологии истории. Да впрочем и сам Дубровский не знает «жалости», и пускает в ход против нас нередко обвинения, по своему «изяществу» напоминающие отслуживший трактор... В самом деле, ведь он

---

[1] Капитал, т. I, стр. 347.

считал для себя возможным в дискуссии в Комакадемии обвинить меня в том, что я считаю Петрушевского марксистом, а Зоркого в том, что он «не принимает лозунга диктатуры пролетариата».

Борьба вокруг вопроса о путях капиталистического развития современной Европы, так называемый вопрос о генезисе капитализма, является центральным во всей современной, не только русской, но и западно-европейской исторической литературе. Этому вопросу посвящены исследования Допша, Перена, Зомбарта, Кунова и многих др. Основным в методологической установке всех этих авторов, представителей буржуазной историографии, является борьба с учением Маркса о диалектических путях хозяйственного развития. В самом деле, Кунов, вслед за Допшем, во «Всеобщей истории хозяйства» устанавливает следующий исходный пункт своего исследования:

«В течение неизмеримо долгого времени развивалось человеческое хозяйство, восходя в своем поступательном движении от незначительных простых начатков удовлетворения потребностей ко все более высоким его формам. В ходе этого длительного развития одна форма хозяйства все время с внутренней необходимостью вырастает из другой и тем самым воспринимает многочисленные остатки этой последней и многообразные импульсы дальнейшего развития. Таким образом хозяйственное развитие, как оно проходило в главных своих чертах до сих пор, представляет собою внутренне спаянный, причинно обусловленный последовательный процесс, некое становление, в котором в связи с прежними формами возникают все новые образования».

Допш выражает эту мысль яснее, говоря о том, что история хозяйственного развития — это не есть борьба противоречивых хозяйственных систем, а *сосуществование* прямо противоположных хозяйственных систем в едином хозяйстве. Этот антидиалектический взгляд на историю экономического развития воспринят и русскими последователями буржуазной историографии. Так, в книге Преображенского «Курс этнологии» та же мысль выражена следующим образом:

«Вместо единой линии развития (при исследовании истории хозяйства — *Ц. Ф.*), мы имеем перед собою чрезвычайно пеструю картину хозяйственных форм, тяготеющих к известного рода идеальным, типическим понятиям, которые наука употребляет для того, чтобы классифицировать эти формы».

Такими идеальными, типическими понятиями являются: капитализм, натуральное хозяйство, государство и т. д.

Естественно, что буржуазная историография отрицает и второе основное положение марксизма — учение об общественных формациях. Что центральной мыслью марксистского и ленинского понимания исторического процесса является учение о социально-экономических формациях и учение о диалектике исторического процесса — прекрасно понимает и такой далекий от марксизма философ как Трельч. В своей книге «Der Historismus» анализу учения Маркса об общественных формациях он уделяет большое внимание. Мы помним, как Ленин сформулировал свои взгляды на социально-экономическую формацию и ее роль в истории. Ленин утверждает:

«теория же классовой борьбы потому именно и составляет громадное приобретение общественной науки, что устанавливает приемы сведения индивидуального к социальному с полнейшей точностью и определенностью. Во-первых, эта теория выработала понятие *общественно-экономической формации*, взявши за исходный пункт основной для всякого человеческого общества факт — способ добы-

вания средств к жизни»... Во-вторых, эта теория указала нам ту *основу* общества, которая облекается политико-юридическими формами и известными течениями общественной мысли. Каждая такая система производственных отношений является, по теории Маркса, особым социальным организмом, имеющим свои особые законы своего зарождения, функционирования и перехода в высшую форму превращения в другой социальный организм».

Социально-экономическая формация является отправным пунктом нашего исследования, но не как идеально типическое образование, а как реально существующая в каждую данную историческую эпоху система социально-экономических отношений и соответствующая им система политических и идеологических «надстроек». Реально существующая в истории социально-экономическая формация отнюдь не отменяет всего своеобразия исторического процесса каждого данного периода каждой данной страны. Задача историка сводится к тому, чтобы на основе анализа конкретного материала показать, как развивается данная формация, как она зарождается, переходит из одной в другую, как самое это развитие формации является результатом борьбы противоречивых сил внутри ее, внутренних противоречий, *движущих эту формацию вперед*. Именно в этом смысле Маркс одобрительно отозвался об известной рецензии Кауфмана на «Капитал», в которой русский экономист отмечает, что для Маркса, «важно найти закон явления», при этом для него важен «не только закон, управляющий этими явлениями, пока они имеют известную форму и пока они находятся в том взаимоотношении, которое наблюдается в данное время,— для него еще важен сверх того закон их изменчивости, их развития, т. е. перехода от одной формы к другой, от одного порядка взаимоотношений к другому». Этот переход есть переход количественных изменений в качественное своеобразие, от одной эпохи к другой. Словом, история в данном случае изучает «закон движения, развития перехода формации» в историю. В этом и заключается решающее отличие марксистского подхода к изучению прошлого от взглядов всех группировок буржуазной историографии «справа налево».

Нужно прямо сказать, что книга Дубровского является расплатой за наши общие грехи. Дубровский прав, утверждая, что собственно напрасно кроем мы только его одного. Сильным оружием его является утверждение, что—«давайте пороемся в ваших книгах, и мы найдем там немало ошибок». Да, Дубровский прав. Его книга есть расплата за наш общий нигилизм в вопросах методологии истории, за то, что до сих пор мы этими проблемами не занимались. Ведь любопытно, что первый человек, который в литературе последнего времени занялся вопросами «исторического материализма, как науки» и поставил на обсуждение проблемы общественно-экономической формации в учении Маркса, Энгельса и Ленина, был философ (Н. Карев), но не историк. Однако если мы к вопросу о диалектике в ее применении к историческому процессу будем относиться не формально, а серьезно, то мы здесь вынуждены будем признать, что книга Дубровского является наиболее ярким образцом механистического грехопадения марксиста. В самом деле, попробуем выявить методологическую сердцевину работы Дубровского, по крайней мере так,

как он сам представляет себе методологию своего исследования.

В разделе его книги «Марксистский метод в изучении докапиталистической формации» мы читаем, что Маркс дал нам, собственно говоря, анализ только одной капиталистической общественной формации, что задача наша сводится к тому, чтобы, пользуясь методом диалектического материализма, развитым Лениным, на материале России исследовать производственные отношения и их эволюцию в других странах с значительным преобладанием докапиталистических производственных отношений. Но, употребляя термин «метод диалектического материализма», Дубровский в этой главе, как и в последующих главах, совершенно игнорирует диалектику истории общественных формаций.

Эта диалектика отнюдь не сводится конечно к триаде в гегелевском смысле слова, а к конкретным особенностям реального исторического процесса.

В самом деле, в его книге, в разделе «феодализм и его сочетания с другими укладами», мы находим следующую любопытную формулировку методологических задач, стоящих перед ним как исследователем:

«Когда мы говорим, о натуральности феодального строя, то эту натуральность нужно понимать *относительно*. Если взять *абсолютно* натуральное хозяйство первобытного общества и взять *абсолютно* товарное хозяйство развитого капитализма, когда и рабочая сила превращается в товар и все производство является товарным, то, разумеется, на пути от первой крайности ко второй мы будем иметь бесконечный ряд *различных вариаций*».[1]

Итак, для Дубровского хозяйственное развитие от «абсолютно натурального хозяйства» к «абсолютно развитому хозяйству» имело различные варианты. «Неудачное ли это выражение, или, что гораздо более вероятно, основной методологический грех всей установки Дубровского, которая совершенно не интересуется проблемами диалектики в их применении к конкретному историческому процессу, мы увидим в дальнейшем. Здесь отметим только, что именно этот нигилизм в методологических вопросах, это явное предпочтение механистических взглядов на историю диалектическим объясняет нам в конечном счете, почему Дубровский, говоря об эволюции барщинного хозяйства, приходит к следующему выводу:

«Развитие крепостного хозяйства по сравнению с феодальным означает новые этапы развития *торгового капитализма*, новый шаг в развитии денежного и товарного хозяйства...» (Курсив мой. — *Ц. Ф.*)

Это, по мнению Дубровского,

«создает предпосылки для распада докапиталистического хозяйства, для его перехода в капиталистическую систему часто через целый ряд промежуточных форм».

Иначе говоря, для Дубровского основное — борьба феодальных и капиталистических отношений, *борьба двух противоречивых систем* не является решающим вопросом исследования. Он говорит о «развитии крепостного хозяйства *по сравнению* с феодальным», что озна-

---

[1] *С. Дубровский*, цит. брошюра, стр. 67, курсив мой. — *Ц. Ф.*

чает, по его мнению, шаг вперед в сторону развития капитализма, «торгового капитализма»... И это в то время, как всю заслугу своего открытия Дубровский видит в том, что он опроверг «систему торгово-капиталистической формации»...

Но здесь, забегая несколько вперед, мы скажем, между Дубровским, отрицающим тоговый капитализм, как особую общественную формацию и нашедшим между феодализмом и капитализмом свою собственную, крепостническую формацию, и теми, кто, идя вслед за Богдановым, настаивают на торговом капитализме как особой общественно-экономической формации, принципиальной разницы *нет*. И Дубровский и сторонники «торгового капитализма» одинаково в своем понимании процесса хозяйственного развития не идут дальше вульгарных представлений буржуазной историографии, не понимающей основного — процесса борьбы противоречивых хозяйственных систем — феодализма и капитализма, борьбы, являющейся движущей силой не только в деле возникновения, но и развития капиталистической системы. Именно здесь следовало бы обратить внимание на то, что ряд противников Дубровского, отрицающих вновь им «открытую» крепостническую формацию, впадают в другую крайность, которая открывает Дубровскому их «слабые места» и служит в его руках лишним оружием самозащиты. В самом деле, когда в своих тезисах Минц решительно настаивает на том, что в тех отношениях, которые существовали в Европе XV—XVI вв., мы имеем только «возникновение старых, т. е. феодальных, отношений», поскольку он в соответствующем месте своего доклада утверждает, неправильно толкуя Маркса,— что эта переходная стадия от феодализма к капитализму «*не вносит ничего нового*» в хозяйственные отношения по сравнению с *феодальными отношениями*, он тем самым дает Дубровскому, на основании конкретных фактов прошлого, право утверждать, что его противники допускают глубочайшую ошибку, недооценивают «элементы» капиталистических отношений, которые накоплялись в Европе и разлагали старый феодальный мир...

Маркс и Ленин ставили вопрос в основном иначе. Говоря об эпохе переходной от феодализма к капитализму, они вскрывали не только капиталистические «элементы», разлагающие старые феодальные отношения, но и показали нам то своеобразное сочетание сил, борьбу противоречивых сил, которые в каждый данный исторический момент и в каждой данной стране в своеобразной комбинации создавали реальную картину социально-экономических отношений. Именно, с этой точки зрения Ленин, когда он анализирует барщину и отработки, стремится показать на основе конкретного анализа, как в этой старой системе хозяйственных отношений состязаются за гегемонию элементы феодализма и капитализма. Так, по вопросу о продовольственной системе и капиталистической аренде при анализе крестьянского хозяйства Ленин требует от нас на основе конкретного материала проанализировать капиталистическое перерождение аренды, совершенно точно и конкретно отмечая и выявляя превращение старых феодальных отношений в капиталистические отношения.

Посмотрим, как Дубровский справляется с этой диалектической задачей исследования конкретных хозяйственных отношений. Он прав, определяя общественно-экономическую формацию теми отношениями между людьми, которые складываются под влиянием данных способов добывания средств к жизни, системой производственных отношений. С этой точки зрения он определяет феодализм, как такой способ земледельческого производства, который основан на натуральном хозяйстве непосредственных производителей-земледельцев, когда в их хозяйстве производится прибавочный продукт. Этим феодальным отношениям он противопоставляет «крепостнический способ производства, ставя между ним и барщиной знак равенства. Что же понимает Дубровский под крепостническим способом производства?

«Под крепостническим строем, — пишет он, — мы понимаем *барщинное хозяйство*, производство прибавочного продукта в виде *отработочной ренты*».

Что же дает основание Дубровскому противопоставлять отработки, барщинное хозяйство феодальному и капиталистическому производству? У Ленина, когда он анализирует сущность барщинного хозяйства, мы находим указание, что самое понятие барщинного хозяйства можно изучать только конкретно, исторически...

«Под системой хозяйства, которое мы называем барщинным хозяйством, следует понимать, по мнению Ленина, — такое «собственное» хозяйство крестьян на своем наделе, которое было условием помещичьего хозяйства, имело целью «обеспечение» не крестьянина — средствами к жизни, а помещика — рабочими руками».

Такая система хозяйства предполагает господство натурального хозяйства, требует, чтобы непосредственный производитель был наделен средствами производства вообще и землею в частности, требует, чтобы крестьянин был прикреплен к земле, так как иначе помещику не гарантированы рабочие руки.

«Следовательно способ получения прибавочного продукта при барщине и в капиталистическом хозяйстве, — говорит Ленин, — диаметрально противоположны друг другу: первый основан на наделении производителя землею, второй— на освобождении производителя от земли».

Необходимым признаком барщинного хозяйства является также личная зависимость крестьянина от помещика, т. е. необходимость внеэкономического принуждения. Все эти признаки барщинного хозяйства и определяют ту систему отношений, которая связана с понятием отработочной ренты. При этой системе в ее чистом виде,— дополняет свою мысль Ленин,— мы имеем дело с крайне низким и рутинным состоянием техники. Но Ленин именно потому и диалектик, гениально применяющий диалектику к конкретному анализу исторического процесса, что он не рассматривает барщину как «абсолютный», идеальный тип. Он говорит о том, что сама барщинная система хозяйства мыслима была благодаря отмене крепостного права и что постепенно, изо дня в день, из года в год, в борьбе противоречивых сил намечался переход в другую, прямо противоположную систему хозяйства. Этот переход был результатом не «катастрофы или медленной эволюции, а результатом жесткой борьбы клас-

сов. Процесс этот задерживался и определялся в каждой данной стране и в каждую данную эпоху наличием элементов капиталистического производства.

«Итак, — пишет Ленин, — капиталистическое хозяйство не могло сразу возникнуть, барщинное хозяйство не могло сразу исчезнуть. Единственно возможной системой хозяйства была следовательно переходная система, система, соединявшая в себе черты и барщинной и капиталистической систем». «При всем бесконечном разнообразии форм, свойственном переходной эпохе, — продолжает Ленин, — экономическая организация современного помещичьего хозяйства сводится к двум основным системам в самых различных сочетаниях, именно — к системе *отработочной* и *капиталистической*»...

Не буду продолжать этих цитат, и приведенного достаточно, чтобы показать то, что отличает подход к вопросу Дубровского и подход к вопросу Ленина, то, что сближает Дубровского со всей буржуазной историографией. Ленин прекрасно понимает, что те хозяйственные и социальные отношения, которые создавались в Европе в эпоху постепенного распада феодальных отношений, в эпоху зарождения, роста и созревания нового капиталистического общества, не являются отношениями ни «чисто» феодального, ни «чисто» капиталистического характера. Но это не дает основания ни Ленину, ни Марксу, ни Энгельсу говорить об особой торгово-капиталистической или крепостнической формации. Ленин на конкретном анализе борьбы противоречивых хозяйственных систем в каждый данный исторический момент и в каждой данной стране вскрывает природу социально-экономической формации; Дубровский для понимания хода исторического процесса нуждается в создании особой промежуточной формации.

Интересно, что Кунов в своей хозяйственной истории, — я имею в виду III т. «Всеобщей истории хозяйства» посвященный как раз переходной эпохе от феодализма к капитализму, — избегает постановки и выяснения проблемы формаций; он строит свое исследование таким образом, что распределяет «по географическому признаку» феодальные и капиталистические отношения в Европе. Так, Франция яляется страной натурального хозяйства почти вплоть до самой революции, а Англия, наоборот, страной капиталистического развития, начиная почти с XIII в. И здесь мы видим весьма серьезный ущерб конкретного анализа как результата игнорирования общих «социологических» проблем, отказ от изучения хозяйственной истории на базе социально-экономических формаций, отказ от изучения процессов диалектического развития истории хозяйства.

Дубровский считает заслугой своей книги борьбу с понятием торгово-капиталистической формации. Не подлежит сомнению, что это является положительным фактом (я бы не сказал — положительной стороной книги, потому что Дубровский разрешает этот вопрос далеко не блестяще). По вопросу о роли и значении торгового капитала в историческом процессе он немало напутал. Но задачей сегодняшней дискуссии не является подробный анализ этого вопроса...

Я могу только сказать, что за последнее время мы обнаружили не мало странных и оригинальных теорий в этом вопросе. Так, например, в тезисах по вопросу о роли торгового капитала в истории,

в докладе, прочитанном в университете им. Свердлова, Дроздов пришел к убеждению, что торговый капитал, вообще говоря, не играл никакой роли в историческом процессе. Собственно говоря, эта оригинальная теория является проявлением того же механистического взгляда на историю, представителем которого в настоящее время в нашей среде является Дубровский. Не умея объяснить глубочайших противоречий, создающихся в конкретной исторической среде борьбой двух формаций — феодальной и капиталистической — в переходный период от одной к другой, Дубровский выдвигает новую формацию — крепостническую, взамен старой, торгово-капиталистической, а Дроздов считает возможным обойтись вообще без роли торгового капитала... Мы знаем, что в исторической литературе вокруг 24 гл. I т. Капитала происходила жестокая борьба. Большинство буржуазных исследователей, — у нас в стране Гранат и Савин, — говорили о том, что для Маркса вся проблема хозяйственного развития сводится к вопросу кровавой революции, к «внеэкономическому фактору», к внешней силе по отношению к хозяйственному процессу. Но буржуазные исследователи не заметили, что предпосылкой для вмешательства этого внеэкономического фактора являлся глубочайший процесс хозяйственного развития, который имел место в Европе с XIV по XVI вв. и что только на базе борьбы феодальных и капиталистических отношений в европейском хозяйстве могли проявить себя и проявили факторы «внеэкономического» давления. Совершенно очевидно, что центр тяжести нашего анализа лежит в выяснении *внутренних*, движущих сил хозяйственного прогресса, говоря старыми терминами. Но мы знаем и следующее утверждение Маркса:

«торговый капитал исторически предшествовал образованию промышленного капитала и логически является необходимым условием его образования».

Эту мысль Маркс выразил в III т. Капитала следующим образом:

«В ходе научного анализа *исходным пунктом образования общей нормы прибыли являются промышленные капиталы* и конкуренция между ними, и только позже вносится поправка, дополнение и модификация вследствие вмешательства купеческого капитала. *В ходе исторического развития дело обстоит как раз наоборот. Капитал, который сначала* определяет цены товаров более или менее по их стоимости, есть торговый капитал»... (Курсив мой — *Ц. Ф.*)

«Первоначально торговая прибыль определяет промышленную прибыль, — пишет дальше Маркс. — Только после того, как внедрился капиталистический способ производства и производитель сам сделался купцом, торговая прибыль сводится к такой соответствующей части всей прибавочной стоимости, которая приходится на долю торгового капитала, к соответствующей части всего капитала, занятого в общественном процессе воспроизводства».

Это не значит, что, по Марксу, торговый капитал создает новый способ производства. Совершенно очевидно, что утверждающие это грешат против элементарного представления о марксизме. Торговый капитал сам по себе никакого нового способа производства создать не может, но в ходе борьбы противоречивых элементов хозяйства на первых ступенях развития капиталистического общества «пользование капиталом, особенно, торговым», как пишет Ленин, является решающей силой превращения феодальной деревни и натуральных отношений в капиталистические отношения. Процесс этого превра-

щения. требует внимательного изучения во всем своем конкретном своеобразии.

Я бы хотел дальше обратить ваше внимание еще на одно положение Маркса,— оно даст нам указание на те отдельные ступени, которые проходит развитие капитализма в переходный период от феодализма к промышленному капитализму. В «Развитии капитализма в России» Ленин пишет:

« В том анализе капиталистического производства, который дал автор Капитала, очень важное значение отведено, как известно, торговому и ростовщическому капитализму. Основные положения воззрений Маркса по этому предмету состоят в следующем: 1) Торговый и ростовщический капитал, с одной стороны, и промышленный капитал (т. е. капитал, вложенный в производство — все равно — земледельческое или индустриальное), с другой стороны, представляет собой один тип экономического явления, обнимаемого общей формулой: покупка товара для продажи его с барышом... 2) Торговый и ростовщический капитал всегда исторически предшествует образованию промышленного капитала и логически является *необходимым* условием этого образования..., но сам по себе ни торговый, ни ростовщический капитал не составляют еще *достаточного* условия для возникновения промышленного капитала (т. е. капиталистического производства)... Конкретные формы возникновения капиталистического способа производства зависят от процесса разложения, от того, когда и каким образом новый способ производства становится на место старого, зависит «всецело от исторической ступени развития и от данных обстоятельств».

Как мы видим, утверждение Маркса и Ленина о том, что именно способ производства определяет роль и удельный вес торгового капитала в историческом процессе, отнюдь не противоречит указанию на решающую роль в известных условиях торгового капитала за весь переходный период от феодализма до возникновения промышленного капитализма. Как мы знаем, говоря об отдельных этапах этого переходного периода, Маркс говорит нам, что вначале торговый капитал служит только посредником в движении между двумя крайними точками. В формуле Т—Д—Т на подготовительной стадии капиталистического производства, утверждает Маркс, торговля господствует над промышленностью, в современном обществе — наоборот. Это *первая* ступень,— торговля разлагает старые отношения, хотя конечно, разлагающее влияние торговли в значительной степени зависит от природы производственного общества. Во второй период торговля и торговый капитал, по Марксу, непосредственно влияют на развитие производства, причем и в этом случае внедрение торговли в процесс производства зависит от прочности того внутреннего строя, в котором эта торговля оказывает свое влияние. И наконец в третий период постепенно центр тяжести хозяйства от торговли переносится окончательно на промышленность как гегемона хозяйства. Третий период непосредственно примыкает к Великой французской революции, т. е. к промышленному перевороту; Маркс называет его *мануфактурным периодом*.

Я не буду спорить с Зорким по вопросу об определении этого последнего периода как мануфактурного периода. Спор идет в данном случае о том, можно ли понятием мануфактурного периода определить *весь переходный этап* от феодальной социально-экономической формации к капиталистической формации. Но это вопрос особый.

Как мы видим, вопрос о роли торгового капитала Дубровским, его сторонниками и некоторыми противниками — в данном случае Дроздовым — поставлен неправильно. Постановка вопроса о торговом капитале отчетливо обнаружила тот основной грех, который характеризует исследование Дубровского и в вопросе о крепостнической формации. Для Дубровского остался неясным и вопрос о происхождении формации, и вопрос о *перерастании* одной формации в другую. Словом, для него остается совершенно неясной проблема переходного периода, проблема, которая имеет отнюдь не только абстрактно-исторический интерес, но и актуальный политический интерес.

Я бы хотел в заключение проиллюстрировать двумя-тремя фактами все то, что я говорил выше. Любопытно, что Дубровский в своей книге почти исключительно аргументирует материалами русского исторического процесса. Его совершенно не интересует общая проблема развития хозяйства на Западе. Он в данном случае прибегает к чрезвычайно любопытному приему, образец которого вы можете найти в его книге.

«*И в Европе*, эпоху феодализма, в отдельные периоды, создавались централизованные государства. *В Китае* например при завоевании страны манчжурами создалась централизованная власть».[1]

Китай конечно не в Европе, но Дубровский очень часто проходит мимо западно-европейского исторического процесса, примерно, таким образом. Он, скажем, совершенно не обратил внимание на крепостнические отношения в восточной Германии. Я имею в виду хотя бы положение той группы крестьян, которая известна под названиемласситов. Те крепостнические отношения, которые характеризуют положение этой группы крестьян к моменту окончательного оформления их состояния в XV — XVI вв., вполне характерны для барщинного хозяйства. Как раз в это время, земли, вновь приобретанные помещиком, нуждаются в обработке. Ему нужны люди, которые могли бы предложить ему свой труд, причем труд этот он хочет получить не путем свободного найма, а путем применения способов «внеэкономического давления». И барщинные отношения, как пишет Кнапп, у которого Дубровский заимствует немало в своих рассуждениях о крепостничестве, становятся бичом для сельского хозяйства. Крепостнические отношения получили здесь свое полное развитие в XVI в., а затем начинается их эволюция. Вскоре наступает эпоха так называемой «феодальной реакции», которая есть не что иное, как приспособление к интересам помещиков развивающихся капиталистических отношений при усилении старых способов эксплоатации.

«Расширение рыцарской запашки, — пишет Кнапп, — за счет крестьянской земли и все большая и большая потеря крестьянами своих вольностей — оба эти явления находятся между собою в тесной связи».

В различных местах с течением времени уменьшаются права крестьян на землю; крестьяне превращаются изласситов наследствен-

---

[1] *С. Дубровский*, цит. брошюра, стр. 64, курсив мой. — *Ц. Ф.*

ного владения в лласситов ненаследственных. Помещики грабят крестьянские земли, усиливая эксплоатацию крестьянского труда. Эпоха феодальной реакции яляется таким образом эпохой расцвета крепостнических отношений на базе расширения капиталистического хозяйства. Под феодальной формой скрывается эволюция этих отношений в сторону капитализма.

Но значит ли это, что положение лласситов в XVIII в. дает нам основание говорить о восточно-германском сельском хозяйстве как о капиталистическом хозяйстве, или быть может феодальная реакция, сохранявшаяся здесь дольше, чем где бы то ни было в другом месте, заставляет нас определить эти отношения как феодальные отношения? Дубровский разрешает этот вопрос очень просто. Он определяет отношения этой эпохи как отношения «крепостнической формации», противопоставляя их феодальной формации, с одной стороны, и капиталистической формации — с другой, в то время как существующие крепостнические отношения под внешней юридической оболочкой вскрывают глубочайшую, жесточайшую борьбу двух противоположных тенденций,— феодальной и капиталистической, и вскрывают нам, при внимательном анализе, перерастание одной формации в другую.

Точка зрения Дубровского лишает нас возможности наконец объяснить историю крестьянских войн XVI в., крестьянских войн вообще. Войны эти безусловно являются определенной ступенью в развитии буржуазного общества, буржуазного общества не только в деревне, но и в городе, рождающегося в недрах феодальной формации и ведущего упорную борьбу против этой феодальной формации. Крестьяне выступают против помещиков не просто потому, что ухудшается их юридическое положение, но потому, что ухудшение этого юридического положения является результатом понижения цен на хлеб, повышения товарности хозяйства, роста их зависимости от города, что влияет на усиление эксплоатации крестьян в помещичьем хозяйстве. Крестьянские войны являются результатом глубочайшей капитализации хозяйства вообще и сельского хозяйства в частности, которое *не перестает в то же время быть в своей основе хозяйством феодально-экономической формации*. Документы пестрят борьбой крестьян за свои права как *товаропроизводителей*, но борьба крестьян как товаропроизводителей с помещиком, борьба следовательно за предпосылки буржуазного общества и капиталистического способа производства происходит в рамках феодальной формации и обнаруживает глубочайшее противоречие внутри *этой формации*. Мы нигде здесь не можем открыть признаков ни «новой» крепостнической формации, ни «старой» торгово-капиталистической формации. Мы имеем здесь дело с диалектикой в развитии формаций, с перерастанием одной в другую, с внутренними противоречиями, движущими эти формации вперед.

Подводя итоги всему, мы снова возвращаемся к тому, что говорили раньше. Книга Дубровского поднимает дискуссию не о частных вопросах исторического процесса, а об общем вопросе, об общих наших представлениях о путях исторического развития капиталисти-

ческого общества. Дубровский пытается ревизовать в этом случае учение Маркса и Энгельса, обнаруживая типичные для механиста попытки прикрыть свой отказ от диалектического представления о ходе исторического процесса, прикрыть свою приверженность к богдановско-бухаринской схеме разговорами о реставрации истинного смысла марксизма и ленинизма. Дубровский должен осознать ту «революцию», которую он пытается внести в историческую науку, и не должен поэтому возражать против того единодушного отпора, который он встретил в наших кругах. Механистическая опасность в исторической науке, подобно этой опасности в области философии и политической экономии, является не только ошибкой теоретического анализа, но чревата глубочайшими ошибками и политического значения...

ВАНАГ, Н.

Выступление Дубровского — крупный шаг в нашей исторической науке. Мы имеем дело с призывом создать новые схемы исторического процесса, в частности — русского. Этот призыв настолько категоричен, что не допускает никаких колебаний: все историко-марксисты, если они не хотят быть отлученными от марксизма, должны внять «авторитетному» голосу Сергея Митрофановича.

Тот метод, который избрал Дубровский в деле популяризации своих положений, однако внушает серьезные сомнения. В его арсенале опровержений критических замечаний, сделанных до сих пор товарищами, вы не найдете серьезной аргументации, если таковой не считать безапелляционные заявления: вы — троцкист, богдановец, рожковец, вы ничего не понимаете и т. д. и т. п. Такой метод убеждения заставляет задуматься над тем, все ли благополучно в исторических взглядах Дубровского, не является ли избранный им метод спора прикрытием, завесой истинного существа его точки зрения и вытекающего отсюда декларирования новой социально-экономической формации — крепостничества?

Грешным делом, думаю, что так. Попытаюсь показать это на разборе концепции русского исторического процесса в том его виде, в каком она представлена в работах Дубровского. Взгляды Дубровского на крепостничество неразрывно связаны с пониманием реформы 1861 г., революции 1905 г., столыпинского аграрного законодательства и наконец Октябрьской революции. Можно согласиться со сделанным здесь Дубровским заявлением, что поставленные в его работе проблемы носят политический характер. Именно этот политический характер заставляет выйти за пределы работы и увязать затронутые в ней вопросы со всей системой исторических взглядов Дубровского. В последнем произведении наше внимание фиксируется на проблеме крепостного хозяйства как особой исторической формации.

Точку зрения Дубровского я считаю абсолютно не аргументированной. Считаю, что его взгляды расходятся с Марксом и Лениным. У Маркса и Энгельса вы не найдете даже понятия, которое тракто-

вало бы крепостничество как особую историческую формацию. В их лексиконе понятий нет крепостничества как особого способа производства. Внимательно проследив работы Маркса и Энгельса, вы увидите, что понятия, связанные с крепостничеством, встречаются у них в следующих вариантах:

Leibeigene, Feudalherr — крепостной феодал (= крепостник), Leibeigenschaft — крепостное состояние, Leibeigenverhlätniss — крепостные отношения, Leibeigenthum — крепостное право, Frohnarbeit — барщина.

Ни одно из этих понятий не выражает собою крепостничества как особого способа производства. Напротив, если взять понятия, связанные с рабовладельчеством, то мы найдем у Маркса и Энгельса следующие выражения:

Sklave, Sklavenhalter, Sklaverie, Sklavenwirtschaft, Sklavenverhältniss, Sklaventhum, Sklavenarbeit.

Найдите у Маркса понятие крепостничества, соответствующее «Sklaverei» и «Sklavenwirtchaft». Его нет у Маркса и Энгельса.

Аргументация, которую Дубровский развивал здесь в защиту своей новой формации, мало отличается от той, которая дана в его последней работе на двух страничках, отведенных якобы высказываниям Маркса, Энгельса и Ленина о крепостничестве как особой формации.[1] Там товарищи могут только получить наглядный урок обращения с документами, там документ отступает на задний план, решающее значение получают союзы: «хотя», «но», и «т. е.». Если читать Маркса, Энгельса и Ленина без под- и сочиняющих союзов Дубровского, то крепостные отношения отчетливо выступят как феодальные.

Не буду приводить здесь цитат из теоретических работ Маркса и Энгельса по вопросу о феодализме и крепостничестве. Ограничусь указанием на исторические работы основоположников марксизма, в которых совершенно недвусмысленно крепостной крестьянин выступает как феодально-зависимый. В статьях «Революция и контрреволюция в Германии» Энгельс, характеризуя состояние предреволюционной Германии, между прочим говорит:

«В Германии феодальное дворянство сохранило большую часть своих старых привилегий. Система *феодального земледелия*[2] почти повсюду осталась господствующей. Землевладельцы сохраняли даже юрисдикцию по отношению к своим *крепостным*».[3]

Несколькими страницами дальше, говоря о положении крестьянства в момент революции, Энгельс снова пишет:

«...В-третьих, мы встречаем *феодально-зависимых*, которых нелегко было бы согнать с их участков, *но которые были обязаны уплачивать землевладельцам вечную ренту или постоянно выполнять для них известное количество работы*».

В предисловии к «Крестьянской войне» Энгельс относит барщинного крестьянина также к числу феодальных крестьян.

«Мелкие крестьяне бывают различного рода. Одни из них — *феодальные крестьяне и отбывают еще барщину*».[4]

[1] *С. Дубровский*, цит. брошюра, стр. 97—100.
[2] Курсив везде мой — *Н. В.*
[3] *Энгельс*, Собрание исторических работ, стр. 274.
[4] *Энгельс*, Крестьянская война в Германии, стр. 14.

Только при своеобразном толковании текстов можно крепостника-помещика оторвать от феодала.

Точка зрения Дубровского не только не выдерживает критики со стороны аргументации ссылками на соответствующие высказывания основоположников марксизма, — но и обязывает нас к весьма далеко идущим выводам. До сих пор упразднение феодализма мы понимали как установление буржуазного строя, до сих пор мы оставались при том убеждении, что феодальная эксплоатация превращается в крепостническую. Теперь все это оказывается не так: упразднение феодализма = установлению крепостничества, феодальная эксплоатация превращается в крепостническую. Всю фальшь подобной постановки вопроса обнаружить довольно легко, стоит только задуматься над вопросом: откуда же, при условии существования отдельных — феодальной и крепостнической — формаций вырастает капитализм? Не ревизуя Маркса и Ленина, нельзя дать ответа на этот вопрос. Его не дает и Дубровский, если не придавать сколько-нибудь серьезного значения тому анекдотическому ответу, который фигурировал здесь в передаче Зоркого.

Переходим к нашей непосредственной задаче.

Противопоставлением крепостничества феодализму Дубровский, на наш взгляд, преследует одну определенную цель: найти основную ось русского исторического процесса, приведшую к Октябрьской революции. Частичная задача, которую он решает вместе с тем, заключается в попытке найти отправной пункт для обоснования исторического решения аграрного вопроса в России и связанного с ним крестьянского движения. Мы в основном остановимся на этой второй — частной задаче.

С интересующей нас точки зрения центральным местом в схеме Дубровского являются нижеследующие характеристики положения «феодального» и «крепостного» крестьянского хозяйства.

Положение феодального крестьянского хозяйства Дубровский характеризует цитатой из параграфа о ренте продуктами, главы о генезисе капиталистической ренты Капитала, где Маркс говорит, что

«производителю дается больший простор (по сравнению с условиями отработочной ренты. — *Н. В.*) для того, чтобы приобрести время для избыточного труда, продукт которого принадлежит ему самому», что «имеется возможность большего различия в экономическом положении отдельных самостоятельных производителей», что «непосредственный производитель приобретает средства для того, чтобы самому в свою очередь непосредственно эксплоатировать чужой труд».[1]

Положение крепостного крестьянина характеризуется словами:

«Строй закрепощенных мелких непосредственных производителей значительно отличается от строя свободных, а также феодальных крестьян... При крепостничестве... в пределах данной общины производится *только необходимый продукт*, тогда как прибавочный продукт создается в барском хозяйстве... *Создание прибавочного продукта при крепостном хозяйстве в рамках общинного земледелия является скорее исключением, а не правилом*».[2]

---

[1] *С. Дубровский*, цит. брошюра, стр. 62.
[2] *Там же*, стр. 82 и 83.

В противопоставлении крепостного крестьянского хозяйства, не пользующегося прибавочным продуктом и не имеющего возможности накоплять и перерастать в капиталистическое — фермерское, *феодальному, пользующемуся прибавочным продуктом*, имеющему возможность приобретать средства для того, чтобы самому непосредственно эксплоатировать чужой труд, заключается *основная установка* Дубровского. Ею определяется все. В более сжатом виде этот центральный момент в схеме Дубровского гласил бы: в недрах феодального крестьянского хозяйства могут создаваться условия для формирования капиталистического фермерства, в крепостном крестьянском хозяйстве — нет.

Противопоставляя крепостничество феодализму в только что отмеченном смысле, Дубровский совершенно естественно приходит к отрицанию развития крестьянского хозяйства в России по фермерскому пути, наметившегося по Ленину еще в 1861 г. Поскольку в условиях крепостничества в крестьянском хозяйстве не было предпосылок для капиталистического развития, постольку борьба прусского и американского путей, определявшая в основном сущность аграрного вопроса в России, начиная с 1861 г., должна была исчезнуть из исторической концепции Дубровского. Внимательно проследивши все работы Дубровского, вы убедитесь, что центральной проблемы крестьянской революции, формулированной Лениным как *борьба двух путей капиталистического развития*, у Дубровского не существует. Этой борьбы у него нет потому, что «корней» ее он не видит глубоко лежащими «в экономической структуре России», как это блестяще заметил Ленин.

«Крепостническая формация» потребовалась Дубровскому для того, чтобы оправдать в значительной своей части народнический взгляд на крестьянскую революцию.

Что противопоставляет Дубровский «либеральной» и «демократической» тенденциям, наметившимся в 1861 г., «выжившим, окрепшим, выросшим и развившимся в течение полувека после реформы 1861 г.»

Он противопоставляет в соответствии с трактовкой вопроса о крепостнической формации взгляд на реформу 1861 г. как на реформу, вызванную капитализацией помещичьего хозяйства, в которой роль крестьянства определялась стремлением к «воле», выразившейся в спорадических вспышках бунтов.[1]

В свете ленинской концепции борьбы двух путей излишне воскрешать теорию о стремлении к «воле» и ограничивать роль крестьянства в борьбе с крепостничеством спорадическими бунтами. Еще народники ограничивали характер крестьянского движения революционизирующим влиянием крепостнической эксплоатации. Дубровский, на словах борясь с народниками, по существу попадает в их объятия.

Крестьянское движение 1905 — 1906 гг. квалифицируется Дубровским как проявление гнева против крепостничества, как ряд

---

[1] *С. Дубровский*, Очерки русской революции, стр. 25 и 26.

отдельных вспышек и восстаний не только в его ранних работах,[1] но и в более поздней, написанной вместе с Граве.

«Нещадная, — читаем мы в ней, — эксплуатация крестьянства при диктатуре крепостников являлась основной предпосылкой крестьянской революции и определяла ее основное содержание—уничтожение полукрепостного строя в деревне и расчистку пути для капиталистического развития».[2]

Еще более ярко Дубровский подчеркивает свою мысль о «нещадной» эксплоатации крестьянства как причине крестьянской революции несколькими страницами ниже, где он пишет:

«Итак, если наличие полукрепостного строя в деревне и диктатура крепостников являлись основной причиной движения, то непосредственной его предпосылкой становится развитие капитализма («не подумайте — в крестьянском хозяйстве, — в помещичьем! — *Н. В.*), связанное с постепенным переходом от отработочного хозяйства к капиталистическому, а тем самым — с уничтожением, хотя и весьма медленным, мелкого производителя-крестьянина, необходимого для отработочного хозяйства и лишнего для капиталистического, которому нужен лишь батрак, освобожденный от всяких средств производства».[3]

Формулой Дубровского не исчерпывается сущность крестьянской революции. Она определялась не только «нещадной» крепостнической и полукапиталистической эксплоатацией, но и тенденцией развития самого *крестьянского хозяйства по капиталистическому — фермерскому пути*. Народнический взгляд на сущность крестьянской революции тем отличается от ленинского взгляда, что народники, подчеркивая революционность крестьянства, смазывают буржуазную сущность этой революционности.

С этой точки зрения взгляды Дубровского не совсем свободны от народнических влияний, несмотря даже на то, что под влиянием развития капитализма в промышленности он допускает «трансформацию» крестьянского хозяйства в капиталистическое».[4] Характерным в схеме Дубровского остается подчеркивание господства прусского типа развития капитализма в сельском хозяйстве. Это мы видим как в приведенной выше цитате, так и в ряде других. В той же работе Дубровский пишет, что

«Развитие капитализма в деревне, в условиях господства помещиков, означало, с одной стороны, переход отработочных помещичьих хозяйств к батрацким, с другой — диференциацию крестьянства, т. е. выделение сельской буржуазии и пролетариата (*прусский тип развития*, по определению Ленина)».[5]

Диференциацию крестьянства Дубровский склонен рассматривать как простой придаток прусского типа, не замечая в ней тенденции самостоятельного пути развития капитализма в крестьянском хозяйстве. Оно и понятно. Генезис фермерства, по Марксу, — «медленный, много столетий развивавшийся процесс», берущий свое начало еще

---

[1] «Аграрное движение 1905—1907 гг.». — Труды Института красной профессуры, т. I, и «Очерки русской революции».
[2] *С. Дубровский* и *Б. Граве*, Крестьянское движение, сб. «1905», т. I, стр. 242.
[3] *Там же*, стр. 246.
[4] *С. Дубровский*, Очерки русской революции, стр. 62.
[5] *С. Дубровский* и *Б. Граве*, Крестьянское движение, стр. 242.

в эпоху крепостничества[1]. Постановка же вопроса об особой сущности крепостного хозяйства Дубровским исключает предпосылки для развития фермерского хозяйства в России. Отрицая *самостоятельное значение* развития крестьянского хозяйства по пути капитализма, не трудно сбиться на путь народнического объяснения крестьянской революции.

Недиалектический подход Дубровского к аргарному вопросу в России отчетливо выступает в противопоставлении ленинской концепции «борьбы двух путей» концепции «кризиса экстенсивного хозяйства», четко проводимой Дубровским во всех его исторических работах, начиная от самой ранней и кончая «Столыпинской реформой». Концепция «кризиса экстенсивного хозяйства» «заслоняет диалектику развития аграрного вопроса и крестьянского движения в России, так как она является внеклассовой теорией буржуазной экономической мысли. Ее уже до Дубровского применяли Огановский и др. Буржуазную теорию «кризиса экстенсивного хозяйства» Дубровский лишь подновил, увязав ее с помещичьей эксплоатацией, в результате чего он пришел к следующей философии 1905 г.:

«Помещичье хозяйство *не развивалось*, так как оно жило исключительно за счет преимущественно докапиталистической эксплуатации крестьянского хозяйства, крестьянское же хозяйство *не развивалось* потому, что оно до последнего предела эксплуатировалось и потому находилось в состоянии хронического упадка.

Дальнейшее развитие производительных сил требовало перехода к высшим формам производства, именно — *от экстенсивного к интенсивному хозяйству*, между тем оно упиралось в полукрепостническое помещичье хозяйство и в сложившиеся на его основе полукрепостнические производственные отношения».[2]

Вряд ли могут быть сомнения в том, что эта философия революции, базирующаяся на теории «кризиса экстенсивного хозяйства», подновленной помещичьей эксплоатацией, берет свое начало в учении о крепостничестве как особой исторической формации, в условиях которой исключено развитие крестьянского хозяйства.

В схеме Дубровского мы имеем дело с насквозь недиалектическим пониманием революции, которое поэтому и противоречит учению Ленина. Позвольте сослаться на две статьи Владимира Ильича: «По поводу юбилея» и «Крестьянская реформа и пролетарски-крестьянская революция». В них Ленин пишет:

«Сравнение 1861 г. с 1905—1907 гг. яснее ясного показывает, что это *реальное* историческое значение народнической идеологии состояло в противоположении *двух* путей *капиталистического* развития: одного пути, приспособляющего новую, капиталистическую Россию старой, подчиняющего первую второй, замедляющего ход развития, и другого пути, заменяющего старое новым, устраняющего полностью отжившие помехи новому, ускоряющего ход развития. Программы кадетов и трудовиков как программы либеральная и демократическая — при

---

[1] «Что касается генезиса фермерства, то мы можем проследить его шаг за шагом, так как это — медленный, много столетий развивавшийся процесс. Имущественные отношения среди самих *крепостных*, не говоря уже о существовании рядом с ними мелких собственников, были очень различны, а потому эмансипация их совершалась при очень различных экономических условиях» (*Маркс*. Капитал, т. I, ч. 2, стр. 703).

[2] *С. Дубровский*, «Очерки русской революции, стр. 104.

своей непоследовательности, иногда запутанности и бессознательности *обеих* программ — рельефно выразило это развитие *реальных* путей, которые находятся оба в *рамках* капитализма, которые проводятся в жизнь неуклонно в течение полувека». [1]

«... В революции 1905 г. те две тенденции, которые в 1861 г. только наметились в жизни, только-только обрисовались в литературе, развились, выросли, нашли себе выражение в движении *масс*, в борьбе *партий* на самых различных поприщах, в печати, на митингах, в союзах, в стачках, в государственных думах». [2]

Вот это развитие *реальных* путей, которое проводится в жизнь в течение полувека... которое нашло свое выражение в *движении масс*, *борьбе партий*, в стачках, в восстании, неизбежно должно было остаться вне поля зрения Дубровского при эклектическом соединении учения о крепостнической формации с буржуазной теорией «кризиса экстенсивного хозяйства» и с отрыжками народничества, сказавшимися в объяснении причины крестьянской революционности *исключительно* условиями крепостнической эксплоатации.

Общая ошибочная концепция крестьянской революции 1905 г. должна была повлечь за собою ряд частных ошибок. На одной из таких, иллюстрируя свою мысль, я позволю себе остановиться.

Распространенной формой движения середняцких масс крестьянства в 1905 — 1907 гг. на юге, а также и в других районах между прочим было движение против машин, выражавшееся в погромах машинных складов, в уничтожении машин и т. п. Дубровский характеризует это движение как реакционное [3]. Если подойти к движению крестьянства против машин с точки зрения «кризиса экстенсивного хозяйства», конечно другого решения, чем то, которое дается Дубровским, не найти. Уничтожение машин — акт против внедрения в хозяйство помещика машины как фактора, интенсифицирующего его. Выступление крестьянства против такой «интенсификации» неизбежно должно с точки зрения теории «кризиса экстенсивного хозяйства» принять реакционный характер.

Стоит только подойти к вопросу о характере крестьянского движения диалектически вооруженным ленинским пониманием борьбы двух путей капиталистического развития, как движение крестьян-середняков против машин в помещичьем хозяйстве приобретает отнюдь не реакционный, а, наоборот, революционный характер. Это была одна из форм революционного проявления борьбы против крепостничества, приспособлявшего свое хозяйство к развитию по капиталистическому пути. Эта была одна из форм проявления борьбы против прусского пути развития капитализма в русском сельском хозяйстве.

Нет ничего удивительного в том, что применение теории «кризиса экстенсивного хозяйства» к пореволюционному (1905 г.) периоду еще

---

[1] *Ленин*, Соч., т. XI, ч. 2, стр. 237.

[2] *Там же*, стр. 264.

[3] *С. Дубровский*, Очерки, стр. 112. В появившейся вслед за «Очерками» цит. статье Дубровского и Граве (Сб. 1905 г., т. I, стр. 246) они обходят вопрос о характере крестьянского движения против машин, останавливаясь только на его причинах. Поскольку Дубровский ни одним словом не коснулся в этой статье своего отношения к ранее данной характеристике движения, надо полагать он не изменил своего взгляда по данному вопросу.

более наглядно вскрывает антидиалектичность всей схемы Дубровского. Она нагляднее выступает уже в трактовке столыпинщины и находит свое завершение в характеристике Октябрьской революции.

Трактовка столыпинской аграрной реформы у Дубровского такова:

«... Все эти улучшения были каплей в *море экстенсивного крестьянского хозяйства*, безраздельно господствующего в России.

Помимо помещичьей эксплуатации... *интенсификация упиралась в производственные отношения*, сложившиеся в деревне на основе *экстенсивного хозяйства*. Она упиралась прежде всего в общинные отношения, которые принудительным севооборотом, исторически сложившимся рутинным укладом полеводства, наконец недостатками землеустройства, как чересполосица, мелкополосица и дальноземелье, накладывали узду на хозяйственную инициативу нарождающейся сельской буржуазии. *Поэтому и становились необходимыми революционная ломка общины*, укрепление земли в собственность и землеустройство, которое бы разгородило землю от чересполосицы и мелкополосицы и *открыло возможность для развития интенсивного капиталистического хозяйства*.

Именно последней цели и служил указ 9 ноября 1906 г. Этой же цели служили и все мероприятия правительства по землеустройству».[1]

Столыпинская реформа служила, по Дубровскому, целям интенсификации сельского хозяйства. Кто из числа современных народников не подпишется под такой трактовкой столыпинщины? Ведь из нее выхолощено *революционно-классовое содержание оценки* столыпинщины, которая дана Лениным. Другого решения столыпинщины Дубровский дать не мог, ибо борьба «двух реально существующих путей», из которых один нашел свое выражение в столыпинщине, заслонена крепостничеством как особой исторической формацией и выросшей на основе ее теорией «кризиса экстенсивного хозяйства».

Трактовка столыпинщины теснейшим образом увязана со всей схемой Дубровского. Эта увязка нашла свое выражение даже в самой манере изложения. Приведенная нами цитата из «Столыпинской реформы» оказалась настолько тесно увязанной со всеми более ранними писаниями Дубровского, что для обоснования ломки общинного землевладения он счел уместным *дословно* воспользоваться характеристикой аграрного кризиса как кризиса экстенсивного хозяйства, данной им еще в первой работе, увидевшей свет в I т. трудов Института красной профессуры.

Во избежание обвинений в «передержке» мы должны констатировать, что понятия: «американский тип развития», «прусский путь» и «последний клапан» существуют в работе Дубровского. Беда только в том, что то классовое содержание, которое придавал им Ленин, отсутствует в «Столыпинской реформе».

Если (касаясь американского пути) отсутствие этого содержания может в известной степени компенсироваться рассуждением

«о грандиознейшей крестьянской революции, которая должна была смести и действительно дочиста смела все остатки крепостного порядка в деревне»,[2]

---

[1] *С. Дубровский*, Столыпинская реформа, изд. «Прибой», 1925 г., стр. 12.
[2] *Там же*, стр. 9.

то все же и здесь не следует упускать из виду, что крестьянская революция, как мы уже выяснили, имеет у Дубровского несколько иной характер, чем у Ленина.

Переходя от «американского» к «прусскому пути», мы должны будем безоговорочно признать, что ленинская оценка этого пути осталась неусвоенной Дубровским.

«Это же буржуазное развитие, — пишет он, — могло итти и путем «реформ», путем преобразования крепостных латифундий в капиталистические хозяйства, *путем создания мелкого капиталистического хозяйства («прусский тип развития»)*. Это дало бы царизму возможность подвести под подмытый революцией буржуазно-помещичий строй новую классовую базу в виде сельской буржуазии.

Царизм и пытался направить Россию на путь прусского развития. *Создание капиталистического фермерства* начинается, с одной стороны, по пути дробления полукрепостных латифундий, под мелкое капиталистическое хозяйство, а с другой — по пути расхищения сельской буржуазией надельного землевладения основной крестьянской массы». [1]

Отождествление развития по прусскому пути с созданием *мелкого капиталистического хозяйства и с развитием капиталистического фермерства* очень ярко показывает, насколько может запутать понимание диалектических процессов в русской экономике их механистическая трактовка, диктуемая теорией «кризиса экстенсивного хозяйства», противопоставленная борьбе двух путей развития [2].

---

[1] *С. Дубровский.* Столыпинская реформа, стр. 9.

[2] Мы пользовались первым изданием книги «Столыпинская реформа», так как второго к моменту нашего выступления еще не было на книжном рынке. Отдельные реплики Дубровского во время дискуссии могли создать впечатление, что он ныне уже отошел от ошибочной теории «кризиса экстенсивного хозяйства». Появившееся совсем недавно второе, 1930 г., издание книги свидетельствует, что дело обстоит далеко не так. Теория кризиса «экстенсивного хозяйства» и здесь *господствует* в трактовке столыпинщины, как бы это ни прикрывал Дубровский заявлениями, что сводить сущность кризиса к кризису экстенсивного хозяйства неправильно, что нельзя сводить весь аграрный кризис к агрикультурному кризису.

Внимательно штудируя введение к этому изданию, вы убедитесь, что *основная идея Дубровского осталась старой*. Он даже Огановского корректирует слово в слово теми же старыми выражениями:

«Должны заметить, — пишет он как в *первом*, так и *во втором* изданиях, — что такие экономисты, как А. А. Кауфман, Н. П. Огановский и др., пытаются весь аграрный кризис свести исключительно к кризису трехполья и этим затушевать влияние на кризис помещичьей эксплоатации. Между тем *этот кризис экстенсивного хозяйства и был выражением назревшего конфликта между развитием производительных сил и полукрепостническими производственными отношениями*» (стр. 10 по 1-му изд., стр. 19 по 2-му изд.).

Приведенным Дубровский отнюдь не разоблачает теорию «кризиса экстенсивного хозяйства», наоборот — он занимается ее отстаиванием и подновлением в отмеченном нами уже выше духе. Не могло же по существу что-нибудь измениться в постановке вопроса Дубровским при простом перенесении замечаний по поводу теории «кризиса экстенсивного хозяйства» из подстрочного примечания (в первом издании) в основной текст второго издания. Об этом отчетливо свидетельствуют начало § 4 введения и затем характеристика ломки общинного землевладения, даваемая на стр. 39.

«Как мы будем говорить далее, — пишет здесь Дубровский, — и *переход от экстенсивного, преимущественно трехпольного, хозяйства к капиталистическому интенсивному также требовал значительного изменения общинного землеустройства*, именно требовал уничтожения чересполосицы, мелкополосицы, дальноземелья и пр. Именно в целях решительной ломки полукрепостнических земель-

Перехожу к последнему этапу — к разрешению аграрной проблемы Октябрьской революции. Здесь тот же недиалектический подход к вопросу. Наиболее рельефное выражение он нашел в формуле:

«В предшествовавшем изложении нам *приходилось указывать целый ряд препятствий к его* (капитализма в деревне — *Н. В.*) *развитию при царизме*, из которых главные — полукрепостническая эксплуатация помещиками и помещичьим государством, низкие хлебные цены, высокие арендные цены и высокие цены на землю. *Революция резко изменила все эти условия; произошла грандиознейшая чистка под капитализм;* революция до основания снесла всю помещичью эксплуатацию. *Теперь прежних препятствий к интенсификации нет. Если ранее* со стороны помещичьего государства *интенсификация встречала в лучшем случае малокровное содействие, то со стороны советской власти она встречает широчайшую поддержку*».[1]

Самодержавие не могло разрешить «кризиса экстенсивного хозяйства», грянула Октябрьская революция, прежних препятствий к интенсификации не стало, кризис экстенсивного хозяйства разрешен, и интенсификация встречает широчайшую поддержку со стороны советского законодательства. Так четко и последовательно Дубровский развивает до логического конца свою схему «кризиса экстенсивного хозяйства». Но... если применение теории крепостнической формации и вслед за ней «кризиса экстенсивного хозяйства» к дооктябрьскому периоду вскрывает недиалектическую трактовку Дубровским развития аграрного вопроса в России, то применение этих теорий к послеоктябрьскому периоду приводит Дубровского и к политически архивредным положениям.

В свете последовательного применения теории «кризиса экстенсивного хозяйства» исторически вполне обоснованными являются взгляды на аграрную политику советской власти, развитые Дубровским в «Очерках», в которых

«причудливая диалектика исторического развития опять поставила в порядок дня деревенской жизни вопрос о капитализме». «И нужно сказать, — заключает Дубровский, — что *никогда в России капитализм не имел в деревне стольких шансов на успех, как теперь*»[1].

Дальше написано:

«Рецидив капитализма с новой экономической политикой отнюдь не должен служить поводом к капиталистической панике».

Если Дубровский полагает, что для реабилитации его точки зрения достаточно привести эти две строки, мы охотно это делаем. Пользуемся лишь случаем отметить, что с параграфом «Антикапиталистические мероприятия», который начинается приведенными словами о панике, обстоит далеко не так благополучно, как это представляется его автору. Приведем пример:

«У экономической политики советской власти, найдутся в нужный момент необходимые средства поставить предел их (сельской буржуазии — *Н. В.*) ка-

---

ных отношений в деревне правительство проводит широкое землеустройство с буквально насильственным выселением крестьян на хутора и отруба». (*С. Дубровский*, Столыпинская реформа, 2-е изд., «Московский рабочий», 1930, стр. 39). Дальнейшие комментарии излишни.

[1] *С. Дубровский*, Очерки, стр. 353 и 354.

питалистическому расширению. *Для этого, разумеется, нет нужды в непосредственном внеэкономическом вмешательстве государства в их хозяйства... Государство может использовать чисто экономические приемы воздействия на сельскую буржуазию».*

«Советская власть показала всей новой экономической политикой, что она *идет на реставрацию капитализма там, где это нужно в интересах народного хозяйства»*... «*Подъем сельского хозяйства во что бы то ни стало заставляет оказать всяческую поддержку старательным хозяевам, делать им ряд льгот*. Так например, *в интересах сохранения и развития более интенсивных хозяйств* допускается оставление в пользование земли выше потребительно-трудовой нормы. Несомненно, разрешение аренды, наемного труда, свободы выхода на хутора и отруба — все это также может быть использовано сельской буржуазией в целях развития своего хозяйства»... «*Советская власть должна использовать их капиталистические тенденции в целях восстановления* (читай: интенсификации— *Н. В.) сельского хозяйства*. Поскольку они являются старательными хозяевами и *поскольку у них замечается переход к интенсивному хозяйству, советская власть в этом направлении должна им оказывать содействие»*.[1]

Ко всему этому приводит недиалектическое понимание Дубровским развития аграрных отношений в России.

Подытоживая сказанное, я обращаю ваше внимание на то обстоятельство, что крепостническая формация Дубровского и «интересы сохранения и развития более интенсивных крестьянских хозяйств» — *два конечных звена одной и той же цепи взглядов на русский исторический процесс*. Попытка ввести в научный обиход особую крепостническую формацию дает ключ к пониманию взглядов Дубровского на историю аграрных отношений в России. Она, завершая концепцию Дубровского, с очевидностью вскрывает недиалектическую, чисто механистическую постановку им вопросов русского исторического процесса. Между вновь открытой Дубровским формацией и его взглядами на развитие крестьянского (аграрного) вопроса в России существует неразрывная связь. Поэтому, критикуя взгляды на крепостничество как на особый способ производства, мы обязаны поставить под ураганный огонь критики всю историческую концепцию Дубровского, которая, упираясь в своеобразное понимание крепостничества, как я попытался сегодня показать, насквозь недиалектична и механистична.

---

[1] *С. Дубровский*, Очерки, стр. 250, 352 и 355. В своем выступлении я привел из «Очерков» несколько цитат, характеризовавших взгляды Дубровского на роль и значение кооперации в советских условиях. Так как эти взгляды увязываются с общей концепцией Дубровского, критиковавшейся выше, считаю уместным воспроизвести эти цитаты здесь:

«Нужно считать кооперацию связанной лишь с определенной ступенью хозяйственного развития». «*Она* возникает вместе с развитием капитализма, являясь одним из его видов, и *должна погибнуть вместе с капитализмом...*» «*Она живет и существует только на основе капиталистических процессов*, капитала товарного и кредитного преимущественно»... «У нас нет никаких оснований кооперацию противопоставлять капитализму. Ходячим положением кооператоров является, будто бы она отвоевывает хозяйство от капитализма. *Трудно представить себе более ошибочное положение»*. «Несомненно, *кооперация оставляет капиталистические отношения совершенно незыблемыми»*... «*Кооперация не отвоевывает сельского хозяйства от капитализма, а еще более способствует его внедрению»* (стр. 341—343). «Раз кооперация — плоть от плоти капитализма, то *никаких особенных надежд на кооперацию в смысле возможности непосредственного перехода к социализму возлагать не приходится»* (стр. 345).

Заканчиваю. Позвольте лишь кратко остановиться на роли торгового капитала в общеисторической концепции Дубровского.

Одним из основных моментов в его схеме является положение о цементирующей роли торгового капитала в докапиталистических формациях. Это положение неверно, но оно полностью увязывается с представлениями его автора о русском историческом процессе.

В самом деле, положение об особой крепостнической формации, основное содержание которой, по Дубровскому, заключается в том, что крестьянство не пользуется в ней прибавочным продуктом, как нельзя лучше увязывается с цементирующей ролью торгового капитала. Торговый капитал «цементирует» натуральное крестьянское хозяйство, в результате чего у него нет ни стимулов, ни возможности к развитию. С цементирующей ролью торгового капитала непосредственно увязаны взгляды Дубровского на крестьянскую революцию, наконец положение о цементирующей роли торгового капитала представляет одно целое с теорией «кризиса экстенсивного хозяйства».

Между тем

«торговля влияет более или менее разлагающим образом на те организации производства, которые имеют своей целью главным образом потребительную стоимость».[1]

Торговля не цементирует феодально-крепостнических отношений, так как развитие торговли, благоприятствуя изготовлению избыточного продукта, придает производству характер производства, имеющего целью создание меновой стоимости. Она благоприятствует изготовлению избыточного продукта путем усиления крепостнической эксплоатации, стимулируя одновременно производство избыточного продукта в самом крестьянском хозяйстве. Непониманием этой *разлагающей* роли торгового капитала мы обязаны трактовке Дубровским революционного движения крестьянства в эпоху феодализма — крепостничества. Видеть в пугачевщине и в разиновщине исключительно протест против крепостнической эксплоатации, не видеть второй стороны вопроса, — разложения натурального характера крестьянского хозяйства под влиянием торгового капитала, не видеть зародышей буржуазных тенденций в самом крестьянском хозяйстве и вырастающего на *этой основе* конфликта между «барином» и «мужиком», пожалуй, настолько же недиалектично и следовательно ненаучно, насколько ненаучна вся постановка вопроса о крепостнической формации.

Мне кажется, что упрек Дубровского, брошенный здесь Меерсону, не совсем основателен. Несмотря на ряд весьма ошибочных положений, выдвигаемых Меерсоном, из которых наименее приемлемым является противопоставление монополистического типа первоначального накопления свободному, он все же в исследовании воспроса стоит на правильном пути, увязывая пугачевское движение с разлагающей ролью торгового капитала. При наличии ряда ошибок Меерсону все же удалось показать, что торговый капитал в условиях

---

[1] Капитал, т. III, стр. 308.

крепостничества, разлагая феодальный способ производства, рождает такой величины социальные конфликты, как пугачевщина.

Процесс разложения феодальных отношений в России под влиянием торгового капитала был длительный. Поэтому понятно то исключительное значение, которое приобрел торговый капитал (не капитализм) в русской истории. Заслуга М. Н. Покровского заключается в том, что он с такой четкостью и ясностью поставил в своих работах вопрос о роли и значении торгового капитала в русском историческом процессе. Ревизия основных взглядов М. Н. Покровского по данному вопросу, на мой взгляд, является шагом назад, а не вперед, как это представляется кое-кому их наших историков.

ДРОЗДОВ, П.

Минц выступил здесь, как он сам сказал, в роли протопопа Аввакума в защиту «древлего благочестия», в защиту «двоеперстия», против «никонианской ереси», против «новой» теории Дубровского. Вполне естественно возникает вопрос, действительно ли нова эта теория? Обращаясь к фактам, мы видим, что она очень не нова. Касименко определенно недооценивает распространенность точек зрения Дубровского на феодализм и крепостничество в русской исторической литературе. До последнего времени эта точка зрения была, пожалуй, преобладающей.

Голос. — Переоценка.

Дроздов. — Нет, товарищи, не переоценка. Я сейчас приведу соответствующие факты.

В 1927 г. вышла книга проф. П. И. Лященко «История русского народного хозяйства». Проф. Лященко резко отделяет феодализм от крепостничества, пишет о них как о совершенно различных системах хозяйства и общественных формациях. По Лященко в XV — XVI вв. произошло и закончилось разложение феодализма, на смену феодализму пришел «торговый капитализм», получивший завершение в системе крепостного хозяйства. В одном из номеров «Историка-марксиста» была напечатана чрезвычайно обстоятельная рецензия на книгу проф. Лященко, причем автор рецензии в части феодализма и крепостничества целиком присоединился к точке зрения проф. Лященко.

В прошлом году, когда по вопросу о феодализме и крепостничестве начались авангардные бои, против Дубровского и его концепции особенно рьяно выступал Малышев. Между тем буквально накануне дискуссии Малышев писал:

«В итоге хозяйственного переворота XVI—XVII вв. на смену феодальной экономической и политической системе выросла торгово-крепостническая система и абсолютная монархия (самодержавие). Сущность торгово-крепостнической системы и ее отличие от феодальной сводится к следующему»... [1]

В другом месте:

[1] «Заочный коммунистический университет» № 1 за 1929 г., стр. 3..

В лекции «Разложение феодализма и образование абсолютной монархии» мы проследили процесс разложения феодального строя и создание строя торгово-крепостнического». [1]

Еще:

«Весь XVI и часть XVII в. в русской истории заполнены разложением описанного нами выше феодального строя и возникновением на его развалинах торгово-крепостнических отношений. Этот период заполнен шумом борьбы различных общественных классов». [2]

Таким образом Малышев достаточно определенно противопоставил крепостничество феодализму.

На такой же точке зрения стоит Арк. Сидоров, который пишет:

«Конечно, отдельные элементы крепостничества были и при феодализме, но вся система новых отношений складывается на месте отживающего свой век феодализма. Поэтому Энгельс не отожествляет крепостничества с феодализмом».

В № 14 «Историка-марксиста» помещена рецензия Арк. Сидорова на «Русскую историю» Рожкова. Сидоров в этой рецензии очень четко определяет крепостничество, как особую формацию, отличную от феодализма, и редакция «Историка-марксиста» ни одним словом не оговаривается, что она не согласна с автором рецензии. Я мог бы, товарищи, назвать еще ряд авторов, которые тоже писали, что крепостничество особая формация, и никто против этого не возражал, но, мне кажется, что достаточно приведенных примеров. Таким образом Дубровский далеко не одинок. Он имеет полное основание ссылаться на некоторые «традиции». Но это ни в какой степени не делает его точку зрения правильной. И мне кажется, что основное положительное значение книги Дубровского состоит в том, что он поставил вопрос о сущности феодализма и крепостничества на теоретическую почву, «блестяще» показал, насколько ошибочной является позиция товарищей, считающих феодализм и крепостничество разными общественными формациями.

Благодаря его книге внимание всех историков было привлечено к этому вопросу, имеющему огромное методологическое значение. И теперь ни Малышев, ни другие историки не будут «ни что же сумняшеся», писать таких вещей, какие они писали несколько месяцев тому назад, или во всяком случае натолкнутся на резко отрицательное отношение нашего общественного мнения.

После этих замечаний я перейду к критике точек зрения Дубровского, причем остановлюсь преимущественно на вопросе о феодализме и крепостничестве.

Обосновывая свою точку зрения, что феодализм и крепостничество являются разными общественно-экономическими формациями, Дубровский пытается опереться на Маркса и Энгельса и приводит целый ряд цитат. Но его ссылки на Маркса и Энгельса являются, выражаясь языком криминалистов, покушением с негодными средствами, потому что доказать Марксом и Энгельсом, не насилуя их,

[1] «Заочный коммунистический университет», № 1 за 1929 г., стр. 39.
[2] *Там же*, стр. 19.
[3] *Там же*, № 7 за 1929 г., стр. 35.

что феодализм и крепостничество — разные формации, никак нельзя. И Дубровский на протяжении 160 страниц своей книги самым беззастенчивым образом насилует Маркса и Энгельса. Здесь против Дубровского было мобилизовано достаточное количество цитат из Маркса и Энгельса, мне не хотелось бы увеличивать их число, я укажу лишь на три следующие момента.

Марксу и Энгельсу было чуждо самое понятие *крепостничества* как хозяйственной системы. Они употребляли термин die Leibeigenschaft, который часто переводят на русский язык словом «крепостничество», но который означает крепостную зависимость, личную несвободу крестьянина, но никак не социально-экономическую систему. Когда Маркс и Энгельс хотели обозначить хозяйственную систему, то они употребляли другой термин — Feudalismus. Вчитайтесь, Дубровский, более внимательно в марксовские тексты и вы убедитесь, что это так.

Крестьян, лично не свободных, крепостных, отрабатывающих барщину, Энгельс совершенно определенно называет крестьянами *феодальными:*

«Мелкие крестьяне бывают разного рода. Одни из них *феодальные* и отбывают *барщину*. Если буржуазия запоздала выполнением своей обязанности по отношению к ним, если она не освободила их от *крепостной зависимости*, то будет не трудно убедить их в том, что только в рабочем классе их спасение». [1]

Маркс, употребляя слово крепостной крестьянин, каждый раз противопоставляет классу крепостных не особый класс крепостников, как это делает Дубровский, а класс феодалов. Например,

«при рабовладельческих отношениях, при *крепостных отношениях*, при отношениях, в основе которых лежит обложение данью, присваивает, а следовательно, и продает продукты, рабовладелец, *феодал*, взимающее дань государство». [2]

Или в известном месте «Коммунистического манифеста», перечисляя классы-антагонисты, Маркс пишет: «патриций и плебей, *барон и крепостной*», а ведь барон типично феодальная фигура, олицетворение феодализма.

Таким образом ссылками на Маркса и Энгельса доказать, что крепостничество является особой общественно-экономической формацией, никак нельзя.

Ленин дал блестящее определение крепостничества. Он определил крепостничество четырьмя следующими признаками: господство натурального хозяйства, наделение производителя землей и средствами производства, личная зависимость от собственника земли и сосредоточение производства в руках мелкого крестьянина. Укажите, т. Дубровский, какой из этих признаков не свойственен феодальному хозяйству? Где здесь противоположность между феодальным и крепостным хозяйством? Я утверждаю, что это ленинское определение русского крепостничества целиком и полностью подойдет к западноевропейскому феодализму, больше того — к любому феодализму.

Коренная ошибка Дубровского состоит в том, что он неправильно

---

[1] *Энгельс*, Крестьянская война в Германии, стр. 14.
[2] Капитал, т. III, ч. I, стр. 310.

подошел к определению понятия способа производства и общественно-экономической формации, взял не тот признак, который следовало взять. Дубровский отказался от термина *расстановка*, но, отказавшись от этого термина, он нарушил цельность своей книги. Благодаря изъятию этого термина точка зрения Дубровского лишилась своей последовательности. Действительно, в основу определения различных способов производства Дубровский берет внешнюю расстановку людей в производстве, а не сущность производственных отношений, противоположность разных типов производственных отношений. Основанием деления у Дубровского являются различные формы земельной ренты, а переход от одной формы ренты, изменяя внешнюю «расстановку», нередко ничего не меняет в экономической сущности как самой ренты, так и соответствующих производственных отношений. Маркс прямо и совершенно определенно говорит об этом.

Противопоставляя крепостничество феодализму, Дубровский взял такой чисто внешний признак, как рента продуктами и отработочная рента, и на основании лишь этого признака выделил крепостничество в особую формацию. Но сам же Дубровский, рассматривая конкретный исторический материал, чувствует, что на отработочной ренте построить самостоятельной формации нельзя. Поэтому он в нарушение своего принципа, вынужден признать оброчные отношения и оброчных крестьян XVIII в. не феодальными, а крепостными, так как ведь для всякого мало-мальски грамотного историка совершенно очевидно, что считать барщинных и оброчных крестьян двумя разными классами никак нельзя.

В чрезвычайно затруднительном положении оказывается Дубровский, когда ему нужно бывает решить вопрос о переходе от феодализма к крепостничеству. Выходов у него несколько. Один выход — признать мирный переход, эволюционное перерождение феодализма в крепостничество. Но если феодализм и крепостничество разные формации, то признание перехода от одного к другому мирным, чисто эволюционным, означает отказ от теории революционного марксизма. И Дубровский понимает это и вынужден искать «крепостническую революцию». В поисках «крепостнической революции» Дубровский целиком встает на точку зрения Рожкова о дворянской социальной революции:

«Переход от феодальной формы государства к абсолютной монархии сопровождается ожесточенной борьбой создавшихся в рамках еще феодального строя крепостников против господства феодалов. Эта борьба составила основу русской опричины, которая была не чем иным, как борьбой нарождающегося класса феодалов».[1]

Здесь мы имеем развернутую теорию Рожкова о дворянской социальной революции. Но Дубровскому не хочется быть рожковцем, поэтому он бросается из стороны в сторону и ищет кроме дворянской еще другой революции. И совершенно неожиданно для читателя Дубровский находит «крепостническую революцию» в... крестьян-

[1] *С. Дубровский*, цит. брошюра, стр. 86 и 87.

ской войне! Но считать крестьянскую войну «крепостнической революцией» — это же абсурд! Крестьянская война и объективно и субъективно была борьбой не за утверждение крепостничества, а как раз наоборот — против крепостничества. Победа крестьянства должна была бы повлечь за собой ликвидацию крепостничества, а поражение — ничего не изменило в направлении общественного развития. Таким образом никак нельзя говорить всерьез о крестьянской войне как о необходимом условии для торжества крепостничества над феодализмом!

Однако, возражая против попыток Дубровского изобразить русское крепостничество как особую формацию, отличную от феодализма, мы должны ответить на вопрос, чем же было крепостничество, мы должны выяснить своеобразие исторического развития восточноевропейских стран, состоявшее в том, что в этих странах капитализму предшествовал период расцвета барщинного хозяйства.

В основе зарождения капиталистического способа производства лежит развитие противоположности между городом и деревней в недрах феодального общества. Отделение города от деревни приводило к расширению обмена и к росту на этой почве торговли и торгового капитала. Но развитие противоположности между городом и деревней в Западной Европе и в России пошло по разным путям, разными темпами, а поэтому давало различные результаты.

В Западной Европе растущая торговля очень скоро превращала в товарное производство не только производство прибавочного, но также и необходимого продукта. Это подрывало самые корни феодального способа производства, подрывало натуральный тип хозяйства, как необходимый элемент феодальной экономической системы. Под влиянием торговли феодализм разлагался и уступал место капиталистическому производству.

Иначе было на востоке Европы. Здесь развитие противоположности между городом и деревней происходило гораздо медленнее. Растущая торговля делала товарным производством пока лишь производство прибавочного продукта, а основное — производство необходимого продукта — продолжало оставаться натуральным, следовательно, сохранялся базис феодального хозяйства — натуральный характер процесса воспроизводства. При таких условиях торговля и торговый капитал не столько разлагали, сколько *консервировали* феодальный способ производства. Тип отношений между владельцами условий производства и непосредственными производителями остается старый, феодальный, но некоторая перестройка хозяйства в пределах феодального способа производства все же происходит. Производство прибавочного продукта отделяется от производства необходимого продукта. Прибавочный продукт начинает производиться как товар. Развивается таким образом барщинное хозяйство. К концу XVIII в. развитие товарно-денежных отношений в России делает новый шаг вперед. Растущая торговля начинает мало-помалу затрагивать производство необходимого продукта, превращать его также в товарное производство. Это означало уже не консервацию, а разложение феодального способа производства, так

как подрывалась его база — натуральный характер процесса воспроизводства. Барщинное хозяйство должно было уступить место капитализму.

В заключение я хочу сделать несколько замечаний по поводу постановки Минцем вопроса о торговом капитале. Когда Минц берет вопрос о торговом капитале в чисто теоретической постановке, он говорит в общем правильно, например он совершенно правильно подчеркивает, что нужно строго различать понятия торговли и торгового капитала, а у нас эти две вещи очень часто смешивают. Но когда Минц переводит теоретические положения о торговом капитале на язык конкретной истории, он допускает ряд ошибок. Минц говорит, что «торговый капитал *использует* феодально-крепостнические отношения». Это очень неосторожное выражение, которое неизбежно приведет к совершенно неверным выводам.

Wer «a» sagt, muss auch «в» sagen. Если вы скажете, что торговый капитал *использует* крепостничество, то вы должны будете сказать, что гегемония в экономической и социальной жизни принадлежала торговому капиталу, что политическая организация данного общества была организацией торгового капитала, что помещик-крепостник был агентом, приказчиком торгового капитала и т. д. Совершенно не случайно Минц уклонился от ответа на вопрос, настойчиво задаваемый ему с места Дубровским: отказывается ли он от своей прежней точки зрения, что российское самодержавие было политической организацией не помещиков-крепостников, а торгового капитала.

КАСИМЕНКО, В.

Я не собираюсь останавливаться на азиатском способе производства — препятствием здесь служит наше незнакомство с грандиозным фактическим материалом — и хотел бы ограничиться лишь одним замечанием. Мне кажется, что те товарищи, которые подобно мне мало знакомы с этим конкретно-историческим материалом, поступают весьма неосторожно, присоединяясь безоговорочно к взглядам Дубровского. Уже один тот факт, что вся концепция Дубровского покоится на весьма шатких и невыдержанных методологических основаниях, должен был бы заставить их отнестись весьма настороженно к его трактовке азиатского способа производства. Дубровский утверждает, что Маркс говорит об азиатском способе производства лишь в ранних работах. Но это неверно. Возьмите, например, «Теорию прибавочной стоимости» и вы найдете десятки упоминаний о специфических отношениях азиатских обществ. Маркс всегда выделяет их, всегда специально подчеркивает, что в азиатском обществе прибавочный продукт поступает не в распоряжение землевладельца, а государству. Вопрос об азиатском способе производства не может считаться решенным, он должен быть тщательно нами изучен и проработан не на основе упражнений с цитатами в стиле Дубровского, а на основе изучения конкретно-исторического материала.

Не буду долго задерживаться на критике того понимания крепостничества, которым Дубровский осчастливил науку. Я лишь хочу поставить ему несколько вопросов, на которые убедительно прошу его ответить в заключительном слове.

1. По Марксу рента продуктами является превращенной формой отработочной ренты, причем эта преемственность является не только логической, но и исторической. Пусть Дубровский потрудится доказать, как, в чем и почему ошибался Маркс, так как по Дубровскому, отработочная рента является превращенной формой ренты продуктами.

2. Почему Дубровский так обидел денежную ренту, не создав для нее никакой особой формации.

3. Пусть Дубровский докажет нам, в чем заключается противоположность феодальной и крепостнической формации.

4. Пусть Дубровский поподробнее разъяснит нам свое учение о переходе от одной формации к другой. Мы знаем, что капитализм, например, вырастает обычно из феодализма — как будто истории неизвестны случаи, когда из капитализма вырастает феодализм. Возьмем теперь Францию. Известно, что крепостные отношения во Франции с XV в. почти исчезают, тогда как до этого времени они там были очень сильны. До сих пор Францию XVI, XVII и XVIII вв. принято характеризовать феодальной страной. Таким образом, стоя на почве взглядов Дубровского, мы должны будем прийти к тому выводу, что во Франции из крепостничества вырос феодализм. Пусть Дубровский выяснит нам секрет подобных чудодейственных превращений.

Здесь справедливо отмечалось, что Дубровский по буржуазному рассматривает феодального крестьянина как свободного в отличие от крепостного крестьянина. Я хотел бы здесь только заметить, что даже и Петрушевскому никогда в голову не приходила мысль объявить феодального крестьянина свободным. В своих «Очерках» он говорит:

«Следует также иметь в виду, что как ни значительна была по своим размерам крепостная масса средневековой Европы, тем не менее в составе зависимого в том или ином смысле населения крупного поместья в общем она не составляла *большинства*, если не считать тех случаев, когда церковная ли корпорация или светский магнат имели возможность или надобность заселить своими рабами или крепостными целые деревни, вновь устроенные ими на незанятых до тех пор частях своей территории». [1]

Петрушевскому далеко до Дубровского — он борется лишь с тем взглядом, по которому большая часть феодального крестьянства была несвободной. Я думаю, что нет совершенно никакой необходимости опровергать эту «оригинальную» теорию Дубровского — достаточно знать историю, хотя бы в объеме, обязательном для школьника первой ступени, чтобы оценить ее по достоинству.

После этих замечаний, позвольте остановиться на крепостничестве по существу вопроса. Чем же в действительности является

---

[1] *Петрушевский*, Очерки из экономической истории средневековой Европы, Гиз, 1928, стр. 162.

крепостничество? Нет никакого сомнения в том, что крепостничество и феодализм являются одной и той же общественно-экономической формацией, что по способу производства, по производственным отношениям между ними нет никакой разницы, а тем более — противоположности. Здесь в прениях было высказано мнение, считающее крепостничество стадией феодализма и притом позднейшей. Эта точка зрения не выдерживает конкретно-исторической проверки. В ряде стран (английский или французский феодализм) крепостные отношения наиболее широко распространены именно в ранний период.

Дубровский пытается провести историческую грань между феодализмом и крепостничеством в этом же направлении. Он считает, что на Западе эта грань проведена волною крестьянских войн: до нее — феодализм, после — крепостничество. И здесь Дубровский демонстрирует такое же блестящее знакомство с конкретной историей, как и в других областях своего «труда». Что надо понимать под крестьянскими войнами на Западе? Очевидно, Жакерию (1358 г.), восстание Уота Тайлера (1381 г.) и Великую крестьянскую войну в Германии (1525 г.). Дубровский думает, что после них феодализм «перерос» в крепостничество. К сожалению, это ни в какой мере не соответствует историческим фактам. Будет очень любопытно послушать, как Дубровский будет нам доказывать, что после Жакерии и восстания Уота Тайлера во Франции и в Англии расцвело крепостничество! Но он может указать на Германию. Но поражение крестьян в Германии в 1525 г. «не ухудшило надолго положения крестьянского класса», говорит Энгельс. Крестьянская война и для северо-восточной Германии отнюдь не является ни рубежом, ни решающим фактором в образовании там крепостничества. До северо-востока Германии крестьянская война не докатилась, если не считать восстания в Восточной Пруссии (так наз. Замландского). Возникновение и рост крепостничества в Пруссии никак не связаны с крестьянской войной, гораздо большее влияние на положение крестьянства во всей Германии, а особенно в Бранденбурге и Пруссии, оказала тридцатилетняя война (1618 — 1648 гг.), которую уж никак нельзя считать реакцией крестьянства на процессе его закрепощения. Поэтому приходится признать, что точка зрения Дубровского находится в полном противоречии с исторической действительностью.

Что же такое крепостничество? Надо иметь в виду, что феодализм имеет разные варианты своего развития: французский феодализм, напр. и английский отличаются друг от друга известными конкретно-историческими черточками. Но в еще большей степени отличаются феодальные отношения Восточной Пруссии от английских и французских. *Крепостничество в его развитом виде есть своеобразный вариант феодализма, та форма, которую приняли феодальные отношения в восточной Европе.* Можно отчетливо наметить территориальные границы распространения этого варианта: к востоку от Эльбы вплоть до Уральского хребта мы встретим те области: Бранденбург, Восточная Пруссия, Польша, Россия — уклад аграрных отношений которых должен быть определен как крепостнический.

Если искать причины, благодаря которым феодализм в восточной Европе принял такую специфическую форму, то, мне кажется, они заложены в неразвитости противоположности между городом и деревней, слабости элементов чисто капиталистического развития в этих областях. Именно здесь заложены глубочайшие основы «прусского пути».

Для всех крепостнических стран характерна экономическая отсталость, незначительность городов, слабое развитие промышленности, *отсутствие большого внутреннего рынка для сельского хозяйства. В них не смогли сложиться и созреть те силы, которые в Западной Европе размывали феодализм изнутри.* Город не достиг в Восточной Европе той высоты, при которой сельское хозяйство развивается под его воздействием.

Поэтому прусский юнкер или русский помещик могли выступить монополистом сельскохозяйственного производства и организовать его сообразно своим интересам, пользуясь услугами своего политического центра — государственной власти — и не встречая резкого противодействия со стороны буржуазных элементов. При этом нельзя забывать, что экономическая эволюция восточной Европы носит до известной степени «производный» характер — внешнее воздействие таких стран, как Англия и Голландия, зачастую играет огромную, решающую роль, особенно в области сельского хозяйства. Достаточно указать хотя бы на значение хлебной торговли Пруссии с Англией и Нидерландами. Поэтому-то крепостнические пережитки оказываются в Восточной Европе наиболее закостеневшими, поэтому и развитие капитализма там, где имеет место восточно-европейский вариант феодализма — крепостничество, наталкивается на величайшие препятствия и с большим трудом пробивает себе дорогу.

В заключение несколько слов о торговом капитале. В нашей среде теперь как будто нет сторонников той точки зрения, которая считает, что торговый капитал создает свою специфическую общественно-экономическую формацию — торговый капитализм. Нет нужды поэтому доказывать, что, *поскольку общественно-экономическая формация прежде всего должна быть определена по производственным признакам, по способу производства, постольку и торговый капитал, существующий при самых различных способах производства, не может создать своей формации.*

Даже Кунисский не решился здесь утверждать, что торговый капитализм является специфической формацией.

Однако в литературе эта архаическая точка зрения, ведущая свое происхождение от Богданова, довольно широко представлена. Возьмите ряд популярных учебников — Фридлянда, Лукина и др. и вы там ее встретите.

Вот один из последних примеров — Проспект философской энциклопедии. Авторы его обещают выпустить целый том, посвященный философии «Эпохи торгового капитализма». Поэтому было бы преждевременно складывать оружие в борьбе против неверной концепции.

Но вот является Дубровский и начинает свой «великий бунт» против торгового капитала. Он широко раскрывает двери исторической

науки, выталкивает за них торговый капитал, награждает его парой хороших пинков и захлопывает крепко двери. И когда он в полном сознании своего героического подвига приглашает окружающих полюбоваться своей работой, он неожиданно обнаруживает вместо восторженного удивления на их лицах непочтительные усмешки. Немудрено — если присмотреться внимательно к его «восстанию», то оно окажется жалким бунтом, бунтом на коленях перед торговым капиталом. Я утверждаю, что вы не найдете ни одного историка, в концепции которого торговый капитал играл бы такую грандиозную роль, как в концепции Дубровского.

В самом деле. Чем вызывается переход от феодализма к крепостничеству? Развитием торгового и ростовщического капитала. Чем вызывается ликвидация крепостничества? Тем, что оно смывается «волною развивающегося торгового капитализма». Кто является героем первоначального накопления? Торговый капитал. Кому обязаны своим происхождением города в эпоху феодализма? Опять тому же самому многострадальному торговому капитализму. Что лежит в основе эволюции феодального общества? Торговый капитал.

Но этого мало. Оказывается, что торговый капитал и в наши дни, дни строительства социализма, продолжает сохранять свое грандиозное значение. Разверните 122-ю страницу труда Дубровского и вы натолкнетесь на следующее изумительное «откровение».

«*Подлинная борьба против торгового и ростовщического капитала ведется не на первом этапе революции, а на втором, когда именно охват развивающимся социализмом всего хозяйства позволяет всему социалистическому сектору все более вытеснять капитал не только из сферы производства, но также и из сферы торговли и ростовщичества*» (курсив автора). — *В. К.*).

Таким образом, хотя прошло уже и 12 лет революции, не будь Дубровского — мы бы и до сегодня не знали, что в СССР «подлинная борьба» с торговым капиталом только начинается. Поистине, нужно обладать совершенно больным воображением, чтобы дойти до такой гипертрофии, такого искривления роли торгового капитала!

Вот почему большую ошибку допустила кафедра русской истории Свердловского университета, как мы это отмечали там в дискуссии, когда считала, что Дубровский стоит на правильных позициях в вопросе о торговом капитале. Дубровский формально заявляет, что торговый капитал не создает своей общественно-экономической формации. Но посмотрите сами, — как много закостеневших «пережитков» торгового капитализма в его концепции. Возьмите даже терминологию — «торговый капитализм» повторяется в книжке Дубровского каждые 10 — 12 страниц.

Дубровский. — Оговорился, только три раза.

Касименко. — Вот Дубровский заявляет, что это оговорка. Но посмотрите — что тогда получается. Богдановско-бухаринская «расстановка людей в процессе производства» — оговорка, формация переходной эпохи — оговорка, торговый капитализм — оговорка... Получается не концепция, а одна сплошная оговорка.

Позвольте здесь распрощаться с Дубровским и возвратиться к торговому капиталу. Ряд товарищей, отказавшись от теории «тор-

гового капитализма», выдвигают ее заместителем «эпоху торгового капитала». Мне кажется, что будет не плохо, если на нашей дискуссии мы заодно с концепцией Дубровского прикончим и эту концепцию. Коренной порок понятия «эпохи торгового капитала» заключается в том, что: 1) оно страдает крайней неопределенностью — торговый капитал был в эпоху глубокой древности (Рим, Карфаген и т. д.) и в средневековой Венеции и Генуе, и в более позднюю эпоху — в Голландии, Англии и т. п.; поэтому термин «эпоха торгового капитала» носит такой всеобъемлющий характер, что... перестает что-либо говорить; 2) оно смазывает марксово понятие «мануфактурного периода» (XVI — XVIII вв.) и связано с ошибочными представлениями о роли и значении торгового капитала.

Рискуя вас утомить, я все таки считаю необходимым привести некоторые высказывания Маркса по этому вопросу. Как Маркс определяет «мануфактурный период»?

«Как характерная форма капиталистического процесса производства, она (т. е. мануфактура) господствует в течение мануфактурного периода в собственном смысле этого слова, т. е. приблизительно с половины XVI ст. до последней трети XVIII. [1]

Таким образом Маркс устанавливает вполне определенные исторические рамки для мануфактурного периода. В этих границах мануфактура является ведущей, определяющей и господствующей формой капиталистического производства.

Минц. — Никогда мануфактура не господствовала.

Касименко. — Извините, вы глубоко ошибаетесь, отрицая это. Позвольте сослаться на ту же главу «Капитала».

«В собственно-мануфактурный период, — говорит Маркс, — т. е. *в период, когда мануфактура была господствующей формой капиталистического способа производства, полное осуществление присущих ей тенденций наталкивается на разнообразные препятствия».* [2]

Вы видите, что Маркс и не думал отрицать господствующей роли мануфактуры.

Мне кажется, что отрицательное отношение к мануфактурному периоду основано на том, что многие до сих пор мануфактурой считают лишь ту ее форму, которая известна всем по знаменитому описанию Адама Смита, т. е. централизованную мануфактуру. И Кунисский, с торжеством размахивая цитатой из «Капитала», в которой мануфактура названа «кунстштюком», недалеко ушел от подобного представления и совершенно не заметил того, что Маркс говорит о двояком происхождении мануфактуры и о другом типе мануфактуры — о рассеянной мануфактуре.

Я чувствую известную неловкость, что приходится говорить о таких, азбучных для всякого марксиста истинах, но что поделаешь — если после Маркса и после Ленина, прекрасно осветившего этот вопрос в «Развитии капитализма в России», находятся историки, до сих пор не пошедшие в своих взглядах на мануфактуру дальше Смита.

---

[1] Капитал, стр. 313.
[2] Капитал, т. II, стр. 346.

А между тем, другой тип мануфактуры, который вырастал в тех случаях, когда торговый подчинял себе непосредственного производителя, сводя его на положение наемного рабочего, когда крупная мастерская, принадлежащая торговому капиталисту (превращающемуся уже теперь в промышленного капиталиста), сосуществует с системой раздачи работы на дом и опирается на нее, этот тип мануфактуры, вырастающий из мелких промыслов, играл крупнейшую роль. Возьмите «Развитие капитализма в России» и проследите за его развитием. И вы увидите какое крупное революционизирующее значение имела «рассеянная мануфактура», как она была необходима для глубокой вспашки почвы, на которой вырос современный капитализм.

Если смотреть на мануфактуру с такой точки зрения, то станет понятным, почему Маркс назвал период капитализма — «мануфактурным периодом». Это понятие имеет колоссальную методологическую ценность: только понимание особенностей этого периода позволит понять действительное место торгового капитала в истории, процесс возникновения и развития капитализма.

Можно встретиться с возражениями подобного рода: «мануфактурный период» оставляет в стороне аграрную эволюцию, которая к мануфактуре отношения не имеет. Чем неправильна эта точка зрения? Тем, что она совершенно не обращает внимания на то революционизирующее воздействие, которое процесс развития мануфактуры оказывает на аграрные отношения. Возьмите «огораживания» и превращение пашни в пастбище в Англии XVI в. — непосредственный толчок к ним был дан расцветом фландрской шерстяной мануфактуры. И дальнейшая эволюция аграрных отношений проходит под сильнейшим влиянием мануфактуры. Маркс говорит, что мануфактура создает новый класс мелких земледельцев, для которых обработка земли является лишь побочной отраслью, а главное занятие — промышленный труд, изготовление продуктов, продаваемых непосредственно или при посредстве купца — на мануфактуру.[1] Это одно из тех обстоятельств — хотя и не самое важное из них, — которые прежде всего могут спутать человека, изучающего английскую историю.

Всем известно, что мануфактура не могла чувствовать себя уютно в рамках цехового, окованного монополиями и регламентацией, города, что она бежала в деревенские области, в которых не было контроля старых цехов. Известна также борьба, которую вели — и притом безуспешно — против этого цеховые города. Вспомните хотя бы указ Людовика XV от 1762 г., разрешивший в сельской части Франции внецеховые промыслы. Неужели водворение мануфактуры в сельских округах могло бесследно пройти для аграрных отношений. Ведь совершенно ясно, что *каждый шаг развития мануфактуры непосредственно влиял на аграрный строй, преобразуя экономику и разрушая прежние аграрные отношения.*

Голос с места. — А торговый капитал все таки был.

[1] Капитал, т. I, стр. 741.

Касименко. — Поздравляю вас с вашим «открытием». Не только был, но и играл огромную роль в истории, и без него было бы немыслимо возникновение капитализма. Но нужно понять его настоящее место в процессе создания капитализма — в этом гвоздь вопроса. Нужно не забывать, *что торговый капитал сам по себе не создает капиталистического способа производства. Являясь необходимой предпосылкой возникновения капитализма, торговый капитал может привести к возникновению капитализма только в тех случаях, когда почва создана предшествующим экономическим развитием той или другой страны.*

Голос с места. — Правильно.

Касименко. — И именно потому, что это правильно, совершенно неправильно считать «торговый капитализм» первой стадией капитализма, как это делает Кунисский. Эта точка зрения ставит знак тождества между первоначальным накоплением и торговым капиталом, видит в первоначальном накоплении только деятельность торгового капитала. Но, извините, создание предпосылок для возникновения капитализма вовсе не ограничивается работой торгового капитала. А аграрная революция, эксплоатирующая мелкого земледельца и превращающая рабочую силу в товар, разве не является необходимой предпосылкой капитализма? А развитие общественного разделения труда в форме мануфактуры — разве не менее необходимая предпосылка капитализма? Отбросьте эти элементы первоначального накопления, оставьте только торговый грабеж и колониальный разбой — и вы получите «испанский путь» развития, Голландию, но не промышленный капитализм. Я приведу еще одну — имеющую важнейшее значение — выдержку из «Капитала» по интересующему нас вопросу:

«Не подлежит никакому сомнению, — *и именно этот факт привел к совершенно ошибочным взглядам* — что великие революции, происшедшие в торговле в XVI и XVII вв. после географических открытий и быстро подвинувшие вперед развитие купеческого капитала, составляют главный момент в ряду тех, которые содействовали переходу феодального способа производства в капиталистический. Внезапное расширение мирового рынка, умножение обращающихся товаров, соперничество между европейскими нациями в стремлении овладеть азиатскими продуктами и американскими сокровищами, колониальная система, — все это существенным образом содействовало разрушению феодальных рамок производства. *Между тем современный способ производства в своем первом периоде, мануфактурном периоде, развивался только там, где условия для этого создались еще в средние века.* Стоит сравнить, например, Голландию с Португалией». [1]

Маркс с исчерпывающей ясностью разъяснил этот вопрос и подчеркнул, что те, для которых великие торговые революции заслонили все окружающее, приходят к ошибочным взглядам. Таким образом мануфактурный период не отменяет торгового капитала, но надо все ставить на свое место и не превращать торговый капитал в единственного демиурга капитализма и исторического процесса.

Я заканчиваю. Мне кажется, что задачей настоящей дискуссии является не только разобрать концепцию Дубровского, но и рассмотреть ряд важных исторических вопросов по существу. Поэтому

[1] Капитал, т. III, ч. I, стр. 317.

я думаю, что если мы похороним и концепцию Дубровского и теорию «торгового капитализма» заодно с ней, то издержки дискуссии в значительной степени окупятся.

Что касается до взглядов Дубровского, то после разбора, которому они здесь подверглись, с несомненной ясностью выявилось, что они представляют собой весьма причудливую, но отнюдь не диалектическую кашу, в которой перепутались буржуазные, народнические, механистически-вульгаризаторские влияния.

В прекрасных выступлениях Зоркого и Ванага, в выступлениях ряда других товарищей было совершенно правильно подчеркнуто оппортунистическое лицо концепции Дубровского. Да и в самом деле — чего можно ждать от такого историка, который здесь всем кричал: «а где у вас классовый момент?» и который в основу всей своей исторической концепции положил не анализ классовых противоречий, а ультрабуржуазную теорию «кризиса экстенсивного хозяйства».

Такому историку мы искренно можем пожелать только одно: поставить крест над своим «дополнением» к марксизму, вернуться к Марксу и Ленину, начать заново учиться, начать с азов марксизма и уже после этого приступать к работе над конкретно-историческим материалом.

БРОНИКЕР, З.

Хотя Дубровский сказал, что нет ни одного места у Маркса, которое было бы против него, я думаю, что ему лучше было бы придерживаться обещания, данного на аграрной конференции: «отказываюсь априори от всех моих будущих ошибок».

Голос с места. — Он так и сказал?

Броникер. — Да, так и сказал.

Дубровский. — Извините, я этого не сказал, я индульгенции себе не покупал и этого не говорил. Это Литвинову нужна индульгенция.

Броникер. — К сожалению, память Дубровскому изменила. Мне кажется, что с этой трибуны Дубровскому придется все-таки реализовать свои обещания или пойти дальше с тем букетом, о котором уже говорили предыдущие товарищи и к которому я прибавлю еще один цветок, очень махровый. Имя его очень известно нашим товарищам, особенно западникам. Это Неусыхин, ученик Петрушевского. Касименко уже говорил о том, что Дубровский стоит на коленях перед торговым капиталом. Я должна добавить, что он не только стоит на коленях, но снял шапку и глубоко поклонился торговому капиталу. В этом отношении он пошел по стопам Неусыхина. Последний представил дополнения к одной программе для дневных рабфаков, где предвосхитил Дубровского. Точка зрения Петрушевского и его ученика относительно феодализма, крепостничества и роли торгового капитала была достаточно раскритикована нашими товарищами, и мы не возвратимся к этой полемике.

В вышеуказанных дополнениях Неусыхин, повторяя или предвосхищая Дубровского, устанавливает тоже бесконечное количество способов производства. А в вопросе о роли торгового капитала категорически заявляет, что «торговый капитал есть особая форма общественных отношений людей друг к другу».

Правильно делали те товарищи, которые, выступая против Дубровского, критиковали не отдельные его высказывания, а всю его концепцию в целом. В этом отношении был прав Ванаг, который в своей критике Дубровского связал вопрос об общественно-экономической формации с его теорией об интенсивном и экстенсивном хозяйстве... И напрасно Дубровский пытается разрывать свою концепцию по аграрным вопросам от исторической. Они органически связаны. Не желая того, он сам доказывает это в своих работах. Примером может послужить 2-е издание 1930 г. его «Столыпинской реформы», где на 322 и последующих страницах он продолжает свою старую легенду о том, что

«в крепостном хозяйстве мы имеем новый класс угнетенных крепостных рабочих вместо свободных крестьян на одном полюсе и новый класс — помещиков в противоположность старому классу — феодалов».

Не подлежит никакому сомнению, что механистические тенденции находят почетное место во всех его работах, как по аграрным, так и по историческим проблемам.

Выступавшие товарищи достаточно убедительно доказывали наличие не только механистических тенденций, но фактической механистической концепции в области истории. А в области аграрных проблем разве недостаточно «красноречиво» *и именно по-механистически* звучит его заявление по поводу движения вперед сельского хозяйства в условиях диктатуры пролетариата в сравнении с подъемом сельского хозяйства при Столыпине. Мы не голословны. В своем предисловии к новому изданию «Столыпинской реформы» он недвусмысленно сообщает нам, что

«достаточно сравнить темп развития сельского хозяйства по его основным отраслям с темпом развития в годы Столыпина, чтобы видеть, насколько первые идут впереди других».

И этакое сравнение без классовой оценки проведенных темпов преподносится нашим автором «Столыпинской реформы» как стопроцентный марксизм. По-нашему, — это типичный механистический подход. «Цифрики» сейчас, цифрики в период столыпинщины и по голым «цифрикам» заключать: мы идем впереди Столыпина. Куда идем, с кем идем, в данном сравнении не столь важно для нашего автора, преклоняющегося перед «цифриками».

Можно было бесконечно умножить количество цитат, но нам кажется, что и это достаточно характеризует его механистический подход.

Вся наша критика, которая проходит сейчас, имеет отражение в среде студенчества, с которым мы занимаемся. Не успела я еще высказаться о книге Дубровского «К вопросу о сущности «азиатского» способа производства и т. д.» как один из беспартийных

лекторов в этом же вузе в своей лекции воспроизвел всю книжку Дубровского и усиленно рекомендовал ее студентам. Студенты, уходя с этой лекции, говорили: Однако Дубровский сделал «шаг вперед». Но по сравнению с кем? По сравнению с Неусыхиным. В своем отступлении от марксизма, твердили студенты, Дубровский сделал «шаг вперед» по сравнению с Неусыхиным.

Эта блестящая характеристика дана людьми, которые только начали учиться. Они и то уже заметили, что мы имеем здесь не только ошибочные высказывания, а определенную антимарксистскую концепцию.

И когда говорят о философском обосновании этой концепции, студенты чистосердечно вопрошают: «Какое же требуется теоретическое обоснование, когда богдановская концепция так и прет наружу».

Таким образом мы видим, что и учащиеся, прорабатывая только отдельные главы критикуемой нами книжки Дубровского, сразу улавливают его механистический подход и дают должную оценку всей его концепции.

ТОЛМАЧЕВ, Г.

Последнее выступление Дубровского, напечатанная уже шестым изданием работа Кушнера и многие другие работы и труды, подтверждают то, что нередко немарксистские, даже антимарксистские книги печатаются, прикрываясь печатью какого-либо партийного учреждения. Для примера приведу два интересных случая. В журнале «В помощь партучебе», в органе АППО ЦК и МК ВКП(б), в одном из заданий утверждается:

«Развитие капитализма в Европе началось с XVI в., причем до конца XVIII в. *господствовал* торговый капитал».

И далее в развитие этого ошибочного тезиса автор этого задания Гессен и редактор Карпов преподают пропагандистской партийной сети, что

«свою политическую организацию торговый капитал создал в виде абсолютной, самодержавной монархии, сохранившей в себе много черт политического строя феодолизма».

И это печатается с утверждения методической комиссии МК, в которой значительную часть работы выполняют слушатели нашего исторического отделения.

Неменьшая путаница в этом же вопросе царит и в учебнике по истории развития общественных форм Кушнера. Чтобы не быть голословным, приведу две выдержки из этого учебника. В нем Кушнер заявляет:

«*эпохой торгового капитала* мы называем только те периоды истории человечества, когда *торговый капитал оказывается гегемоном всей экономической жизни*, а не те периоды, когда он только зарождается». [1]

[1] *П. Кушнер* (Кнышев), Очерк развития общ. форм, изд. КУС'а, М. 1929 г., 6-е изд., стр. 493.

На следующей же странице этому положению дается и историческая иллюстрация:

«только в Западной Европе торговый капитал *совершенно самостоятельно, без внешних воздействий и влияний развился в настоящий капитализм* (можно ли дальше отходить от Маркса, оставаясь историком-марксистом? — *Г. Т.*), в то время как в других странах (Греция, Рим) он или вовсе не достигал такого развития, или (Япония, Китай) переходил в промышленный капитализм только под влиянием развитых стран».

Здесь не только защита формации торгового капитализма, но и утверждение о возможности развития капитализма не только из феодальной формации, но и господства промышленного капитализма в Китае и т. д. и т. п.

Поэтому-то, сейчас борьба за диалектический материализм в исторической науке, борьба против перенесения механистических методов в марксистскую историографию является актуальной научно-политической задачей.

На прошлом заседании мы все слышали реплику Дубровского в ответ на прекрасное выступление Зоркого, обвинившее автора теории о существовании крепостнической формации еще в том, что он является одним из антиленинских теоретиков третьего «комбинированного» пути развития нашего сельского хозяйства. И Зоркий не был голословным. В доказательство правильности своего обвинения он привел существенную выдержку из работы Дубровского.

Вместо того чтобы признать свою политическую ошибку, Дубровский задорно обвинил самого Зоркого в незнании и непонимании ленинизма: «ты ничего,— кричал он,— не понял в Ленине. Нэп — это и есть тот третий комбинированный путь». Конечно, кто-то из них двоих не понял Ленина. Но кто — на это отвечает речь Сталина на конференции аграрников-марксистов.

Своим утверждением о наличии между феодализмом и капитализмом особой крепостнической формации, Дубровский вносит поправку к Марксу, Ленину и программе Коминтерна.

В самом деле, последняя в полном согласии с положением Энгельса, что уничтожение феодализма, выражаясь положительно, есть то же самое, что и установление буржуазного строя, утверждает:

«буржуазные революции лишь в течение столетий положили конец политическому господству феодальной знати во всем мире...»

Разрешите мне ограничиться этими замечаниями по поводу работ Дубровского, хотя они и заслуживают большего. Но, во-первых, я целиком согласен с выступлением здесь Зоркого, во-вторых, потому, что я хочу остановиться на двух интересующих меня вопросах.

Это — об исторической роли торгового капитала и о формах феодального государства.

В первом из этих вопросов, как мне кажется, делает ошибку и Зоркий.

Ставя в основном правильную задачу, Зоркий, как мне кажется, делает одну ошибку. Он объявляет мануфактуру, мануфактурный

период — первой стадией капитализма. Обратимся в этом вопросе к работам Маркса и Энгельса.

Мы читаем в «Антидюринге»:

«сконцентрировать мелкие средства производства, расширить, превратить их в могучий современный производительный рычаг, — это была настоящая историческая задача капиталистического способа производства и его представительницы буржуазии. *О том, как она выполнила эту задачу, начиная с XV ст., как производство прошло три ступени исторического развития — простой кооперации, мануфактуры и крупной индустрии* — изложено обстоятельно Марксом в четвертой главе «Капитала».

Тот, кто обратится по указанию Энгельса к этой главе, увидит, что определение Энгельсом трех ступеней развития капитализма в промышленности не случайно, оно опирается на тщательный анализ Марксом «методов производства относительной прибавочной стоимости». [1]

Несмотря на это совершенно четкое и ясное определение Марксом и Энгельсом этапов, стадий развития капиталистического производства, Зоркий в обоих своих докладах (и в Обществе историков-марксистов и в «Свердловске») объединяет мелкое товарное производство (преимущественно крестьянские промыслы), простую капиталистическую кооперацию, с мануфактурой. Это есть игнорирование начальной, исходной, первой ступени капиталистического производства.

Но против этого говорит и вся работа Ленина о развитии капитализма в России. В ней Ленин, исследуя ступени этого развития, целиком подтверждает схему трех ступеней, данную Марксом и повторенную Энгельсом. Этим Ленин показывает, как из мелкого производства (преимущественно мелкого крестьянского промысла) вырастают мануфактуры, а развитие производительных сил, появление машины преобразует последнюю в фабрику. Ленин подытоживает свой раздел о развитии капитализма в русской промышленности специальной главой «Три стадии развития капитализма в русской промышленности». В ней мы читаем:

«Главных стадий этого развития три: 1) мелкое товарное производство (мелкие, преимущественно, крестьянские промыслы), 2) капиталистическая мануфактура, 3) фабрика (крупная машинная индустрия)».

Таким образом игнорирование капиталистической кооперации, смазывание ее путем объединения с мануфактурой, есть недооценка ее особенностей и значения этой ступени капитализма. Товарищи, увлекаясь общими сходными чертами, просматривают их различие. Всякий, кто сравнит указываемую мною часть работы Ленина с четвертой главой «Капитал», увидит, что в них речь идет об одном и том же. Сравнение «Антидюринга» и «Развития капитализма в России» покажет то же самое.

Некоторые товарищи, когда с ними разговариваешь об этой работе Ленина, пробуют ограничить его выводы указанием, что речь идет о развитии капитализма лишь в русской промышленности. *Что это неверно, видно хотя бы уж из того, что* Маркс и Энгельс,

---

[1] Капитал, т. I, стр. 240.

изучавшие развитие капитализма в Западной Европе, еще задолго до работы Ильича, дали эту же схему. Кроме того, изучение развития капитализма на Западе целиком подтверждает наличие в важнейших европейских странах всех этих *трех ступеней капитализма*. Разрешите мне просто сослаться на известную работу Туган-Барановского.

Мне кажется, сомнение в существовании и значении в развитии капитализма его *первой производственной ступени — капиталистической кооперации* — ошибочно. Но мне кажется, что оно вытекает из ошибочной оценки Зорким и другими товарищами исторической роли торгового капитала.

И у этих товарищей и у Дубровского утверждается, что роль торгового капитала сводится *или* к консервации, *или* к разложению господствующего способа производства. При этом говорится о торговом капитале вообще. Мне кажется, что абстрактный вопрос об отношении торгового капитала к производству и о роли его в развитии общества относится к компетенции политической экономии, или, если хотите, к теории исторического материализма. Историзм же, пользуясь выводами этих дисциплин, пользуясь диалектическим методом, должен показать на фактах и на конкретных примерах роль, место и значение торгового капитала в определенную историческую эпоху и в определенной стране.

Поэтому-то тезисы Минца, Зоркого, Дроздова меня *не удовлетворяют*. Нельзя говорить о роли и значении торгового капитала во все времена, во всех странах, во всех общественных формациях, как роли одинаковой.

Развитие торгового капитала в эпоху феодализма разрушает феодальные производственные отношения, мешающие этому процессу, и ведет к созданию класса капиталистов и класса неимущих наемных рабочих. Этим создавались необходимые предпосылки, нужные условия для победы капиталистического производства. Нам, историкам, игнорировать это ни в коем случае не рекомендуется.

Маркс говорил, что задача истории заключается не в том, чтобы находить в различных явлениях общие черты, но отличные, специфические особенности. И если мы присмотримся к процессу развития капитализма в промышленности, то мы увидим, что различные формы снабжения сырьем, различные формы собственности на орудия производства играют в этом процессе громадную роль. Схема, согласно которой в истории был феодальный способ производства, на смену которого сразу пришла мануфактура, как исходная ступень капитализма, естественно сводит к нулю роль и значение торгового капитала в этом процессе. Доводя до крайности основное положение марксизма, что никогда не существовало торгового капитализма, наши товарищи заявляют о полной непричастности торгового капитала к производству, отрицают почти всякую роль и значение его в зарождении, становлении и победе капиталистического производства.

Поэтому-то, Дроздов в своих тезисах поучает студентов:

«Нельзя судьбу докапиталистических способов производства механически связывать с развитием торгового капитала; переход от старого к новому способу

производства зависит каждый раз не от торгового капитала, а от характера способа производства».

Выставив против своих противников (а он бьет главным образом по М. Н. Покровскому) устрашающее обвинение в механистичности, антимарксизме, Дроздов продолжает:

«Торговый капитал олицетворен в купеческом классе и только в нем одном».

Провозгласив свои заповеди на вечные времена и для всех народов, Дроздов отделывается от изучения вопроса. Недалеко от Дроздова в этом вопросе ушел и Зоркий. Отдав должное Марксу, заявив, что

«торговый капитал играет огромную роль в процессе перехода от феодализма к капитализму, хотя и не решающую роль»,

он устанавливает затем, что

«торговый капитал разлагал старый способ производства, но сам по себе он не мог вызвать перехода к новой формации».

Зоркий, за многими словесными прикрытиями, по существу повторяет ошибку Дроздова и развенчивает роль торгового капитала в процессе перехода от феодализма к капитализму. Он, для того чтобы было крепче его утверждение, употребляет для этого те же слова, что и Ленин. Но, сравним его мысль с мыслью Ленина:

«Сами по себе, ни торговый, ни ростовщический капитал не составляют еще *достаточного условия* для возникновения промышленного капитала».

Судите сами: здесь мысль совсем другая. Недостаточно торгового и ростовщического капитала и тех условий, которые он создает, видоизменяя производство, разлагая старые феодальные производственные связи, *нужен решающий скачок в развитии производительных сил — к машине.*

Разрешите утомить ваше внимание цитатой из «Развития капитализма в России».

«Торговый капитал, пишет Ленин, *не всегда разлагает* старый способ производства и *ставит на его место капиталистический способ производства*» (курсив мой. — *Г. Т.).*

Ведь если стать на точку зрения Дроздова и Зоркого, эти формулировки Ленина надо было бы отвергнуть. Конечно само перерастание торгового капитала в промышленный только превращение купца в организатора производства, подчинение промышленности капиталу, как мы имели на 1-й и 2-й ступенях развития капитализма, не обеспечивают еще его господства в обществе. Для последнего требуется промышленная революция, нужна машина. Поэтому-то Владимир Ильич и заявляет, что

«именно переход от мануфактуры к фабрике имеет *особенно важное значение* в вопросе о развитии капитализма. Кто смешивает эти две стадии, тот лишает возможности понять преобразующую, прогрессивную роль капитализма».

Мы имеем также ряд ошибок и в вопросе о феодальном государстве.

Вчера один товарищ, признавая «незаконнорожденность» особой крепостнической формации, вместе с тем заявил: Но, знаете, нельзя объединять централизованное государство, ну хотя бы Россию времен Екатерины II или Александра I, или французское коро-

левство накануне Великой французской революции, с раздробленными феодальными монархиями X—XI вв. под общим названием феодального государства. Здесь мы не имеем специфических черт феодализма, раздробленности, тут мы имеем ряд обстоятельств, которые отличают эти государства от общественных организаций феодальной формации.

По существу, здесь налицо прикрытая формой сомнения прямая защита теории Дубровского.

Мне думается, что это положение товарищей является результатом их неверного утверждения, что каждая формация имеет лишь одну только, ей присущую форму государственной надстройки. Это опять ошибки механистического порядка. Такое абстрагирование выбрасывает совершенно историческую действительность с ее сложным переплетением различных государственных укладов, с взаимодействием общественной надстройки на базис господствующей формации. Мне кажется, что даже феодальные производственные отношения не были одинаковыми на всем протяжении феодальной эпохи. Они на основе развития производительных сил, под влиянием роста ростовщического и торгового капитала изменялись сами, и соответственно этому процессу происходили изменения и в государственной надстройке. Это же подтверждает и изменение форм буржуазного государства. Можем ли мы сказать, что монархия или республика являются специфической формой буржуазного господства? Конкретная действительность прекрасно отвечает на этот вопрос. Мы видим, что эта форма буржуазного государства видоизменяется в зависимости от развития классовой борьбы и ряда других причин. Мы в истории буржуазных государств видим, как республика сменяет монархию и наоборот, видим, как фашизм приходит на смену парламентаризму и наоборот.

В зависимости от целого ряда процессов могло изменяться, развиваться и феодальное государство.

В нашей исторической науке борьба со всякого рода проникновением буржуазных влияний является чрезвычайно важной и актуальной задачей. Поэтому-то ошибки Дубровского в вопросах, связанных с проблемами феодализма торгового капитала, являются сугубо важными. Этим ошибкам мы должны дать решительный отпор.

ПОТАШ, М.

Отвечая своим противникам, Дубровский выставляет обычно следующие два аргумента. Аргумент первый: кто не принимает его, Дубровского, точки зрения на крепостничество как особую формацию, тот скатывается на точку зрения, что торговый капитал является особой формацией.

Второй аргумент состоит в том, что самодержавие есть диктатура крепостников, и кто против взгляда на крепостничество как особую формацию, тот должен быть противником и этого положения.

Такая постановка совершенно не верна, ибо кто признает роль торгового капитала в историческом процессе вообще и, в частности, в историческом процессе в России, не стоит на точке зрения торгового капитала как особой общественной экономической формации. Я вам покажу, как сам Дубровский ставит вопрос о торговом капитале, какие у него небрежные, противоречащие формулировки по данному вопросу.

Он пишет:

«Поскольку при торговом и ростовщическом капитале — будь то крепостное хозяйство, будь то рабовладельческое хозяйство, будь то феодальное хозяйство — эти формы производства не зависят от торгового и ростовщического капитала, постольку командуют в производстве не купцы, не ростовщики, а при рабовладельческом хозяйстве — рабовладельцы, при феодальном — феодалы, при крепостном — крепостники, так же, как, скажем, при капиталистическом — капиталисты». [1]

Далее Дубровский дает такую формулировку:

«... в данном случае (речь идет о восточной деревне. — *М. П.*) торговый и ростовщический капитал не противостоит полуфеодальному или полукрепостному хозяйству, а, наоборот, *он представляет собой прочную основу его*». [2]

Итак, здесь не только отрицается первое положение, но прямо сказано, что торговый и ростовщический капитал представляют собой *прочную основу этой системы*.

А еще в одном месте он выдвигает положение о громадной роли торгового капитала:

«*в качестве цемента различных докапиталистических общественных формаций*». [3]

Итак, мы имеем в одном случае — полное устранение торгового капитала и его роли, а в других случаях прямо противоположные утверждения, не на много отделяющие Дубровского от тех, которые считают торговый капитал особой формацией.

Но Дубровский идет еще дальше. Он проводит ту мысль, что только на основе развития торгового и ростовщического капитала можно понять переход от феодализма к крепостничеству, т. е. что переход от феодализма к крепостничеству связан с торговым капиталом. По Дубровскому выходит, что один и тот же торговый капитал служит причиной перехода от феодализма к крепостничеству как особой формации и от крепостничества к промышленному капиталу.

Разве вы найдете здесь какой-нибудь критерий для правильной методологической установки о переходе одной общественной формы в другую путем революционного взрыва?

Но Дубровский и в отношении эпохи промышленного капитала в России, исходя из такой путанной установки, доходит до следующего утверждения:

«Тесная связь крепостничества с феодализмом в конкретной истории, впрочем, связь вряд ли бóльшая, чем, скажем, связь капитализма с крепостничеством

[1] *С. Дубровский*, цит. брошюра, стр. 109.
[2] *Там же*, стр. 118.
[3] *Там же*, стр. 115.

в переходную эпоху (например в России со второй половины XIX в.), именно и является объяснением того, почему феодализм и крепостничество сплошь и рядом смешивались».[1]

Тут проводится аналогия, стирающая грани между действительно различными общественными формациями. Если исходить из этой установки, то причины революции 1905 г., постановка вопроса о двух путях капиталистического развития России будут совершенно непонятны.

Теперь о втором аргументе Дубровского, что без его концепции не понять, что «самодержавие было диктатурой крепостника». Я должен сказать, что Дубровский делает ту же ошибку, как некоторые другие товарищи, против которых выступал Ленин. Я напомню книжку Александрова (Ольминского) — «Государство, бюрократия и т. д.», в которой утверждалось, что самодержавие есть диктатура дворянства и только, а между тем Ленин очень резко выступал против такой постановки вопроса.

По поводу тезисов-платформы, напечатанных в № 22 троцкистской «Правды», Ленин писал следующее:

> «Авторы забывают, что классовый характер царской монархии нисколько не устраняет громадной независимости и самостоятельности царской власти и «бюрократии», от Николая II до любого урядника. Эту ошибку — забвение самодержавия и монархии, сведение ее *непосредственно* к «чистому» господству верхних классов — делали отзовисты в 1908/09 г., делал Ларин в 1910 г., делают некоторые отдельные писатели (например М. Александров), делает ушедший к ликвидаторам И. Р-ков.
>
> В декабрьской (1908 г.) резолюции дан как раз такой анализ господства феодалов при поддержке буржуазии, который подсекает корни этой ошибки».[2]

И еще в одном месте:

> «Рожков позабыл «мелочь» — как раз такую мелочь, которая отличает марксиста от либерала, именно: сложность и скачкообразность процесса приспособления политической надстройки к перерождению хозяйства».[3]

Дубровский и другие товарищи не понимают, что мы, говоря о возникновении самодержавия и о том, что это есть явление буржуазного порядка (в связи с ролью торгового капитала), не предрешаем еще вопроса о взаимоотношении классов. В русской истории были и конфликты между купцами и помещиками. Если взять екатерининскую эпоху, например знаменитую комиссию по уложению, вы убедитесь в том, что борьба купца и помещика в России в эпоху крепостничества заключалась в том, что купец хотел стать на ту же почву, на которой стоял помещик. Это говорит о том, что торговый капитал надо понимать в смысле его противоречивого содержания в процессе его развития: он играет и консервативную и прогрессивную роль в зависимости от среды. Если взять тип развития Пруссии, близкой к типу русскому, и обратиться к тому, что говорил по этому поводу Маркс, мы найдем ключ к пониманию хода развития и России. Маркс

[1] *С. Дубровский*, цит. брошюра, стр. 96.
[2] *Ленин*, Соч., т. XV, изд. 2, стр. 304.
[3] *Там же*, стр. 274.

в одной из своих статей, направленных против Гейнце, говорит, что

«современная историография доказала, что абсолютная монархия возникает в переходные эпохи, когда старые феодальные сословия разлагаются, а средневековые сословия горожан складываются в современный класс буржуазии, и ни одна из спорящих сторон не взяла еще перевеса над другой, т. е. элементы, на которых зиждется абсолютная монархия, ни в коем случае не являются ее продуктом; наоборот, они образуют ее социальную предпосылку, историческое происхождение которой слишком известно, чтобы говорить о нем здесь. *Тот факт, что в Германии абсолютная монархия возникла позднее и держится дольше, объясняется лишь уродливым развитием немецкой буржуазии. Решение задачи такого хода развития можно найти в истории торговли и промышленности*».

И интересно, что дальше, где Маркс говорит о причинах указанного явления, он выдвигает и такой момент, когда возрастали главным образом

«*материальные источники существования земельного дворянства в ущерб городскому населению*» и «зависимости граждан от княжеского двора» и т. д. [1]

Иначе ставит Маркс вопрос о взаимоотношениях этих классов в Англии.[2] Вот это надо учесть, чтобы правильно ставить этот вопрос в конкретных условиях каждой данной страны, хотя общий процесс один и тот же.

Мы должны, применяя марксистский метод, выяснить все особенности и их причины, которые имелись в данном процессе, какой тип развития был в данной стране. Если мы возьмем Россию, то там процесс разложения феодализма и переход к новой общественной формации — к промышленному капитализму, был несколько иной, и это своеобразие объясняется теми условиями, в которых в данной среде развивался данный процесс.

СИМОНЕНКО, В.

У Дубровского сильна страсть к препарированию. Живую действительность со всеми ее реальными, объективными противоречиями он, вопреки методологии марксизма, пытается заменить сухими мертвыми схемами, на основании весьма сомнительных и малодоказательных «исторических операций». В результате же подобных «операций» оказались «препарированными» и сами классики марксизма Маркс — Энгельс — Ленин, что видно хотя бы на таком простом примере, как способ Дубровского пользоваться цитатами. Приведу только два примера. Пример первый: в доказательство того, что крепостничество является особой, отличной от феодализма общественно-экономической формацией, Дубровский, говоря вслед за Энгельсом «о всеобщем восстановлении крепостной зависимости в XVII—XVIII вв. в Германии», пишет:

---

[1] См. «Под знаменем марксизма» № 4—5, 1923 г., стр. 31 и 32. Курсив везде мой. — *М. П.*

[2] См. «Маркс и Энгельс в эпоху немецкой революции», стр. 441.

«В данном случае Энгельс *явно противопоставлял* (??) феодализм и крепостничество, подчеркивал, что «крепостное отношение не является специфической средневеково-феодальной формой». [1]

Действительно ли Энгельс «явно противопоставлял» феодализм и крепостничество? Нисколько! Энгельс, как и Маркс, никогда не допускал подобной глупости, но это так показалось Дубровскому, совершенно не понявшему не только логического, но даже и грамматического смысла цитаты из Энгельса. В данном случае Энгельс ни в малейшей степени ни явно, ни тайно *не* противопоставляет феодализм и крепостничество. Он утверждает в данном случае две вещи: 1) крепостное отношение является специфической средневеково-феодальной формой, но 2) распространенной не только на Западе Европы, а «всюду, где завоеватели заставляют старых жителей обрабатывать земли — так было, например, в Фессалии в очень раннее время».

Вот и все, что хотел сказать Энгельс «в данном случае». Где же здесь «противопоставление» феодализма крепостничеству?! Нет этого! Наоборот, здесь имеется категорическое утверждение, что крепостное отношение является лишь *специфической* формой феодальных отношений. Итак, «историческая операция» над «препарированием» энгельсовских цитат Дубровскому не удалась.

Каково общее настроение по прочтении книги Дубровского? Настроение такое, что книжка полна противоречий, но это не диалектические противоречия жизни, далеко нет, — это всего лишь беспомощные противоречия мертвой жалкой схоластики. В доказательство можно было бы привести массу примеров. Возьмем все тот же злополучный вопрос о крепостничестве и феодализме. Дубровский пытается противопоставить друг другу крепостничество и феодализм как две особые самостоятельные общественно-экономические формации на том простом основании, что им совершенно не понято и искажено учение К. Маркса о «генезисе капиталистической земельной ренты». Дубровский считает, что «если преобладает рента отработочная — барщинная система, — значит в данной стране господствует крепостничество» как особая, отличная от феодализма, общественно-экономическая формация. [2] Так как «барщинная система» является, по Дубровскому, единственной характерной и отличительной особенностью изображенной им крепостнической общественно-экономической формации, то, следовательно, перед исследователем и встает в первую очередь задача объяснить происхождение и эволюцию этой «барщинной системы». Дубровский делает это весьма просто:

«При рассмотрении возникновения крепостного хозяйства и его эволюции, все это целиком объясняется эволюцией производственных отношений, в частности эволюцией барщинного труда и формой его присвоения крепостниками.

---

[1] *С. Дубровский*, цит. брошюра, стр. 98, курсив мой. — *В. С.* Здесь же следует заметить, что у Дубровского неверно указаны и источники. В письме от 16/XII 1882 г. Энгельс говорит только о восстановлении крепостной зависимости в Германии, что же касается последней фразы Энгельса, взятой Дубровским в кавычки, то она приведена Энгельсом в письме к Марксу от 22/XII 1882 г.

[2] *С. Дубровский*, цит. брошюра, стр. 103.

Только этими производственными отношениями и можно экономически объяснить возникновение барщинного хозяйства и основанного на нем крепостного права, его развитие и его ликвидацию». [1]

Понимай, кто может, такую тавтологию.

В самом деле, если «возникновение крепостного хозяйства и его эволюция целиком объясняются эволюцией производственных отношений, в частности эволюцией барщинного труда и формой его присвоения крепостниками», то спрашивается, а чем же объясняется в таком случае возникновение и эволюция барщинного труда? А что значит последняя цитированная фраза Дубровского? Какие производственные отношения имеет он в виду? Крепостнические? Но тогда, каким образом на основании производственных крепостнических отношений объясняется возникновение и эволюция крепостничества как особой общественно-экономической формации? Выяснить возникновение и эволюцию той или иной общественно-экономической формации, не значит ли это выяснить возникновение и эволюцию именно тех производственных отношений, которые свойственны данной формации? Маркс именно это и проделал по отношению к капитализму. Дубровский же только запутался в тенетах своих собственных искусственно-надуманных, но не осознанных еще противоречий, которыми сплошь наполнена его книга. Он неизбежно скатывается с позиций марксизма в лагерь того самого Петрушевского, с которым он будто бы ведет борьбу.

Стараясь объяснить разницу между крепостничеством и феодализмом, он, чем дальше идет изложение, тем все больше и решительнее переходит на сторону врага. Так, если на стр. 88 он предполагает наличие при феодализме на ряду с внеэкономическим также и экономического принуждения формально свободного крестьянина, если на стр. 93 он пишет, что

«при феодализме крестьянин является относительно самостоятельным производителем», [2]

то на стр. 117 мы находим уже без оговорок следующее:

«Развитие торгового и ростовщического капитала приводит к распаду власти феодалов, к разложению *самостоятельного* крестьянства, к выделению из класса феодалов нового класса крепостников и, с другой стороны, к превращению раньше *свободных* крестьян в крепостных... Торговый и ростовщический капитал разлагают натуральное хозяйство *самостоятельных* крестьян производителей, характерных для эпохи феодализма».

А чем же все это отличается от Петрушевского, который пишет следующее:

«Хозяйственная гармония между барским двором и крестьянской общиной есть гармония между двумя хозяйственно-автономными организмами, из которых каждый сам себе ставит хозяйственные цели». [3]

Правда, Дубровский по поводу приведенных слов Петрушевского негодует. Он пишет:

---

[1] *С. Дубровский*, цит. брошюра, курсив автора. — *В. С.*
[2] Курсив Дубровского, в остальных случаях мой. — *В. С.*
[3] *Петрушевский*, Восстание Уота Тайлера, стр. 132.

«Прямым издевательством над закрепощенным или полузакрепощенным, полузависимым крестьянином является утверждение Петрушевского о гармонии между барином и крестьянином». [1]

Нам ничего более не остается, как повторить по поводу Дубровского его же собственные негодующие слова, направленные им против Петрушевского.

Но этого мало. По адресу Дубровского приходится сказать, что сплошным издевательством над марксизмом являются его ссылки на классиков и основоположников марксизма, ибо между писанием Дубровского и учением Маркса — Энгельса — Ленина очень мало в данном случае общего.

Вращаясь в кругу собственных своих надуманных противоречий, он не видит *действительной основы* феодального общества. Он не выясняет, а запутывает вопрос. Ради чего ему понадобились еще два новых класса при крепостничестве? Он не понял учения Маркса о формациях, а, следовательно, и о классах. Что мы находим у Маркса — Энгельса по вопросу о классах? На основании чего они определяют классовое строение общества? На основании развития производительных сил, толкающих вперед способы производства. Говоря о классах, Энгельс пишет в «Принципах коммунизма»:

«Каковы будут эти классы, это зависит от той стадии развития, на которой находится производство». [2]

Ничего подобного мы не найдем у Дубровского. Он совершенно упускает из виду развивающиеся производительные силы и покоящееся на их основе производство и, следовательно, производственные отношения. Отсюда механистическое понимание исторического процесса у Дубровского.

Какие *основные* классы фигурируют у Маркса — Энгельса, классы, которые действительно соответствовали определенным способам производства? Этими основными классами были: раб и рабовладелец; крепостной и феодал (барон); наемный рабочий и фабрикант. Чем отличались друг от друга раб, крепостной и наемный рабочий? Отношением их к средствам производства. Раб сам принадлежит к средствам производства и, следовательно, не может совершенно располагать собою, он полная собственность своего господина. «Крепостной владеет собственностью и пользуется средством производства» (Энгельс), но он находится в *непосредственном* подчинении своему господину, он полусвободный. Наемный рабочий «свободен в двояком смысле» (Маркс): свободен от принадлежности *его* к средствам производства, но так же свободен и от принадлежности *ему* средств производства.

Владелец своей рабочей силы, пролетарий, волен располагать ею по своему усмотрению, но волен также и умирать с голоду, ибо он «свободный в двояком смысле рабочий».

Таковы *основные* классовые типы *эксплоатируемых*, которым соответствуют *основные* классовые типы *эксплоататоров:* рабовладелец,

[1] *С. Дубровский*, цит. брошюра, стр. 77.
[2] *Маркс и Энгельс*, Соч., т. V, стр. 473.

помещик-феодал, капиталист-фабрикант, очерченные столь гениально Марксом — Энгельсом. Но ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин никогда не забывали того обстоятельства, что между этими основными классами находят себе место промежуточные и переходные классы, а также и того, что «в каждом из этих классов существуют еще особые подразделения» («Коммунистический манифест»). Маркс и Энгельс исследовали классы в их диалектическом развитии, Дубровский же берет классы, по существу, в статическом состоянии. Он пытается эпохи истории общества расставить по произвольно-выбранным рубрикам, по регистрационным карточкам, тогда как Маркс специально предупреждал любителей занятий подобного рода о том, что

«эпохи истории общества, подобно эпохам в истории земли, не отделяются друг от друга абстрактно-строгими разграничительными линиями».[1]

От одной исторической эпохи общества к другой наблюдаются своеобразные исторические *переходные* периоды. Один из таких исторических переходных периодов Маркс и исследовал с исчерпывающей полнотой, это именно переходный период от феодализма к капитализму. Это период «так называемого первоначального капиталистического накопления», столь гениально описанного Марксом и совершенно не понятого Дубровским, период экспроприации непосредственного производителя, которая

«вписана в летопись человечества пламенеющим языком меча и огня», когда «значительные массы людей внезапно и насильственно отрывались от средств своего существования и выкидывались на рынок труда в виде свободных, как птица, пролетариев».[2]

Это была, разумеется, необходимая подготовка системы капиталистического производства, которая «вся основывается на том, что рабочий продает свою рабочую силу как товар».[3]

Вот что пишет Маркс по этому поводу:

«Процесс, создающий капиталистическое отношение, не может быть ни чем иным, как процессом отделения рабочего от собственности на условия его труда; это—процесс, превращающий, с одной стороны, общественные средства производства и существования в капитал, с другой стороны, непосредственных производителей в наемных рабочих. Следовательно, так называемое первоначальное накопление есть лишь исторический процесс отделения производителя от средств производства. Он представляется «первоначальным», так как образует предисторию капитала и соответствующего ему способа производства».

Экономическая структура (хозяйственный строй) капиталистического общества выросла из экономической структуры феодального общества. Разложение последнего освободило элементы первого».[4]

Есть ли что-либо общее у Маркса и Дубровского? В основном — нет ничего общего по данному вопросу. Механистический подход к истории и полнейшее отсутствие диалектики — вот то, что свойственно Дубровскому и что отличает его от Маркса. И напрасно он со столь негодными средствами вздумал подправлять и уточнять

[1] Капитал, т. I, изд. 1920, стр. 632.
[2] Там же, т. I, стр. 737 и 738.
[3] *Там же*, стр. 426.
[4] *Там же*, стр. 737.

основоположников и классиков марксизма в основном вопросе марксистской методологии — в вопросе об общественно-экономических формациях.

При исследовании вопроса о развитии производительных сил от феодализма к капитализму, какую задачу имел перед собою Маркс? Задача эта состояла в том, чтобы проследить процесс «превращения средств труда из орудия в машину» (Маркс), ибо это тот узловой пункт, в котором количество переходит в качество. «Превращение средств труда из орудия в машину» и экспроприация непосредственного производителя, превращение его из собственника и владельца средств производства в свободного, как птица, пролетария — это есть две стороны одного и того же исторического процесса, чего опять-таки абсолютно не понял Дубровский.

«В мануфактуре, — читаем мы у Маркса, — исходной точкой переворота в способе производства служит *рабочая сила*, в крупной промышленности *средство труда*».[1]

Встречаем ли мы у Дубровского хотя бы простой намек на то, чтобы исследовать эволюцию при феодализме рабочей силы, как исходной точки переворота в способе производства? Нет, конечно. И совершенно естественно почему. Подобное исследование требует анализа конкретной действительности на основе метода диалектического материализма, а у Дубровского страсть к мертвым схемам и механистическим обобщениям.

ПИОНТКОВСКИЙ, С.

Тут товарищи так много говорили, что мне фактически ничего не осталось, но тем не менее я хочу сказать несколько слов о том участке, о котором говорили меньше всего.

Основное звено, за которое мы должны взяться в дискуссии с Дубровским, это вопрос о крепостничестве, это — слабейшее звено во всей цепи, которую Дубровский сковал в своей книжке.

Он утверждает, что крепостничество существовало как особая формация. Я буду брать его цитаты. В период крепостничества

«крестьянин не является не только продукто-производителем, не говоря уже о товаро-производителе...» «Помещики не только развивают сельское хозяйство, но начинают развивать и крепостные промышленные предприятия».[2]

Эти два утверждения устанавливают третье, что ведущей основой является помещичье хозяйство, и четвертое утверждение, что этот период, по Дубровскому, растягивается на протяжении от середины XVI в. до середины XIX в.

Первое впечатление от этих положений то, что на Дубровского оказал сильное влияние Рожков, от которого он в своей речи старательно отмежевывался. Не кто иной, как Рожков в одной из своих

[1] Капитал, т. I, стр. 361. Курсив Маркса — *В. С.*
[2] *С. Дубровский*, цит. брошюра, стр. 23 и 35.

работ дает такую же периодизацию и методологически стоит на той же позиции, как и Дубровский.

Рожков говорит:

«Первая половина XIX в. почти всецело относится еще к первому периоду новой русской истории, начавшемуся в половине XVI в. и характеризуемому в экономическом отношении зарождением и первоначальным развитием денежного хозяйства при преобладании земледелия, а в социальном — крайним развитием сословности и господством крепостного общественного строя...»[1]

Никакого анализа форм производства на протяжении от XVI до XIX вв. Рожков не дает — для него это ровная, гладкая картина, точно так же как и для Дубровского. Этот момент чрезвычайно симптоматичен. Почему так произошло? Почему Дубровский, анализируя формы хозяйства, выключил совершенно вопрос о воспроизводстве в крестьянском хозяйстве? Маркс в главе «Генезис земельной ренты», анализируя формы ренты, особенно старательно очерчивает процесс воспроизводства, который происходит в крестьянском хозяйстве, и указывает, как он идет, что он представляет при той или иной форме ренты, при той или иной форме высасывания прибавочного продукта из крестьянского хозяйства.

Дубровский вместо того, чтобы пойти в этом вопросе за Марксом, резко от него отмежевался и пошел по методологическому пути Рожкова. Не улыбайтесь, т. Дубровский, вам не смеяться надо, а плакать.

Дубровский. — Я смеюсь, потому что вы написали книжку по Рожкову!

Пионтковский. — Когда идешь в бой, то надо приготовиться терпеть нападения — это издержки производства. Но дело в том, что относительно меня это нужно доказать, а относительно вас это уже доказано фактически. Нельзя доказать лучше, чем это написано вами на стр. 83:

«Создание прибавочного продукта при крепостном хозяйстве в рамках общинного земледелия является скорее исключением, а не правилом».

Эту цитату прямо в хрестоматию надо поместить, как образец отрыжки буржуазных взглядов в марксистской литературе.

Возможно, что в моей книге есть ошибки, я очень сожалею об этом, и в следующем издании их исправлю и буду очень рад, если мне эти ошибки укажут.

Распрощавшись с Марксом, Дубровский крепко связался не только с Рожковым, но и со всей буржуазной исторической литературой. Эта литература характерна тем, что из области изучения крепостного права исключала вопрос об эволюции крестьянского хозяйства.

Вы пошли за старыми представителями этой литературы, потому что новые буржуазные историки, подходя к вопросу об изучении изменений крестьянского хозяйства, ставят вопрос об эволюции крестьянского хозяйства. Возьмите работы Грекова, Бахрушина — самых матерых современных представителей буржуазной историографии — они тоже ставят вопрос об эволюции крестьянского хозяйства и дают материал об этом. Я принес с собой документы для того, чтобы доказать свою точку зрения.

---

[1] *Рожков*, Сб. статей «Исторические и социологические очерки», т. I, стр. 100

Дубровский. — Я с этим не спорю, напрасно доказывать.

Пионтковский. — Если вы на этом не настаиваете, то вся ваша концепция летит прахом, как бы она абстрактна ни была. Нельзя себя абстрагировать таким образом, что утверждать, что все крестьянское хозяйство от XVI до XIX вв. остается без всякого изменения, что процесс накопления в нем является «исключением», а помещичье хозяйство все время изменяется.

Дубровский говорит, что мы его неправильно поняли. Пусть он покажет, как правильно надо понимать его. Продолжая линию, которую я взял, я приведу несколько данных из документов, которые характеризируют огромный процесс диференциации, идущий в крестьянском и крепостном хозяйстве. Вы, когда говорите о крепостничестве, воображаете, что все было крепостным хозяйством. У меня есть документы, начиная с XV в., которые я мог бы вам в любом количестве высыпать на голову, характеризующие процесс диференциации и накопления в крестьянском хозяйстве. В XVII в., как показывают документы о хозяйстве боярина Морозова, крестьяне из его вотчины, из села Лыскова, ездили торговать в Вологду.

Когда мы говорим об этом процессе, мы имеем в виду процессы, происходящие в Волжско-Обском бассейне.

Крепостные крестьяне имели огромные обороты всякого товара на несколько сот рублей. Это указывает на то, что среди крестьян имелись диференцированные группировки. Имелись группы, которые в будущем дают группировки пролетариата — деловых людей и т. д. Было большое количество кустарей. Вот документ, который говорит о том, что нижегородские купцы ездили по крестьянским селам скупать продукцию кустарной крестьянской промышленности:

«Иван Михайлов, прозвище Ожгибанов, промышляет он, ездит в уезд по торжкам, закупает хлеб и холсты и всякую мелочь и продает в Нижнем» [1]

В Нижнем шла большая торговля лодками, причем есть указания, что часть торговцев скупает эти лодки по деревням.

Это все говорит о новой стадии отношений между крестьянином и кустарем и владельцем денежной массы, все это говорит о том, что в крестьянском хозяйстве идет процесс диференциации, производственной диференциации, накопления и переход к новым формам производства.

О XVIII в. Дубровский определенно утверждает, что фабрики из крестьян вырастают только как исключение.

Между тем в литературе уже была высказана мысль, что как раз капиталистические фабрики вырастают из крестьянских кустарных светелок.

Дубровский. — Мануфактуры, а не фабрики!

Пионтковский. — Не в этом суть. Ясно, что я не думаю, что в XVIII в. были машинные фабрики. Если бы вы почитали топографическое описание губерний Российской империи, произведенное при Екатерине II, то вы бы увидели, что все время при перечислении помещичьих фабрик делается указание и различие, чья фабрика

[1] Ученые записки Института истории Ранион, т. V, стр. 309.

или крепостные: говорилось фабрика купца такого-то, человек такого-то.

Здесь в смене производственных, хозяйственных форм корень всего, о чем надо говорить. Процесс перехода от феодализма к капитализму идет по пути изменения старых хозяйственных форм и нарождения и перехода к новым производственным формам.

Эти новые формы нарождаются, конечно, в борьбе. У вас, т. Дубровский, получается, что только помещичье хозяйство переживает процесс расширенного воспроизводства, а на самом деле помещик в том или другом виде ведет потребительское хозяйство.

Когда мы ставим вопрос о переходе феодализма к капитализму, нужно ставить вопрос не по формальной логике, как это пытались сделать некоторые товарищи. Нельзя сказать, что между феодализмом и всеми периодами, которые лежат после феодализма, вплоть до капитализма — полное тождество. Когда Ленин говорит о русском самодержавии, он указывает, что власть в период Александра II не та, что в годы Николая II, в период до 3-й Думы не та, что в период после 2-й Думы, но в то же время эта власть по существу та же самая, потому что на ряду с изменением остается воспроизводство старых классовых отношений.

Вам, т. Дубровский, нужно было бы принять методологию Ленина и в этом отношении, а вы в своей книжке заявили, что Маркс, Энгельс и Ленин не знали истории, и поэтому их надо поправить. Правда, вы не решились сказать, что надо поправить Ленина, и говорите, что надо поправить Маркса и Энгельса.

Дубровский. — Приведите цитату — я не помню этого.

Пионтковский. — Вы пишете:

«Почему же обычно смешивают феодализм и крепостничество? Почему, например, у Маркса, Энгельса и Ленина при наличии определенных указаний о том, что крепостничество является особой общественной формацией, очень часто в отношении конкретной истории крепостничество и феодализм употребляются как тождественные термины». [1]

Поправлять Маркса и Энгельса так же рискованно, как поправлять Ленина, и вместо этого было бы лучше, если бы вы почитали литературу по русской истории XVII в.

МОНОСОВ, С.

Я собираюсь начать с подражания нашим лучшим образцам. Минц начинает обычно или с еврейского анекдота или с рассказа из Щедрина, я же начну с забытого рассказа Горького. У Горького есть рассказ о том, как дергали факты из истории. Когда нужны были доказательства, звали некоего Митьку и говорили: «Надергай фактов из истории».

Митька шел и дергал. Но потом, когда понадобилось последнее самое важное доказательство, оказалось, что все факты уже выдер-

[1] *С. Дубровский*, цит. брошюра, стр. 95.

ганы и от них остались одни корешки. У нас тоже есть такой метод, только дергают теперь — ведь обстоятельства изменились — не факты, а цитаты. Я думаю, что попытка Дубровского доказать таким методом существование новой формации — «крепостничества» не выдерживает критики.

Дубровский. — А опровергнуть ее можно?

Моносов. — Да, можно. Вот, например, у него есть цитата, которой он придает, видимо, большое значение. Это находящаяся на 99-й странице его книги сноска, взятая из первого тома «Капитала». Здесь Маркс говорит, что в XV в. немецкий крестьянин был свободен и нес лишь небольшие повинности, но во множестве других мест Маркс и Энгельс говорят другое. Этот период XV — XVI вв. представляет собою промежуток между двумя эпохами, в которые крестьянин находится в очень тяжелой зависимости. Но Дубровский умышленно игнорирует все эти многочисленные места и лишь одной этой цитатой хочет доказать свою правоту. Я думаю, что ни цитатами, ни другим путем нельзя доказать существование выдуманной особой формации «крепостничества». Дубровский ссылается на Ленина и ссылается очень неудачно. Ленин ставит знак равенства и тире между понятиями феодал и крепостник. Об этом говорили все, но Дубровский упорно идет к своей цели и упорно стоит на своей точке зрения. Я же остаюсь тоже на своей точке зрения, и думаю, что цитаты дергать не следует.

Перейду теперь к другим способам доказательства существования формации «крепостничества», как ее называет Дубровский. Он берет несколько признаков существования такой формации. Один из этих признаков заключается в том, что человек в эпоху крепостничества не свободен, прикреплен к земле и т. д. Но многие выступавшие здесь товарищи уже говорили, что этот признак не является характерным только для той эпохи, которую Дубровский называет «крепостнической». Ведь в XI в. и даже ранее во Франции, в Германии можно было найти людей, прикрепленных к земле. Я здесь принес с собой несколько работ по истории Англии, и всюду я нашел указания на то, что человек в эту эпоху уже был несвободен, что он был прикреплен к земле. И ничего нового таким образом эпоха крепостничества в этом отношении не внесла. Так обстоят дела с первым доказательством. Теперь перейдем ко второму. Дубровский говорит, что при крепостничестве развивается барщина, которая является чем-то, отличающим «крепостничество» от феодализма. Но ведь барщина существовала и в эпоху феодализма. Я могу открыть книгу Виноградова об английском поместьи и это доказать. В качестве третьего признака Дубровский выдвигает то обстоятельство, что прибавочный продукт при крепостничестве производится не в крестьянском хозяйстве, а в помещичьем. Но, приняв во внимание это обстоятельство, он должен придумать еще одну формацию, которая будет представлять собою оброчное хозяйство. Ибо при оброчном хозяйстве прибавочный продукт производится и не в крестьянском и не в помещичьем хозяйстве. Между прочим, в качестве первого признака Дубровский берет явление надстроечного характера, теперь же он берет другую над-

стройку и начинает оперировать с формой государственной власти и ее делает четвертым признаком «крепостничества» как формации. Дубровский стоит на точке зрения, что крепостничество характеризуется такой государственной надстройкой, которая именуется абсолютизмом. Это неверно. То, что он называет «крепостничеством», было чрезвычайно сильно и глубоко развито в Польше, в Восточной Померании, в Мекленбурге и т. д. И однако страны эти по существу не были монархиями, были дворянскими республиками. В Польше власть короля была меньше, чем власть президента-штатгальтера в голландской республике. То же — в Померании. Следовательно, такая ссылка никакой критики не выдерживает, тем более, что государства, которые «крепостничества» не знали, имели абсолютную власть. Так обстояло дело во Франции.

Если мы допустим, что «крепостничество» — формация, тогда нам нужно будет допустить две вещи: или что при переходе от феодализма к крепостничеству не было революции (тогда, значит, возможен переход в классовом обществе от одной формации к другой, без революции), или при переходе от феодализма к крепостничеству была дворянская революция. И вот я спрашиваю прямо: стоит ли Дубровский на точке зрения дворянской революции? Не только стоит, но и считает, что в XVI в. у нас была дворянская революция. Но это неверно. В эпоху Грозного мы имеем борьбу двух фракций одного класса феодалов, а не дворянскую революцию.

Совершенно другую картину представляют дворянские восстания, которые не имели никакой связи с революцией. Дворянские восстания были реакционным выступлением, но никак не революцией, об этом писали и Маркс и Энгельс. Говоря о крепостничестве, Дубровский спутал две вещи: крепостное состояние и развитие барщинного хозяйства. Последнее и поглотило все крепостничество. Между тем известно, что при крепостном праве громадное количество крестьян не выполняли барщины, а несли только оброк.

Что такое барщинное хозяйство? Энгельс в одной из статей говорит, что

«крепостничество XVI — XVIII вв. представляет собой вторичную стадию закрепощения крестьян».

Первая стадия — ранний феодализм, потом идут 200 — 300 лет свободного положения крестьян и затем своего рода феодальная реакция. Фридлянд совершенно правильно сказал, что этого явления нельзя оторвать от всего экономического развития. Во Франции феодальная организация была сравнительно мягкой, но до известной степени и она представляет собой то же явление, что и крепостничество. Конечно, если взять Восточную Пруссию, то эта страна была заново населена и заново создавала те порядки, которые задолго до этого существовали в других частях Германии. Здесь приходится говорить о первой фазе крепостных отношений.

Другой характер носит вопрос относительно развития барщинного хозяйства, и здесь вы имеете очень яркий пример приспособления феодальных отношений к развитию капиталистических отношений. Создаются на стороне большие рынки зерновых продуктов и других

продуктов сельского хозяйства, и в результате получается мощное развитие усиленной эксплоатации крестьян путем применения барщинного труда на помещичьих латифундиях. Это явление было характерно для Восточной Пруссии и для Померании. Это было в XVIII в. и в начале XIX в. Несмотря на всю тяжесть эксплоатации крестьянства, это крупное помещичье хозяйство носило прогрессивный характер. Энгельс пишет по этому поводу:

«Капиталистический период на селе возблаговестил о своем пришествии в форме сельскохозяйственного крупного производства, на основе барщинного труда крепостных крестьян... Чем крупнее было господское хозяйство, тем тяжелее были, естественно, барщинные повинности крестьян...» [1]

Можно ли сказать яснее? Яснее сказать невозможно. Но везде ли было так и везде ли при наличии крепостного права были такие явления? Нет. Наличие путей сообщения (большие реки), наличие близкого потребителя (Швеция, Голландия, а потом Англия) создавали благоприятные условия для развития барщинного хозяйства в Пруссии, в Польше и т. д.

Но, если развиваются такие суровые формы эксплоатации, значит ли это, что мы имеем перед собой угнетенную крестьянскую массу без всякого различия. Нет. Это ошибка. Несмотря на суровость эксплоатации, мы наблюдаем происходящую под ее покровом диференциацию крестьянства. Следовательно, и в крестьянском хозяйстве имело место известное накопление. И мы это имеем, и подавно, в таких странах, как Франция, где зависимость была мягче; там в Бретани, где феодализм носил, казалось, очень патриархальные формы, существовала борьба крестьян с помещиками за рынок как товаропроизводителей. А наша эпоха пугачевщины, несомненно, отмечена теми же чертами, а ведь это было движение крестьян против крепостников. Правда, меня при высказывании таких мыслей обвинили в следующем. Мне говорили: «Как, запоротый, жестоко угнетаемый крестьянин выступал конкурентом помещика на рынке? да такое утверждение — меньшевизм!!!» Но если мое мнение — меньшевизм, то утверждения тех товарищей, которые говорят о запоротом несчастном крестьянине — сентиментальное народничество...

Поскольку я говорил о крупном помещичьем хозяйстве, о его отчасти прогрессивной роли, мне могут бросить тот упрек, что крестьянские движения должны, согласно моим утверждениям, носить реакционный характер. Ничуть не бывало. Борьба помещиков и крестьян была борьбой за предвосхищение путей дальнейшего развития. Победа помещика предвосхищала дальнейшее развитие по прусскому пути; победа крестьянина, одержанная хотя бы и над крупным помещичьим хозяйством, обозначала победу американского пути развития, т. е. пути более прогрессивного.

Голос. — Правильно!

Моносов. — Многие говорят о заслугах Дубровского. Его заслуга заключается в том, что он заставил нас заняться этими методологическими вопросами. Фридлянд совершенно прав, говоря, что у мно-

---

[1] *Фр. Энгельс*, «Развитие социализма от утопии к науке», изд. 1926 г., стр. 94.

гих из нас существует некий нигилизм в вопросах теории, в вопросах методологии. Я должен сознаться, что в подобном нигилизме повинен, может быть, больше всех. И вот под влиянием дискуссии вокруг книги Дубровского подобный нигилизм должен исчезнуть. Здесь есть, конечно, заслуга Дубровского, но заслуга эта подобна следующему событию. Предположим, на заводе вспыхнул пожар, во время которого обнаружилось, что пожарная охрана никуда не годна, что директор растяпа, что сторож вечно спит, и т. д. Приблизительно то же произошло и у нас.

Дубровский. — Но кто же все-таки не годится?

Моносов. — Не годится не какая-нибудь персона, человек, а не годится наше отношение к методологическим вопросам. И вот то, что Дубровский заставил своей книгой обратить на это внимание, является его заслугой, но заслугой несколько геростратовского характера *(смех)*.

Надо сказать, что с Дубровским происходит то же несчастье, которое должно происходить со всяким, полагающим, что любое изреченное им слово — непреложная истина, что он неопровержимый пророк. Вот он высказал «мысль» относительно возникновения капитализма на голом месте. Я признаться думал, что он так оговорился, сболтнул. В Коммунистической академии, во время прений по докладу Зоркого, я пытался по-товарищески убедить его в нелепости такого утверждения. Но Дубровский со свойственной ему любезностью, показав на лоб, сказал: «Не нужно здесь иметь пустого места, тогда поймешь мою мысль» *(смех)*.

Вероятно, я имею здесь в голове пустое место, но его имеют, очевидно, и все выступавшие против Дубровского. Сам же он свое утверждение о возможности возникновения капитализма из патриархальных отношений и из пустого места продолжает повторять. И вот оказывается, что Маркс зря писал целую главу первого тома «Капитала», главу, в которой говорил об условиях возникновения капитализма.

Дубровский своими разговорами о «пустом месте» показал, что путает две вещи: возникновение капитализма и конкретные условия его развития. Капитализм может развиваться и из патриархальных отношений и, быть может, из первобытного коммунизма, но нужно, чтобы его бацилла была привнесена со стороны. Так, где-нибудь в Гвинее или в Конго развивается капитализм, но его бацилла, ростки привносятся из Голландии или из Бельгии.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

ДУБРОВСКИЙ, С.

Товарищи, как вы могли видеть из всех выступлений, меня атаковали с самых различных сторон. Одни недовольны за азиатский способ производства, что я его изничтожил, другие недовольны тем, что я его недостаточно решительно изничтожил; третьи недовольны тем, что я поставил вопрос о том, что торговый капитал не составляет особой общественной формации и говорят, что я недооценил торговый капитал.

Другие говорят наоборот, — что я слишком переоценил торговый капитал, и т. д. Мое положение без сомнения усугубляется тем, что, как видно из «Правды», вчера на меня навалилась большая аграрная глыба, и в этом отношении положение моих оппонентов гораздо более выгодно, чем мое. Но все течет и изменяется, и я все-таки думаю, что я могу и сегодня говорить о вопросах исторических, имея в виду, что об аграрных вопросах время говорить еще придет.

Прежде всего я коснусь существа вопроса. Слушая эти прения, можно подумать, что до выступления Дубровского на историческом фронте все обстояло архиблагополучно: была тишь и гладь и божья благодать; не было ни механизма, ни диалектизма, все стояли на марксистско-ленинских позициях, все являлись прекрасными диалектиками, все писали книжечки без единой ошибочки, и все было хорошо. Пришло время, выступил Дубровский: тут и механизм и ревизионизм, и то, и се.

Я думаю, что это не так. Мы сейчас, по существу говоря, присутствуем при начале очень большой работы в области историографии,— это вне всякого сомнения, — и *эта дискуссия показывает определенную размежевку сил*. Таким образом эта дискуссия несомненно будет иметь в известном смысле историческое значение, и я не сомневаюсь, что, как это часто бывает, то, что казалось вчера истиной, сегодня окажется ложью, а то, что все сегодня критикуют как ложь и ревизионизм ,— посмотрим, быть может путем диалектического развития это *завтра станет истиной*.

В самом деле, какие стоят перед нами сейчас основные центральные вопросы? Центральный вопрос, это вопрос о том, что в области истории мы сейчас вступаем в новый этап развития, именно в тот этап развития, когда в историографии во всей широте и со всей остротой ставится вопрос об общественно-экономических формациях. Теперь все вспомнили, что это — центральный вопрос, а месяца полтора тому назад товарищи мне говорили, что самый термин «общественно-экономическая формация» есть богдановщина, что у Маркса и Энгельса его не существует.

Голоса. — Это говорили невежды.

Дубровский. — Но почему вы думаете, что невежды перевелись? Они еще существуют на свете. Невежество не есть категория только историческая, она существует всегда.

Так вот, следовательно, стоит вопрос об общественно-экономических формациях. Я с громадным интересом слышал ваши прения и высказывания по этому вопросу. Я не «истматчик» по профессии. Я думал, что ряд товарищей меня поправят, может, быть, дадут новые точки зрения и продвинут нашу работу вперед. И что же оказалось? Оказалось, что по вопросу об общественно-экономических формациях, все-таки, к сожалению, мои оппоненты не выдвинули ни одного положения, которое заслуживало бы серьезного внимания.

Голоса. — Смело сказано.

Дубровский. — Например. Если взять вопрос об укладах и формациях, — здесь выступали Ломакин, Зоркий, Фролов, Майорский и Кузьмин, которые ставили вопрос об общественно-экономических формациях. Что они сказали? В разных вариантах они примерно повторили утверждение, что формация и уклад — одно и то же, и здесь нет никакого различия, что Маркс употребляет «уклад» в том смысле, что и «формация». Должен вам напомнить, что уклад — понятие очень широкое. Может быть уклад общества, уклад жизни и т. д. Но мы имеем в виду социально-экономический уклад, и с этой точки зрения, если встать на позицию отожествления уклада и формации, нам придется отожествить ленинский уклад и формацию...

Если вы говорите об «элементах уклада», то, товарищи, для каждого понятно, что, допустим, простое товарное производство — элементом какого уклада оно является? Вы мне не ответите. Не только это простое товарное производство, а и капиталистическое производство. Нужно точно разграничить это. Простое товарное производство не является укладом, а хозяйство мелкого товаропроизводителя не составляет никакой особой формации. Оно имеет свой особый способ производства, определенные производственные отношения, но не составляет особой общественной формации, является только укладом конкретного исторического общества.

Следовательно, это цельный вопрос, и я считаю, что по этому вопросу нужно дальше работать и серьезно работать. Возможно, что будут выдвинуты и другие точки зрения. Это будет в высшей степени интересно и поучительно, но пока что новых точек зрения, обоснованных возражений на этот счет мои оппоненты, к сожалению, не представили.

Теперь, товарищи, некоторые удивлялись, что в одних случаях Ленин называет капитализм формацией, а в других случаях — укладом. Вполне понятно: если речь идет о капитализме, развивающемся в рамках крепостного общества, это будет *уклад*. Если это развитой капитализм, то это будет *формация*. Если вы имеете частнохозяйственный капитализм в условиях переходной эпохи, это будет уклад. Нельзя говорить механистически, что уклад и формация одно и то же. Нет, Маркс употреблял эти слова в различных случаях, в зависимости от обстановки, условий и т. д.

Второй вопрос о формациях государства. Я утверждаю, что если вы берете капиталистическое общество, в котором в основном преобладают наемные рабочие, капиталисты и землевладельцы, то вы будете иметь государство как форму господства, как диктатуру буржуазии. Ленин подчеркивал, что всякая надстройка, как и государственная, имеет свой закон развития. Вопрос о бюрократии также имеет большое значение как вопрос о том слое, который вводится в командующий аппарат.

Но в основном, что здесь сегодня важно? То, что вы здесь будете иметь государство как именно ту форму власти, которая соответствует данному способу производства, данной системе эксплоатации, или, как сказал в одном месте Маркс: «форма высасывания добавочного продукта из производителя».

Вот один пример государства.

Возьмем другой тип — *крепостническое государство*. Его развитие и уничтожение связано с развитием и уничтожением крепостного хозяйства. Вы имеете развитие крепостничества в XVI в., развитие в результате крестьянских войн в XVI и XVII вв., и вы имеете государство как диктатуру крепостников, основанную на крепостном укладе. На первом этапе это будет *уклад ведущий*, и все-таки здесь будет диктатура крепостников. В XVIII в. он превращается уже и в *господствующий*, не только является *ведущим*, — я беру русские примеры, — но не обязательно крепостное хозяйство связано с диктатурой в форме крепостнического государства. Там власть может меняться, как подчеркивал Ленин, но классовая сущность государства будет та же.

Теперь, если взять XX в., то получится разительное противоречие между развитием производительных сил и полукрепостными производственными отношениями, и это противоречие, по словам Ленина, глубже всего объясняет революцию. Вы имеете старую скорлупу, основанную на развалинах старого полукрепостного хозяйства, которое делает шаг в сторону буржуазной монархии, но поскольку буржуазной монархии еще нет, постольку сумма старых противоречий сохраняется, она даже, благодаря развитию государства, становится более крупной суммой. Крепостной уклад находится у порога, но не произошел еще диалектический скачок, и поэтому остается еще старый уклад.

Вот только так и можно ставить вопрос о государственном укладе.

Теперь берем эпоху переходную — нашу. Зоркий говорит: «У нас социалистический уклад не создает диктатуры пролетариата».

Это механистическая постановка вопроса. Вопрос может быть поставлен только таким образом, что развитие производительных сил в рамках капиталистического общества вступает в конфликт с существующими производственными отношениями. Капиталистическое общество заменяется новым производственным строем. Может ли в этом случае произойти взрыв, зарождение диктатуры пролетариата? С этой точки зрения мы получаем диктатуру пролетариата как форму переходной власти, которая должна уничтожить классы. Значит, по мере развития социалистической формы, государство уничто-

жается и отмирает. Следовательно, получается противоположная картина — развитие социалистического уклада и превращение его из уклада в господствующий способ, т. е. превращение России нэповской в Россию социалистическую. Здесь нельзя остановиться на механистической точке зрения.

Теперь относительно спора о феодализме и крепостничестве... Тут Дроздов в целом прав, что, по существу говоря, очень многие историки весьма часто различали феодализм и крепостничество, но неправильно различали. Я считаю точку зрения Малышева немарксистской, потому что говорить о торгово-крепостническом обществе — неправильная постановка вопроса. Эта точка зрения имеется у Допша. Он считает крепостничество приспособлением феодализма к торговому капитализму.

Здесь ставили вопрос, в чем, в сущности, заключается *особенность* крепостничества по сравнению с феодализмом. В чем *антагонистический* характер этих обществ? Есть различные пределы антагонизма. Вы можете иметь абсолютно антагонистические общества, как социалистическое и капиталистическое общество. С другой стороны, вы можете иметь крепостническое общество и капиталистическое общество, которые являлись антагонистическими формами, но переход от крепостничества к капитализму может итти *прусским путем*, *путем реформ*. Когда удалось задушить крестьянское революционное движение, целый ряд вспышек оказались неудачными, и здесь вы могли иметь развитие перехода от крепостничества к капитализму прусским путем, путем реформ. Вот пример *перехода одной формации в другую прусским путем*, который всем известен. Следовательно, бывают разные категории антагонизма.

Теперь перехожу к вопросу об антагонизме между феодальным и крепостническим обществом. В чем антагонизм? Если встать на точку зрения «расстановки людей в процессе производства», то ясно, что между феодализмом и крепостничеством никакой разницы нет, потому что и при крепостничестве и при феодализме вы имеете одну и ту же расстановку людей в производстве: с одной стороны землевладелец, с другой стороны, крестьянство.

Расстановка людей одна и та же, но способ производства и отношение людей к производству другие.

Что представляет собой феодальный способ производства и что представляет собой крепостной способ производства? При феодализме вы имеете производство в хозяйстве непосредственных производителей, в котором есть домашнее производство, домашняя промышленность и т. д. При крепостничестве вы имеете барщинное хозяйство.

Голос с места. — Натуральное хозяйство.

Дубровский. — Натуральным хозяйством является и хозяйство патриархальное и феодальное хозяйство, и крепостное и рабское.

Голос с места. — А следовательно?..

Дубровский. — Один признак натуральности ничего не говорит. Суть заключается в производственных отношениях и в способе эксплоатации. Вы здесь имеете хозяйство непосредственных произво-

дителей. Что вы имеете при крепостничестве? При крепостничестве вы имеете *барщину*.

Чем отличается барщина? Спрашивается — это крупное или мелкое производство? Оно и крупное и мелкое. Мелкое производство барщина постольку, поскольку она ведется хозяйством крестьянина, которое является мелким. С этой стороны барщина мелкое производство.

Но это крупное производство, с той точки зрения, что этот крестьянин половину своего рабочего времени работает на барщине.

Голос. — А методы принуждения?

Дубровский. — Методы принуждения существуют и при рабском хозяйстве, и при феодальном, и при крепостном, но есть разница в методах принуждения. Вот товарищи видят всю разницу в правовом положении крестьянства, — это надстроечное явление, а разница заключается именно в способах производства. Разница между положением непосредственного производителя при феодальном обществе, который производит свою продукцию и отдает ее в виде ренты, и между хозяйством барщинным. *Вот центральное различие.*

Теперь разница в положении классов. При феодализме крестьянин есть непосредственный производитель, который производит не товары, а продукты, и часть их отдает феодалу. При крепостничестве он не является производителем. Я беру крепостное общество как определенную систему.

Если я беру крепостничество как систему и беру абстрактно крепостническое общество, то мы здесь имеем барщинника, с одной стороны, и, с другой стороны, крепостного. Здесь крестьянин, по словам Ленина, определяется как придаток к барщине, и он ближе к рабу, чем к феодальному крестьянину, потому что помещик его покупает, продает, обменивает на щенков и т. д. Он не самостоятельный производитель, как при феодальной зависимости, а, повторяю, только придаток к барщине.

Отсюда возникает вопрос о создании прибавочного продукта у такого крестьянина. Если брать чисто капиталистическое общество: имеет ли возможность наемный рабочий производить накопление? Нет, не имеет. Если брать конкретное историческое общество, — имеет ли рабочий свой домишко, свое хозяйство и т. д.? Имеет. Кроме того, реформисты проповедуют возможность через посредство сберкасс для этих рабочих обратиться самим в капиталистов — жульничество и обман. Таким образом там одни из крестьян могут переходить в аристократию и буржуазию, а другие — наоборот: превращаются в рабочих. Когда крепостной начал заводить себе предприятие, то он, хотя по паспорту и был крепостным, принадлежащим к тому или другому имению, но в момент отрицания крепостного состояния, он переходит на другой фронт — в ряды буржуазии.

На другом фронте появляется наемный рабочий, который тоже отделяется от крепостничества. Таким образом, с одной стороны, имеется выделение буржуазии, с другой — выделение пролетариата, это бесспорно...

Но если вы берете капиталистическое общество, как определенную

систему на основе абстрактного метода, вы должны сказать, что крепостной, как таковой, не создает для себя прибавочного продукта, который весь изымается крепостником. Вы видите, какое огромное различие между феодальным и крепостным крестьянином. Здесь вы *имеете противоположность в самой системе хозяйства.* Вы имеете *противоположность положения эксплоатируемого крестьянина.*

Теперь — свободный крестьянин или не свободный? Я указывал, что Энгельс в некоторых случаях называет крестьянина свободным. Маркс, когда пишет о возникновении барщины в Руане, говорит то же. Речь идет о феодальной зависимости и о крепостной зависимости. В феодальной зависимости несвобода заключается в том, что крестьянин должен был сидеть на земле у данного помещика и отдавать часть прибавочного продукта, в виде продуктов, денег и т. д. Крепостной же являлся *рабом*, которого помещик мог продавать, покупать и что угодно с ним делать. Разница была в том, что раб не имел средств производства в пользовании, а крепостной имел.

В чем разница в положении феодала и крепостника? У Покровского на примере XVI в. вы найдете данные, которые показывают, что представляет собой феодальный землевладелец, феодал. Он, например, указывает на то, что феодал своего хозяйства не вел. Если он вел хозяйство, то главным образом на основе холопского труда. [1]

Если вы возьмете барщину XVIII в., то хозяйство феодала превращается в крупную *латифундию*, обрабатывающую громадную площадь земли с помощью крепостных крестьян.

Теперь — о классовой противоположности, которая отсюда вытекает. Вы брали время, когда был государь-вотчинник. Вы имеете здесь типичного феодала, который имеет целый ряд вассалов. Под вассалом подразумеваются и торговые люди и всякая мелкая сволочь. Здесь начинается развитие противоположностей: мелкий вассал садится на шею крестьян, вводит барщину, а с другой стороны, верхний этаж высасывает определенную часть прибавочного продукта, которую можно снять с арендуемой усадьбы. Государю-вотчиннику в опричнину режут голову, но значит ли это, что всем перерезали голову. Нет, не всем перерезали голову.

Этот крепостник-помещик, завладевший землями государя-вотчинника в опричнине, в XVII в. сам превращается в государя. Мы *имеем экспроприацию государя-вотчинника (вот антитеза) и затем превращение этого вассала в государя-вотчинника.* Это происходило на основе развития производительных сил и классовой борьбы. *Вы имели феодальное общество, затем его отрицание, и на основе развивающегося крепостного общества вы имели развитие новых форм общества.* Отрицание феодального общества происходит таким образом. Вы помните, как Ленин определяет кризис любой системы. Он характеризует это, с одной стороны, тем, что массы не хотят жить попрежнему, и, с другой стороны, господствующий класс тоже не хочет жить по-новому, и в XVI в. в России был кризис, который вызывался объективно крестьянской революцией, а не дворянской.

[1] *М. Покровский*, Русская история, стр. 30.

Следовательно, основное заключается в том, что крестьяне не хотят больше выносить гнет феодализма, они бунтуют против него, и взрыв внутренних противоречий феодального общества создает предпосылки для взрыва крестьянской революции. Крестьяне поднимают бунт, крепостники подавляют его и создают новые пути для создания общества. Это борьба крестьянства против феодалов. И так, на основе этой *крестьянской революции*, приходит в движение и мелкое казачество и мелкий вассалитет и даже мелкая буржуазия. *Вот — противоположность между феодализмом и крепостничеством. Она заключается во взрыве таких революций.*

Теперь вопрос о ренте. Можно ли на основе ренты определять способы производства? Ни в коем случае. Вы берете цитату, что экономическая сущность ренты одна и та же. Нужно заметить: если бы рента во все века и времена была *разная*, то Маркс и Энгельс *не дали бы термина «ренты»*. Это есть часть прибавочного продукта, которая поступает в распоряжение землевладельца, но связана с *различными* способами производства.

Здесь Ванаг упирал на то, что вся рента докапиталистическая. Я беру строй непосредственных товаропроизводителей, которые могут выплачивать определенную часть ренты. Это не будет капиталистическая рента, не будет капиталистический способ производства. Рента не определяет собой способ производства. *Я не по ренте определяю, а по способу производства.*

Насчет разных классов я могу привести то место из книги Покровского, где он говорит, что феодалы и крепостники являются разными классами.

Голос с места. — Неправильное утверждение.

Дубровский. — Я приведу точные цитаты, которые говорят о правильном утверждении. Покровский правильно дал фактическое обоснование феодализма и крепостничества.

Теперь я перехожу к вопросу о торговом капитале. Я приводил в прошлый раз цитату Ленина, где он говорит о мелкобуржуазных народниках, которые не понимают процесса развития капитализма из разных систем хозяйства: может быть, из рабства, может быть, из крепостной барщины, может быть из феодальной. Зоркий с упорством, достойным лучшего применения, утверждал, что *только* — из феодализма. Нельзя приписывать Марксу того, что он не говорил. Маркс говорил о развитии конкретной общины. Во Франции вы имеете развитие капитализма на основе распада феодальных отношений. Это бесспорно, а если вы возьмете Америку, южные штаты, то здесь *развитие капитализма происходило на базе рабской системы хозяйства.*

В вопросе о торговом капитале все встали в гордую позу. Торговый капитал — не общественная формация — это все знали, это вещь простая... А сколько из вас в своих книжках имеют торговый капитал как формацию? Об этом ни гу-гу, об этом из скромности умалчивают. Это проглотили как неприятную вещь.

Теперь это пройденный этап, и никто не будет защищать это, а несколько месяцев тому назад некоторые это защищали.

Можно ли объяснить на основе развития торгового капитала переход из одной формации в другую? Нельзя. Нельзя механистически подходить к торговому капиталу. Есть торговый капитал, вырастающий на почве производства, т. е. на основе расчленения ремесла и земледелия и общественного разделения труда, а не на основе роскоши. На одном этапе он может разлагать старую формацию, на другом этапе он может создавать условия для консервирования и цементирования.

Теперь вопрос относительно самодержавия. Мне очень приятно, что все признают, что это была диктатура крепостников.

Фролов. — Феодалов-крепостников.

Дубровский. — Да, на определенных этапах можно говорить и о них, так как в России у нас был развит феодализм, который сохранился до XX в., т. е. сохранились остатки его, существовавшие до 1917 г., как, например, в определенной эпохе была связь между феодальной и рабовладельческой системой. У нас был ряд крепостников, которых с полным правом можно назвать феодалами, так как они были владельцами удельных крестьян, а не барщинниками. Так что здесь была диктатура крепостников-феодалов, но не диктатура двух классов, — торгового и феодального — крепостного.

Теперь вопрос о крестьянском движении.

Я прямо говорю, что относительно крестьянского движения у меня есть крупные разногласия с товарищами, в частности по вопросу о пугачевщине и разинщине. Эти вопросы заключаются вот в чем: по схеме Меерсона, основным конфликтом для XVIII в. был конфликт между торгующим крестьянством — не монополистическим и торгующим дворянством, т. е. это было движение, возникшее на основе развития буржуазных взаимоотношений. Это одна точка зрения. Но есть другая точка зрения, которой придерживаюсь я. Основное содержание пугачовского движения я вижу в борьбе крестьянства, как класса крепостного общества, против класса крепостников...

Крепостники есть класс крепостного общества. Борьба за уничтожение крепостничества во имя некрепостнического развития, *во имя перехода к простому товарному производству*, на основе развивающихся меновых отношений, будет перерастать капиталистические отношения, которые потом превратятся в буржуазный способ производства. Но в чем заключается разница? Разница заключается в следующем: если вы возьмете крестьянское движение 1861 г. или 1905 г., или крестьянское движение эпохи Великой французской революции, то вы увидите, что вы имеете сложившиеся условия для капиталистического способа производства. Это будет уже эпоха буржуазной революции.

Следовательно, товарищи, надо различать крестьянское движение, окончившее собой крепостничество, от крестьянского движения, начавшего собой крепостничество или в стадии развития крепостного хозяйства. Отличие заключается в том, что в 1861 г. уже стоял вопрос об американском и прусском путях развития. Крестьянство

боролось за американский путь развития, а этой борьбе противопоставлялся прусский способ. Речь шла о капиталистическом способе производства. В эпоху Пугачева и Разина вы имели крепостное хозяйство. Крестьяне боролись за свержение крепостничества и за переход через целый ряд переходных форм к капиталистическому способу производства. Но надо видеть разницу между эпохой, которая кончает собой крепостнический способ производства, эпоху буржуазной революции и эпоху крестьянских войн, или вы должны сказать, что крестьянские войны и крестьянское движение эпохи буржуазной революции это одно и то же.

Голос с места.—А для вас это не одно и то же?

Дубровский.—Это разные виды одного и того же классового движения. Я рассматриваю крестьянское движение XVIII в., как движение класса эпохи крепостничества, крестьянства против диктатуры крепостников. Я считаю, что та концепция, которую дал Мерсон, была ярко выражена Петром Масловым и осуждена Лениным, когда он рассматривал крестьянское движение как движение мелких собственников против капиталистических предпринимателей, т. е. брал его в рамках капиталистического качества. У моих противников мы видим отрицание роли крестьянства и крестьянского движения, крестьянской войны, крестьянского участия в буржуазном движении, т. е. то, что я называю историческим обоснованием меньшевистской концепции 1905 г.

Последнее замечание относительно двух путей. Здесь большие разногласия, в частности с Ванагом. Эти разногласия заключаются в следующем. Гайстер считал, что в России...

Ванаг.—Ты отвечай мне, а не Гайстеру.

Дубровский.—Ты целиком повторяешь Гайстера. В чем заключается сущность дела? Считается, что в 1861 г. началось развитие, с одной стороны, прусского капитализма по линии помещичьих хозяйств и, с другой стороны, развитие американского капитализма по линии крестьянских хозяйств. Капиталистические предприниматели, американские фермеры, вступили в борьбу против русских юнкеров. Берется эта установка, но с моей точки зрения она неправильна.

Голос.—Это по Ленину.

Дубровский.—Ленин говорит, что в 1861 г. совершенно четко наметились два пути развития — прусский и американский. За прусский боролись крепостники, которые поняли, что им грозит жакерия, т. е. крестьянское восстание (в случае сохранения старых форм полуфеодального землевладения). Значит, в 1861 г. имеется борьба крепостников за прусский путь развития.

С другой стороны, в 1861 г., *под руководством еще мелкой буржуазии, а с развитием крупной буржуазии под ее руководством, начинается американский путь развития.* Это значит, что крестьянство, под руководством пролетариата, должно свергнуть крепостников и после этого начать развитие хозяйства по американскому пути.

Голос.—С пустого места.

Дубровский. — Не дает вам покоя «пустое место». *(Шум и возгласы.)*

Итак, что же получилось бы? То, что крестьяне свергнули бы диктатуру крепостников и начали бы развитие капитализма по американскому пути. Предпосылки для развития американского пути имелись уже в рамках крепостнического общества, но это были только предпосылки.

Для того, чтобы началось социалистическое развитие, нужна революция, и после нее начинается бурное развитие по линии социализма.

Следовательно, чтобы страна могла пойти по американскому пути развития, нужна была революция. Но пока этой революции не было и, следовательно, не был доступен американский путь, а существовали крепостники, они вели по прусскому пути. Причем здесь борьба в пределах одного качества: капиталистический предприниматель, мелкий торговец борется против крупного капиталистического предпринимателя. Вот в чем разница между американским и прусским методом.

По вопросу о финансовом капитале и самодержавии тоже есть спор. Я несколько раз говорил Ванагу, что он недооценивает значения финансового капитала и империализма. Он дал, конечно, не нашу схему развития. Это вне всякого сомнения.

Ванаг. — Да, у нас с вами *две* схемы развития.

Дубровский. — Разве русский капитал тащится на буксире европейского капитала? Выходит так, что нет внутренних сил для нашего социалистического строительства. Это не наша точка зрения, это враждебная точка зрения.

Здесь не случайно некоторые упрекали меня в народничестве. Они не понимают крепостничества и основы противоречия между крестьянами и крепостниками. Они перескакивают через этапы революции и делают целый ряд ошибок в части крестьянства. Здесь *принципиально-политическое разногласие*, которое есть и было. Ты стоишь на одной точке зрения, я эту точку зрения совершенно отрицаю. Я против того метода полемики, который допустил Ванаг. Он воспользовался той шпаргалкой, которую пустил Гайстер. Вопрос об интенсивном хозяйстве поставлен неправильно. Я от этой точки зрения отказываюсь.

Голос с места. — А книжка?

Дубровский. — Там есть об аграрном кризисе. Вам не удастся отыграться на интенсивном хозяйстве. Здесь говорили: Дубровский не учитывает эксплоатации. В моей работе написано, что основой борьбы крестьянства против крепостников является эксплоатация.

«Помещичья эксплоатация играла решающую роль в подготовке аграрной революции».

Сущность заключается в следующем: что существует помещичья эксплоатация. Но каковы внутренние силы, которые определяют то явление, что помещичья эксплоатация в XX в. приводит к взрыву? Почему этого не было в другую эпоху?

Смешно говорить, что нет классовой борьбы, когда у меня дано описание крестьянского движения.

После Октябрьской революции играет роль кризис развития капитализма. Конечно, капитализм рождается из мелкого производства. Моя книга в 1923 г. была издана, написана до 1923 г., и там имелся раздел, который относился к кооперации в условиях капиталистического общества. В 1921 г. Ленин ставил вопрос о кооперации в связи с вопросом о капитализме. Я вам заявляю, что книжку, написанную мною в 1921/22 г., я пересмотрю в корне. С точки зрения 1929 г. там имеется целый ряд ошибок. Поэтому я не переиздавал ее. У меня не было времени переработать ее. Я могу итти на пари: давайте любую книжку 1921, 1922 гг. и будем говорить о ней, в сравнении с моей книжкой.

Так что, товарищи, я решительно возражаю против того, чтобы мне приписывать то, чего я отнюдь не говорил. Прусский путь означает, что латифундии перерождаются в капиталистическое хозяйство, т. е. переход по линии помещиков, а с другой стороны, это есть переход от крестьянского хозяйства к капиталистическому мелкому хозяйству. Эта постановка правильна, и вы напрасно придираетесь.

Теперь вопрос о деколонизации. Это грубая политическая ошибка. Говорят, будто у Дубровского написано, что мы имеем развитие капитализма в колониальных странах. Моя формулировка — формулировка правильная. Нельзя скатываться на ошибочную точку зрения. Капитализм в колониях развивается, но не ослабляет, а, наоборот, усиливает капиталистические противоречия, так что вы совершенно неправы, придравшись ко мне по этому поводу.

Я кончаю. Я не претендую на должность непогрешимого римского папы, и вопрос об азиатском способе производства я внимательно пересмотрю.

Я учту все замечания, которые мне были сделаны, откажусь от того, что у меня было ошибочно и неправильно, но отказаться от того, что мне кажется правильным, я не могу.

Что касается мануфактурного периода, то у вас, товарищи, имеется большая неясность. Мануфактурный период в развитии капитализма безусловно есть, но *своей специфической переходной эпохи он не создает*. Нельзя подходить к этому механистически. В России, например, мануфактурный период развивался еще в недрах крепостнического общества — петровская мануфактура появилась, там были крепостные элементы, но и были элементы сильно развитой капиталистической мануфактуры.

Мы имеем назревание мануфактуры в рамках еще существующих крепостнических отношений... Вот как нужно ставить вопрос в мануфактурном периоде.

В других странах вы можете получить мануфактурный период как этап. Возьмем голландскую революцию или английскую революцию. Здесь вы можете иметь этап мануфактурного периода. Нельзя вопрос о мануфактурном периоде ставить одинаково во все времена и эпохи.

Я надеюсь, что мы дальше по этому вопросу будем работать. Я постараюсь этот вопрос теоретически обсудить, другие товарищи будут работать, и путем коллективной работы я буду выправлять отдельные ошибки, если они есть.

Эта дискуссия шла главным образом по вопросу о феодализме и о крепостничестве. *Я продолжаю стоять на точке зрения, что феодализм и крепостничество представляют собой разные качества.* Если вы меня убедите в обратном, я соглашусь с вами, но сейчас ваши аргументы недостаточно убедительны. На данной стадии я не вижу убедительных аргументов к тому, чтобы считать феодализм и крепостничество тождеством.

Я остаюсь на той точке зрения, что *крепостничество — особый способ производства и особая классовая формация.*

МИНЦ, И.

Уже одна та роскошь, с которой Дубровский злоупотреблял «истинно-русскими словами», свидетельствует о том, что Дубровский находится в большом смущении.

«Когда хотят отставку дать,
Не станут длинно так ругать»,

можно было бы перефразировать известное положение применительно к Дубровскому. Именно поэтому я позволю себе отложить в сторону свой ответ на весь его запас из области «больших морских загибов», а перейти к существу вопроса. Не могу однако не подчеркнуть, что и в «словесной» области Дубровский проявил большой провинциализм. Рожков говорит $2\times2=4$, и вы повторяете за ним, следовательно, вы рожковцы, — говорит Дубровский. Но этот наивный метод полемики давно осмеян даже в детских хрестоматиях. Кто же не помнит рассказа «держи вора»!

В нашей дискуссии наметилась большая группа товарищей, стоящих в основном на одной точке зрения. Но этого мало. В современной борьбе с буржуазной теорией, в борьбе за выкорчевывание всех и всяких остатков буржуазных теорий, мне думается, нам нужно отвоевать как можно больше товарищей у сторонников той точки зрения, которую мы считаем неверной. Позвольте мне поэтому поговорить с участниками дискуссии, прежде чем ответить содокладчику.

Начну с группы, которую можно назвать группой «одиноких слонов», группы, представители которой, по Брэму, бродят в одиночку, редко присоединяясь к стаду, но являются в то же время весьма опасной разновидностью.

По Шестакову:

«В столицах шум, гремят витии, кипит словесная война,
А там во глубине России, там гробовая тишина».

Прикрывшись скромным псевдонимом «провинциала», Шестаков прочитал нам несколько поучений из «Юности честное зерцало» о необходимости большей академичности в дискуссии, о недопустимости политической заостренности и пр.

Я не должен подчеркивать, что мы не объективисты, а материалисты, и решаем все вопросы, как говорил Ленин, по-партийному, т. е. подходим к ним с точки зрения интересов определенного класса, — в данном случае известно, какого. А это и определяет наш подход в дискуссии к Дубровскому. Неужели вы думаете, что мы заняли бы целых 6 рабочих дней для дискуссии,

если бы она не имела актуального характера? Я, во всяком случае, не сторонник той «аркадской идиллии», которую Шестаков нарисовал для нас.

С одним я согласен, что нельзя буквально каждое ошибочное место связывать непосредственно с политической линией товарища. Надо брать либо в целом всю схему, либо по крайней мере известную, более или менее законченную мысль. Но и в этом случае упрек Шестакова направлен не по адресу.

Что касается существа вопроса, то Шестаков сделал только два замечания. Первое: он меня упрекал в том, что я зря назвал Дубровского недиалективом, ссылаясь при этом на свои личные воспоминания. Я не сомневаюсь, что личные воспоминания могут играть роль исторического документа, но вопрос о феодализме не из области личных воспоминаний. Отделаться здесь от существа вопроса ссылками на воспоминания, даже если они носят вполне почтенный характер, как в данном случае, конечно не удастся.

Второе замечание: Шестаков предлагает нам брать все вопросы с точки зрения мирового масштаба, как это предлагал матрос Швандя в «Любови Яровой». Но у Шванди, когда он брал «луну в мировом масштабе», это служило выражением его непосредственной революционности, а у Шестакова? Попробуйте наше русское крепостничество XVII — XVIII вв. брать в «мировом масштабе». Вы этого не сумеете, так как это явление отнюдь не характерно для всего мира. Вот и все ваши замечания по существу.

Мне кажется, по этому вопросу вы должны будете еще раз выступить и выявить более резко свои позиции. Придется ведь еще драться за чистоту марксистского метода, и тут каждый боец должен занять свое место и притом определенное.

Второй товарищ из этой группы — Резвушкин — «слон», конечно, поменьше, чем Шестаков, но тоже одиночка, и мне приходится сделать и ему несколько возражений. Резвушкин напоминает мне одного из героев Щедрина — Василиска Семеновича Бородавкина, который «поражал своей необычайной расторопностью и какой-то неслыханной административной въедчивостью, с особой энергией проявляющейся в вопросах, касающихся выеденного яйца» *(смех)*. Резвушкин с необычной расторопностью сбегал в Коммунистическую академию, взяя оттуда все мои выступления, которые я еще не исправлял, и со свойственной ему въедчивостью *(смех)* начал доказывать: вы делаете еще бо́льшую ошибку, чем Дубровский, не различая феодализм и крепостничество. Я развожу руками перед такой расторопностью. Помилуйте! В продолжение целого доклада я доказываю, что между феодализмом и крепостничеством *по способу производства* нет разницы, но что, само собой разумеется, надо различать крепостничество, как оно сложилось в России к XVII — XVIII вв., и общественные отношения XIII — XIV вв. Приписать мне смешение двух разных эпох можно только при наличии той способности въедаться в вопросы, особенно касающиеся выеденного яйца, которой в такой обильной дозе обладает Резвушкин.

Голос. — Правильно!

Минц. — Но, товарищи, каждый из нас, если предъявляет к другим какие-нибудь требования, должен помнить о них раньше всего в отношении к себе. Резвушкин потребовал от меня точности и четкости в применении марксистской методологии, а сам он что сделал? Резвушкин пробует подходить при оценке формации с такой точки зрения. Он берет пять признаков: уровень производительных сил, способ производства, производственные отношения, экономическая форма эксплоатации и классовые отношения. Вот, говорит он, целых пять признаков, с которыми надо подходить к формации. Пять, а не четыре, — на этом я стою и с этого не сойду. Прежде всего обращаю внимание Резвушкина, взявшего на себя роль бойца на два фронта,— с каких, однако, пор межумочная позиция стала выдаваться за борьбу на два фронта, — на следующее: можно, конечно, выделять из общественных отношений классовые отношения, но противопоставлять классовые отношения производственным отношениям как два разные элемента — это совершенно непонятная вещь.

Во-вторых, точка зрения Резвушкина приводит нас благополучно к теории факторов, так зло высмеянной еще старыми марксистами. Вопрос не в том, с какой точки зрения можно подходить к формации, с какими факторами подходить к ней, а в том, что является *основой* формации. Резвушкин же это обошел.

Эта теория «факторов» не наша. Маркс и Ленин, вслед за ним, подчеркивали десятки раз, что такое формация, и отмечали, в чем основное отличие одной формации от другой. Это нужно было сделать и вам, т. Резвушкин, вместо выдвижения своей пятичленной схемы.

Вы наконец допустили еще одну конкретную ошибку, когда заявили, что крепостничество есть *стадия* в развитии феодализма. Ну-ка, попробуйте доказать, что в Англии было на определенной стадии развития феодализма такое же крепостничество, как в России в XVII — XVIII вв. Думаю, что и с вашей смелостью доказать это не удастся.

Следующая большая группа товарищей — группа, которая пытается сесть между двух стульев. Возьму здесь Персова. Я с удовлетворением слушал предложение поучиться у него, как нужно цитировать Ленина. Несомненно, даже в его изложении это ценное предложение.

Что делает Персов? Ленин пишет:

> «Из моих слов: «До капитализма земледелие было в России господствующим делом, барской затеей для одних, обязанностью, тяглом для других», по мнению г. Скворцова, «оказывается, что целая общественная формация, крепостной способ производства, была барской затеей». ***Нет, г. Скворцов, это еще вовсе не «оказывается», ибо я в своем месте указал на то, что «крепостное хозяйство было известной правильной и законченной системой» и здесь охарактеризовал лишь один из признаков этой системы».***[1]

Персов, претендующий на роль единственно правильного толкователя текстов Ленина, берет подчеркнутые нами слова и торжествующе заявляет:

> «Ага! Ленин считает крепостничество особой формацией».

[1] *Ленин*, Соч., т. III, изд. 2, стр. 495. Курсив мой. — *И. М.*

Я же думаю, что Персов доказал свое родство с Дубровским, по крайней мере, в манере цитировать. В самом деле. Скворцов обвиняет Ленина в том, что он называл крепостничество «барской затеей», а Ленин ему отвечает: неверно, это не выдумка барина, а определенная законченная система. И верно, конечно. Только народники считали крепостничество случайной ошибкой природы и результатом злой воли помещика. Против этого и направлен удар Ленина. Но для нас с вами вопрос ведь не в этом, а в том, является ли крепостничество по способу производства особой формацией. Этого вы у Ленина не найдете ни в данном месте, ни в других работах, что я и показал, злоупотребив при этом вашим вниманием.

Перейду к большей группе, которая намечается у нас в основе против Дубровского, но несогласна с целым рядом моих положений. Я не буду останавливаться на всех вопросах. По этим вопросам придется поставить целый ряд докладов, — но выделю те, которые мешают им полностью стать нашими сторонниками в борьбе против рожковщины.

Меня упрекали в том, что я смазал разницу между укладом и формацией. Ломакин даже объявил меня «путанником» и попробовал дать мне урок диалектики, напомнив мне своей неуклюжей попыткой того юнкера, который обучал гимнастике студента: «прыгай, прыгай через кобылу. Тут тебе не университет. Тут надо головой работать».

Я говорил в докладе, что не всякий способ производства является социально-экономической формацией. Мы можем, скажем, в эпоху феодализма иметь значительные элементы капиталистического способа производства, и тем не менее это отнюдь еще не будет капиталистическая формация. Способ производства составляет *основу* формации. Для того же, чтобы иметь формацию, нужно иметь не только экономический базис, но и надстройку. Это раз.

Во-вторых, я подчеркивал, что *абстрактной* формации не существует. В том и состояла ошибка Бухарина, когда он считал, что империализм давно перекроил весь мир, давно перекроил все отношения по своему подобию. На этом собственно зиждилось и его предложение выбросить из программы характеристику капитализма. Я не стану напоминать вам возражение Ленина, а отошлю вас к спорам о программе.

Что касается самого понятия «уклад», то я выдвинул положение, что Ленин не противопоставлял «уклад» формации. У Ленина, я это говорил, можно найти условное применение «уклада» в очень различных случаях: уклад техники, например. Но во всех тех случаях, когда Ленин говорит об «укладе» как определенной социальной категории, он имеет в виду социально-экономическую формацию. Я показал это на ряде конкретных примеров из Ленина. Разрешите теперь привести еще один пример из рецензии Ленина на книгу Богданова: «Краткий курс экономической науки».

«Только материалистическое понимание истории, — писал Ленин, — вносит свет в этот хаос и открывает возможность широкого, связного и осмысленного воззрения *на особый уклад общественного хозяйства*, как на фундамент особого уклада всей общественной жизни человека».

Как видите, уже тут идет речь об «укладе общественного хозяйства» и «укладе всей общественной жизни». Но и тут ясно, что об «укладе» здесь Ленин говорит именно как о формации. Однако чтобы у Ломакина не оставалось в этом сомнений, я прочитаю еще одно место, в котором Ленин расшифровывает свою мысль.

«Воззрение, — писал Ленин, — на политическую экономию, как на науку о развивающихся исторически *укладах общественного производства*, положено в основу порядка изложения этой науки в «курсе» г. Богданова. Изложив вначале кратко «общие понятия» о науке... автор излагает содержание науки... не догматически... а в форме характеристики последовательных периодов экономического развития, именно: периода первобытного родового коммунизма, периода рабства, периода феодализма и цехов и, наконец, капитализма». [1]

Может ли кто сомневаться, что у Ленина уклад общественной жизни есть социально-экономическая формация?

Надо же понять, почему я приводил так тщательно все цитаты об «укладе» из Ленина. Дубровский, несмотря на свою комплекцию, обладает большой способностью юлить и вертеться. Ударишь его по «расстановке людей», он кричит: опечатка. Ударишь его по переходной эпохе, он говорит: меня не поняли. Теперь бьем его за формацию, он пытается спрятаться за уклад. Вот почему я остановился на этом вопросе и заявил: когда Ленин определяет уклад как социально-экономическую категорию, он имеет в виду социально-экономическую формацию. Те же товарищи, которые считают, что я напрасно занялся этим вопросом, позволяют Дубровскому прятаться за уклад, как особую социальную категорию и настаивать на своем противопоставлении феодализма крепостничеству. Его попытка считать укладом «недоделанную» формацию, — помните, он говорил, что способ производства со всеми производственными отношениями, но без политической надстройки, есть уклад, — приведет только к лишней путанице. Вот вам переходная эпоха, которая, как поправляется Дубровский, является суммой укладов. По Дубровскому получается, что социалистический уклад имеет свою политическую надстройку в диктатуре пролетариата, но это вдвойне не верно: во-первых, диктатура у нас для всего переходного периода, а, во-вторых, разве социализм, — бесклассовое общество, — имеет политическую надстройку в виде диктатуры пролетариата?

Повторяю, марксистская терминология не поддается определению, что всякая терминология — вещь условная, но она допускает соглашение. Давайте, если хотите, займемся этим вопросом, поработаем, условимся, что под «укладом» мы понимаем то-то и то-то, и этой терминологии будем придерживаться.

Но выдумывать, приписывать Ленину свое понимание и т. п. значит только оставлять Дубровскому лазейку для юления.

Последнее замечание из этой области — относительно «азиатского» способа производства. Как можно из неправильной методологии делать правильные выводы и правильно разрешать вопрос, спрашивает меня Ломакин, в ответ на мое замечание, что Дубровский правильно заострил внимание против троцкистов. Вот вам пример: у Буха

[1] *Ленин*, Соч., т. II, изд. 2, стр. 394.

рина неправильная методология, но с троцкистами он тем не менее боролся правильно.

У меня с «азиатским способом» производства шапочное знакомство, — напомнил вам мое собственное признание Ломакин, правда уже очень давнее. Еще три года тому назад, как раз по поводу рецензии Ломакина об «азиатском» способе производства, я писал, что вопрос об «азиатском» способе производства вопрос спорный.

Сейчас это шапочное знакомство еще не перешло в «личное знакомство» по целому ряду причин, и мне трудно здесь развернуть всю сумму аргументации. Но я подчеркнул не ошибочность «азиатского» способа производства, а совсем другое. У нас группа товарищей занималась вопросом феодализма на Востоке. Все троцкисты единодушно отрицали наличие феодализма в Китае, но одни при этом скрывались под торгово-капиталистической формацией, другие под «азиатским» способом производства. Заслуга Дубровского и состоит в том, что он вытащил троцкистов из-за прикрытия и выступил против того, что *феодализма* не было на Востоке. Вы хотите сказать, что заслуга невелика, что Дубровский повторяет зады партии, поскольку партия давно доказала, что троцкисты были неправы, но все же это заслуга, и именно это я отметил, а вовсе не то, что приписывает мне Ломакин.

Перейду к Дубровскому. Под влиянием нашей критики Дубровский отказался от целого ряда ошибок: 1) он признал ошибочным вопрос о «расстановке людей» и даже попробовал перейти в этом вопросе в наступление; 2) он признал, что переходный период не является формацией; 3) он категорически заверял нас, что не признает дворянской революции; 4) признал, что недооценил роли торгового капитала; 5) отказался от кризиса интенсивного хозяйства как основной причины революции 1905 г. При наличии такого числа ошибок мы, естественно, в праве поставить вопрос: если вы отказались от пяти ошибок, то какое же количество этих ошибок у вас еще имеется? Дело, по-моему, не в той или иной ошибке, а в системе взглядов, в исходном пункте. Покуда исходный пункт будет неверен, вы будете делать все новые ошибки. Чтобы нам не исправлять всякий раз ваших конкретных ошибок, лучше сразу выправить ваш неверный исходный пункт, вашу методологическую установку.

Разрешите перейти к некоторым конкретным замечаниям, не отмеченным в докладе, и еще раз проиллюстрировать эту методологическую установку, в основе являющейся недиалектичной.

Ни один из товарищей не обратил самого серьезного внимания на тот факт, что Дубровский в своем учении о ренте, переставил тот путь, на который указывал Маркс. У Маркса историческое развитие ренты такое: отработочная рента, натуральная рента, денежная рента и капиталистическая.

У Дубровского наоборот: сначала рента натуральная, потом рента отработочная и т. д. Любопытно, что об этом пути говорил не только Маркс, но и Ленин в третьем томе своих сочинений, и я боюсь, что Дубровский в данном случае просто не знает конкретной действительности. В России, мне думается, этот процесс тоже шел не вспять.

В определенную эпоху феодализма феодал базировал свое хозяйство только на ренте отработочной. Разделение общественного труда не пошло еще так далеко, чтобы можно было безболезненно для крестьянского хозяйства отбирать у него продукты. Единственная возможность была заставить крестьянина работать на себя. При этом мы не считаем, что под барщиной надо понимать только выполнение барской запашки. Всякий труд на крепостника — шитье сапог для него, стройка дома, производство любых предметов и т. п. — все это входит в отработочную ренту.

Далее, когда общественное разделение труда заходит так далеко, что у крестьянина появляется избыточный продукт и становится возможным отбирать часть продуктов, феодалу становится выгоднее переводить барщину на натуральный оброк. Помните, Маркс ведь подчеркивал, что переход от отработочной ренты к натуральной составляет шаг вперед в общественном разделении труда и в развитии производительных сил. И в России мы наблюдаем это явление.

Ленин, говоря о том, на чем держатся отработки в России, приводил две цифры чрезвычайно характерные — за обработку десятины пашни при помощи наемного труда помещик платил бы за десятину 17 руб., а пользуясь трудом крестьянина, пользуясь «отработками», он сводил расход к 8 — 9 руб. за десятину. Как видите, нажимать на «отработки» даже в XX в. было проще и легче, а как далеко шагнул экономический прогресс к XX в.! В XIII в. это было тем более характерно. К сожалению, у нас нет документов о состоянии повинностей до XIV в., но нам доподлинно известно, что к XIV в. мы имеем уже не только натуральный оброк на ряду с отработкой ренты, но кое-где даже и ренту денежную.

К этому периоду начинается в России развитие рынка не только внутреннего, но и внешнего, и барин должен был искать таких методов, которые позволили бы ему использовать эту новую конъюнктуру. Такой метод он нашел в отработках, в отработочной ренте, которая уже давно существовала, давно превратилась в ренту продуктами и которую он постепенно развернул в целую систему.

Если бы Дубровский продумал это, а не механически воспринял буржуазную точку зрения о противопоставлении крепостничества и феодализма, то он понял бы и свою ошибку также в вопросе о торговом капитале.

Я подчеркивал, что ошибка Дубровского в этом вопросе заключается в том, что он смешивает торговлю и торговый капитал. Торговля и торговый капитал это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Конечно, торговый капитал без торговли быть не может.

Во-вторых, Дубровский не понял, что не все то, что играет роль в обращении, что помогает обращаться товарам между двумя полюсами, не все это является торговым капиталом. Тут он смешал торговый капитал и товарный. Маркс в третьем томе «Капитала» тщательно разъяснил, что товарный капитал только тогда становится торговым капиталом, когда он является функцией особого подраз-

деления капиталистов. Само собой разумеется, что этот особый класс без борьбы своих позиций не сдаст, и в этом смысле Маркс говорил о борьбе торгового капитала с промышленным.

В этом смысле говорят о торговом капитале и Маркс, и Ленин, и Покровский. И говорить о Покровском, что это не наша точка зрения — неверно.

Вспомните, например, что Маркс писал в главе «Из истории купеческого капитала»:

«В новейшей английской истории собственно торговое сословие и торговые города также являются политически реакционными и, в союзе с земельной и финансовой аристократией, против промышленного капитала. Сравните, например, политическую роль Ливерпуля с ролью Манчестера или Бирмингама. Полное господство промышленного капитала признано английским купеческим капиталом и финансовой аристократией лишь со времени отмены хлебных пошлин».

Маркс тут подчеркивает, во-первых, реакционность торговых капиталистов, во-вторых, их союз с крепостническими помещиками, в-третьих, что борьба торгового капитала против промышленного в Англии закончилась только к середине XIX в. А у нас находятся люди, которые удивленно поднимают брови, когда читают у Покровского о борьбе торгового капитала в России в конце XIX в. Мало, видно, читать, нужно и понимать. Надо же понимать, что речь идет о борьбе классов и задача историка — выяснить эти классы. В этом смысле я бы сказал, что эта терминология может, как это видно на примере с Дубровским, внести путаницу.

Верно, конечно, что приведенная выше мысль Маркса о борьбе «купеческого капитала и финансовой аристократии» против промышленного капитала вовсе не значит, что господство торговых капиталистов дает тем самым новую общественную формацию, что торговый капитализм является особой формацией. Все мы поэтому с большим удовлетворением запишем отказ Кунисского от этой точки зрения.

Торговый капитализм как формация не существует и существовать не может. Но я не склонен каждого, у кого есть термин «торговый капитализм», предавать анафеме, как это пытались делать некоторые товарищи. У Ленина есть такой термин. Например, в споре против Сокольникова в 1917 г. по вопросу о программе Ленин говорил, что колониальные войны были в эпоху Рима и в «эпоху торгового капитализма», но он не имел в виду формацию. Я не склонен думать, что каждого надо за этот термин тащить за ушко и на солнышко, даже если у него этот термин употреблен в условном смысле. Другое дело, если под этим понимать особый способ производства, — с этим будем резко бороться, ибо это, с точки зрения Маркса, большая ошибка.

Пойдем, однако, дальше. Торговый капитал не создает своего особого способа производства, — это азбука марксизма, но какой способ производства он использует и что с ним при этом делает, —

---

[1] «Капитал», т. III, ч. I, изд. 1922 г., стр. 311.

зависит от конкретного хода вещей. Говорят, торговый капитал разлагает старый способ производства, но это разложение идет не одинаковым путем. В Риме торговля и торговый капитал разлагали старый способ производства и в одних случаях приводили к тому, что патриархальная система рабства переходила в рабовладельческую систему. В Риме торговый капитал создавал рабовладельческую систему, на все более расширенной основе, пока эта рабовладельческая система не погибла, не создав никакого нового капиталистического способа производства.

Если взять Англию, то там торговый капитал разлагал старый способ производства и подготовлял новый. Он выдвинул элементы капиталистического развития.

«В какой степени она (т. е. торговля) влияет на разложение старого способа производства, — писал Маркс, — это сначала зависит от его прочности и внутреннего строя. А к чему приводит этот процесс разложения, т. е. какой новый способ производства выступает на место старого, это зависит не от торговли, но от характера самого старого способа производства. В античном мире влияние торговли и развитие купеческого капитала постоянно имеют своим результатом рабовладельческое хозяйство. Иногда же, в зависимости от исходного пункта, оно приводит только к превращению патриархальной системы рабства, рассчитанной на производство непосредственных средств существования, в рабовладельческую систему, целью которой является производство прибавочной стоимости. Напротив, в современном мире оно приводит к капиталистическому способу производства. Отсюда следует, что сами эти результаты обусловлены кроме развития торгового капитала еще совершенно иными обстоятельствами». [1]

В этой связи разрешите сказать пару слов о мануфактурном периоде. Я удивлен, почему Касименко и Зоркий подчеркивают, что Маркс говорил относительно мануфактурного периода капитализма, как особой *стадии* в развитии капиталистической формации. А куда вы дели Маркса и Ленина, когда они говорят о трех стадиях развития капитализма: мелкое товарное производство, капиталистическая мануфактура и фабрика. Если стать на вашу точку зрения, то надо в интересах истины оставить и еще одну стадию капитализма — мелкое товарное производство. В этом вопросе вы не правы, выдвигая особую стадию, особый мануфактурный период. Вы не поняли, что и Маркс и Ленин говорили *о трех стадиях развития капитализма в промышленности*, т. е. исторический путь крупной промышленности был таков: от мелкого товарного производства через капиталистическую мануфактуру к фабрике. Можно ли говорить, что любая из этих стадий была целым периодом в развитии общественной формации? Конечно нет. Это значило бы разрушить крепостническую формацию Дубровского и на ее развалинах воздвигнуть новую мануфактурную формацию. Тех же щей, да еще пожиже влей, — так что ли? Что крупная промышленность в своем историческом развитии прошла три стадии, это одно, но что одна из этих стадий была господствующей в системе общественных отношений, накладывала свой отпечаток на все развитие общества, создала какую-то промежуточную формацию, это не верно. «Три основных

[1] «Капитал», т. III, ч. I, стр. 316.

формы промышленности» — говорит по поводу этих стадий Ленин, — но не три стадии в том смысле, в каком говорит об этом Зоркий.

Дальше, возвращаясь к прерванной теме, торговый капитал обладает еще и способностью консервировать старые отношения, развивать их в целую систему, торговый капитал заинтересован в сохранении старых способов производства.

«При капиталистическом производстве, — писал Маркс, — купеческий капитал от своего прежнего самостоятельного существования спускается до такой роли, когда он является лишь особым моментом применения капитала вообще...

Он функционирует уже только как агент производительного капитала. *Особые общественные отношения, складывающиеся с развитием купеческого капитала*, теперь уже не играют решающей роли; напротив, там, где преобладает купеческий капитал, господствуют устаревшие отношения».

С этой точки зрения, если вы вспомните переписку между Энгельсом и Марксом, приведенную мной в докладе, то вы поймете, какова была роль торгового капитала в воссоздании крепостничества в Восточной Пруссии, а следовательно, в истинном свете представите себе и схему Покровского по вопросу о русском историческом процессе.

Тут, однако, мы вступаем из области интерпретаций в область живых свидетелей.

Я заканчиваю свое выступление небольшой выдержкой из речи Покровского, которую, к сожалению, мы до сих пор не опубликовали. Это его речь после моего весеннего доклада о торговом капитале. Так как Дубровский называется учеником Покровского, то я думаю, что для него будет не бесполезным еще раз прочитать то, что писал Михаил Николаевич.

«Легенда о том, что феодальный крестьянин был свободным, должна быть отброшена, и тогда никакой разницы в основном способе производства между производством средневекового феодального имения и производством крепостного имения начала XIX в. в России нет. Возьмем отработочную ренту. Она есть в XIII в. в Англии, она есть в России в начале XIX в... Возьмем для иллюстрации этого хотя бы рассказ Герцена из «Былое и думы» или «Новгородские грамоты». Конечно, это менялось, но тип производства был один и тот же, формация была одна и та же — феодальная формация».

Дальше Михаил Николаевич говорит:

«Нельзя никоим образом говорить о новой крепостнической формации. Для этого нет никаких оснований, потому что способ производства крепостного имения XIX в. был в основном тем же, что и способ производства XII в.»

Если Дубровский искренне считает себя учеником Покровского, — а мы понимаем это не в смысле педагогическом, а в смысле согласия и дальнейшего развития идей, — то эти замечания должны были бы окончательно убедить Дубровского в его ошибке. Нечего хвататься за отдельные фразы из многочисленных работ Покровского, а брать его схему в целом, взять его вышеприведенные замечания для руководства, а тогда... «не торбуйтесь, куме, сидайти на дно», как говорят в подобных случаях украинцы.

Я не буду останавливаться на целом ряде вопросов, поднятых Дубровским в порядке «самокритики», например о финансовом капитале или вопросе о двух путях капиталистического развития и т. п., — все эти вопросы, в которых и сам Дубровский наделал немало ошибок,

имеющих прямую связь с его теперешней позицией, очень важны. Но их анализ потребует новых изысканий, — оставим это для последующих дискуссий, а сейчас разрешите подвести некоторый итог.

Основная беда Дубровского в том, что методологический исходный пункт его работы — рожковщина. Подчеркиваю, что дело не в повторении той или иной конкретной ошибки Рожкова, — Дубровский много и плодотворно с ним боролся под руководством М. Н. Покровского; но подход его к проблемам, методология его имеет очень много от Рожкова, а именно: недиалектический подход, непонимание законов материалистической диалектики. Именно это отрезало ему путь для понимания марксистского учения о формации и стало источником глубоко ошибочного представления о переходе одной формации в другую. Не поняв всей диалектической сложности эпохи диктатуры пролетариата, он пытается избежать всех трудностей анализа путем превращения переходной эпохи в особую формацию. И этот недиалектический метод перенес и на переходную эпоху от феодализма к капитализму: не сумев разобраться в диалектическом развитии перехода, Дубровский просто объявил его, по аналогии с эпохой диктатуры пролетариата, особой формацией, крепостнической.

На конференции аграрников-марксистов, имея в виду, конечно, всех марксистов, Сталин говорил:

«Марксистская разработка (вопросов теории) дает возможность выкорчевывать с корнем все и всякие буржуазные теории, распространяемые иногда, к стыду нашему, нашими товарищами коммунистами и засоряющие головы нашим практикам. А выкорчевывать эти теории и отбросить их прочь давно бы следовало, ибо только в беспощадной борьбе с этими теориями может вырасти и окрепнуть теоретическая мысль марксистов».

СОДЕРЖАНИЕ